

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Московский государственный областной
университет»

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова»

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Материалы четырнадцатой
Международной научной конференции, посвященной
120-летию проф. Николая Николаевича Прокоповича**

(г. Владимир, 28–30 сентября)

Владимир
2021

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Ласло Ясаи

(Будапештский университет имени Лоранда Этвеша, Венгрия)

д-р филол. наук, проф. Валентина Васильевна Леденёва

(Московский государственный областной университет, Россия)

Языковые категории и единицы: синтагматический аспект.

Материалы XIV Международной научной конференции (Владимир, 28–30 сентября 2021 года), посвященной 120-летию проф. Н.Н. Прокоповича. Владимир: Транзит-ИКС, 2021. 394 с.

ISBN 978-5-8311-1384- 6

В докладах и сообщениях участников четырнадцатой Международной научной конференции обсуждаются вопросы функционирования и взаимодействия языковых категорий и единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого лингвистикой антропоцентрического взгляда на язык.

Материалы конференции дают представление о современном состоянии исследований в сфере рассматриваемого комплекса языковых проблем и предназначаются для научных работников, преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов и студентов.

Редакционная коллегия:

Е.А. Абрамова, К.М. Богрова (отв. секретарь), Е.В. Ковальчук, Е.А. Кузнецова, М.Вас. Пименова (отв. ред.), Е.Ю. Рыкин, Н.А. Сафронова, О.И. Соколова, Г.И. Столбунова.

ISBN 978-5-8311-1384- 6

От редакционной коллегии

В 1995 г. проф. А. Б. Копелиович инициировал проведение международной конференции «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект», которая стала традиционной и регулярно проводимой (раз в два года). Десять лет назад (в 2009 г.) конференция расширила свою тематику, получив нынешнее название («Языковые категории...»). За прошедшие годы проведено тринадцать конференций, каждая из которых сопровождалась сборником материалов.

Сборник–XIV включает в себя 67 статей лингвистов *Беларуси* (Витебск, Минск), *Китая* (Сюйхуа, Цзинань), *Молдовы* (Бельцы), *Польши* (Варшава), *России* (Владимир, Вологда, Воронеж, Иваново, Ижевск, Казань, Коломна, Липецк, Махачкала, Мичуринск, Москва, Нижний Новгород, Новозыбков, Рязань, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Смоленск, Уфа, Чебоксары), *Украины* (Киев; ДНР – Горловка; ЛНР – Луганск).

Открывается сборник очерком профессора *В.И. Фурашова*, посвященным жизненному и творческому пути его научного руководителя – **Николая Николаевича Прокоповича (1901–1972)**, доктора филологических наук, профессора, известного языковеда-русиста, под руководством которого Владимир Иванович готовил кандидатскую диссертацию в годы аспирантуры.

В статье *М.Вас. Пименовой* продолжают и развиваются идеи Н.Н. Прокоповича, связанные с функционированием в русском языке устойчивых сочетаний аналитической структуры.

В последующих материалах сборника 2021 г. рассматриваются вопросы изучения в синхронии и диахронии особенностей отражения национальной ментальности на всех языковых уровнях:

- **морфология и синтаксис**: коммуникативная вариативность фразеологизированных предложений; русская ментальность в эволюции индоевропейских языков (на материале категории безличности); грамматический статус слова *любимый* в древнерусском языке; синкретизм целевого значения: цель с оттенком назначения (на материале современного белорусского литературного языка); синтагматика и парадигматика как метод семантического анализа; синтаксические инновации в русском простом предложении (на материале медиатекстов последнего десяти-

летия XXI века); место пояснения в системе обособленных членов предложения; лингвофилософские и логические основы высказываний с семантикой мотивации в русском языке (А.В. Величко, Т.Е. Владимирова, О.Г. Качан, Л.Ф. Килина, Е.М. Лазуткина, С.А. Рылов, О.И. Соколова, Т.Н. Юркина);

- **морфемика и словообразование**: количественная сочетаемость связанных корней в русском языке; деривационные особенности номинаций английской этимологии в русском и белорусском языках (А.О. Маковский, И.А. Меркулова);

- **лексика и её лексикографическое описание**: древнерусский термин как синкрета; антропонимия памятников деловой письменности Григорьевской волости Перевицкого стана Рязанской губернии XVII-XVIII вв.; источники реконструкции зарайских говоров XIX в.; лексическая пара *немка – немочка* в функции выражения этнокультурного стереотипа (на материале текстов русской литературы и публицистики XIX века); история двух единиц польского происхождения в русской речи (*завзятый* и *заядлый*); символическое значение диалектных слов (*снегирь*); репрезентация агрессивных проявлений в отношении детей в русском диалектном дискурсе; явление энантиосемии в диалектных номинациях мифологических персонажей; специфика названий сёл во Владимирской области; топоним *Суходол* как средство объективации концепта «пространство» в языковой картине мира И.А. Бунина; цветовые лексемы в метафорах С. Есенина; классификация латинизмов в современном русском языке; расширение значения слова *вещь*; формы личных имен в речевой коммуникации; отнесение лексемы *рейтинг* к ключевым словам современности; отрицательная коннотация у экзотической лексики как результат функциональной ассимиляции в языке-реципиенте, принципы организации взаимосвязи между единицами лексикографического описания; составные слова со значением эллиптической плюральности в русском языке, парадигматические и синтагматические отношения языковых единиц, выражающих оценочное отношение говорящего (А.В. Алексеев, Т.А. Алиев, Т.А. Баранова, Н.С. Ивашинина, А.Ю. Козлова, И.А. Королёва, М.А. Кузина, Е.А. Кузнецова, М.Ю. Лаздина и Т.В. Григорьева, Л.В. Маркина, А.Ю. Миргородская и М.В. Серебряк, М.В. Панкратова, А.В. Петров и Л.А. Петрова, О.Б. Саркисян, Л.Г. Смирнова,

Т.В. Старостина и А.Ю. Козлова, А.А. Чекина и Т.С. Садова, В.М. Шетэля, И.В. Якушевич);

- **фразеология / устойчивые словосочетания**: книжная эмблема как источник изучения исторической фразеологии; выражение мелиоративных и пейоративных оценок в древнерусском тексте с помощью сочетаний с творительным падежом ограничения; ключевые слова русской афористики XVIII века; устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом *делать* в современных и старорусских деловых текстах; слова *яблоко, яблоня* и их производные в русской фразеологии; пресуппозитивная семантика английских фразеологизмов (*Ф.И. Карташкова, А.В. Королькова, Е.С. Панкратьева, О.С. Русанова, Е.Ю. Рыкин, Н.В. Черникова и Е.С. Иванова*);

- **текст**: синтез книжности и разговорности публицистического стиля Ивана Грозного как отражение русской ментальности государственного управления; *дом* в повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон»; мыслительная деятельность персонажа как компонент характеристики его языковой личности (на материале рассказа И.А. Бунина «На хуторе»); оценочный диапазон наименований природных явлений в мемуарной прозе И.А. Бунина; анимализмы в лирике С. Есенина; лингвориторический потенциал местоименного слова в миниатюрах В.В. Розанова; конклюдентность экономизма как сторона полемического дискурса В. И. Ленина; концептуальная метафора «жизнь-дорога» в письмах игумена Никона Воробьева; особенности семантической композиции рассказов С. Никитина; символическое и реальное в названии повести С. Довлатова «Заповедник»; точка зрения и способы ее оформления в тексте; паронимическая аттракция как способ создания поэтического текста; роль фонетических и грамматических средств в создании образности поэтического текста; оценочное употребление лексем *янтарь, янтарный* в русской поэзии начала XX века; текст русского романа как отражение русской ментальности; специфика репрезентации концепта «страх» в русской языковой картине мира; вербальный компонент поликодового кинотекста сериала Ю. Грымова «Казус Кукоцкого»; прецедентные имена со сферой-источником «античная литература и мифология» в подростковом детективе на английском языке; обиходно-разговорная и книжно-литературная речь в современном мультипликационном дискурсе; когнитивно-

перцептивные оппозиции и их языковая репрезентация как маркеры английской ментальной реальности на примере рассказа Т.Гарди «Трагедия двух честолюбий»; лингвостилистические особенности несобственно-прямой речи (на материале романа Джейн Остен «Разум и чувство») и синтаксического перечисления (на материале рассказов Ф.С. Фицджеральда); «антиэмфаза» как выражение неопределенности в построении драматического текста (Е.А. Абрамова, О.Л. Арискина, Е.Ю. Геймбух, И.А. Герасименко, А.В. Гик, Н.М. Девятова, М.А. Дубова, И.А. Иванчук, С.М. Колесникова и Ли Дунсюэ, Е.А. Красина и Е.С. Рыбинок, О.В. Ланская, Л.Н. Лунькова и Ю.И. Фролова, Е.Ю. Муратова, П.Д. Пастернак, С.А. Приходько, Т.В. Романова и В.В. Чистякова, Е.В. Сирота и Л.В. Парахонько, Р.В. Скляренок и Д.М. Гаврилова, Р.В. Скляренок и А.С. Соколова, Л.А. Усманова, Е.А. Федорченко, И.Н. Юдкин-Рипун, Ю.А. Южакова и М.В. Сомова).

Отдельные статьи посвящены **фонетическому** уровню языка – дистрибутивным особенностям звуков в табасаранской фонетической синтагме (М.Д. Ваджибов), **коллоквиалистике** – ошибке и оговорке в спонтанных монологах на родном и неродном языках (Н.В. Богданова-Бегларян); функционированию хезитативного маркера *это самое* в русских художественных произведениях и способам его перевода на китайский язык (Сунь Сяоли); **лингводидактике** – представляющим трудности для иностранных учащихся языковым явлениям, отражающим «соборность» как доминанту русской языковой ментальности (И.В. Одинцова).

Редакционная коллегия сборника материалов XIV Международной научной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» выражает искреннюю благодарность всем авторам и надеется на дальнейшее сотрудничество.

Отв. редактор

М. Вас. Пименова

ФУРАШОВ Владимир Иванович (Владимир, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
vladlingvist@yandex.ru

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ПРОКОПОВИЧ (1901–1972)

Исполнилось сто двадцать лет со дня рождения Николая Николаевича Прокоповича, доктора филологических наук, профессора, известного отечественного языковеда-русиста, видного деятеля высшей школы, внесшего значительный вклад в разработку ряда сложных проблем науки о русском языке и оказавшего заметное влияние на развитие высшего и среднего образования в нашей стране.

Н.Н. Прокопович родился 5 января 1901 г. (по новому стилю) в г. Ростове-на-Дону в семье служащего. Рано лишившись родителей, еще гимназистом он вынужден был зарабатывать себе на жизнь частными уроками. Его юность совпала с суровыми и трагическими событиями: в январе 1920 г. вчерашний гимназист Прокопович становится бойцом Красной Армии, а затем командиром взвода 15-й стрелковой Сивашской дивизии, участвующей в знаменитом штурме Перекопа, в Кубанском походе, в боях за Новороссийск и в других военных операциях.

Без малого полвека (с октября 1924 г., когда он демобилизовался из армии, и до дня кончины – 5 апреля 1972 г.) Н.Н. Прокопович отдал делу служения науке и делу народного просвещения. Он преподавал на курсах ликбеза, в ФЗУ, в различных школах, в вечернем рабочем университете, сотрудничал в методическом кабинете Николаевского окружного отдела народного образования. Одновре-

менно он постоянно и напряженно работал над собой, учился в Николаевском пединституте, который закончил в 1930 г.

С 1934 г. начинается вузовский период его научно-педагогической деятельности: он преподает русский язык в Николаевском пединституте, во 2-м Московском институте иностранных языков, ведет практические занятия по украинскому языку с аспирантами МИФЛИ, работает доцентом и деканом факультета русского языка и литературы в Тюменском пединституте (во время эвакуации из Москвы), затем – в АПН РСФСР, а с 1944 г. и до конца своей жизни – в МГПИ им. В.И. Ленина (ныне МПГУ), где в последние годы возглавляет кафедру современного русского языка. Ему довелось вести все лингвистические курсы по русистике, за исключением русской диалектологии.

В 1938 г. Н.Н. Прокопович становится аспирантом Научно-исследовательского института школ при Наркомпросе РСФСР. Многие выдающиеся языковеды, яркие, неповторимые личности участвовали в формировании мировоззрения будущего профессора, но в его научном творчестве больше всего, пожалуй, сказалось влияние лингвистических идей акад. Л.В. Щербы, проф. М.Н. Петерсона и акад. В.В. Виноградова.

Хотя общение с Л.В. Щербой было кратковременным и эпизодическим, встречи с великим языковедом, консультации и беседы с ним Николай Николаевич всегда вспоминал с большой теплотой и глубокой признательностью.

Подобно Л.В. Щербе, Н.Н. Прокопович исходил из того, что, занимаясь языком, лингвист имеет дело с обобщением частных случаев речи, представляющих собой ту непосредственную данность, из которой выводится языковая система, ибо выделение

структурных схем таких, например, синтаксических единиц, как словосочетание и предложение, есть не что иное, как «результат развития абстракции, а путь к ней ведет через речевые манифестации» [3: 116].

От Л.В. Щербы идёт у Н.Н. Прокоповича и решение проблемы соотношения синхронии и диахронии. Синхрония для него не была чем-то статичным, застывшим и неподвижным: синхрония сама динамична и диахронна. Л.В. Щерба читал в рукописи первую крупную научно-методическую работу Н.Н. Прокоповича «Методика изучения обособленных определений». Молодой учёный обосновывал новый для того времени подход к постижению сущности обособленных членов предложения – от семантики к системе средств её выражения, что гармонировало с идеями Л.В. Щербы, который именно в последние годы жизни обдумывал новую концепцию построения описательной грамматики, получившей название активной. Лев Владимирович сочувственно отозвался о работе молодого языковеда и, как рассказывал Николай Николаевич, «то-о-оненьким голоском заметил: “Докажите”».

Проф. М.Н. Петерсон, признанный авторитет в области сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, оказавший большое влияние на развитие грамматической мысли в России и за её пределами (достаточно упомянуть о его влиянии на лингвистические взгляды Л. Ельмслева и Р. Якобсона), был научным руководителем Н.Н. Прокоповича. Под его руководством он подготовил в 1941 г. кандидатскую диссертацию «Конструкции со страдательным причастием в современном русском языке», защищённую в МГУ в 1943 г. От М.Н. Петерсона Н.Н. Прокопович перенял строгость и точность исследовательского метода, интерес к означаемой сто-

роне языковых явлений, а также к количественным оценкам наблюдаемых фактов.

Лингвистические построения акад. В.В. Виноградова привлекали Николая Николаевича своей широтой и оригинальностью, особенно в истолковании сущности предложения и словосочетания. Н.Н. Прокопович не раз подчеркивал важность определения В.В. Виноградовым «предложения, его признаков, отделяющих его от словосочетания, как единицы другого плана, в частности и особенно понимание предикативности как существеннейшего признака предложения, рассматриваемой как совокупность синтаксических категорий модальности, времени и лица» [4: 100]. Принципиальное отличие выдвинутой В.В. Виноградовым теории словосочетания от других концепций Н.Н. Прокопович видел в том, что словосочетание сопоставляется как с предложением, так и со словом, но при этом не отождествляется и не смешивается с ними; между словосочетанием и предложением наблюдается постоянное и тесное взаимодействие.

Н.Н. Прокопович подходил к языку как к сложной, многоуровневой, иерархически организованной системе, учитывая взаимодействие различных языковых уровней и устанавливая место словосочетания в ряду других языковых единиц. Это отразилось в его докторской диссертации «Адъективные словосочетания в современном русском языке» (1955), монографиях «Сочетания наречий с именами прилагательными в современном русском языке» (1962), «Словосочетание в современном русском литературном языке» (1966), а также посмертно изданном сборнике его трудов «Вопросы синтаксиса русского языка» (1974).

В синтаксисе Н.Н. Прокопович выделял три раздела: «1) учение о структуре предложения как единице, выполняющей коммуникативную функцию и являющейся носителем предикативности (предикативная единица); 2) учение о структуре сочетаний (соединений) слов (или синтагм) как единицах, которые сами по себе не выполняют коммуникативной функции и являются носителями синтагматических отношений (синтагматические единицы); 3) учение о структуре сложных синтаксических единств как языковых единицах, выполняющих коммуникативную функцию и состоящих из предикативных частей, связанных между собой синтагматическими отношениями (синтагматика предикативных единиц)» [2: 42-43].

Выходит, что простое предложение вовлекается в систему синтагматических отношений (в понимании Ф. де Соссюра) не всеми своими типами, а синтагматика в синтаксисе не является «сквозной» категорией, пронизывающей весь синтаксический строй языка (ср. однословные предложения). Если даже, вслед за С.О. Карцевским, различать внешние синтагмы (сочетания слов) и внутренние (сочетания морфем), все равно в остатке получаются однословные (нераспространенные) предложения, главный член которых выражен словом, не членившимся на морфемы, как первое предложение в ряду *Депю. Раннее утро. Начало трудового дня*, а также нечленимые предложения типа *Да! Нет! Разве? Конечно!* и т. п.

Стремление вывести любое предложение из синтагмы (а это не раз предпринимали лингвисты у нас и за рубежом) наталкивается на сопротивление языкового материала. Но главное даже не в синтагматике, а в том, что предложение – «это единица, качественно отличная от любого другого соединения слов» [2: 42].

В каждом из трех выделенных разделов синтаксиса Н.Н. Прокопович сказал своё слово, но больше всего он занимался учением о сочетаниях слов (соединениях слов, синтагмах), которые он понимал как непредикативные сочетания слов, не выполняющие коммуникативной функции, не образующие предложения. «Коммуникативную функцию они выполняют либо в составе предложения, либо сами превращаясь в предложение, предизируясь» [3: 15].

Сочетания слов в таком широком понимании весьма разнообразны и делятся на сочинительные (незамкнутые, открытые ряды слов) и подчинительные (замкнутые, закрытые ряды слов). Они по-разному функционируют в языке: сочинительные меньше приспособлены для номинации, то есть для обозначения единого (пусть сложного и расчлененного) понятия; в них нет стержневого слова и признака обязательной бинарности структуры, хотя и они в ряде случаев могут быть закрытыми, а следовательно, выполнять номинативную функцию: *отец и мать* (ср. *родители*), *день и ночь* (ср. *сутки*) и т. п.

Подчинительные сочетания передают нечто единое в смысловом отношении и отличаются от сочинительных закрытостью структуры, наличием главного (стержневого) и зависимого слов, а также бинарностью модели, если даже они состоят не из двух, а из трех и более знаменательных слов: *большой дом (с белыми колоннами)*, *бежать (мелкой рысью)*, *коричневый (от южного загара)* и т. д.

В иерархии языковых единиц подчинительные сочетания занимают промежуточное положение между знаменательным словом и предложением, то есть номинативной и предикативной единицей. Одни модели подчинительных сочетаний оказываются ближе к слову, другие – к предложению, поскольку содержат в себе эле-

мент предикативности. На выстроенной Н.Н. Прокоповичем шкале все модели подчинительных сочетаний располагаются между двумя полюсами – номинативным и предикативным.

Номинативные подчинительные сочетания («собственно словосочетания») сближаются со словом: они лишены предикативности, классифицируются по частеречной принадлежности их стержневого слова (глагольные, субстантивные, адъективные, наречные), не имеют интонации сообщения, употребляются в номинативной функции, пополняют словарный состав языка (ср. *дежурная комната – дежурка, зачетная книжка – зачетка*), выступают в одном ряду со словами определенных семантических групп, например, при обозначении лиц мужского пола по возрасту: *мальчик, юноша, молодой мужчина, мужчина средних лет, пожилой мужчина, старик*.

По степени ослабления связанности компонентов подчинительные сочетания слов располагаются между номинативным и предикативным полюсами. Трудно точно установить «номинативную точку отсчета» и показать строгую градацию убывания номинативности и возрастания предикативности моделей подчинительных сочетаний, но можно все-таки попытаться выстроить примерно такой ряд: 1) своего рода «синтаксические слова» в сочетаниях глаголов с зависимыми от них отглагольными существительными в винительном падеже без предлога: *дать оценку (оценить), иметь беседу (беседовать), принять решение (решить)*, где глагольные компоненты в известной мере десемантизируются, а субстантивные выступают как носители лексической семантики (ср. аналитические образования); 2) при конструктивно обусловленном значении главного слова, когда реализация именно данных, а не иных значений определяется зависимым компонентом: *тяжелый на подъем, пол-*

ный энергии, далекий от жизни и др.; 3) адъективные сочетания с некоторыми разрядами наречий в роли зависимого слова: *беспечно спокойный, намеренно болтливый, экономически выгодный*; 4) адъективные сочетания как целостные образования цвета, масти животных: *синий в клеточку, голубой с искрой, гнедой с извилистой проточиной*; 5) своего рода «эквиваленты сложных слов»: *широкий в плечах (широкоплечий), узкий в груди (узкогрудый), тугой на ухо (тугоухий)* и мн. др.

Менее тесно связаны компоненты в других подчинительных сочетаниях, но способность обозначать единые, хотя и расчлененные названия действий, предметов, качеств обнаруживается в самых разнообразных моделях сочетаний разных типов: глагольных (*верить в победу, нарушить правило*), субстантивных (*известный актер, дом с мезонином, потребность высказаться*), адъективных (*сильный духом, горький на вкус*).

Н.Н. Прокопович установил и нижний, предикативный предел шкалы: это те случаи, когда отдельное слово распространено зависимыми предикативными единицами: *Пришли дегтярники, довольные, что кончили работу* (Горький); *Пришли и деньги, баснословные по тому времени, если мерить количеством нулей* (Леонов).

От изучения сочетаемости слов Н.Н. Прокопович вплотную подошёл к проблематике сложного предложения и своими работами внёс существенные коррективы в классификацию сложноподчинённого предложения. В то время (50-60 гг. XX в.) сложилось представление о двух структурно-семантических типах сложноподчинённых предложений: одночленных (нерасчленённых) и двучленных (расчленённых). Для первых характерна отнесённость придаточной части к отдельному слову в главной, для вторых – ко всей главной ча-

сти в целом. Придаточные причины, условия, уступки, времени считались несомненной принадлежностью расчлененных сложноподчиненных предложений, поскольку они относятся ко всей главной части в целом. Н.Н. Прокопович показал, что к отдельному слову (в частности, имени прилагательному) могут относиться различные по функции придаточные, в том числе и обстоятельственные.

Промежуточный характер подчинительного сочетания слов (между номинативными и предикативными единицами) предполагает их двоякое бытование – вне предложения и в составе предложения, а следовательно, и двоякое рассмотрение. Имеется в виду тот факт, что подчинительные сочетания слов связаны с явлениями номинации (хотя разные их типы далеко не одинаковы в указанном отношении), а также то обстоятельство, что они связаны и с явлениями предикации. Эта важная идея двоякого бытования и рассмотрения подчинительных сочетаний была обоснована Н.Н. Прокоповичем в ряде работ. В одной из последних статей («О двуплановом анализе предложения») он вновь возвращается к этой мысли. Анализируя новейшие работы в области синтаксиса и отмечая стремление лингвистов составить конечные списки типов (схем, формул) предложения, Н.Н. Прокопович говорит, что почти каждая из таких схем сопровождается перечнями их регулярных реализаций, по существу, представляет собой рассмотрение данной схемы в динамическом аспекте (ср., например: *въезжает тройка* и *вот въезжает тройка*; *он заснул* и *он словно заснул* и мн. др.). Границы между статическими (структурными типами) и динамическими аспектами подвижны. Если объектом статического аспекта считать структуры, не связанные с конситуацией речи, то объектом динамического аспекта приходится считать не только предложение, но и словосоче-

тание, так как, реализуясь в строе предложения, «оно выступает как единица динамическая, связывается с конситуацией речи, получает свойства, обусловленные коммуникативным заданием предложения» [3: 116].

Соотношение свойств номинативности и предикативности, статичности и динамичности проявляется еще и в том, что подчинительные сочетания слов могут быть категориальными и окказиональными. «Возникая в строе предложения, в определенной синтаксической функции и у определенных форм стержневого слова, одни модели сочетаний постепенно освобождаются от функциональной обусловленности и распространяются на все формы, присущие стержневому слову. Это сочетания категориальные. Именно для таких категориальных моделей характерна лексико-семантическая стабилизация в языке, <...> возникновение номинативной функции. Другие модели, также возникая в строе предложения, могут сохранять свою обусловленность определенной синтаксической функцией стержневого слова в предложении, а в ряде случаев – определенным типом и самого предложения. Это модели окказиональные. Для них возможность использования в номинативной функции не является характерной, хотя полностью и не исключается» [2: 74]. Модели категориальных сочетаний в современном русском языке являются господствующими. Между моделями обеих групп наблюдается постоянное и живое взаимодействие, а границы между ними подвижны.

В строе предложения сочетания слов могут приобретать оттенки модальности, что приводит к расслаблению связи между компонентами и даже к распаду подчинительных сочетаний. Ср.: *Белинский был действительно страстный и действительно ис-*

кренний человек... (Тургенев); *Больная, действительно, находилась в отчаянии* (Он же).

В плане взаимодействия словосочетания и предложения показательны процессы синтаксического переразложения, когда в предложении зависимые компоненты сочетания, получая свойства предикативности, претерпевают существенные изменения в своих связях и отношениях. Так, причастия или прилагательные могут относиться в предложении не только к своему определяемому существительному, но также (по смыслу) и к глаголу-сказуемому. Ср.: *Сконфуженный секретарь удалился.* – *Сконфуженный, секретарь удалился.*

При обособлении (второй пример) развиваются полупредикативные отношения, двучленное субстантивное сочетание распадается. Многочленное сочетание в таких случаях подвергается синтаксическому переразложению: если оно было трехсловным, то после переразложения становится двусловным, а четырехсловное – трехсловным и т. п. Ср.: *Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать.* – *Испуганная его отчаянием, матушка не смела при нем плакать.*

Нельзя не заметить, что словосочетание понимается Н.Н. Прокоповичем широко. Казалось бы, можно было сделать и еще один шаг и признать, что соединения слов типа «им. пад. существительного + спрягаемая форма глагола» как раз и располагаются на предикативном полюсе шкалы, построенной Н.Н. Прокоповичем. Ведь ему, конечно, хорошо были известны факты и номинативного использования таких соединений словоформ: *«Грачи прилетели»* (название картины А. Саврасова); *Мы смотрели фильм «Летят журавли»* и под. Но Н.Н. Прокопович не мог сделать такого шага: он

полагал, что словосочетание и предложение надо определять по их первичным функциям: для словосочетания эта функция – номинативная, а для предложения – предикативная. Элементы предикативности, присущие словосочетанию в строе предложения, связаны с его окказиональным статусом, тогда как номинативная функция характеризует словосочетание с его категориальной, сущностной стороны. Для предложения же номинативная функция является окказиональной, вторичной и периферийной на фоне его категориальной, первичной и сущностной функции – предикативной.

Ни старые, ни новые сомнения пока не могут поколебать той концепции словосочетания, которую разрабатывал и обосновывал Н.Н. Прокопович. Когда распространилось представление о том, что предложение – это номинация некоего «положения дел», «события», то и оно не нанесло ущерба рассматриваемой концепции словосочетания. Напротив, стало еще более очевидно, что речь идет о номинации иного порядка и что предложение по-прежнему остается единицей синтаксиса, качественно отличной как от сочинительного, так и от подчинительного сочетания слов.

Проблема сочетаемости слов изучалась Н.Н. Прокоповичем больше всего в синхронном плане, но в его работах обычны обращения к истории того или иного явления. В собственно диахронном плане выполнено им исследование «Изменения в адъективных словосочетаниях» [1: 221-262]. Характерной его особенностью является стремление рассматривать изменение системы адъективных словосочетаний в связи с развитием синтаксической системы русского литературного языка в целом. Глубокому анализу подвергнуты тенденции и закономерности, связанные с эволюцией словосочетаний с именем прилагательным в роли стержневого слова, внесены суще-

ственные коррективы в бытовавшие до этого представления об исторических судьбах адъективных словосочетаний. Н.Н. Прокопович показал, что полные качественные прилагательные способны иметь в роли зависимых управляемые имена существительные и примыкающие наречия, что такие сочетания уже к концу XVIII в. становятся широко употребительными в нашем языке, а их структурные типы – весьма разнообразными.

Много и плодотворно потрудился Н.Н. Прокопович над разработкой вопросов методики преподавания русского языка в школе. Помимо уже упомянутой ранее монографии «Методика изучения обособленных определений», он является автором хорошо известных книг: «Методика изучения грамматики и лексики в V классе» (1948) и «Изучение морфологии в средней школе» (1950), удостоенной премии АПН РСФСР и выдержавшей три издания. В этой последней книге дано основательное изложение нормативного курса морфологии современного русского языка с широким историческим комментарием и методическими рекомендациями для учителя. Легко можно себе представить, каким откровением была эта книга для многих учителей русского языка, особенно для тех, кто не имел высшего филологического образования (а таких в сельских школах было тогда большинство).

В последние месяцы жизни Н.Н. Прокопович обдумывал план и разделы учебного пособия для студентов-иностранцев «Именное и глагольное управление в современном русском языке», которое было завершено Л.А. Дерibas и Е.Н. Прокопович и вышло в издательстве «Русский язык» в 1975 г.

Н.Н. Прокопович оставил нам согретые тёплым чувством и отмеченные его лингвистическим талантом статьи о классиках отече-

ственного языкознания – А.А. Потебне, М.Н. Петерсоне и В.В. Виноградове.

Всю свою сознательную жизнь он не только углублённо изучал русский язык, но и увлечённо, с большим методическим мастерством преподавал этот предмет. Тысячи учителей обязаны ему своей лингвистической подготовкой, сотни преподавателей вузов испытали на себе благотворное влияние его идей, более тридцати кандидатов наук подготовил он как руководитель аспирантов. Человек высокого интеллекта, добрый, внимательный, скромный, легко ранимый, он был прост и доступен в общении, одинаково уважительно беседовал с министром и студентом, высоко ценил добросовестные научные мнения оппонентов, требовал от аспирантов не быть рабами собранного материала, учил их самостоятельности мысли: «Не люблю, когда меня повторяют: ведь мне самому интересно знать, как все это обстоит на самом деле». Любителям подменить исследование модной терминологией выговаривал: «Тех же щей да пожиже влей».

Человек беспартийный, он был постоянно перегружен общественной работой. Только перечисление учёных советов и комиссий, председателем или членом которых он состоял, заняло бы много места. Докторские и кандидатские диссертации, которые нужно было рецензировать или оппонировать, штабелями возвышались около его письменного стола. Он был так занят, что не мог позволить себе роскошь пойти в магазин, чтобы купить новые ботинки взамен износившихся, но быстро отвечал на просьбы и письма своих учеников.

Труды Н.Н. Прокоповича были по достоинству оценены уже его современниками.

В истории русского языкознания он остался как выдающийся синтаксист, много сделавший в области разработки общей теории сочетаемости слов, а также как специалист по морфологии современного русского языка, исторической грамматике, истории отечественного языкознания и методике преподавания русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокопович Н.Н. Изменения в адъективных словосочетаниях // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в системе словосочетаний. М., 1964. С. 221-262.
2. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
3. Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974.
4. Прокопович Н.Н. Академик Виктор Владимирович Виноградов // РЯШ. 1970. №1.

Примечание

* Очерк публикуется по изданию: Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 88-93.

ПИМЕНОВА Марина Васильевна (*Владимир, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
pimenova-vgpu@yandex.ru

ОБ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В РАБОТАХ Н.Н. ПРОКОПОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена устойчивым сочетаниям аналитической структуры лексико-семантического уровня в древнерусском языке, представленным в работах Н.Н. Прокоповича как единицы современного синтаксиса.

Ключевые слова: устойчивые сочетания аналитической структуры, диахрония, лексико-семантический уровень языка, синкретизм.

Abstract. The article is devoted to the stable combinations of the analytical structure of the lexico-semantic level in the Old Russian language, presented in the works of N.N. Prokopovich as a unit of modern syntax.

Keywords: stable combinations of analytical structure, diachrony, lexical-semantic level of the language, syncretism.

В этом году исполнилось сто двадцать лет «...со дня рождения Николая Николаевича Прокоповича, доктора филологических наук,

профессора, известного отечественного лингвиста-русиста, видного деятеля высшей школы, внесшего значительный вклад в разработку ряда сложных проблем науки о русском языке и оказавшего заметное влияние на развитие высшего и среднего образования в нашей стране» [18: 69]. Как отмечает проф. В.И. Фурашов, «...больше всего он занимался учением о сочетаниях слов (соединениях слов, синтагмах), которые он понимал как непредикативные сочетания слов, не выполняющие коммуникативной функции, не образующие предложения» [18: 73]. В своих работах Н.Н. Прокопович словосочетания подразделяет на «...две далеко не равные в количественном отношении группы: а) с одной стороны, сочетания (соединения) слов сочинительные («сочинительные синтагмы» или незамкнутые, открытые ряды слов; б) с другой стороны, сочетания (соединения) слов подчинительные (иначе подчинительные синтагмы)» [14: 15].

Среди подчинительных синтагм Н.Н. Прокопович рассматривает в том числе устойчивые сочетания аналитической структуры – «фразеологизированные сочетания глаголов с зависимыми от них отглагольными существительными в винительном падеже без предлога, при которых есть соотносительные с зависимым существительным глаголы такого типа, как: *дать оценку (оценить), дать согласие (согласиться), иметь беседу (беседовать), иметь влияние (влиять), оказывать поддержку (поддерживать), одержать победу (победить), предать огласке (огласить), проявить заботу (заботиться), проходить службу (служить), возлагать надежду (надеяться), принять решение (решить), вести наблюдение (наблюдать)* и т. д.» [14: 53]. Н.Н. Прокопович подчеркивает, что «...такие словосочетания располагаются, по существу, в сфере, пограничной между синтаксисом и фразеологией. С другой стороны,

утрачивая эту свободу, становясь фразеологизмами, они занимают место на периферии фразеологии» [14: 54].

Обращаясь к истории изучения устойчивых сочетаний аналитической структуры в русском языке, следует отметить, что данные единицы рассматриваются под различными терминами (описательные формы глагола [2: 509–511], глагольные фразеологические единицы [7; 10], устойчивые словосочетания с глаголами [15], сочетания «глагол + абстрактное существительное» [6], устойчивые глагольно-именные словосочетания [3], описательные глагольно-именные обороты [8; 9], коллокации [1]), причем в большинстве случаев развитие их глагольных и именных компонентов прослеживается отдельно [8: 30-120].

Необходимо подчеркнуть, что как «цельные» словосочетания в диахронии – это один из видов минимальных единиц древнерусского текста (*синкретем*), отражающих явление структурно-синтагматической синкретсемии (подробнее см.: [13]), при котором одно синкретичное (нерасчлененное) значение (одна семема) выражается узואльно закрепленными в языке формами двух и более лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами).

С лексико-семантической точки зрения синкретемы отличаются от современных фразеологизмов тем, что реализуют отражающее древнюю концептуальную форму ментальности (*ментализацию*) синкретичное значение [4: 240], основанное на метонимии (а не на метафоре, как большинство современных фразеологических единиц). Особенности метонимии как переноса по смежности определяют следующие признаки всех видов синкретем: 1) *системность* в связи с регулярностью метонимии (ср.: нерегулярность, вторичность и относительная «единичность» метафорических фра-

зеологических единиц); 2) *синтагматический* характер структурно-семантических типов синкретем в связи с построением метонимией *синтагмы* (ср.: метафорическая *парадигма* фразеологических единиц); 3) разработка *объема понятия*, в связи с чем наблюдается преимущественная связь значения с *денотатом* (ср.: метафорическая разработка содержания понятия у фразеологических единиц) [13: 50–58].

Обсуждаемые устойчивые сочетания аналитической структуры образованы по нескольким структурным моделям, среди которых наиболее частотной является модель «глагол + существительное в винительном падеже», выражающая следующее значение: ‘действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное)’. Например: *взяти рать, вознести глась, дати мудрость, избыть болезнь, источити слезы, отворити ворота, сътворити грѣхъ, творити врѣдъ, творити труды, цѣловати кръсть* и др.

Семантика устойчивых сочетаний аналитической структуры отличается также тем, что значение данных единиц связано с особым денотатом, который условно можно определить как «раздваивающийся», например: ‘молиться’ – *молитву творити*, ‘мириться’ – *взяти миръ*, ‘победить’ – *сотворити победу*, ‘смуцать’ – *труды дѣять*, ‘судиться’ – *искать судомъ* и т. д. Например: «А самъ вѣлѣзь въ шатьръ свои начать **мѣтву творити** вечернюю». СкБГ XII. 11а; «сробиша новгородци городъ новъ. А с Литвою **миръ взяша**». ЛН XII-XIV, 138 об. (1262); «и на срачины **побѣдоу створи**». Пр 1383, 106б [16 IV: 543, V: 14, VI: 453]; *Разумѣвъ же Иисус, рече имъ: «Почто труды дѣете женѣ?»* [12: 153]; «А будет кто в челобитье в своем прибавит что его на перевозе, или на

*мыту лаяли, и били, и грабили: и того **искати судом***» Улож. 1649 г., 69 [17: 124] (см. также [5]).

Исследователи подчеркивают, что бытование подобных (глагольных) сочетаний было обусловлено экстралингвистическими факторами, существованием ритуальных действий, например, целования креста, ритуального ломания копья после успешного похода, выкладывания «ряда» из пластов земли или дерна как оберега и под. [11: 79–80].

Системность устойчивых сочетаний аналитической структуры поддерживается на парадигматическом уровне, во-первых, наличием у глагольного компонента всех форм грамматического изменения по лицам, числам, наклонениям, временам, во-вторых, присутствием в древнерусских текстах вариативных рядов типа *взяти / створити победу, утвердити / взяти / створити миръ, творити / приносити молитвы, бити / ударяти челом* и под.

В заключение необходимо отметить, что если в синхронии устойчивые сочетания аналитической структуры изучены основательно и достаточно подробно, в том числе благодаря работам Н.Н. Прокоповича, то в диахронии данные особые лексические единицы древнерусского текста требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.Г. Слово в тексте: словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) русского языка с англо-русским словарем ключевых слов. М.: Филология, 1995. 149 с.
2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
3. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1975. 265 с.
4. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
5. Константинов Е.С. Устойчивые глагольные обороты в древнерусском тексте // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых [Электронный ресурс]. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 2222–2227.

6. Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 120 с.
7. Костючук Л.Я. Устойчивые словесные комплексы в древнерусском деловом языке (по грамотам XI-XIV вв.): Структурно-грамматическая характеристика: Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Л., 1964. 22 с.
8. Лагузова Е.Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 243 с.
9. Лекант П.А. Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого // Очерки по грамматике русского языка. М., 2002. С. 234-244.
10. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Самарканд, 1969. 33 с.
11. Лопутько О.П. История русского литературного языка: древнейший период. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. 189 с.
12. Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. М.; Л.: Издат. отдел Московского Патриархата, «Аврора», 1988. 294 л.
13. Пименова М.Вас. Проблемы создания словаря устойчивых единиц в диахронии: язык и ментальность // Русский язык в поликультурном мире. Т. 1. Симферополь: ООО «Изд-во Типография «АРИАЛ»», 2018. С. 248-254.
14. Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Высшая школа, 1974. 350 с.
15. Самойлова Н.Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII – нач. XVIII вв. (к вопросу о формировании устойчивых словосочетаний): Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М., 1969. 17 с.
16. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. / РАН. Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз.; Азбуковник, 1988-2016. Т. I-XI.
17. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв. СПб.: Наука, 2020. Вып. 9.
18. Фурашов В.И. Николай Николаевич Прокопович (1901-1972): К 100-летию со дня рождения // Из истории отечественного языкознания: классики и современники. Владимир: Транзит-ИКС, 2020. С. 69-81.

АБРАМОВА Елена Алексеевна (Владимир, Россия)

старший преподаватель
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ingaabramova2011@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ РАССКАЗОВ С. НИКИТИНА

Аннотация. В статье анализируется семантическая композиция рассказов владимирского писателя С. Никитина как проявление его идиостиля, характеризуются разноуровневые языковые средства организации такой композиции, даётся их стилистический и функциональный комментарий.

Ключевые слова: разговорная речь, семантическая композиция, повтор, лексические и грамматические оппозиции, предметно-образная конкретизация.

Abstract. The article analyzes the semantic composition of the stories of the Vladimir writer S. Nikitin as a manifestation of his idiosyle, characterizes the multi-level linguistic means of organizing such a composition, gives their stylistic and functional commentary.

Keywords: colloquial speech, semantic composition, repetition, lexical and grammatical oppositions, subject-figurative concretization.

Замечательный владимирский писатель Сергей Никитин текст своей лирической повести «Живая вода» предваряет словами М. Пришвина: «Родина. Что скажет о ней дитя её, что откроет, – не откроет чужой, прохожий человек. И то, что увидит чужой, не знает рождённый на ней» [5: 240]. Глаголы *увидеть* и *открыть* связаны с особенностями отражения окружающей автора действительности. Художественный мир С. Никитина предметен, наполнен обычными, конкретными вещами. Конкретность как стилеобразующий фактор свойственна разговорной речи. Неслучайно писатели обращаются к разговорному языку как к «главнейшему источнику словесного творчества» [3: 308], в нём «отражается особое видение, народное, национальное восприятие явлений действительности и их оценка» [3: 308]. Ситуативность, один из основных экстралингвистических факторов организации разговорной речи, в художественном тексте

проявляется как ряд последовательных эпизодов, связанных сюжетом или бессюжетных, с возможным укрупнением ракурса изображения, с детальной прорисовкой конкретной сцены, «искусное введение» в текст конкретных существительных «создаёт зримые картины» [2: 218]. Слова, обозначающие бытовые реалии, заключают в себе «большую образную энергию и представляют неограниченные изобразительные возможности для описания жизни героев, обстановки, картин природы, быта» [2: 218]. Функции предметно-образной конкретизации обладают и прилагательные, используемые для сужения объёма понятия, выражаемого существительным [2: 240], и наречия, сближающиеся с прилагательными в функции стилистической характеристики явлений действительности.

Слова с конкретной семантикой отражают обычную, «повседневную» жизнь, характеризуют бытовые особенности носителей языка (например, так называемая обиходно-разговорная лексика и ее разновидности – нейтрально-разговорная и дружески-фамильярная [10: 79]), обиходно-бытовая и разговорно-просторечная [1: 43], «общий разговорный язык» [3: 307] и т. д. Слова бытового общения используются для непринужденного разговора, беседы друзей, соседей, родственников, знакомых... Сама тональность такой речи (включающей или не включающей элементы субъективной оценочности) стилистически маркирована, актуализируется «способность» такой речи употребляться «в ситуациях, коммуникативных актах, характеризующихся уравновешенностью взаимоотношений собеседников, спокойным и / или серьёзным настроением при обсуждении каких-либо вопросов» [1: 43]. Коммуникативными потребностями и ситуацией обусловлен «набор речевых жанров» [4: 557], реализующий темы повседневного бытового диалога, рассказ («бы-

товое повествование»), различные виды монолога и т. д. Текстовая конкретизация семантики разговорных слов достигается особенностями употребления языковой единицы – той речевой ситуацией, которая в произведении писателя является ведущей, причем в качестве дополнительных «конкретизаторов» могут выступать определения и другие распространители. Например, названия рассказов С. Никитина отражают предпочтения автора в выборе лексических единиц: «Осенние листья», «Дом под липами», «Снежные поля», «Пеструшка», «Весна, старый писатель, маленький мальчик и рыжая собака», «По ягоды», «Мой старый друг», «Костёр на ветру», «Сапоги», «Десяток крутых яиц», «Грачи», «Под старыми тополями» и т. д.

Конкретность бытовой обстановки в творчестве С. Никитина сочетается с глубоким нравственно-философским содержанием, возникающим при взаимодействии определённых слов, порождающих особые смысловые связи и отношения, при развертывании так называемых семантических цепочек (рядов) как компонентов семантической композиции текста, «учёт которой значим для его интерпретации» [6: 48]. В рассказе С. Никитина «Снежные поля» выделяются ряды слов с общими семами: 'безмолвие', 'тоска', 'сияние', 'тяжесть', 'вечность', 'холодность', 'лёгкость', 'радость', 'ясность', 'свет', 'ночь', 'покой', 'жизнь', 'блеск', 'тьма', лежащие в основе реализующих художественный замысел оппозиций ('тяжесть' – 'лёгкость' 'тьма' – 'ясность', 'свет' – 'ночь', 'вечность' – 'жизнь', 'тоска' – 'покой' и т. д.). При разного рода противопоставлениях семантическая структура текста позволяет выявить смысловую усложнённость и актуализацию её отдельных компонентов. Эту функцию в рассказах С. Никитина нередко выполняет характеризующий предметный мир

признак: «свет – *мутная* темь», «занимать место на *тёплой* печке – коченеть», «на *вечно оцепеневшей* от холода – *единственный* звук, который даст ощущение жизни», «бодрость, лёгкость после *глубокого* сна», «тяготы жизни – жить *со вкусом, радостью, светло и безбедно*», «*режущим* ветром – *укрытая* от ветра», «в *чистом* снегу – *безобразным* рыжим пятном», «*леденящая* холодность – *угре-тые* живым теплом» и т. д.

Основной (сквозной) семантический ряд текста основан на опорном словосочетании *снежные поля*, выбранном автором в качестве названия произведения, в форме единственного числа эта номинация заканчивает текст («...пробирающимся по снежному полю»). В структуре художественного текста оппозиция грамматических значений (единственного и множественного числа) значима, ибо «текст является тем горнилом, в котором языковые категориальные значения превращаются в речевые, в том числе в коммуникативно обусловленные» [8: 38]. В данном случае значению отдельного предмета противопоставлена форма множественного числа, подчёркивающая «обширность охватываемого пространства» [2: 230]. Сильные позиции названных словосочетаний (в заглавии и в самом конце текста) привлекают внимание читателя к выбранным автором определениям, приложимым к существительным *снег / снега* (см.: *сверкающий, оранжево-голубое сияние снегов, глубокий, неоднократно чистый* и т. д.). Синтаксическая противопоставленность последних предложений текста (*но, и уже*) имеет подчёркнутый характер, лексическая и образная конкретизация приобретает положительную оценочность: «леденящее отчаяние», «вечные звёзды» уступают место «груде наших тел», «санкам», «сену»,

«овчине», «возку», «берёзам-свечечкам», то есть тому, про что можно сказать – «угретый *живым* теплом».

Значимыми для информации текста С. Никитина являются повторы: точный лексический («тёмный», «звук», «ветер», «чистый», «тишина» и т. д.); синонимический (например, *замороженный, оцепеневший, застывший, заиндевелвший* и др.), однокорневой (например, *ветер, безветренный, безветрие; чёрный, черно*), повтор синтаксической конструкции одной структуры («Про Алексея Ефимыча худого слова не скажешь»). Повтор выполняет функцию устойчивой характеристики реальной действительности, служит «средством наиболее точного обозначения предмета речи» [9: 85], а также играет роль «усилительно-уточняющего средства» [9: 87].

Среди многочисленных наречий, конкретизирующих самые обычные действия и состояния, выделяются такие, которые выполняют в тексте особую смысловую функцию: «вечно», «органично», «непостижимо», «жил *со вкусом, радостно, светло и безбедно*». Выражение особого смыслового значения связано с употреблением инверсированного наречия «*прочно*», занимающего сильную позицию начала предложения, графически выделенного как самостоятельный абзац: «*Прочно* был укреплен к жизни всякой радостью человек».

В тексте «Капли дождя», входящем в лирическую повесть «Живая вода», заметна семантическая цепочка предлогов *от* («...прочие виды транспорта, которые ... отрывают писателя *от* страны, *от* её природы, *от* её народа») со значением 'удаляемое, избегаемое, подлежащее устранению, прекращению, направленное против чего-ниб.' [7: 466]. Этот экспрессивный повтор входит в семантическое пространство, в котором слово «отгороженные» полу-

чает смысловое приращение. Семантически важное слово «разрыв» (ср.: «отрыв») поясняется в устанавливаемых автором оппозициях: «люди – пассажиры» (контекстуальное значение слова находит выражение в повторе предлога *без*: «...просто пассажирами – без имени, без биографии, без судьбы»), «знание – образование», «книжные знания – знания, которые «исподволь накапливаются в течение всей жизни». Слово «знания» получает в тексте образную конкретизацию – через употребление местоименного наречия «где» и повтора слова «как». Помимо противопоставленности отмеченных выше понятий, происходит и сближение важнейших для писателя смыслов: «Я люблю говорить с деревенскими стариками; ... большинство из них – чистейшие родники русской речи ...»; «узнать и понять себя как человека в природе и обществе»; «переносить своё на окружающих, а от них на себя». Интересно отметить, что в данном контексте предлог *от* меняет своё значение, указывая на «исходную точку чего-либо» [7: 466]. Единицы объёмно-прагматического членения текста «Капли дождя» направляют восприятие читателя этого небольшого по объёму произведения, подчёркивают его эмоциональную напряжённость. Сегментация текста усиливается тремя пробелами, выделяющими повествовательные отрезки, между которыми эксплицитно или имплицитно устанавливаются причинно-следственные связи.

Анализ семантической композиции текста – «необходимый этап филологического анализа» [6: 50], который может проводиться как при первом знакомстве с текстами писателя, так и на завершающем этапе, раскрывающем содержательные аспекты его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 432 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001. 448 с.
3. Горшков А.И. Русская стилистика: Учеб. пособие. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 367 с.
4. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. Изд. 4-е, перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 630 с.
5. Никитин С. Золотая пчела. Владимир Транзит-ИКС, 2006. 352 с.
6. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
8. Поповская (Лисоченко) Л.В. Лингвистический анализ художественного текста в вузе: Учеб. пособ. для студ. филол. фак-тов. 2-е изд., доп. и перераб. Ростов н/Д.: «Феникс», 2006. 512 с.
9. Рахманова Л.И., Суздальская В.Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 464 с.
10. Стилистика и литературное редактирование / Под ред. проф. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2004. 651 с.

АЛЕКСЕЕВ Александр Валерьевич (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
alekseevav@mgpu.ru

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕРМИН КАК СИНКРЕТА

Аннотация. В статье рассматривается применимость понятия синкретизма к древнерусской лексике в составе юридического памятника – «Русской Правды». Выделяется терминологический ряд *гридь, изгои, коупць, мечьникъ, роусинъ, словенинь*. Анализируются оппозиции *мечьникъ – гридь, роусинъ – словенинь*, основанные на символических признаках. Использование в тексте «Русской Правды» символического синкретизма позволяет терминологическому ряду охватить разнородные группы древнерусского общества.

Ключевые слова: синкретизм, лексика, символ, древнерусский язык, культурная коннотация.

Abstract. The article considers the Old Russian syncretism in "Russian Truth". The terminological series of *grid, izgoj, kupec, mechnik, rusin, slovenin* is distinguished. The words based on the symbolic sign are analyzed. The use of symbolic syncretism in the text of "Russian Truth" allows the terminological series to cover diverse groups of ancient society.

Keywords: syncretism, vocabulary, symbol, Old Russian language, cultural connotation.

В лексико-семантическом отношении понятия термина и синкреты, на первый взгляд, должны рассматриваться как противоположные. Термин требует понятийной точности, однозначности выражаемого лексического содержания, определенного набора различительных семантических признаков. Синкретизм предполагает неопределенность предметно-чувственного образа, совмещение различных значений в пределах одного контекста, варьирование семантических признаков, актуализованных в тех или иных контекстах. В.В. Колесов указывал, что «синкретизм языкового знака – естественное его свойство» [3: 46], которое, однако, проявляется различным образом в языках различных эпох. В древнерусском языке синкретизм выражался в форме существования слов-синкрет, которые становились средством перехода от нерасчлененных значений, свойственных мифологическому сознанию, к символическим структурам религиозной культуры. Вместе с тем В.В. Колесов отмечал, что древнерусское слово-синкрета выполняло функцию понятия, поскольку «синкрета есть сложное понятие» [3: 49].

Следовательно, можно предполагать, что и в пределах текста, требующего выражения понятий, использования терминологической лексики, могут быть выявлены примеры семантического синкретизма. В качестве такого текста рассмотрена «Русская правда», древнерусский памятник письменности делового стиля. «Русская Правда» – сборник законов, что предполагает не передачу эзотерических смыслов, не экспрессивность неопределенного образа, но точное указание общественных норм и категорий. В современном узусе синкретизм в таком тексте представляется совершенно неуместным. Однако многие древнерусские термины из этого памятника

воспринимаются как в крайней степени неоднозначные: их смысл, объем понятия оказываются предметом дискуссий.

К таким терминам относятся номинации общественных групп, составляющие варьируемый, но достаточно устойчивый перечень в первой – посвященной убийству – части «Русской Правды». Например, по краткому Академическому I списку: *роусинь, гридинь, коупчина, абетникъ, мечникъ, изъгои, словенинь* [4: 70]. Большинство терминов повторяются и в других списках. Например, в пространном Троицком списке дается перечень *русинь, гридь, купець, тивунь боярескъ, мечникъ, ізгви, словънинь* [4: 104].

Синкретизм древнерусского слова связан с выражением символических значений. В целом символизм языка, проявляющийся, в частности, на лексическом уровне, и синкретизм слова – соотносимые феномены. Символическое значение слова – это возможность использовать непосредственный денотат лексической единицы в качестве означающего для передачи иного, более отвлеченного содержания. Символические смыслы древнерусских слов многообразны: В.В. Колесов в обширном описании древнерусского лексикона указывал символическое измерение у слов *родъ, хоругвь, сътягъ, государь, чаяние, упование, ум, разум* [2: 25, 48, 216, 254] и у многих других. Приведенные примеры свидетельствуют, что символический смысл в древнерусском языке выражали лексические единицы, которые сегодня рассматриваются как слова отвлеченные, выражающие понятия, как культурные или общественные термины.

Следует ожидать, что и терминологические обозначения, которые мы обнаруживаем в юридическом тексте, окажутся не терминами как таковыми, но образными понятиями, то есть символами. Применение принципов концептуального анализа позволяет уточ-

нить семантическую характеристику таких слов. Неопределенность понятийного объема может быть связана с тем, что эти слова выражают символические, но не понятийные значения. Для слова *мечникъ* его символический потенциал определяется культурной коннотацией производящего слова *мечь*, в результате реализуется символическое значение 'представитель (военной) власти, вооруженный мечом', и такому символическому признаку соответствуют различные властные функции, которые приписываются *мечнику* [1: 31].

Обозначение другой общественной группы, связанной с военным делом, – *гридь*, в другом варианте – *гридинь*. Второй вариант – славянизированная форма синкретичного слова *гридь*, обозначающего и дружину, и отдельных воинов в ее составе. *Гридь* является заимствованием, восходящим к древнескандинавским словам со значением убежища и того, кто обеспечивает такое убежище [5: 458]. Таким образом, *гридь* в древнерусском тексте реализует символическое значение 'тот, кто дает защиту – княжеское воинство'.

Аналогичным образом могут быть рассмотрены и другие общественные термины из перечня «Русской Правды». Слово *роусь* не имеет общепризнанной этимологии, однако не вызывает сомнений связь этого названия при его раннем летописном употреблении с киевским князем, с правящей династией. Тем самым *роусинь* оказывается обозначением, символический смысл которого включает признак военно-административной функции, распространенный на общественную группу. Отсюда значение принадлежности к «столичному» социальному слою, указание на определенное территориальное происхождение. В оппозиции с *русином словенинь* – это символ своеобразной древнерусской провинции, и тем важнее оказывается уравнивать в правах эти социальные группы в юридическом тексте,

распространенном в древнем Новгороде, в тексте «Русской Правды».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.В. Семантический синкретизм древнерусского термина мечьникъ // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: Транзит-ИКС, 2019. С. 29-32.
2. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
3. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 703 с.
4. Правда Русская. Т. I. М., Л.: Издательство АН СССР, 1947. 506 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

АЛИЕВ Тельман Асадович (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
telmanasad@uambler.ru

О КЛАССИФИКАЦИИ ЛАТИНИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается классификация слов латинского происхождения в современном русском языке. Рассматриваются транслитерированные и нетранслитерированные слова, а также субстантивированные части речи.

Ключевые слова: детерминологизация, заимствование, калька, латинизмы, причастие, словарный состав, субстантивация, субституция, транслитерированные слова, нетранслитерированные слова, числительное.

Abstract. The article considers the classification of Latin origin words in modern Russian language. Transliterated and non-transliterated words and also substantive parts of speech are considered in this article.

Keywords: determinologization, adoption, calque, latinisms, participle, vocabulary, substantivation, substitution, transliterated words, non-transliterated words, numeral.

Латинский язык сыграл большую роль в обогащении словарного состава русского языка. Латинизмы, связанные преимущественно со сферой научно-технической и общественно-политической жизни, впервые стали проникать в русский язык еще несколько столетий

тому назад. Например, слова, которые встречаются в памятниках письменности XII – XVII вв: «ЛЕГИОНЪ (ЛЕГЕОНЪ), м. 1. *Отрядъ войска большой численности; полк, легион* (ср. греч. Λεγεων от лат. legio). *И ту [на пятом небе] паки видехъ легеоны бещисльны* (Вид. Исаяи) (Успенский сборник, 171. XII— XIII вв.) [3: 188]; «МАЙОРЪ (МАЕОРЪ, МАЕРЪ, МАОРЪ, МАЮРЪ), м. *Воинское звание старшего офицера, а также человек, носящий это звание*. Четыре человека полковники, четыре человека большие полковые поручики, четыре чел<овека> майоры, по-русски большие полковые стороже-ставцы» (Акты Московского государства, изд. Акад. Наук, т. I, 376. 1632 г. ...) [4: 10].

Латинизмы, т. е. слова, термины, фразеологизмы, пословицы, поговорки, пословично-поговорочные выражения, изречения латинского происхождения, как известно, употребляются в латинском написании (нетранслитерированно) без перевода или с параллельным русским переводом, а также бытуют в русском языке в виде калек, полукалек.

Среди латинизмов особое место занимают нетранслитерированные термины (международная номенклатура: ботанические, биологические, медицинские, юридические; названия понятий, категорий, методов, законов логики) или же транслитерированные русскими буквами (в физике, химии, астрономии и др.). Некоторые термины являются узкопрофессиональными, другие имеют более широкое распространение.

И наконец, к латинизмам относятся общераспространенные слова, которые в той или иной степени подверглись морфологической адаптации и субституции.

Можно выделить следующие группы латинизмов в лексике современного русского языка:

1. Транслитерированные слова (существительные), сохранившие в именительном падеже единственного числа свою исходную форму: *ангина, аорта, диета, дисциплина, коллега, проблема, муза, натура, роза, секта, структура, индекс, консул, корпус, доктор, экзамен* и др.

Латинизмы так же, как и любое другое иноязычное заимствование, даже сохраняя свою исходную форму, в ряде случаев преобразуются семантически. Заимствованное слово или теряет какое-то значение (ряд значений), или, наоборот, приобретает новое (новые).

Кроме того, неизменяемость исходной формы латинизма бывает чисто внешней, так как нередко меняется категория рода. Так, например, слова *корпус* (*corpus, oris n*), *экзамен* (*examen, inis n*), *система* (*systema, atis n*) в латинском языке – среднего рода.

2. Транслитерированные различные латинские части речи, не изменившие внешней формы в русском языке, переходят в разряд существительных, т. е. субстантивируются:

а) субстантивированные прилагательные: *пленум* (форма среднего рода латинского *plenus, a, um* – ‘полный, целиком занятый’); *вакуум* (форма среднего латинского прилагательного *vacuus, a, um* – ‘пустой’); *бонус* (форма мужского рода латинского *bonus, a, um* – ‘добрый, хороший’); *майор* (супплетивная форма сравнительной степени прилагательного *magnus* – ‘большой, великий’); *максимум* (супплетивная форма превосходной степени прилагательного *magnus* – ‘большой’); *минус* является супплетивной формой сравнительной степени, а *минимум* – супплетивной формой превосходной степени прилагательного *parvus* – ‘малый, маленький’;

б) субстантивированные глаголы: *вето* (форма первого лица единственного числа настоящего времени глагола *veto, ui (avi) itum, are* – ‘не допускать, запрещать, возражать’); *кредо* (форма первого лица единственного числа настоящего времени глагола *credo, didi, ditum, ere* – ‘вверить, поручать’); *кредит* (форма третьего лица единственного числа настоящего времени глагола *credo, didi, ditum, ere* – ‘вверить, поручать’); *дефицит* – ‘недостаток, нехватка’ (форма третьего лица единственного числа настоящего времени глагола *deficio, feci, fectum, ere*) и другие;

в) субстантивированные причастия **настоящего времени действительного залога**: *абитуриент* (*abituriens, abiturientis* – ‘собирающийся уходить’); *доцент* (*docens, docentis* – ‘обучающий’) от глагола *doceo, docui, doctum, docere* – ‘учить, обучать’; *студент* (*studens, studentis* – ‘стремящийся, старающийся’) *studeo, ui, ere* – ‘стараться, стремиться’; *лаборант* (*laborans, laborantis* – ‘работающий’) от глагола *laboro, laboravi, laboratum, laborare* – ‘работать, трудиться’; *секанс* (*secans, secantis* – ‘секущий, секущая’) от глагола *seco, secui, sectum, are*), *тангенс* (*tangens, tangentis* – ‘касающийся’) от глагола *tango, tetigi, tactum, ere*); субстантивированные причастия **прошедшего времени страдательного залога**: *дата* (*data* – ‘данные’) форма множественного числа среднего рода страдательного причастия *datum* от глагола *do, dedi, datum, dare*; субстантивированные причастия **будущего времени страдательного залога**: *легенда* (*legenda* – ‘те, что должны быть прочитаны’) форма множественного числа страдательного причастия будущего времени (или герундив);

г) субстантивированные числительные: *октава* – форма женского рода порядкового числительного *octavus, a, um* – ‘восьмой’;

квинта – женского рода порядкового числительного *quintus*, а, um – ‘пятый’; *прима* – форма женского рода порядкового числительного *primus*, а, um – ‘первый’; *секунда* – форма женского рода порядкового числительного *secundus*, а, um – ‘второй’; *нона* – форма женского рода порядкового числительного *nonus*, а, um – ‘девятая’;

д) субстантивированные наречия: *алиби* (*alibi* – ‘в другом месте’), *инкогнито* (*inognito* – ‘скрытым образом’);

е) субстантивированные местоимения: *кворум* (родительный падеж, множественное число относительного местоимения *qui, quae, quod* – ‘который’. Осколок выражения *quorum praesentia sufficit* – ‘присутствие которых достаточно’);

ж) косвенные падежи существительных, прилагательных и других частей речи, которые в русском языке являются существительным в именительном падеже единственного числа: *ребус* (*rebus* – ‘вещами, предметами’); *омнибус* (*omnibus* – ‘для всех’); *хроника* (*chronica* – в латинском языке *pluralia tantum*)/

3. Транслитерированные латинские выражения, ставшие в русском языке одним словом (существительным): *синекура* (от *sine cura* – ‘без заботы’); *парабеллум* (от *para bellum* – ‘готовь войну, готовься к войне’); *республика* (от *res publica* – ‘общее дело государства’); *постскриптум* (от *post scriptum* – ‘после написанного’) и т. д.

4. Транслитерированные слова, изменившие свою форму, подвергшиеся ассимиляции, часть которых была заимствована из новых европейских языков: *агитация, агрессия, лекция, линия, комиссия, операция, революция, лингвист, аудитория, дискуссия, центр, дефект* и многие другие.

5. Лексические кальки: *числитель* (numerator), *местоимение* (pronomen), *полнолуние* (plenilunium), *солнцестояние* (solstitium), *треугольник* (tranguulum), *насекомое* (insectum) и др.

6. Нетранслитерированные общеупотребительные «служебные» слова: *ergo* (следовательно), *idem* (тот же, то же самое), *ibidem* (там же), *confer* (сравни), *bis* (дважды), *ter* (трижды), *primo* (во-первых), *atcundo* (во-вторых), *vide* (смотри), *pagina* (страница).

7. Нетранслитерированные термины: *costa* (ребро), *vertebra* (позвонок), *medius* (средний), *liquor* (жидкость), *bacca* (ягода), *cera* (воск), *febris* (лихорадка), *lepra* (проказа), *icterus* (желтуха) и др.

8. Транслитерированные и большей частью ассимилированные термины: *реанимация*, *лактация*, *калий*, *натрий*, *редупликация*, *субституция* и др.

Эта категория латинизмов подвержена детерминологизации и обычно пополняет общеупотребительный словарный состав языка. Академик В.В. Виноградов, имея в виду последнее, пользуется выражением «обобществление терминов». Поэтому необходимо выделить нижеследующую группу латинизмов.

9. Детерминологизированные термины: *аэродинамика*, *глобальный*, *дегуманизация* и др.

В современном русском языке встречаются также фразеологические единицы, термины-словосочетания, пословицы, поговорки, изречения латинского происхождения: 1. Общераспространенные нетранслитерированные латинские фразеологизмы и так называемые «фразеологические выражения» [5: 88]: *in corpore* ('полностью, в полном составе'); *audiatur et altera pars* ('пусть будет выслушана и другая сторона'); *salus populi suprema lex* ('благо народа – высший

закон'); *de gustibus non est disputandum* ('о вкусах не спорят'); *atura non facit saltus* ('природа не делает скачков').

10. Кальки: *золотая середина* (*aurea medicritas*); *человек человеку – волк* (*homo homini lupus est*); *разделяй и властвуй* (*divide et impera*); *до греческих календ* (*ad kalendas Greacas*); *естественное право* (*jus naturae*); *порочный круг* (*circulus vitiosus*) и др.

11. Полукальки: *Цезарь не выше грамматиков* (*Caesar non supra grammaticos*); *строгий экзамен* (*examen rigorosum*); *колесо фортуны* (*rota Fortunae*) и др.

12. Аллюзии, или реминисценции (представляющий намек на мифологический или литературный сюжет, или основывающиеся на историческом факте): *ахиллесова пята*, *гомерический смех*, *дамоклов меч*, *панический страх*, *прокрустово ложе*, *эзопов язык* и др.

13. Различные выражения, иногда равные по значению термину, а также выражения узкопрофессионального характера: *Locus minoris resistentiae* ('место наименьшего сопротивления'); *contradiction in adjectio* ('непосредственное противоречие') и др.

Данная классификация не претендует на исчерпывающую полноту. Приведенные типы условны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1986. 840 с.
2. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983. 608 с.
3. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 8. М.: НАУКА 1981.
4. Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 9. М.: НАУКА 1982.
5. Современный русский язык. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1971.

АРИСКИНА Ольга Леонидовна (*Саранск, Россия*)

доктор филологических наук, доцент, профессор
Мордовский государственный университет
имени Николая Платоновича Огарёва
ariskina@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЖИЗНЬ-ДОРОГА» В ПИСЬМАХ ИГУМЕНА НИКОНА ВОРОБЬЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются образы, созданные в текстах игумена Никона Воробьева с помощью концептуальной метафоры «жизнь – дорога». Выделяются и анализируются образы, в основе которых лежат следующие значения: во-первых, «Дорога / путь – движение к цели, во-вторых, «Приближение к Богу– удаление от Бога», в-третьих, «Жизненная дорога и время», в-четвертых, «Жизненная дорога – движение по вертикали», в-пятых, «Жизнь – дорога по кресту и к кресту». Таким образом, в статье показано функционирование концептуальной метафоры в картине мира православного священника.

Ключевые слова: игумен Никон Воробьев, концептуальная метафора, жизнь-дорога, движение по горизонтали, движение по вертикали, дискурс, картина мира.

Abstract. The article presents the images created with the aid of the conceptual metaphor «life as a way» in the texts of hegumen Nikon Vorobyov. The images based on the following meanings are highlighted and analysed: 1) «Way is moving towards a goal»; 2) «Approaching God – moving away from God»; 3) «Life journey and time»; 4) «Life journey is vertical motion»; 5) «Life is a way on the cross and towards the cross». Therefore, the article shows the conceptual metaphor functioning in the world view of the Orthodox priest.

Keywords: hegumen Nikon Vorobyov, conceptual metaphor, life as a way, horizontal motion, vertical motion, discourse, world view.

Жизнь часто сравнивается с дорогой в народных пословицах и поговорках («Жизнь прожить – не поле перейти», «Всякому свой путь»), а также афоризмах («Не поднимайте пыли на жизненном пути» (Пифагор), «Наша жизнь как дорога с односторонним движением, и важно не пропустить свой поворот, ведь пути назад уже не будет» (Уинстон Черчилль)). Таким образом, выражение «жизнь – дорога» является не просто тропом, а концептуальной метафорой [3], представляющей сложное бытийное понятие через конкретное, поэтому актуально изучение структуры и функционирования данной единицы в различных дискурсах.

Цель данного исследования – выяснить, какие образы формирует метафора «жизнь – дорога» в картине мира игумена Никона Воробьева (1894–1963), священника, православного писателя. Метафорика его дискурса до сих пор не изучена, но первый шаг к анализу концептосферы этого духовного наставника сделан в 2020 г. [1].

Проведенный анализ выявил следующие образы:

1. *Дорога/путь – движение к цели*

«Земная **жизнь** дана не для наслаждения, а для познания себя и Бога. Человек в течение земной жизни должен решительно, **невозвратно** определить себя к добру или злу, к Богу или дьяволу. **Ищущий** Бога и правды Его – **найдет** Бога и новую жизнь здесь, на земле, в начатке, а после смерти во всей полноте. Эгоист, **ищущий** на земле только наслаждений – **найдет** дьявола, и после смерти, как единосущный ему, – **пойдет** в царство дьявола, в ад, в общество законченных эгоистов и злодеев. В наших руках наша будущая **судьба**» [2: 93]. В данном фрагменте слова *путь* и *дорога* не встречаются, однако движение передается глаголами и причастиями: *ищущий, найдет, пойдет*. Также в создании концепта «жизнь – дорога» участвует наречие *невозвратно*, с помощью которого возникает ощущение движения в одном направлении. Также здесь можно наблюдать некое противопоставление земной жизни и будущей судьбы. По сути, выбор вектора движения на дороге жизни определяет судьбу человека. Такой метафорический путь представляет собой поступательное движение по горизонтали.

В христианской картине мира правильный жизненный путь не может быть широкой и красивой дорогой, потому как такая дорога ведет в ад. Ср.: «Входите тесными вратами, потому что широки вра-

та и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Матф. 7: 13). Поэтому в письмах игумена Никона находим: «Ты выбрал себе **путь жизни** исключительно трудный в наше время, и если выдержишь до конца – все твои скорби, не скажу, что забудутся, мало сказать, возместятся в миллионы раз...» [2: 99].

2. Приближение к Богу – удаление от Бога

Так как дорога, ведущая к Богу, длинна и трудна, «сразу и лаптя не сплетишь. **Многими скорбями, борьбой, усилием входят** все в царствие Божие» [2: 81], на пути христианина много препятствий, поэтому, как написано в «Завещании» игумена Никона, можно найти «утешение в самых тяжких обстоятельствах и искушениях лютых – в вере в Господа Иисуса Христа и в молитве» [2: 135]. Чтобы человек не свернул с правильного пути, игумен вывел общее правило: «... в любом возрасте, в любых условиях, при любых занятиях надо **поступать по Евангелию**. Тогда не будет ошибок, не будет позднего сожаления и раскаяния» [2: 132]. Здесь движение передается глаголом *поступать*, а жизнь обозначена сочетаниями: *в любом возрасте, в любых условиях, при любых занятиях*. Яркий образ движения по дороге к Богу представлен в следующем фрагменте: «**Идущий** ко Господу **деланием заповедей**, хотя и **падает дорогой**, но, **вставая, идет вперед**, – находится в числе воинов христовых и венчается Им, хотя бы много ран получил в этой духовной войне со своими страстями, со своей падшей природой и бесами» [2: 102]. Эти слова тоже создают ощущение горизонтальной прямой, по которой идет, падает, встает и снова идет христианин. На такой дороге вера – это компас, который не дает свернуть в сторону: «Очень прошу всех родных и близких **держаться православной веры** и прилагать до смерти все усилия ко спасению души...»

[2: 135]. Смерть на таком жизненном пути не страшна: «**Жизнь** во вред для души в тысячи раз хуже смерти, если она **приводит** в Царствие Божие» [2: 91].

На подобной горизонтали самое главное – это приближение к Богу: «Кто любит Бога, тот захочет страдать ради Бога, и по мере роста любви будет возрастать желание все перенести, лишь бы **не удалился** от нас Господь, лишь бы быть **ближе** к Нему. А не любить Бога нельзя, если **приблизился** к Нему, вернее, Он к нам **приблизился**» [2: 99]. Ср.: «Самым основным свойством «нового» человека является смирение (*научитесь от Мене, яко кроток есмь смирен*), без которого исполнение даже всех заповедей не только **не приближает** человека к Богу, но и делает врагом Божиим...» [2: 95].

Интересно размышление игумена о земной жизни как о мире людей во власти злого духа, от людей в этом мире удаляется христианство: «Христианство незаметно удаляется от людей, остается одно лишь лицемерство...» [2: 132] – приводит игумен слова свят. Тихона Задонского, цитируемые еп. Игнатием Брянчаниновым. Христианину следует держаться как можно дальше от этого мира: «Хочется быть **дальше** от этой **жизни**, от духа мира сего. Этот дух овладел всем человечеством. Только со стороны можно видеть и почувствовать всю мерзость и ужас этого духа... Говорят, что лягушка, встретив глаза змия, не может оторваться от них, в ужасе кричит, но **не может убежать**, а все **приближается** к змию, пока не попадет в пасть» [2: 94]. Аллегория с лягушкой и змеем тоже рисует нам движение на горизонтальной прямой.

3. Жизненная дорога и время

Мы привыкли, что свой жизненный путь мы воспринимаем в три этапа: прошлое, настоящее, будущее.

У игумена Никона тоже есть размышление на эту тему: «Тебе стукнуло 25 лет. Ты уже взрослый человек. В **молодости** все делают большую ошибку, откладывая на **будущее**, что следовало бы сделать **теперь** с напряжением всех сил. А в результате **время уходит**, человек стареет, условия могут измениться к худшему, часто изменяет здоровье – и человек не делает того, что должен был сделать, к чему призывал его Господь, что ясно было и разуму, и сердцу. Остается только одно – сожалеть о **прошлой бесплодной жизни** и приносить покаяние» [2: 132]. Игумен пишет, что мы не просто должны пройти жизнь-дорогу, мы должны оставить после себя плоды, иначе вся дорога будет бессмысленной. В данном фрагменте мы видим, что движется по дороге, взрослея и старея, человек, а кроме того, в движении находится само время.

В другом фрагменте мы читаем: «У Бога нет **прошлого и будущего**, есть одно **настоящее**» [2: 130]. Т. е. очень важно, какой человек сейчас, в эту секунду на своем пути, что в его сердце и разуме.

4. Жизненная дорога – движение по вертикали

В трех случаях мы рассматривали дорогу как движение по горизонтали, но в дискурсе игумена Никона используется данная метафора и в образе движения по вертикали: «... а особенно если возгордишься и понадеешься на свои силы, – то **падешь падением великим** и отяготишь себе **жизнь** чрезмерно» [2: 100]. Глагол *падать* уже встречался в письмах Никона Воробьева, но воспринимался в связке *идти – падать – подниматься*, т. е. как движение по горизонтали. В данном же фрагменте используется *падешь падением великим*, что создает в сознании образ падения с большой, невероятной высоты.

5. Жизнь – дорога по кресту и к кресту

Рассмотрим еще письмо, в котором игумен Никон словесно рисует нам образ пропасти: «Когда человек находится у самой **пропасти**, то его легко **толкнуть**, и он **упадет** туда. А когда далеко, то надо его **тащить к пропасти**, а за это время он может взывать о помощи. Поэтому всегда советуется **удаляться подальше** от мест, где легко впасть в грех» [2: 73]. Здесь мы видим разные векторы движения: по горизонтали (*тащить, толкнуть, удаляться*) и по вертикали (*упасть в пропасть*). А вертикаль и горизонталь создают крест, и главное – человеку из пропасти увидеть его, тогда «**грехопадение**, будучи злом, делается причиной добра. В этом дивная премудрость Божия, как и во всем, во всем...» [2: 97].

Таким образом, мы выявили основные образы, встречающиеся в дискурсе игумена Никона Воробьева благодаря концептуальной метафоре «Жизнь-дорога».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арискина О.Л. Концепт «Смирение» в письмах игумена Никона Воробьева // Русский язык в поликультурном мире»: Сборник научных статей IV Международного симпозиума (9 – 11 июня 2020 г.). В 2 т.: Том 1. Симферополь, 2020. С. 397-403.
2. Игумен Никон (Воробьев). Письма духовным детям / Сост. А.И. Осипов. М.: Стихира, 2014. 136 с.
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press. 2003 edition contains an 'Afterword'. 2003 (1980). 191 с.

БАРАНОВА Татьяна Анатольевна (Москва, Россия)

аспирант
ГБОУ «Школа «Интеллектуал»
barashka_91@mail.ru

РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *ВЕЩЬ*

Аннотация. В статье предложено описание расширения значения слова *вещь*, указаны возможные причины десемантизации, приводящие к превращению существительного в местоимение. Автор рассматривает значения, предложенные в МАС, объясняет развитие новых лексико-семантических вариантов, отмечает другие значения, найденные в НКРЯ. Кроме того, в статье сопоставляются слова *вещь* и *штука* в функции местоимения, указываются дифференциальные семы этих слов.

Ключевые слова: расширение значения слова, многозначность, прономинализация, сема, транспозиция.

Abstract. The article is devoted to the meaning extension of the word *thing*. The author analyzes the contexts, considers new meanings and attempts to comprehend the reasons of pronominalization. Also, the author compares the words *thing* and *piece* as pronouns and notes the distinctive semes.

Keywords: pronominalization, polysemy, grammatical transposition, seme, word meaning extension.

Малый академический словарь дает пять значений слова *вещь* [4: 160]. Значение 'предмета' конкретизируется до значения 'одежда'. 'Предмет' через метонимический перенос превращается в 'явление', которое может быть более конкретным, связанным с повседневной жизнью человека, а может быть умозрительным, более абстрактным [2].

Значение 'явление' может конкретизироваться до 'факта', который, в свою очередь, превращается в 'закономерность'. 'Факты', связанные с определенными закономерностями, теряющие свою уникальность, становятся 'параметрами'.

Значение 'явления' употребляется в предложениях с составным именным сказуемым с нулевой связкой: «Разумное сочетание интересов государства и фермера – великая вещь». В таких же контекстах встречается слово *штука*. Но есть контексты, в которых

штука осознается как конкретный предмет, а *вещь* как явление или предмет более абстрактный, однородный, несчетный. С этим связана невозможность назвать *вещью* одушевленное существительное: *«В дачном посёлке скоро прошёл слух, что картофельная собака – вещь опасная».

Оценочно-бытийные предложения со словами «штука» и «вещь» имеют различное значение: штука будет связана со странностью и необычностью, вещь – с качеством предмета (добротный, надежный, крепкий).

Значение 'ситуации', характерное для слова *штука*, не может быть передано словом *вещь*, которое показывает более тесную связь с цельностью и однородностью предмета.

Развитие значения от 'явления' дальше идет в сторону сужения к 'делу', 'деятельности': «Я просто сделаю некоторые вещи раньше, чем планировалось». У 'деятельности' и 'дела' могут быть 'цели' и 'результаты'. 'Результат' иногда предстает как 'произведение науки и искусства'.

Кроме того, 'дело' может быть трудным, может представлять собой 'проблему'.

Параллельно с расширением значения и увеличением контекстов слово *вещь* теряло первое значение, превращаясь в местоимение [1: 50]. Во многих примерах словосочетание с *вещью* легко заменяется на указательное местоимение.

Первое значение запустило и другой процесс прономинализации, обобщая «предмет» до «предмета речи», «темы», а потом сводя «тему» к местоимению, выступающему в катафорической функции.

Преимущество слова *вещь* объясняется грамматическим удобством выбора существительного в потоке устной речи. Об объектах или явлениях удобнее говорить с использованием существительных. Существительное в функции местоимения позволяет создавать словосочетания с прилагательными или числительными: «странные вещи», «две вещи». Группа местоимений-существительных не может в полной мере описать физический мир. У говорящего есть потребность охарактеризовать предмет, на который он указывает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).
3. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004. 962 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х томах [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистических исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 20.03.2021).
5. Шигуров В.В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции словоформ в системе частей речи: теория транспозиционной грамматики русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2015. 142 с.

БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН Наталья Викторовна
(Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bogdanova@spbu.ru

ОШИБКА И ОГОВОРКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АНОМАЛИЯХ / РЕЧЕВЫХ СБОЯХ В СПОНТАННЫХ МОНОЛОГАХ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия *ошибки* и *оговорки*. Принято считать, что оговариваются чаще носители языка, а ошибаются – изучающие язык иностранцы. Однако в условиях спонтанного речепорождения эти понятия сближаются и плохо поддаются дифференциации. Исследование проведено на материале корпуса русской монологической речи и при финансовой

поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Ключевые слова: коллоквиалистика, лингводидактика, устная спонтанная речь, звуковой корпус, ошибка, оговорка.

Abstract. The article discusses the concepts of error and slip of the tongue. It is generally accepted that native speakers are more likely to make a slip of the tongue, and foreigners who study the language make mistakes. However, under conditions of spontaneous speech production, these concepts converge and do not lend themselves well to differentiation. The study was based on the corpus of Russian monologue speech and with the financial support of a grant from St. Petersburg State University (project No. 75254082 "Modeling the communicative behavior of residents of a Russian megapolis in the social, speech and pragmatic aspects using artificial intellect methods").

Keywords: colloquialistics, linguodidactics, spontaneous speech, speech corpus, error, slip of the tongue.

Повседневная устная речь, как известно, спонтанна во всех своих разновидностях (монолог / диалог / полилог) и, как следствие, диффузна, плохо структурирована и богата разного рода *аномалиями*, отклонениями от установленных и кодифицированных языковых норм. Такие аномалии становятся предметом изучения либо в *лингводидактике*, прежде всего в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), либо в *коллоквиалистике*, описывающей специфику разговорной речи.

В первом случае, когда объектом внимания становится русская речь носителей других языков, говорят, как правило, об *ошибках*, пытаются их систематизировать и связывают их появление с межъязыковой интерференцией и с уровнем владения русским языком того или иного иноязычного говорящего. Результатом таких исследований могут стать, например, разного рода методические рекомендации по преподаванию РКИ или даже целые методические пособия.

Возможны, однако, речевые *ошибки* и в речи русских, и в таком случае исследование выходит на уровень стилистики

и культуры речи. Здесь снова можно говорить об уровне владения языком, но уже не иностранным, а родным – то есть об уровне речевой компетенции носителя языка [5: 107-115], типе его речевой культуры [2; 3; 9; 10] или о коммуникативной компетенции [3: 8; 11; 12].

Любопытно, что ошибки в речи на родном и неродном языках практически никогда не совпадают: то, что трудно иностранцу (видо-временные формы глагола, падежные формы существительных, причастия, деепричастия и т. п.), не составляет труда для носителей языка; а то, что трудно для русских (разграничение, например, литературных и просторечных форм типа *кладёт / ложит, ест / кушает* или *принимает душ / купается в душе*), как правило, не затрудняет иностранцев, которые изучают язык по словарям и грамматикам, куда ошибочные формы просто не попадают.

Единственной «точкой пересечения» речевых ошибок для говорящих на русском языке как родном и неродном может быть разве что место ударения в словах, но и в этом случае наборы таких слов для носителей языка и для изучающих его тоже, как правило, не совпадают. Ср. ряд примеров из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нём подробнее: [1; 5]), включающего русскую речь как носителей языка, так и иностранцев (неправильное ударение показано прописной буквой):

- *стремЯнного, в чекмЕне, бранивАлся, приИнужден, пока-мЕсть, средствА, сажЕнях, из лесных дебрЕй* (рус.);
- *пристЕжными ворОтниками, примерИл, надеЯться, сти-рАная, рЕка пронЕсла, с хОлма, пятнЫшками* (кит.);

- *некотОрые, ходЯт, на ВасильЕвской канале, в белых нОчах* (голл.);

- *бОрща, пирОжки* (фр.).

Во втором случае, когда в центре внимания исследователей оказывается речь на родном языке, чаще говорят не об ошибках, а об *оговорках* и связывают их по большей части только со спонтанным характером речепорождения.

Однако спонтанность присуща речи и на родном, и на неродном языках, и с этой точки зрения у ошибки и оговорки много общего. Так, и те, и другие поддаются некоторой систематизации, что позволяет говорить об аномалиях (отклонениях от норм) фонетических, грамматических, стилистических и т. п.

К *фонетическим ошибкам / оговоркам* можно отнести, например, следующие примеры из монологов: у русских – *принода* в.м. *природа*, *девоносто* в.м. *девянносто*; у китайцев – *заглядИнье* в.м. *загляденье*, *девАча* в.м. *давеча*, *бордУ* в.м. *морду*, *сломОй* в.м. *соломой* и многочисленные акцентологические ошибки (см. выше).

К *грамматическим ошибкам / оговоркам* относятся, соответственно: у русских – *плавались* в.м. *плавали* (на фоне предшествующего в контексте глагола *фотографировались* – так называемый эффект прайминга [7: 55]); *вытащивать* в.м. *вытаскивать* (вероятно, на фоне формы *вытащить*); у китайцев – *по врЕменем* в.м. *по временам* и, может быть, под влиянием формы *со временем*; *со всех странЫ* в.м. *со всех сторон*; *на каникулах обычно встречу с друзьями* в.м. *встречаюсь с друзьями*; *будем найти* в.м. *найдем*; у американцев – *хорошие други* (в.м. *друзья*); *использовать Интернет* и т. д.

Приведённые примеры показывают большое сходство типов аномалий в речи на родном и неродном языках и, соответственно, слабую дифференциацию понятий *ошибка* и *оговорка*. Не случайно в словарях *оговорка* часто определяется именно через *ошибку*, ср.: ‘непроизвольная ошибка в речи; слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных’ [4: 155], ‘случайная ошибка в речи, неверно употреблённое слово’ [6: 730]. Некоторые различия можно усмотреть разве что в том, что аномалии в речи на родном языке действительно, как правило, «случайны» и «непроизвольны», а в речи на неродном языке, скорее, не случайны, а закономерны, поскольку рождаются от незнания говорящим какого-то конкретного языкового правила / языковой единицы или как проявление межъязыковой интерференции. Именно на этом основании в речи русских чаще говорят об *оговорках*, с которыми бороться бессмысленно, поскольку это естественное следствие спонтанности, а в речи нерусских – об *ошибках*, с которыми усердно борются преподаватели РКИ. Можно даже предположить, что с повышением уровня владения русским языком ошибки в речи иноязычных могут «переквалифицироваться» в *оговорки* и стать тем самым более простительными. Ср. ситуацию со словами-«паразитами» (*типа, короче*), которые в речи русских свидетельствуют о невысокой речевой культуре говорящего [8] и оцениваются в основном отрицательно, а в речи нерусских – об овладении ими естественным русским разговорным языком, что позволяет оценивать их, скорее, положительно.

Спонтанность устной речи порождает и такие аномалии, которые трудно квалифицировать как ошибки или оговорки, настолько в них соединились и причины, вызвавшие их, и форма их репрезентации. Ср. еще примеры из корпусного материала: *употреблить*

(рус.), *стирательная (машина)* (рус.), *двал* (вм. *дал два*), *плостность* (вм. *плотность*) (рус.); *новые рубашким* (кит.), *всего и разва-арУ* (вм. *всего и разговору*), *мажЕнтка* (вм. *манжетка*) (кит.); *Избурск* (вм. *Изборск*) (амер.) и мн. др.

Думается, что при анализе устной спонтанной речи можно вообще отказаться от дифференциации привычных понятий *ошибки* и *оговорки*, а ограничиться терминами «аномалия» или «речевой сбой», перенеся описание особенностей этих речевых явлений в плоскость поиска возможных причин их появления и установления большей или меньшей употребительности в речи на родном или на неродном языке, а также в речи того или иного социума. Принятое в лингвистике определение речевого сбоя как модификации речи под воздействием как субъективных, так и объективных факторов [7] вполне «покрывает» все рассмотренные выше аномалии и снимает множество методологических вопросов. Уже в самом термине «речевой сбой» заложено значение ‘сбой механизма контроля за выполнением речевой программы’. Ослабление такого контроля абсолютно естественно в ситуации спонтанного речепорождения, независимо от того, на каком языке – родном или неродном – оно осуществляется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Зайдес К.Д., Шерстинова Т.Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 111-126.
2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 25. Проблемы культуры речи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 16-38.
3. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. Учебник для студентов-нефилологов / Под ред. О.Б. Сиротининой. М.: УРСС, 2002. 144 с.

4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 2. СПб.: Норинт, 2005. 1168 с.
5. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
6. Крысин Л.П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К – О. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 861 с.
7. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с.
8. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
9. Сиротинина О.Б. Пути развития литературного русского языка в их соотношении с типами речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический ф-т, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: МГУ, 2004. С. 27-28.
10. Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Часть 1. М.: ИРЯ РАН, 1991. С. 5-19.
11. Hymes D. On Communicative Competence // The Communicative Approach to Language Teaching / C.J. Brumfit, K. Johnson (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1971. 243 p.
12. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics. Selected Readings / J.V. Pride and J. Holmes (eds.). Harmondsworth: Penguin, 1972. Pp. 269-293.

ВАДЖИБОВ Малик Джамалутдинович (Махачкала, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный университет
malikvad@yandex.ru

**ДИСТРИБУТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВ
В ТАБАСАРАНСКОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИНТАГМЕ**

Аннотация. В статье представлены дистрибутивные особенности табасаранских звуков в речевой цепи. Отмечены основные свойства гласных и согласных в слоге и их расположение в фонетической синтагме. Рассмотрены, какие слоги характерны для табасаранского языка. Описаны позиции долгих и кратких гласных. Если долгие гласные функционируют и под ударением, и в безударном положении, то краткие гласные встречаются только в предупредных слогах. Подробному анализу подвергнуты специфические свойства согласных сочетаться друг с другом и гласными в анлауте, инлауте и ауслауте. Подчеркнуто, что в абсолютном начале слова не встречаются гласные и любой слог начинается с согласного.

Ключевые слова: дистрибутивные особенности, звуки, табасаранский язык, слог, позиция, синтагма.

Abstract. The article presents the distributive features of Tabasaran sounds in the speech chain. The main properties of vowels and consonants in a syllable and their location in the phonetic syntagma are noted. It was considered, what syllables are typical for the Tabasaran language. The positions of long and short vowels were described. If long vowels function both under stress and in an unstressed position, then short vowels are found only in pre-stressed syllables. The specific properties of consonants to combine with each other and with vowels in anlaut, inlaut and auslaut were subjected to a detailed analysis. It is emphasized that there are no vowels at the absolute beginning of a word and every syllable begins with a consonant.

Keywords: distributive features, sounds, Tabasaran language, syllable, position, syntagma.

По нашим данным, в табасаранской фонетической системе представлены 9 простых гласных и 66 согласных звуков [2: 8, 10]. Кроме того, в говорах наличествуют долгие и краткие гласные, а также восходящие и нисходящие дифтонги, которые специально в литературе не выделяются, не фиксируются. Все эти звуки по-разному проявляют себя в синтагме.

Простые гласные бывают ударными и безударными, долгие гласные могут быть также ударными и безударными. При этом, по результатам наших исследований, эти звуки не функционируют в заударных слогах. Долгие гласные в основном встречаются в иноязычных существительных, ср.: *ъāжжўгъ* (аз.) «*гнев, гневный*», *лāзўм* (ар.) «*нужный*», *ъāльўм* (ар.) «*ученый*», *мāльўм* (ар.) «*учитель*» и др. [1: 7, 11, 49, 56]. Они функционируют и в ряде исконно табасаранских слов, ср.: *мāгъá* «*сопля*», *вāрў* «*все*», *гъá:му* «*расположенное далеко наверху*», *мў:липан* «*не накрывай*», *мў:лхан* «*не ругайся*» и пр. (в императиве долгий является и ударным).

Дифтонги представлены как в исконно табасаранских словах (ср.: *йикк* «*мясо*», *йэргўб* «*прыгать*», *бай* «*сын, мальчик*» и др.), так и в заимствованиях (ср.: *ъайрāн* (аз.) «*сыворотка, пахта*», *шэйъ* (ар.) «*вещь*», *йимўш* (аз.) «*плод, фрукт*» и др.) [1: 7, 37, 90].

Краткие гласные функционируют только в предударных слогах. *«Появление или наличие таких гласных не носит регулярного характера, т.к. в большинстве случаев в предударных слогах в говорах и диалектах табасаранского языка произносятся обычные простые гласные»* [3: 83]. Правда, в литературном языке не принято употребление таких гласных, которые представлены как в начальных формах, так и в косвенных, как в исконно табасаранских лексемах, так и заимствованиях, ср.: кўтáб (ар.) «книга», чўлáхъ (перс.) «безрукий, калека», шўппá (аз.) «суп» [1: 40, 85, 91], пўсьуькí (русс.) «сахар-песок», тук (русс.) «ток» → тўкáр «мн.ч.», пич (русс.) «печь» → пўчáр «печи» и др.

Естественно, больше всего кратких гласных в исконно табасаранских словах, ср.: швўтíрáм «свирель», чўччўл «ящерица», чўмўл «кизил», хирччв «хурджин» → хўччвáр «хурджины», хил «рука» → хўлў «эрг.п.», хўлўз «на руку, руке», хўлўн «род.п.», хўлáр «руки», чвуг → чвўккáз «в сарай», чвўккáр «сарай» и др.

В табасаранском языке слог не начинается с гласного звука, но может им заканчиваться. Это означает, что слог не может состоять из одного звука и в абсолютном начале слова не встречаются гласные. Помимо этого, данному языку не свойственно сочетание Г+Г. Поэтому для рассматриваемого языка прежде всего характерны слоги: С+Г+С и С+Г.

В анлауте не представлена дистрибуция согласных. Ее мы находим на стыке слогов или морфем. Иногда консонантная сочетаемость прослеживается и в конце слова. Поэтому в речи встречается и такой слог: С+Г+С+С. При этом последние звуки должны быть или шумными, или же первый сонорным, а второй шумным, ибо дистрибутивные свойства согласных табасаранского языка не поз-

воляют произносить в конце синтагмы ряд сочетаний консонантов, то есть в конце слова или слога не употребляется сочетание «шумн.+сон.». По этой причине в заимствованиях вместо «метр», «литр», «кадр», «негр» и др. употребляют *мúтри*, *лúтри*, *кадри*, *нэгри* и т.д. Имеет место и усечение, если консонантное сочетание в ауслауте не подчиняется законам языка, ср.: камбáни «комбайн», матацúк «мотоцикл» и др. Если же в заимствованиях сонорный предшествует шумному, то в синтагме используются без изменений такие иноязычные односложные слова, как *март*, *сорт*, *торт*, *порт* и др., ибо в ауслауте в табасаранском языке функционирует сочетание «сон.+шумн.», ср.: кьяьртI «пробор», пюьртI «кукиш», меркк «лед», чиркк «лягание», зимз «муравей» и др.

Если же мы сравним позиционное употребление усиленных согласных, иначе называемых преруптивами, то можно наблюдать следующее: в литературном языке и ряде говоров в конце слога используются усиленные. В то же время в большинстве говоров произносится обычный звонкий согласный, совпадающий с усиленным по месту образования, гъван «камень» → гъвандúкк (лит., южн.гов.) «под камнем», но: гъанжúг (диал.), клул «голова» → клулúкк (лит.яз, южн. гов.) «под головой», но: клулúг (диал.) и др.

Если взять южный межгюльский говор, который не контактирует с северными говорами, то в нем не всегда используется усиленный согласный, ср.: гъар «дерево» → гъарúг «под деревом», но: гъарúкк (лит.), лик «нога» → ликрúг «под ногой», но: ликрúкк (лит.), хил «рука» → хýлúг «под рукой, находится в подчинении», но: хилúкк (лит.) и др. Литературное предложение «Йиз хилúкк йицúр кас ккáйиз» «В моем подчинении находятся десять человек» в говоре звучит так: «Йиз хýлúг йицúр кас гáйиз». Как видим, в указанном

говоре в анлауте так же не функционирует усиленный согласный. Такова же позиция в следующих примерах, ср.: ччил (лит.) – жил (гов.) «*ягненок*», ччвур (лит.) – жжвур (гов.) «*имя*» и др. Что касается хивского говора, одного из южных говоров, то в нем в анлауте и ауслауте встречаются усиленные согласные, ср.: ттáвунза (лит.: т́увунза) «дал, отдал», ттирúн «*тандыр*», кка «*находится под...*», гьарúкк «*под деревом*», хýлúкк «*под рукой*» и др.

Усиленные встречаются в односложных словах (ср.: чуркк «*птенец, детеныш*», чиркк «*лягание*», никк «*молоко*», мистт «*мечеть*», душтт «*друг*», рацц «*гумно*», хлинцц «*крыло*» и др.), в двухсложных лексемах между гласными (ср.: ъуччвúр «*красивый*», муччвúр «*ложка*», ъиччúб «*тонкий*», ъиццúб «*вкусный*» и др.), в инлауте в консонантных комплексах (марццú «*чистый*», ъурччвúб «*бить*», ъурчлвппáр «*девятки*», гьúбккуб «*резаный*» и др.), что наблюдается повсеместно. В сувакском же диалекте для усиленных обычно не характерна такая позиция. После такого звука обязательна безударная гласная, которая обычно как бы повторяет корневой гласный, ср.: рúкъи (лит. ригъ) «*солнце*», мáркъа (лит. маргъ) «*посох*» и др. С.В. Кодзасов писал о том, что в дубекском диалекте в конце слова запрещены звонкие, сильные, абруптивы и гортанная смычка. В такой позиции происходит наращение гласного, см.: ъúшву «*рот*», йáкка «*мясо*», нúтli «*гнида*», швéъэ «*медведь*» [5: 336]. Эти примеры являются основанием считать, что в ряде северных говоров не употребляется односложное слово.

Выше мы писали, что гласные в табасаранском языке не встречаются в анлауте, т.е. в языке отсутствуют открытые слоги. И, естественно, в начале слога перед гласным произносится ларингал, который называется гамзой. В позициях перед гласными и между

гласными гамза ослабляется и орфографически не обозначается [7: 554]. Мы его называем слабым вариантом ларингала. В анлауте слога встречается слабый вариант *ъакú* «*светлый*», *ъуъл* «*хлеб*», *ъулгъанú* «*передник*» и др. Этот вариант функционирует и в между гласными, ср.: *суъáл* «*вопрос*», *зиъúн* «*наверху*», *леъэ(é)ф* «*покрывало, одеяло*» и др. В ауслауте представлен сильный вариант гамзы, ср.: *ваъ* «*нет*», *пеъ* «*курица*», *маъ* «*мозг*» и др.

Дентолабиализованные консонанты **жжв, чв, ччв, чúв, жв, шв**, которые в современном табасаранском языке образуют 6-членный ряд согласных звуков [4: 48], встречаются только в исконно табасаранских словах, *рижжв* «*хвост*», *ъучвú* «*вы*», *мурччв* «*угол*», *чúвал* «*ива*», *жви* «*человек, личность*», *ъулжвáн* «*точило, оселок*», *шваъкъ* «*пятка*» и др. При этом указанные звуки подчиняются тем же языковым правилам, что и остальные согласные.

На стыке морфем в инлауте функционируют двойные и долгие согласные, ср.: *чуъл-лёр* «*луга*», *сел-лёр* «*потоки*», *къáн-на* *ъурггúб* «*двадцать семь*» и др.; *ъисккалач:ú* «*заведующий складом*» ← *ъисккала́т* «*склад*» + -чи, *йиччв:áр* ← *йиччв* «*мед*» + -ар и др.

Двойные согласные обычно встречаются в заимствованиях, ср.: *гуъллé* (перс.) «*пуля*», *кэллé* (аз.) «*череп*», *муддáт* (ар.) «*промежуток времени*», *моъгъоъббáт* (ар.) «*любовь*» [1: 19,39,54,59]. Долгие согласные произносятся на стыке морфем как результат фонетической ассимиляции, ср.: *йукьúп:и* (б+п) «*четвертый*» (кл. вещей) ← *йукьúб* «*четыре*» + -пи; но: *йукьúрпи* «*четвертый*» (кл. разумных) ← *йукьúр* «*четыре*» + -пи; *миннач:ú* (т+ч) «*проситель*» ← *миннáт* «*просьба*» + -чи и др. Указанные звуки, оказавшись на стыке слога, как бы раздваиваются к разным слогам [6: 95],

ср.: датт «петух» → датт-ттáр «петухи», йикк «мясо» → йикк-ккáр «мн.ч.», йакъ «баран» → йакъ-ккáр «бараны» и др.

Итак, мы вкратце описали дистрибутивные особенности звуков табасаранского языка в пределах фонетической синтагмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.Е., Загиров В.М. Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. 96 с.
2. Ваджибов М.Д. Звуковая система табасаранского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. 24 с.
3. Ваджибов М.Д. К вопросу о кратких гласных в некоторых заимствованных именах существительных, наличествующих в межгюльском говоре табасаранского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 6. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. С. 83-86.
4. Ваджибов М.Д. О дистрибуции табасаранских дентолдабиализованных консонантов // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. Т. 6. № 1-2. С. 48-53.
5. Кодзасов С.В. Фонетические очерки // Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990. С. 311-347.
6. Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М.: Наука, 1980. 350 с.
7. Ханмагомедов Б.Г.-К. Табасаранский язык // Языки народов СССР в 5 томах. Т.4. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. С. 546-548.

ВЕЛИЧКО Алла Васильевна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
all_velichko@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается один тип синтаксических фразеологизмов – фразеологизированные предложения (ФП). Они определяются как важные коммуникативные единицы. Анализируется вариативность ФП как одно из их характерных свойств. Вариативность ФП обусловлена их двойственной грамматической природой. Одни варианты построения ФП отражают их фразеологический характер, другие обусловлены свойственными им синтаксическими признаками. Вариативность ФП осуществляется в строгих рамках их устойчивости. Вариативность ФП, кроме чисто структурной организующей роли, выполняет также смысловую, коммуникативную функцию.

Ключевые слова: фразеология, синтаксис, фразеологизированные предложения, вариативность построения.

Abstract. The article deals with one type of syntactic phraseological units – phraseologized sentences (PhS). They are defined as important communication units. The variability of PhS is analyzed as one of their characteristic properties. The variability of PhS is due to their dual grammatical nature. Some variants of the construction of PhS reflect their phraseological character, while others are due to their inherent syntactic features. The variability of PhS is carried out within the strict limits of their stability. The variability of the PhS, in addition to a structural organizing role, also performs a semantic, communicative function.

Keywords: phraseology, syntax, phraseologized sentences, variability of construction.

Для современной лингвистики с ее антропоцентрической направленностью особый интерес представляет фрагмент языковой картины мира (ЯКМ), отражающий представление о человеке как создателе и пользователе языка.

Человек создал язык для себя и для других членов общества, и основная функция языка – служить средством общения. Общение как сложный, комплексный когнитивно-прагматический вид речевой деятельности получает воплощение в различных средствах языка, и важная роль в формировании этого фрагмента ЯКМ принадлежит грамматическим фразеологизмам. Синтаксическая фразеология исследована пока недостаточно. Исследователи относят к синтаксическим фразеологизмам построения разного рода, и соответственно используются разные термины: *нечленимые предложения, устойчивые фразы, фразеологические обороты, стационарные предложения, фразеосхемы* и др. [1-7].

В статье рассматривается один вид грамматических фразеологизмов – фразеологизированные предложения (ФП). Это нестандартные синтаксические структуры, построение и семантика которых не подчиняются действующим в языке синтаксическим связям и

закономерностям. Ср.: *Ехать так ехать; Нет бы мне поговорить с Ириной; Вот это праздник так праздник; Как не пойти* и т. п. [3].

ФП предназначены для выполнения в речевом общении фатической функции, которая реализуется в них как выражение различных значений субъективной модальности, т. е. выражение отношения говорящего к содержанию сообщения.

Класс ФП велик, насчитывает свыше пятидесяти единиц. Такая совокупность фразеологизированных предложений обеспечивает возможность представить все возможные интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые возникают у человека в процессе коммуникации.

Структурно-грамматическая специфика ФП заключается в том, что их образуют компоненты двух видов – постоянные и переменные, или свободные, поэтому они частично воспроизводятся, частично производятся Ср.: *Тоже мне город; Тоже мне праздник; Тоже мне спортсмен*. ФП отражают мыслительный процесс, фиксируют ход мысли, модель мысли, а не готовую мысль. Этим обусловлена характерная для большинства ФП вариативность построения [3: 174-177]. Вопросы вариативности других синтаксических фразеологизмов рассматриваются в работах [1; 4; 6: 108-132].

Вариативность ФП, кроме чисто структурной, организующей, выполняет в них также смысловую, коммуникативную роль, что расширяет, варьирует их коммуникативные возможности. Вариативность ФП связана как с постоянным, так и с переменным компонентом. Для исследования же их коммуникативного потенциала в первую очередь интересна вариативность представления переменного компонента.

Позицию переменного, свободного компонента во многих ФП могут заполнять знаменательные слова разных частей речи, что позволяет коммуниканту отнести выражаемое отношение к разным компонентам ситуации общения – к действию, лицу, объекту, признаку, обстоятельству, ср.: *Тоже мне выступил; Тоже мне подарок; Тоже мне спортсмен; Тоже мне змея; Тоже мне красивый; Тоже мне близко!*

Вариативность может быть обусловлена лексическим наполнением переменного компонента. Если в ФП типа: *Какой это певец; Какой это концерт* используется одушевленное существительное, то допускают вариант, где слово *это* заменяется личным местоимением: *Какой он певец* (ср.* *Какой он концерт*).

В некоторых ФП свободный компонент лексически ограничен, так как их значение нацелено на определенный круг объектов. Так, в высказываниях модели **ах ты + сущ.** используются, как правило, существительные со значением негативной оценки лица. Ср.: *Ах ты баловник! Ах ты озорница!; Ах ты бандит!; Ах ты грубиян.*

Структура **ай да + сущ.** предназначена для выражения отношения к лицу (*Ай да сестра!; Ай да помощник!*), и использование здесь неодушевленных существительных нехарактерно.

Лексическое наполнение частей ФП со значением обусловленности также может варьировать его значение. В высказываниях типа: *Купить-то словарь я купил, но он не очень интересный; Купить-то словарь я не купил, но взял его в библиотеке* значение противопоставления реализуется или как просто уступка, или сопровождается оттенком компенсации.

Таким образом, фразеологизированные предложения живут и действуют в языке как социально ориентированные языковые еди-

ницы, а их богатый коммуникативный потенциал обеспечивает говорящей личности необходимые условия для полноценного и эффективного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В.Л. Проблемы устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968. С. 21-29.
2. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы в русской речи: монография. Тула: Издательство Тульского гос. пед. университета им. Л.Н. Толстого, 2011. 153 с.
3. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: Монография. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с.
4. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
5. Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1967. С. 123 -137.
6. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. М.–Ереван: Институт языкознания РАН; Изд-во ЕГУ, 2005. 184 с.
7. Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимых предложений. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского. пед. университета, 2001. 136 с.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова,
Российский университет дружбы народов
yusvlad@rambler.ru

РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ЭВОЛЮЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ (на материале грамматической категории безличности)

Аннотация. Настоящая статья посвящена семантико-грамматической категории безличности, которая изначально присутствовала во всех индоевропейских языках. Унаследованный русским языком общинный способ бытия подчинял себе отдельного человека, за которым утвердилась функция наблюдателя. Это обусловило ментальное своеобразие русской языковой системы и активное развитие данной грамматической категории. В западноевропейских языках, напротив, категория безличности была вытеснена субъектно-предикатной формой предложения. Поэтому ментальные особенности русских безличных предложений представляют серьезные трудности при переводе на западноевропейские языки.

Ключевые слова: язык, ментальность, категория безличности, бытие, субъект, перевод.

Abstract. This article is devoted to the semantic-grammatical category of impersonality, which was originally present in all Indo-European languages. The communal way of being inherited by the Russian language subjugated the individual, for whom the function of an observer was established. This led to the mental originality of the Russian language system and the active development of this grammatical category. In Western European languages, on the contrary, the category of impersonality has been supplanted by the subject-predicate form of the sentence. Therefore, the mental characteristics of Russian impersonal sentences present serious difficulties when translated into Western European languages.

Keywords: language, mentality, category of impersonality, being, subject, translation.

Полипарадигмальная направленность на изучение русской ментальности повлекла за собой интерес к языку как «глубинному корню народной жизни» [3: 6]. Стремясь выявить ментальные особенности русской языковой системы, обратимся к «концептуальной сетке, с помощью которой носители языка воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их языковом сознании» [6: 96].

Особый исследовательский интерес вызывает категория безличности, сформировавшаяся в первобытную эпоху, когда «язык сращен с интуитивно-практическим познанием мира (досознательным ощущением возможностей), исходным знанием человека» [2: 506-507]. Действительно, возникавшие в синкретичном сознании ментальные структуры отражали целостное мировосприятие, которое, с одной стороны, полностью подчиняло себе человека, а с другой – выполняло защитную функцию, способствуя сохранности и целостности племени.

«В индоевропейском языке, – писал Ф.Ф. Фортунатов, – в эпоху его распада были некоторые глаголы, называемые в грамматике безличными глаголами... В них вовсе нет формы лица. И то,

что мы называем в них формой 3-го лица, есть такое образование, которое произошло из образования формы 3 лица, так как всякий безличный глагол был некогда глаголом не безличным, но которое в безличных глаголах уже не имеет формы лица» (цит. по: [8: 199]). Тем не менее в процессе становления индоевропейских диалектов, а позднее и самостоятельных языков архаичная категория безличности приобретала своеобразные черты.

Так, в обособившихся западноевропейских языках субъектно-предикатная форма со временем вытеснила категорию безличности, которая сохранилась лишь для выражения состояния, однако и в этих предложениях появляется формальное подлежащее (например, английское *It* и французское *Il*).

В качестве иллюстрации сошлемся на следующие примеры из английского, испанского и французского языков: *It is cold / Hace frio / Il fait froid* 'холодно'; *It is snowing / Nieva / Il neige* 'снег идет'; *It was getting dark / Se obscurecia / Il faisa it sombre* 'темнело'; *It is late / Es tarde / Il est tard* 'поздно'; *It is two o'clock / Son las dos; Il est deux heures* 'сейчас два часа'; *It is said / Dicen / On dit* 'говорят'; *It seems me / Me parece / Il me semble* 'мне кажется'; *It is difficult to speak / Es dificil decir / Il est difficil de dire* 'трудно сказать'; *One must not smoke / Se pro hibe fumar / Il est interdit de fumer* 'курить запрещается'.

Что же касается общеславянской, а позднее русской концептуализации мира, то наши далекие предки унаследовали первостепенную значимость бытия, в котором человек ощущал себя лишь малой частью. В итоге общинные ценности и установки способствовали становлению культуры коллективистского типа, одной из констант которой стала акцентуация бытия, а человеку отводилась роль пассивного наблюдателя.

В этом контексте примечательно замечание Н.Д. Арутюновой, которая писала, что «в силовое поле русского языка входят два соотносительных понятия – стихия и воля. Первое относится к миру природы, второе к миру человека. <...> Стихия действует активно, воля – пассивно». Неудивительно, что унаследованное восприятие стихийной природы бытия всё более укрепляло в сознании принцип «по течению», а в языковом строе – категорию безличности [1: 814].

В подтверждение сошлемся на следующие пословицы: *Как чему быть, так и быть; Чему быть, тому и стать; От судьбы / лиха не уйдешь; Рока не минуешь; Ленивому болит в хребте; Заведутся злыдни на три дня, а не выживешь до веку; За старость почитается* и др.

Крещение Руси и принятие православных заповедей преобразили отношение к миру, другим и к самому себе в силу готовности исповедников согласовывать свои действия с Божьей волей: *Наша доля – Божья воля; Господня воля – наша доля; Всякую долю Бог посылает; Боле воли – хуже доля; Жену с мужем некому судить, кроме Бога; Далеко грешнику до царствия небесного* и др. Исследование древнерусских летописей XII-XV вв. также приводит к выводу о постепенном увеличении безличных конструкций, передающих действие природной стихии. При этом отмечается, что в ситуации выбора личной или безличной конструкции в большинстве случаев предпочтение отдается именно безличной форме [4].

Возрастающая доля безличных конструкций и рост их семантико-синтаксического потенциала в русском языке отмечались А.А. Потебней, который пришел к заключению, что русские безличные предложения продолжают развиваться и «по направлению от древности число бессубъектных увеличивается за счет субъектных» [7: 322].

Примечательно и замечание Н.Д. Арутюновой о характерной для безличных конструкций тенденции употребляться для обозначения действий, которые не только осознаются, но и контролируются человеком [1: Там же].

В качестве иллюстрации приведем следующие пословицы: *И хочется, и колется; Кому вынется, тому, тому сбудется; Не спится, не ложится, все про милого грустится; Как аукнется, так и откликнется; Стерпится, слюбится; Хочется – пререхочется; Жить – мучиться, а умирать не хочется* и др.

В целом, пассивность и бездействие субъекта в силу неких внешних обстоятельств остается характерной особенностью русской речи. При этом субъектность оказывается как бы растворенной в самом бытии, которое фактически выступает в функции деятеля: *Опять нет времени поговорить; Меня тянет в горы; Как всегда, не везет; У нее опять не сложилось; Придется ждать; С работой не ладится; Не хватило времени закончить; Так уж получилось* и др.

Исчезновение субъекта-деятеля в приведенных безличных конструкциях свидетельствует об «особых формах мышления говорящего по-русски человека» [5: 375], а следовательно, и об экзистенциальном самосознании, в котором личностное *Я* не отделимо от бытия. Такова традиционная русская концептуализация бытия: человек, занимая в нем центральную позицию, чувствует свою подчиненность внешней или внутренней силе и стремится согласовать свои действия с течением самой жизни. Но выразить на романогерманских языках заложенное в русском безличном предложении единство человека с пространственно-временным, ментальным и экзистенциальным контекстом бытия невозможно.

В качестве примера самобытности русской категории безличности обратимся к роману Л.Н. Толстого «Война и мир» и рассмотрим предложение *Про батарею Тушина было забыто* и его переводы на английский, испанский, итальянский и французский языки. Так, в английском, испанском и итальянском переводах безличность передается пассивными конструкциями: *Tushine's battery had been forgotten / Tuchin y el battaleón que le cubría fueron olvidados / La batteria di Tuscin era stata dimenticata* 'батарея Тушина была забыта'. А во французском тексте – неопределенно-личным предложением: ... *on avait oublié la batterie de Touschine* 'батарею Тушина забыли'.

Таким образом, при переводе выраженный Л.Н. Толстым трагизм ситуации утрачивает свою экзистенциальную напряженность, не сопоставимую с нелепой забывчивостью одного или нескольких лиц. Более того, величие духа Тушина писатель противопоставляет его же готовность подчиниться обстоятельствам, когда лишь благодаря князю Андрею ему удалось избежать наказания. И в подобном отношении к внешним обстоятельствам как некой силе не проявляется потребность в самоутверждении, но православное стремление преодолеть гордыню.

Завершая предпринятое рассмотрение категории безличности, уходящей корнями в индоевропейское прошлое и вобравшей в себя языческое, а позднее православное восприятие бытия, отнесем ее к тем глубинным интуициям о мире и человеке, которые легли в основание русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Биbihин В.В. Язык // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2010.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

4. Краюшкин И.Е. Безличные конструкции, обозначающие действие природной стихии, в древнерусских летописях (URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/krajushkin_ie.doc.pdf)

5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

6. Пименова М.Вл. Исследование ментальности русского народа / Колесов В.В., Пименова М.Вл. Языковые основы русской ментальности. 5-е изд. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2017. С. 73-130.

7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. 551 с

8. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 448 с.

ГЕЙМБУХ Елена Юрьевна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
gejmbuh@rambler.ru

НАЗВАНИЕ ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»: СИМВОЛИЧЕСКОЕ И РЕАЛЬНОЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению смысла названия повести С. Довлатова «Заповедник». На материале изучения лексико-семантических полей, группирующихся вокруг слова «заповедник», выявляется система смыслов, которые становятся в повести сюжетно- и текстообразующими. Рассматривается динамика соотношения прямого и метафорического значений в слове, их взаимообусловленность и обратимость.

Ключевые слова: С. Довлатов, «Заповедник», язык и стиль, смысл названия.

Annotation. The article is devoted to the title meaning study of S. Dovlatov's narrative «The Reserve». Based on the study of lexical and semantic fields grouped around the word «reserve», the system of meanings that becomes plot and text forming in the narrative is revealed. The dynamics of the ratio of direct and metaphorical meanings in the word, their interdependence and reversibility are considered.

Keywords: S. Dovlatov, «Reserve», language and style, meaning of the title.

1. Повесть С. Довлатова «Заповедник», как и его творчество в целом, не обделено вниманием исследователей – литературоведов и лингвистов: библиография включает и статьи, и монографии, и диссертации. Есть даже обзор работ по «Заповеднику» [3]. Для исследователей «Заповедника» так же, как и для изучающих другие произведения писателя, свойственна многосторонность подходов и

многогранность описания текста: изучается образ автора [7], интертекстуальные связи повести [1], своеобразие юмора и др. [4]. При этом, на наш взгляд, некоторые работы не столько решают проблемы, сколько указывают на них. В данной статье хотелось бы остановиться на одной частной проблеме повести – смысле ее названия.

2. При анализе заглавия мы будем опираться на исследования Н.А. Николиной. На наш взгляд, на материале повести «Заповедник» можно иллюстрировать такие «важнейшие свойства заглавия», как «многозначность, динамичность, связь со всем содержанием текста, взаимодействие в нем конкретности и генерализации» [5: 122].

3. Слово «заповедник» помимо различных символических значений реализует и прямой смысл: «Заповедное место, где оберегаются и сохраняются редкие и ценные растения, животные, уникальные участки природы, культурные ценности» [6: 186]. Другое дело, что вследствие особого рода отбора и группировки лексики, связанной с Пушкинским заповедником именно как с локусом, С. Довлатов добивается того, что ключевые для семантики лексемы «заповедник» слова «оберегаются» и «сохраняются» теряют своё значение. Знаковые вопросы героя: *Кто же это на самом деле?; Какие экспонаты музея – подлинные?* Он убежден: *...музей – не театр.* Знаковые слова администрации заповедника: *Да какая разница...* (слова Галины Александровны).

4. Заповедник как этап жизни автобиографического героя: попытка убежать от себя самого и постепенное осознание решения уехать, которое подспудно уже вызрело. Посвящение *Моей жене, которая была права* указывает на два лексико-семантических поля, формирующих динамику драматической борьбы героя с самим со-

бой и с миром, постижение истинных и ложных ценностей (жена: *Даже твоя любовь к словам <...> фальшива; Мы для тебя – чужие;* герой: *Тут уже не любовь, а судьба*).

5. Заповедник как воплощение абсурда современной герою жизни. Всё вокруг подталкивает к отъезду: бессмысленность существования (пьянство в том числе) и всеобщие разговоры об отъезде.

4. Заповедник является точкой пересечения двух культурных миров – мира А. Пушкина и мира автобиографического героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доброзракова Г.А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX – XX веков : автореферат дис. ... доктора филологических наук. М., 2012. 50 с.

2. Довлатов С. Ремесло. СПб.: Азбука-классика, 2005. 608 с.

3. Жулькова К.А. Своеобразие стиля повести С.Д. Довлатова «Заповедник» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2020. № 2. С. 157-164.

4. Малащенко В.В. Художественная деталь и семантика заглавия повести С. Довлатова «Заповедник» // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2018. № 12 (44). С. 201-210.

5. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984.

7. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2015. 25 с.

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна (Горловка, ДНР)

доктор филологических наук, доцент
Горловский институт иностранных языков
iragerasimenko@mail.ru

ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНАЯ И КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются обиходно-разговорные и книжно-литературные единицы, функционирующие в современном мультипликационном дискурсе. Анализируется семантика и функционирование стилистически сниженной лексики, даётся оценка уместности и целесообразности использования некодифицированных языковых знаков в текстах российской мультипликации.

Ключевые слова: обиходно-разговорный, книжно-литературный, лексемы, сочетания, мультипликационный дискурс.

Abstract. The article deals with colloquial everyday speech and literary units of modern animated discourse. It analyses the semantics and functioning of stylistically informal/spoken and taboo lexemes. The propriety and practicability of using uncodified linguistic signs in the texts of Russian animation is also estimated in the article.

Keywords: colloquial everyday speech, literary units, lexemes, combinations, animated discourse.

Как известно, до недавнего времени разговорная речь противопоставлялась кодифицированной книжной речи и относилась к разновидностям литературного языка [7: 324]. Однако в последнее время разговорную речь, которая используется «для устной непринуждённой коммуникации в неофициальной обстановке» [12: 508], стали считать некодифицированной разновидностью национального языка [6: 102]. Как следствие, разговорную речь как одну из разновидностей русского национального языка (наряду с книжными стилями с их строгой нормативной базой и межстилевой лексикой; см.: [4: 13; 11: 373; 10: 5; 8: 407] и др.) по своему функциональному предназначению стали дифференцировать на публичную (официальную) и обиходную (неофициальную), последнюю из которых подразделять на бытовую и профессиональную; см.: [15].

Если публичная разговорная речь предполагает определённую нормативную строгость и имеет известные ограничения в выборе функционально-стилистических средств языка, не допуская по коммуникативным соображениям сниженных, а тем более грубых, вульгарных, жаргонных слов и выражений, то обиходно-разговорная (бытовая) речь как некодифицированная форма [6: 102] «сопровождает повседневное (домашнее, приятельское) общение» [5: 41] и допускает «практически неограниченный круг языковых единиц, нормативных и ненормативных: так называемых внутрисемейных

словечек, фамильярных оборотов, сниженных слов и выражений, просторечных и жаргонных образований, вульгаризмов и даже об-сценизмов» [14: 272]. При этом в лингвистике существует три под-хода к пониманию лексико-семантического наполнения обиходно-разговорной речи: а) глобальный подход, согласно которому «оби-ходно-разговорное общение, устное и письменное, бытовое и про-фессиональное, охватывает весь лексический фонд речи с привле-чением любых слов русского языка в зависимости от цели и условий общения: от книжной деловой и научной лексики до разговорно-сниженной, социально и территориально ограниченной» [16: 59]; б) традиционный подход, в рамках которого разговорная речь считае-тся обиходной речью носителей литературного языка [10: 6-7] и кото-рая «тяготеет к нейтральной и резко отграничивается от сильно сниженной – вульгарной, общежаргонной, обценной (вопреки её широкой употребительности)» [16: 59]; в) собирательный подход, исходя из которого обиходно-разговорная речь объединяет всю лек-сику и фразеологию разной степени сниженности (в отличие от книжной и нейтральной): «от разговорно-литературной до разговор-но-сниженной, просторечной, вульгарной и общежаргонной, но при условии её общеизвестности и общепонятности для среднего носи-теля русского языка» [16: 60]. При этом В.В. Химик обиходно-разговорные единицы (литературные, фамильярные, просторечные, жаргонные, грубые, вульгарные, бранные слова) соотносит «с базо-вым нейтральным лексиконом русского языка» [16: 60], указывая на их отличия по степени сниженности. Ввиду этого автор (и мы следу-ем этому подходу) установил градацию сниженного обиходно-разговорного лексикона с ориентацией на литературную норму: 1) слабо сниженные слова относительно свободного употребления,

которые в толковых словарях обозначаются пометой разг. (разгово-
рно-литературные, тяготеющие к «верхней» границе словаря раз-
говорно-обиходной речи и допустимые в публичной коммуникации –
короткометражка, лепет, фазенда); 2) слова и значения ограни-
ченного употребления, которые находятся на границе литературной
нормы или за её пределами и в толковых словарях обозначаются
пометой разг.-сниж. или сниж. (фамильярные, грубые, неуместные в
официальной публичной коммуникации, – *морда, дрыхнуть, кема-
рить, стипуха, шпора, тусовка*); 3) единицы резко ограниченного
использования, которые находятся за пределами языковой и этиче-
ской нормы (вульгаризмы, просторечие как городской полудиалект
малообразованных людей, профессиональные и социальные жар-
гонизмы, жаргоноиды (интержаргон, сленг) – *выпимши, втихаря,
незнамо куда, задолбать, жрать, кайф, прикид*); 4) слова и выра-
жения категорически недопустимые для употребления, особенно
публичного, но используемые в обиходно-разговорной речи (обсче-
низмы, или матизмы, – табуированное сквернословие) [16: 60-61].

Цель статьи – описать семантику и функционирование исполь-
зуемых в современном мультипликационном дискурсе обиходно-
разговорных единиц в сопоставлении с книжно-литературными сло-
вами.

Как показывает материал исследования, современный мульт-
пликационный дискурс («Смешарики», «Барбоскины», «Маша и
Медведь», «Алёша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и
Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и др.) про-
низан обиходно-разговорными лексемами разной частеречной при-
надлежности. Это имена существительные (*фифа, ледышка, ведёр-
ко, животинка, потеряшка, грязюка, ночка, скукота, хворь*), имена

прилагательные (*глупый, языкастый, вредный, недалёкий* ‘умственно ограниченный’), местоимения (*ихний*), наречия (*маловато, маленько, рановато, отродясь*), глаголы (*перебарщивать, жадничать, извести, вертаться, проворонить, удумать*), частицы (*ишь, нешто*) и др. Ср. примеры с некоторыми из них: *Вертайся, а то... Вертай, тебе говорю!* («Алёша Попович и Тугарин Змей»), где глагол *вертаться* в [14] имеет помету разг.-сниж. и обозначает ‘возвращаться’; *Собравшись с духом, ... да придя к рассудку мудрому, стал князь мыслить-решать, как вора изловить, да богатство воротить* («Илья Муромец и Соловей-Разбойник»), где глагол *воротить* в значении ‘вернуться’ снабжён пометой разг.-сниж. [14]; *Упустили... Проворонили!* («Илья Муромец и Соловей-Разбойник»), где глагол *проворонить* передаёт значение ‘упустить по невнимательности’ и имеет пометы разг. [З: 1376] или разг.-сниж. [14]; *А-а, ишь чего удумала, ишь че удумала!* («Алёша Попович и Тугарин Змей»), где глагол *удумать* выражает значение ‘придумать’ и имеет пометы разг. [З: 1002] или разг.-сниж. [14]. В примере *Животина казённая, на балансе значится* («Илья Муромец и Соловей-Разбойник») выделенное существительное передаёт значение ‘домашнее животное’ и имеет пометы разг. [З: 305] или разг.-сниж. [14]. В примере *Сумеешь богатыря со свету извести, весь долг прощу!* («Добрыня Никитич и Змей Горыныч») глагол *изводить*, имея помету разг., обозначает ‘лишить жизни’, ‘истреблять’ [З: 378; 14]. В рамках контекста *У тебя золота отродясь не было!* («Алёша Попович и Тугарин Змей») наречие *отродясь* передаёт значение ‘ни разу за всю жизнь’ и трактуется как разг. [З: 760] или разг.-сниж. [14]. В примере *Ишь ты!* («Илья Муромец и Соловей-Разбойник») частица *ишь* используется для выражения недоумения или желания обра-

тить внимание на что-либо и снабжена пометой разг. [3: 406; 14]. В мультфильме «Алёша Попович и Тугарин Змей» использована частица *нешто* со значением 'неужели', которая в [3: 448] имеет помету разг.-сниж.: *Нешто так можно с чужим добром?* Видимо, непринуждённость и неофициальность общения героев российской мультипликации порождает лексическую свободу, которая также проявляет себя не только в использовании перечисленных разговорных и разговорно-сниженных слов, но и в окказионализмах (*телепорташки, телепортнуло, крошевость, антикрошевый*), варваризмах (*original девочка*), а также диффузных, семантически размытых словах (шутл. *штуковина, шутл. бандура* – о чём-то громоздком).

Показательно, что в дискурсивном пространстве современной мультипликации используются разговорные синкретемы (термин М.Вас. Пименовой [9]) – «парные именованья, указывающие на наличие двух денотатов, один из которых предполагает другой и на основе парности которых возникает новый денотат» [9: 162]. Ср.: разг. синкретемы *ёлки-иголки, ух ты – пух ты*, коррелирующие с народ.-поэт. *гуси-лебеди, клён-дерево, путь-дорога* и под. По коммуникативному статусу это обыденная, повседневная лексика; по социальным условиям – бытовая; по языковым средствам – неоднородная и свободная, в том числе сниженная и ненормативная. Оценочность и эмоциональность таких языковых единиц провоцирует их использование в непринуждённой дружеской обстановке и отвечает критериям языковой моды.

Анализируемые слова и выражения относятся к обиходно-разговорным единицам по ряду фонетических, словообразовательных, лексических признаков. Так, звуковой эллипсис (выпадение сегментов), редукция (сокращение) гласных и согласных вплоть до

их полного исчезновения реализованы в примере *ну / да ваще* 'вообще' («Барбоскины»). Словообразовательные средства, которые придают лексике разговорный оттенок, реализованы в следующих словах анализируемого дискурса: *глупыш, дружище, дорогуша, умняшка, девчонка, желёзка, костюмчик, цветочек, червячок, глупенький, маленько* и др. Данные языковые знаки образованы с помощью суффиксов *-ыш, -ищ, -уш, -яшк, -онк, -к, -чик, -чек, -ок, -еньк* (в их числе служебные морфемы, которые вносят в семантику имён существительных со значением лица уменьшительно-ласкательный оттенок). К словообразовательным средствам разговорного стиля также относятся усечение основы, контаминация, стяжение с аффиксацией. Эти средства компрессивного словообразования реализованы в таких лексемах современной мультипликации: *компл, теллик, домашка, физра, мобилка*. Нужно отметить, что в анализируемых текстах мультипликационного дискурса также функционируют полисеманты, одно из значений которых квалифицируется как разговорное. Ср.: *Ну, молоток, Генка* («Барбоскины»), где слово *молоток* понимается как разг.-сниж. 'молодец' (об этом см.: [13]).

Речь героев современной мультипликации насыщена разговорными устойчивыми сочетаниями типа *быть в шоке* (ср. производное *шоковый*). Как пишет Л.И. Скворцов, «в современной стилистически сниженной обиходно-разговорной речи слово *шок* нередко употребляется расширительно-метафорически в значении 'крайнее изумление', 'неожиданное эмоциональное состояние', 'восторг'. Употребление слова *шок* в этом расширительном значении [...] пока ещё нельзя считать общелитературным и нормативным» [13: 1035].

Наряду с регулярным использованием обиходно-разговорных слов и сочетаний в современной российской мультипликации функ-

ционируют и книжно-литературные лексемы. К книжно-литературным языковым знакам мультипликационного дискурса принадлежат имена существительные (*красота, молодец*), имена прилагательные (*яркий, эффектный, чудесный, гениальный, несчастный, невероятный, некрасивый, забавный, позитивный, нелепый, самокритичный, нечеловеческий, колоссальный, огромный*), наречия (*грустно, унизительно, отлично, замечательно, феноменально, непременно, грандиозно, беспрецедентно, красиво, внушительно, замечательно, печально, неохотно* и др.).

Они, как и обиходно-разговорные лексемы, передают положительную (*истинный, гениальный, позитивный, прекрасный, фантастический, огромный, колоссальный, удивительнейший, загадочный, забавный, милый, чудесный, отлично, замечательно, феноменально, грандиозно, внушительно, красота*) и отрицательную (*несчастный, жуткий, нелепый, глупый, скептический, гигантский, унизительно, беспрецедентно, печально*) оценочную и эмоциональную коннотации. При этом в современном мультипликационном дискурсе слов с положительной оценкой, как правило, меньше, чем с отрицательной, что вполне объяснимо. Как указывает Н.Ф. Алефиренко, «в лексическом составе любого языка преобладают единицы отрицательной оценки, поскольку всё хорошее считается нормой» [1: 168]. Однако и лексических единиц книжно-литературного языка, задействованных в канве мультипликационного дискурса, меньше, чем обиходно-разговорных языковых средств.

Итак, включение обиходно-разговорной лексики в дискурс мультипликации логично приводит к формированию небрежного отношения «к языку и речи, к соблюдению правил этикета и этикетных норм, возникают привычки, которые переносятся на другие виды

общения» [2: 23]. Как результат, данные лексические средства прочно входят в речь современных детей. Поэтому обиходно-разговорная речь как «естественная лингвокультурная среда живого русского многолетия, свободного эмпирического самовыражения говорящего» [14: 276] должна взвешенно вводиться в дискурс мультипликации. Эта проблема требует дальнейшего детального анализа, что и будет предметом изучения в наших последующих работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
2. Байкулова А.Н. Основные тенденции развития официального и неофициального общения // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 22-25.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка / Ред. Т.Г. Винокур, Д.Н. Шмелев. М., 1968. С. 12-101.
5. Герасименко И.А. Субъективно-оценочная лексика дискурса мультипликации в аспекте филологического образования // Гуманитарные науки. № 1. (37). 2017. С. 40-44.
6. Колокольцева Т.Н. Разговорная речь и разговорный стиль интернет-эпохи // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. Языкознание. 2016. № 8 (112). С. 102-108.
7. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследование по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2008. 888 с.
8. Лаптева О.А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 407-408.
9. Пименова М.Вас. Устойчивые сочетания в диахронии // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Мат-лы межд. научн. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», 2015. С. 160-164.
10. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. 239 с.
11. Сиротинина О.Б. Разговорная речь. (Определение понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 373-391.
12. Сиротинина О.Б. Разговорная речь // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 508-509.
13. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: ООО «Изд-во «Оникс»: ООО «Изд-во Мир и образование», 2009. 1104 с.

14. Толковый словарь русского языка под ред Т.Ф. Ефремовой, 2006 / 1.00 Portable. Режим доступа к изданию: <http://www.softportal.com/software-13023-tolkovij-slovar-russkogo-yazika-t-f-efremovoj.html>

15. Химик В.В. Русская разговорная речь: актуальные вопросы // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения – 2015: XVII Всерос. научн. конф.: сборн. научн. тр. 2016. С. 272-276.

16. Химик В.В. Русская разговорно-обиходная речь в лексикографическом представлении // Филологический класс. 1 (35). 2014. С. 59-60.

ГИК Анна Владимировна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт русского языка
имени Виктора Владимировича Виноградова РАН
annagik@yandex.ru

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье анализируются способы звуковой организации стихотворного текста. Дистантные и контактные повторы организуют не только звуковое, но и семантическое поле стихотворения. В результате звуковых соответствий, слова разных лексических и семантических групп начинают взаимодействовать. Такой тип построения стихотворного произведения и вызывает процесс паронимической аттракции (худые ходульки). Материалом исследования являются произведения М. Кузмина.

Ключевые слова: поэтический язык, семантика, звукопись, паронимическая аттракция.

Abstract. The article analyzes the ways of sound organization of a poetic text. Distant and contact repetitions organize not only the sound, but also the semantic field of the poem. As a result of sound matches, words of different lexical and semantic groups begin to interact. This type of construction of a poetic work also causes the process of paronymic attraction (thin stilts). The research material is the works of M. Kuzmin.

Keywords: poetic language, semantics, sound writing, paronymic attraction.

Принципы создания стихотворного текста основываются на идее «тесноты стихового ряда» (термин Тынянова). В частности, способы связи слов в поэтическом тексте отличаются от лексических, семантических и синтаксических правил соединения слов в прозаических произведениях. Стихотворное произведение имеет свои грамматические особенности, устанавливаются также и прави-

ла сочетаемости слов в строке, строфе, стихотворении и стихотворном цикле. «Для поэзии начала XX в. характерен гармонический принцип звуковой организации стиха, основанный на сочетании и взаимодействии контактных и дистантных повторов и вариаций разной глубины и сложности. Слова, связанные звуковой близостью, способны объединяться в синтаксически связанные сочетания», – пишет Н.А. Кожевникова, объясняя особенности строения поэтического произведения [1: 99].

Различные идиостили начала XX века организуют текст с опорой на звуковую составляющую слов. В. Хлебников использовал даже специальный термин – «внутреннее склонение слова»: «словесное нутро также имеет склонение по падежам. Склоняясь, иногда немая основа придает своему смыслу разные направления и дает слова, отдаленные по значению и похожие по звучанию»; «Так бобр и бабр, означая безобидного грызуна и страшного хищника... самым строением своим описывают, что бобра следует преследовать, охотиться за ним, как за добычей, а бабра следует бояться.. бег бывает вызван боязнью, а бог – существо, к которому должна быть обращена боязнь» [3: 171-172].

Другой автор начала XX века – М. Кузмин изложил свою программу звукового устройства текста в стихотворной форме: *С какою-то странной силой / Владеют нами слова, / И звук немилый иль милый, / Как будто романа глава* (1911). Циклы стихов составляются Кузминым с опорой на звуковые соответствия. Этот принцип часто нарушает законы семантической связи слов и законы реального мира. В докладе будет проанализирован цикл «Песни о душе», 1921-1922 гг., в который вошли 6 стихотворений. Почти в каждом стихотворении находим примеры звуковой аттракции: *Медлительно*

пльву от плавней влажных снов, / Родные пастбища впервые вижу снова...; У платана тень прохладна..., Стеклянно сердце и стеклянна грудь...

Порождение текста связывается с созданием звукового образа, который конкурирует с семантикой слова, подключает ассоциативные поля подсознания и, в конце концов, организует синтагматические связи в стихотворном произведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевникова Н.А. Звуковая организация стиха // Она же. Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009. 892 с.
2. Кузмин М. Стихотворения. СПб., 2000. 832 с.
3. Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1928. Т. 5.

ДЕВЯТОВА Надежда Михайловна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
deviatovan@mail.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ ОФОРМЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема оформления внешней и внутренней точки зрения в тексте и ошибки, связанные с неправильным их оформлением. Внимание обращается на такие языковые средства, как вводно-модальные слова, отдельные лексические единицы, вставные конструкции. Как жанрово значимая характеристика текстов отдельных жанров рассматривается дистанция между передаваемым фактом и модусным субъектом.

Ключевые слова: внешняя и внутренняя точка зрения, способ оформления точки зрения, модусный субъект.

Abstract. The article discusses the problem of formalizing the external and internal points of view in the text and errors associated with their incorrect design. Attention is drawn to such linguistic means, as introductory modal words, lexical units, parenthesis insert constructions. As a genre significant characteristic of texts, the distance between the conveyed fact and the modus subject is analysed.

Keywords: external and internal point of view, way of designing point of view, modus subject.

Проблема носителя точки зрения является проблемой и предложения, и текста: любое событие отражает чье-то восприятие и яв-

ным или неявным образом указывает на модусного субъекта. В художественном тексте это может быть точка зрения автора или персонажа. Между событием и позицией модусного субъекта существует разная дистанция, и она по-разному отражается в текстах разных жанров. В зависимости от передаваемого содержания точка зрения может быть внешней или внутренней, передавать информацию о себе или о другом. Различия в способе оформления точки зрения могут объясняться разными причинами: способом восприятия действительности, позицией модусного субъекта, характером отражаемой информации и др. Для оформления точки зрения важно и то, кто пишет о событии – человек, непосредственно включенный в ситуацию, или не участвующий в ней. Отчасти это связано с типом повествования – различением повествования от первого или третьего лица [1].

Проблема точки зрения в работах Г.А. Золотовой тесно связана с проблемой коммуникативных регистров [3]. Каждый коммуникативный регистр организован определенной модусной рамкой, выявляющей позицию модусного субъекта.

Проблема точки зрения связана и с проблемой типового значения модели. Исследуя модели со значением состояния, Г.А. Золотова отмечает их связь с внутренней точкой зрения. С проблемой внешней / внутренней точкой зрения Г.А. Золотова связывает и различие слов категории оценки и категории состояния [3: 159].

Связь с внутренней или внешней точкой зрения обнаруживают и вводные слова. Об их роли в художественном тексте в связи с проблемой точки зрения речь идет, в частности, в нашей работе [2]. Например, в следующем фрагменте вводное слово служит способом оформления внешней точки зрения – точки зрения автора.

Например: *Стоя на остановке автобуса с рюкзаком за плечами, Медея ощущала себя не менее чем Одиссеем. Вероятно, даже более, поскольку Одиссей у берегов Трои, не догадываясь о многолетнем времени, которое понадобится ему для возвращения, достаточно точно представлял себе расстояние, отделявшее его от дома* (Л. Улицкая).

Отсутствие вводного слова переводит текст в другой режим. Или: *В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; облокотившись на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала* (Ф.М. Достоевский).

Вводное слово *по-видимому* связано здесь с внешней точкой зрения.

Вводное слово может соединяться с внутренней точкой зрения, если передается внутреннее состояние лица: *Мать была для меня совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным со мной собственным, я заметил, почувствовал ее, вероятно, тогда же, когда и себя самого* (И. Бунин).

При соединении с внутренней точкой зрения вводное слово работает на идею неопределенности: автор не может точно определить временные границы собственного состояния.

В настоящей статье мы обратим внимание на различие способов оформления точки зрения субъекта, включенного или не включенного в ситуацию. Мы будем говорить о текстах, представляющих жанры рассказа о себе или другом. Материал составили тексты юбилейных статей, автобиографий, тексты о жизни отдельных людей.

Особое внимание мы обратили на отдельные трудности при подготовке текста, на ошибки и трудности его редактирования.

Ошибки, о которых пойдет речь, связаны с неправильным оформлением точки зрения. Это ошибки в употреблении отдельных лексических единиц и др. Анализ ошибок позволил обнаружить проблему – связи отдельных единиц с определенной точкой зрения, «включенности» этого признака в лексическое или грамматическое описание отдельного факта, границы употребления отдельных единиц.

Связь с точкой зрения могут обнаруживать разные единицы, в частности, неправильное употребление отдельных единиц связано с тем, что не учитывается их связь с определенной точкой зрения: «Присутствие автора / и авторской точки зрения, или в лингвистических терминах, присутствие говорящего и соответственно точки зрения говорящего – заложено в семантику самых обычных слов и грамматических категорий естественного языка» [4: 34]. Внимание к проблеме объясняется собранным отрицательным материалом и необходимостью объяснять отдельные ошибки такого рода. Связь с определенной точкой зрения составляет особенность их лексического значения. Мы ощущаем эту связь, хотя словарные статьи обычно этого не отмечают. Обратим внимание на следующий пример: *Из 70 лет, отмеренных профессору кафедры русского языка И.И. Иванову, 45 лет приходится на работу в сфере высшего образования.*

Обратим внимание на причастие *отмеренный*. В большинстве словарей отмечается лишь прямое значение глагола. Национальный корпус русского языка дает достаточное количество употребления причастия. Например: *А сколько жить отмерено, это не нам знать* (И. Грекова).

Чаще субъект в таких примерах – первое лицо или обобщенный субъект. Например: *Жить уж, не оглядываясь, уходит и ухо-*

дуть вперед, сколько отмерено (НКРЯ); *Сколько нам с тобой отмерено бытия?* (НКРЯ). Внутренняя точка зрения отражается и при субъекте 3 лица. Говорящий отражает событие с точки зрения субъекта основной модели. Например: *Люди умирают, покидают мир, как покинул его сын, но сколько времени отмерено ему* (НКРЯ); *Полностью свободная от злых чар, она проживет отмеренный ей срок жизни так, как благословит Дева* (НКРЯ); *Ровно четыре года ему было отмерено совершать служение перед престолом Божиим* (НКРЯ).

В соединении с личным субъектом глагол имеет книжную стилистическую окраску. Отмеряет время жизни высшая сила, *отмерять* в таких случаях отражает особые межсубъектные отношения между тем, кто отмеряет, и тем, кому отмеряется время жизни. Не исключается, однако, и внешняя точка зрения. Например: *Мэбэт уже сед, и потому все чаще Ядне думала – сколько отмерено ему?* (НКРЯ). Здесь передается точка зрения Ядне, однако это персонаж, который тесно связан с Мэбэт и непосредственно заинтересован в ситуации. Здесь можно говорить о минимальной эмоциональной дистанции между персонажами, что и объясняет возможность употребления *отмерить*.

В контекстах, где глагол или причастие соединяется с неличным субъектом, они теряют высокую стилистическую окраску и отражают при этом внешнюю точку зрения. Например: *Большевистскому царству было отмерено 50 лет* (НКРЯ); *Процессам отмерено собственное время* (НКРЯ). В таком случае речь идет о законченных процессах.

Ошибка в приведенном примере объясняется неразличением внутренней и внешней точки зрения. Пример представляет внутрен-

ную точку зрения, тогда как требование жанра требует внешней точки зрения.

Неразличение внешней и внутренней точки зрения представлено и в следующем примере: ***Он счастлив, что посвятил себя такому благородному делу.*** Главное предложение имеет типовое значение «субъект и его состояние» и отражает внутреннюю точку зрения. А особенности жанра не допускают устранения дистанции между субъектом речи и субъектом текста. Для того чтобы текст был правильным, необходимо разграничить эти точки зрения, например: *И.И. Иванов признавался, что счастлив оттого, что большую часть жизни отдал такому благородному делу.*

Неразличение точек зрения встречается и в следующем примере: *В это время он поступил в Московский государственный университет, **тогда еще полностью размещавшийся на улице Моховой.***

Вторая часть текста организована точкой зрения внутреннего субъекта текста, мысленно переносящегося в определенное время своей жизни.

То, что неуместно в тексте юбилейной статьи, является нормой в тексте-рассказе о персонаже, например, с названием «Жизнь N». В таких текстах дистанция между автором и субъектом, о ком идет речь, может минимизироваться, и автор может отражать событие с точки зрения субъекта текста. Такое можно наблюдать в текстах, рассказывающих о жизни определенного человека. Например: *Овдовевший отец отдал ее на воспитание в село Панфилово Буйского уезда Костромской губернии к бабушке Настасье Петровне Готовцевой, **которая очень любила внучку и создала хорошие условия для ее развития;** Всю красоту родной сторо-*

ны Галина Ивановна **потихоньку** перенесла в скромную тетрадь своих стихов [5].

Обратим внимание на другие лексические единицы, обнаруживающие связь с точкой зрения внутреннего субъекта: *Студент И.И. Иванов хорошо учился и целыми днями **не вылезал** из библиотеки*. Глагол *вылезал* имеет сниженную стилистическую окраску, кроме того, *вылезал* соотносится с точкой зрения внутреннего субъекта. При соотнесенности с внешней точкой зрения носителем точки зрения может быть субъект, близкий субъекту модели.

В следующем фрагменте обратим внимание на употребление вставной конструкции: *После аспирантуры И.И. Иванов занимается новым тогда делом – обучением иностранцев русскому языку. Уже через 10 месяцев студенты осваивали курс. **И получалось!***

Выделенная часть текста построена с учетом внутренней точки зрения, на что указывает частица *уже*. Вставная конструкция *И получалось!* отражает точку зрения внутреннего субъекта, а не субъекта речи.

Обратим внимание на литературную автобиографию. В качестве примера мы взяли «Автобиографию» С. Есенина. На внутреннюю точку зрения указывает такое лексическое средство, как *протекло*. Возможно изложение от 3 лица: *Здесь **протекло** все его детство*. В этом случае точка зрения автора совпадает с точкой зрения персонажа: автор смотрит на событие с внутренней точки зрения персонажа. В текстах с внутренней точкой зрения часто встречается разговорная лексика: *Бабушка любила меня **изо всей мочи**; **Бабка** была религиозная, **таскала** меня по монастырям*.

Отметим и такую особенность подобных текстов, как обилие неполных предложений. Например: *Стихи начал писать, подражая*

частушкам. В Бога верил мало. В церковь ходить не любил; Учился в закрытой учительской школе.

Внешняя точка зрения характерна и для такого жанра, как характеристика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геймбух Е.Ю. Структура повествования от первого лица: своя речь как чужая (на материале романа В. Каверина «Открытая книга») // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филологическое образование. 2012. № 2 (9). С. 32-37.

2. Девятова Н.М. Вводно-модальные слова и их роль в художественном тексте // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2020, № 2 (38). С. 46-55.

3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.

4. Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Серия литературы и языка, 1993, Том 52, № 3. С. 33-44.

5. Устное собеседование. 15 типовых вариантов. Составитель С.Н. Мурашева, учитель русского языка и литературы. Бараново, 2019. 73 с.

ДУБОВА Марина Анатольевна (*Коломна, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
dubovama@rambler.ru

МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЖА КАК КОМПОНЕНТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (на материале рассказа И.А. Бунина «На хуторе»)

Аннотация. В статье анализируется концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности главного героя раннего рассказа И.А. Бунина «На хуторе» Капитона Иваныча. Предметом авторского интереса является лингвокогнитивная модель концепта с ядром и системой периферийных средств. Цель статьи состоит в анализе лексических средств репрезентации концепта, основу которых составляют глагольные лексемы со значением мыслительного процесса. Выводы, к которым приходит автор статьи в ходе анализа, состоят в том, что особенности мыслительного процесса героя определяются его одиночеством, мировосприятием, социальным положением и возрастом.

Ключевые слова: концепт, мыслительная деятельность, репрезентация, языковая личность, И.А. Бунин, «На хуторе».

Abstract. The article discusses the concept of «Mental activity» as a component of the linguistic personality of the protagonist of the early story by I.A. Bunin «On

the Farm» Kapiton Ivanovich by name. The subject of the author's interest is the linguo-cognitive model of a concept with a core and a system of peripheral means. The purpose of the article is to analyze the lexical means of representing the concept, which are based on verbal lexemes with the meaning of the thought process. The conclusions reached by the author of the article in the course of the analysis are that the features of the character's thought process are determined by his loneliness, worldview, social status and age.

Keywords: concept, mental activity, representation, linguistic personality, I.A. Bunin, «On a Farm».

Важной чертой современных лингвистических исследований является антропоцентризм [3; 4], акцентирующий внимание на изучении языка в рамках антропоцентрической парадигмы, что объясняет активный интерес ученых к такой области научных знаний, как когнитивная лингвистика, «объектом изучения которой является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны» [5: 6]. Как справедливо отмечает М.Вл. Пименова, «В последние десятилетия ... на первый план выступил ряд проблем, связанных с методикой и методологией концептуальных структур и лексического значения слова» [7: 3]. Интерес к этой области знаний определяет актуальность данной статьи, объектом исследования которой является языковая личность Капитона Иваныча – героя одного из ранних рассказов И.А. Бунина «На хуторе». Предмет исследования составляет концепт «Мыслительная деятельность» как компонент характеристики языковой личности главного персонажа рассказа «На хуторе».

В этом произведении автор представляет нам «одногоединственного персонажа – мелкопоместного дворянина Капитона Ивановича, и весь рассказ – цепь воспоминаний и размышлений героя о жизни» [1: 27]. Таким образом, повествование лишено внешней динамики, тогда как все действия происходят во внутреннем плане, в размышлениях главного героя о прожитой им долгой жизни, её смысле и подведении итогов.

Так, в центре авторского внимания оказывается описание мыслительного процесса Капитона Иваныча, рано потерявшего родителей и выросшего у князей Нагайских. Это важные события в жизни героя, так как они во многом предопределили становление его личности и формирование мировоззрения. С первых строк рассказа автор описывает неприглядную внешность персонажа, по его собственному мнению, явившуюся одной из причин его жизненного одиночества, а также *«имя как у дворецкого»*: *«Капитон Иваныч был один – как всегда. Ему словно на роду было написано всю жизнь прожить одиноко»*. Думается, этим и объясняется активный мыслительный процесс героя, близкого к природе и понимающего её: *«Все задумалось вечерней думой, – задумался и Капитон Иваныч, сидя у поднятого окна»*. Как известно, именно мыслительная деятельность выступает важным компонентом характеристики языковой личности, так как мышление и память обладают способностью фиксировать и сохранять знания человека о мире, систематизируя их и формируя мировоззрение.

В рассказе И.А. Бунина основу концепта «Мыслительная деятельность» составляет лингвокогнитивная модель с ядром и системой периферийных средств. На лексическом уровне концепт «Мыслительная деятельность» репрезентируется преимущественно глаголами и глагольными выражениями со значением интеллектуальной деятельности.

Ядро концепта составляет глагол *думать* и его лексические дериваты, употребляемые в разных грамматических формах в первом словарном значении – ‘направлять мысли на кого-что-н., размышлять’ [6: 156] и насчитывающие 13 словоупотреблений, а также семантически близкие к ним лексемы *размышлять* (1) и *представ-*

лять (1): *Все задумалось* вечерней думой, – *задумался* и Капитон Иваныч; ... *думал* служить в только что открывшемся земстве; ... забыл даже *думать* о своей наружности; Как человек, привыкший все спокойно *обдумывать*; ... и сладко было ему *думать* о ней, обманывать себя надеждами на счастье; «Восемьдесят лет домику!» – *думал* Капитон Иваныч. – *Вот* осенью надо звать плотников, а то холод будет ужасный; *Стараясь придумать* себе дело, он направился по двору к варку; Но, *думая* совсем о другом, Капитон Иваныч только постоял у варка; «Да и на что они мне нужны?» – *подумал* Капитон Иваныч и не спеша пошел за каретный сарай...; «Сижу, как сыч на бугре, – *подумал* Капитон Иваныч. – *Вот*, скажет народ, делать нечего старику!»; «Долга! – *подумал* Капитон Иваныч. – Да, все-таки долга!»; «А ведь правда – старик я, – *продолжал он размышлять*. – Умирать скоро...»; *Сколько лет представлялось*, что вот там-то, впереди, будет что-то значительное, главное. Это самая многочисленная группа мыслительных глаголов, что свидетельствует о важности в жизни одинокого уже немолодого человека философских размышлений о прожитой им жизни. На первый взгляд, кажется, что объектов мыслей у Капитона Иваныча много: это и открывшееся земство, и его неприглядная наружность, и старый, требующий ремонта домик, и варок, и, наконец, робкие мысли о счастье и о чем-то значительном, что ждало его впереди, но, видимо, так и не дождетя. Однако, как оказывается на самом деле, все его размышления сводятся к одному центру – постижению сущности жизни, её скоротечности: с одной стороны, «*Как, в сущности коротка и бедна человеческая жизнь!*», а с другой – «... *все-таки долга*».

Другие лексические средства вербализации концепта «Мыслительная деятельность» расположены на разном расстоянии от ядра, что обусловлено их семантической близостью к общему значению поля.

Первую группу лексических средств, репрезентирующих концепт «Мыслительная деятельность», составляет глагольная лексема *помнить* (4) и её лексический дериват *напомнить* (1) в разных грамматических формах, объединенные лексическим значением глагола *помнить* – ‘сохранять, удерживать в памяти’ [6: 483]: – *А помните, сударь, Анну Григорьевну? – Помню, – сказал Капитон Иваныч; Он отлично помнил её, старую худую деву..., помнил, как она ... твердила наизусть французские басни..; помнил и «Полонез Огинского»; И этот запах напоминал – вечера, когда он приезжал домой из города.* Все воспоминания героя в той или иной степени оказываются связаны с детством – самым счастливым возрастным периодом в жизни персонажа, хотя «*детство и отрочество он провел в доме сумасшедшей тетки, старой девы, и в школе кантонистов*». С течением времени все отрицательные эмоции стерлись, и теперь герой вспоминает о детстве с чувством утерянного счастья и ностальгии.

Вторую группу лексических средств, репрезентирующих концепт «Мыслительная деятельность», составляет глагольная лексема *не знать*, единожды употребленная в тексте в значении ‘не иметь сведения о ком-чем-нибудь; не обладать какими-нибудь познаниями; не иметь о ком-чем-нибудь понятие, представление’ [6: 201]: ... *не знал, что его ... рябое лицо очень привлекательно своей спокойной добротою.* Примечательно, что сам герой с детства, со времени неразделенной любви, воспринимает свою внешность

негативно, как причину своего одиночества, тогда как на самом деле впечатление, которое производит он на людей, иное.

К сожалению, сжатый объем статьи не позволяет произвести более глубокий и обширный анализ. Однако, как нам кажется, даже сделанные наблюдения позволяют отметить, что лексический анализ средств репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» персонажа как компонента характеристики его языковой личности позволяют сделать выводы о его обусловленности конкретной исторической эпохой, социальным положением и окружением. Как уже было отмечено выше, весь рассказ представляет собой «рече-мыслительное действие» главного героя Капитона Иваныча, что свидетельствует о важности и активности этого процесса в его жизни.

Опираясь на лингвокогнитивную модель описания концепта, мы выявили и прокомментировали систему объективирующих его языковых средств, основное место среди которых принадлежит глаголам интеллектуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В.Н. И.А. Бунин. Очерк творчества. М.: Просвещение, 1966.
2. Бунин И.А. На хуторе // Бунин И.А. Собрание сочинений в 5 тт. Т.1. М.: Библиотека «Огонек»; Правда, 1956. С. 54-59.
3. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2005. 367 с.
4. Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
7. Пименова М.Вл. Языковая картина мира [Электронный ресурс]: учеб. пособие. 5-е изд., доп. М.: Флинта, 2019. 106 с.

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович (Вологда, Россия)

кандидат филологических наук
АНО ДО «Учебно-информационный центр «СОКРАТ»,
ДОО ВО «Вологодская духовная семинария
Вологодской епархии Русской Православной Церкви»
zaw1991@mail.ru

**СОЮЗ ЯКО В ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТИ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ
СРАВНЕНИЯ В ДВУХ ТЕКСТАХ ФЕДОРА ИВАНОВА
(на материале «Письма...» и «Челобитной...» 1666-го года)**

Аннотация. В статье рассматривается функционирование союза «яко» в придаточных частях сложноподчиненных предложений. В качестве материала взяты два текста Федора Иванова. Данный автор, известный как выдающийся идеолог раннего периода старообрядчества, демонстрирует и традиционное понимание сравнительного оборота, и выступает проводником общих тенденций в языковой синтаксической системе XVII века.

Ключевые слова: сложное предложение, придаточное предложение, сравнение, союз, старообрядчество.

Abstract. The article deals with the functioning of the union "yako" in the subordinate parts of complex sentences. Two texts by Fyodor Ivanov are taken as material. This author, known as an outstanding ideologist of the early period of the Old Believers, demonstrates both the traditional understanding of comparative turn of speech, and acts as a guide to general trends in the linguistic syntactic system of the XVII century.

Keywords: complex sentence, subordinate clause, comparison, union, Old Believers.

I. В информационном письме XIV Международной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» в списке «вопросов для обсуждения» особое место отведено оборотам, включающим союз «яко» (*яко кедр* и т. д.). Полагаем, что выбор именно этой единицы отнюдь не случаен. Достаточно вспомнить, что на значении этого союза в славянских языках уже в XIX веке подробно останавливался А.А. Потебня [5]. В первой трети двадцатого столетия значение *яко* как важнейшего элемента синтаксической организации I Новгородской летописи подробно описывала Е.С. Истрина [1], а обобщал её наблюдения Л.П. Якубинский в своих ра-

ботах [6]. Большинство исследователей сходятся в том, что союз «яко заменяет собой множество союзов» [2: 477], однако «в памятниках XVII в. он уже не имел широкого распространения» [3: 508]. Тем любопытнее проследить его употребление в тексте одного из выдающихся идеологов раннего периода старообрядчества.

II. Пожалуй, фигура Федора Иванова в истории языка и исторической стилистике незаслуженно забыта. Конечно, он не создал памятника, равного «Житию...» Аввакума, но он и не уступал последнему в понимании тех ресурсов языка, какие привлекались им для своих произведений. Общеизвестно, что, во-первых, сочинения рассматриваемого идеолога старообрядчества оказывали сильное воздействие на Алексея Михайловича. Во-вторых, даже Аввакум, будучи духовным отцом Федора Иванова, уничтожал сочинения последнего по личным мотивам [4]. В силу всего вышесказанного тот материал, который дошел до нашего времени, представляет ценность в решении вопроса о функциональности языковых единиц в периоды «перестройки» ментальности.

III. Эмпирический материал для данной статьи – два текста, поданных на Поместном Соборе в Москве в 1666-ом году царскому окружению. Из всего перечня придаточных предложений, которые встретились нам в упомянутых сочинениях вместе с союзом *яко*, мы останавливаемся на сравнительных конструкциях. Возможно, извлеченные примеры будут полезны в контексте обсуждаемой на конференции проблематики.

Сложноподчиненные предложения со сравнительной частью в общей канве употреблений представляют собой оформление некоторого аморфного комплекса понятийных структур с характерным для них образным слоем. В частности, можно выделить обороты,

где фигурируют 1) животные, 2) люди, 3) орудия, 4) время и 5) место (или пространство).

IV. Перечисленные выше группы мы распределили вместе с примерами на блоки контекстов.

1. Сравнение с животным: *собрахъ азъ, яко песь отъ крупиць господей своихъ* [4: 20]; *Блудять, государь, што кошки по кринкамъ, такъ нынѣшніе переправщики по книгамъ, и яко мыши огрызуютъ божественная писанія* [4: 32]; *такъ стѣснены, яко овцы посредѣ волковъ* [4: 34]; *мучительски вся твориль, – не смѣль никто съ нимъ слова молвить, – яко левъ восхищая и рыкая* [4: 36].

В приведенных примерах сохраняется внутренняя градация от преданного «пса» до возвеличенного «льва», с двумя промежуточными («внутренними» по логике двух крайних точек цепи) оппозициями: кошки / мыши, волки / овцы.

2. Сравнение с человеком вообще или с конкретной персоной: *то бы и азъ, яко человекъ, соблазнихъ бы ся не глаголати истиннаго* [4: 18]; *патріархъ, умоливъ, посла, яко втораго Златоуста* [4: 34]; *И святою церковію мятуть, яко слѣпи, съ праваго пути совратшеса* [4: 38]; *зѣло изъясненъ разумъ той нѣкоимъ инокомъ богомудрымъ, и яко никтоже тако инъ написа и протолкова, яко той мужъ блаженный* [4: 43-44].

Если примеры *яко человекъ* и *яко слѣпи* ещё можно считать относительно «чистыми» воплощениями данной группы, то оставшиеся контексты требуют комментария. В контексте *посла, яко втораго Златоуста*, перефразируя высказывание А.А. Потебни, мысль делится не на три части (яко, второй, Златоуст), а представляется цельным образом, где *втораго Златоуста* следует рас-

смагивать как далее неделимую часть пропозиции предложения, поскольку под этой номинацией подразумевается конкретный человек. Последний из приведенных примеров *и яко никтоже тако инъ написа <...> яко той мужъ блаженный <...>* за счёт издревле существующей многозначности союза, вероятно, позволяет выявить распад древнерусского *единообразного* сравнительного оборота с параллельно усиливающейся специализацией подчинительной связи.

3. Сравнение с орудием: *И сію литерату а святіи отцы Арію еретику яко копіе острое въ скверное его сердце воткнули* [4: 12].

Добавим, что это единственный пример, который встретился нам при анализе двух текстов.

4. Сравнение по времени (Оппозиция Тогда / Теперь): *на святаго Мелетія патріарха Антіохійскаго, яко тако мудрствоваль, якоже мы нынѣ держимъ* (крестное знамение – прим. З.А.) [4: 4]; *На той иконѣ воображено воплощеніе Сына Божія, и тоя иконы показуеть и видѣ, яко старописана* [4: 13]; *А азъ убогій тако вѣрую, яко исперва, и съ тѣмъ къ Судіи всѣхъ грядю* [4: 21].

Если понятие времени столь значимо для языковой системы, что затрагивает и грамматические формы, и грамматические значения, и семантику лексических единиц, то в синтаксическом плане оно аккумулирует все доступные ресурсы. Если пример *вѣрую, яко исперва*, не требует комментария, то остальные контексты без пояснений не до конца ясны. В случае (*яко тако мудрствоваль, якоже мы нынѣ держимъ*) первый из союзов *яко* сам по себе не связан со сравнительной придаточной частью предложения, однако, будучи включенным в анафорическую связь, оказывается в «гравитационном поле» сравнительного оборота с усилительной частицей же (*якоже мы нынѣ*). В примере *и видѣ, яко старописана* слож-

ное слово оказывается инкорпорированной единицей со своим внутренним синтаксисом и семантическими компонентами, апеллирующими к понятию времени.

5. Сравнение по пространству (оппозиция Там / Здесь): *Вмѣсто нѣсть конца преложили не будетъ конца, яко же и здѣ также сотвориша* [4: 15]; *Нѣсть подѣ солнцемъ такого благочестія и вѣры правыя, яко въ московскомъ государствѣ* [4: 35].

Приведенные примеры сложно признать чистым сравнительным оборотом. В первом случае *яко же* = 'так же', во втором – *яко* = 'как', или, учитывая прочерчиваемую границу православия Федором Ивановым, 'кроме как'.

V. Отдельного внимания заслуживает пример компрессии текста второго послания апостола Павла к Фессалоникийцам. В этом неточном цитировании за счет источника удерживается многозначность союзов «яко» в одной синтаксической конструкции: *А Павелъ же Христовъ Апостоль яснѣе написалъ, яко по отступленіи вѣры антихристъ приидеть и яко състи ему въ церкви, яко Богу, показуя себя яко Богъ* [4: 40]. Собственно сравнительными оборотами являются последние две выделенные нами части предложения. Впрочем, подобное удерживание (через воспроизведение, трансляцию) в стилистической системе эпохи – тоже черта ментальности. Особенно, если речь идет о старообрядцах и идеологах старообрядчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Истрина Е.С. Синтаксическія явленія Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Петроград: Б. и., 1923. IV, 204 с.
2. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2009. 512 с.
3. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.

4. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 6. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1881. 335 с.

5. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том 2. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Харьков : Унив. тип., 1874. [4], VI. 540, III с.

6. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 368 с.

ИВАНЧУК Ирина Анатольевна (Санкт-Петербург, Россия)

профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций
Северо-Западный институт управления Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
ivanchukia@rambler.ru

СИНТЕЗ КНИЖНОСТИ И РАЗГОВОРНОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ИВАНА ГРОЗНОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

(экспрессия дипломатических документов, ораторская речь,
свидетельства иностранцев)

Аннотация. В статье рассматривается проблема реконструкции разговорной и публичной речи крупнейшей фигуры мировой истории и политики – Ивана Грозного – и роль его лингвистической практики в развитии литературного языка эпохи (метафорика и экспрессия деловой публицистики и ораторской практики). Исследование истории литературной речи освещает значимые аспекты языка Московской Руси в свете лингвокультурологического и ментального аспектов, касающихся косвенных характеристик процессов (реконструкция официальной и разговорной речи отдаленных эпох, свидетельства и записи иностранцев, посещавших Московию, и пр.).

Ключевые слова: экспрессия, Грамота, ораторская речь, И. Грозный, эпистолярный жанр, разговорность.

Abstract. The article deals with the problem of reconstructing of the colloquial and the public speech of the outstanding figure in the world history and the politics - the Ivan the Terrible - and the role of his linguistic practice in the development of the literary language of the era (the metaphoric and the expression of the business writing and the oratory). The study of the history of the literary speech highlights the significant aspects of the language of the Moscow Russia in the light of the linguoculturological and the mental aspects concerning the indirect characteristics of the indicated processes (the colloquial speech of distant epochs, the testimonies and records of foreigners, who visited the Muscovy).

Keywords: expression, Gramota (Deed), oratorical speech, Ivan the Terrible, epistolary genre, colloquiality.

Проблема реконструкции разговорной речи отдаленных эпох – одна из ключевых проблем современной лингвистики. Богатые источники разговорной речи эпохи – *Словарь Академии Российской* (1789-1794) и *Словарь церковнославянского и русского языка Императорской Академии Наук* (1847), широко и полно охватывающие лексику, унаследованную русским литературным языком, не отражают, однако, в достаточной степени состояние живого русского разговорного языка средних веков (от XV в. до периода Далевской лексикографии).

Представление о разговорном языке в письменных источниках XV-XVII вв. обычно обобщено, лишено конкретных деталей, которые отражены в реальных записях разговорной речи эпохи. Историки литературного языка – И.В. Мещерский, Л.С. Бархударов, Б.А. Ларин – справедливо видят один из богатейших источников изучения разговорной речи отдаленных эпох также в свидетельствах и записях иностранцев, посещавших Московию [5].

Особую важность и значимость эти источники приобретают, когда вопрос касается реконструкции разговорной и публичной речи крупнейших фигур мировой истории. В этом плане время правления Ивана Грозного для развития литературного языка – одно из центральных.

Особо значимым в плане исследования представляется культурологический (ментальный) аспект проблемы, касающийся косвенных характеристик обозначенных процессов: несомненную значимость обретают многочисленные свидетельства современников, мемуары, письма, литературные источники. Для уяснения русской государственной ментальности, отражённой в стилистическом и жанровом воплощении дипломатических документов и деловой пе-

реписки, важно проанализировать риторические приемы стилистической манеры Ивана Грозного, представляющие синтез книжности и разговорности. Особо ярко формирование деловой разговорности отражается в изложении официальных дипломатических Посланий.

Мы поддерживаем точку зрения Б.А. Ларина о том, что подобные сведения необходимо собирать по крупицам (они содержатся и в сборниках пословиц, в сатирической литературе и в частно-деловой письменности XVII в.; не в литургических, ритуальных, и не в богословских текстах, а в светской повествовательной литературе, а также в некоторых житиях и особо – в свидетельствах иностранцев [5]. О чем люди Средневековья, и в том числе царь Иван Грозный, говорили? Как понимали друг друга?

Дополнительным материалом анализа служат речевые портреты в произведении «Английское путешествие к москвитам» Климента Адамса, широко образованного человека, создавшего книгу о перипетиях драматического путешествия на латинском языке. Исторический смысл приобретает общая восторженная оценка «новой страны»: *«Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше, чем Лондон с предместьями... Есть в Москве прекрасный замок, высокие стены которого выстроены из кирпича...»* [1]. В процессе анализа привлекаются данные «Словаря общерусского языка Московской Руси XVI-XVII»; сопоставляются английские Грамоты (например, английского Короля Эдуарда) и содержательные выразительные характеристики эпистолярных источников Московии, представленные в описании Климента Адамса.

Нами осуществляется попытка реконструировать некоторые черты разговорной речи XVI-XVII вв. на основе сопоставления лек-

стики различных жанров риторики, судопроизводства, религиозно-обрядовых текстов и деловой переписки.

Как изучать эту, порой недоступную, реальность давно ушедшего времени? Культурологические факты и параллели во взаимодействии двух народов – русского и английского – отражены в письменных текстах Средневековья. Путешественник, главный персонаж Климента Адамса «Английское путешествие к москвитам», подробно описывает ярмарки русского Севера (Вологду, Ярославль, Псков, Новгород), характеризует эти поселения как богатые и развитые в коммерческом отношении. Исторические факты первой встречи в 1553 г. представителей двух государств – России и Англии – связаны с большими задачами открытия для Англии Северного пути в Юго-Восточные страны. Англичане стремятся к серьезным торговым отношениям между государствами; укрепляются связи между государственными людьми, которые отражают состояние разговорной речи обеих сторон и своеобразие их письменных текстов.

Особый научный интерес представляет сопоставление состава лексики в самом актуальном жанре эпохи XVI-XVII вв. – Грамоте (дипломатических Посланиях Ивана Грозного и Английского короля Эдуарда) и определение особенностей делового стиля, отраженного в этих источниках. Основные тенденции в языках различны: английские дипломатические Грамоты тяготеют к стилистической украшенности, русские – к точности, конкретности сложившегося в эпоху XVI-XVII вв. приказного языка.

Содержательны выразительные характеристики, которые представлены английским путешественником Климентом Адамсом, – сказ о России, о разных аспектах ее жизни: Кремлевских обедах невероятной пышности и богатства; состоянии воинства, судопроиз-

водства, создании религиозно-философских текстов и др. В то же время в Московии развиваются и стилистически гибкие, оригинальные формы личной и деловой переписки, связанной с высокими жанрами риторики, – государственной дипломатией.

Для уяснения русской государственной ментальности, отраженной в стилистическом и жанровом воплощении документов эпохи, анализируются риторические приемы переписки Ивана Грозного с И. Курбским, русским полководцем, политиком, писателем, переводчиком и меценатом, приближенным Ивана Грозного, и В. Грязным (с 1571 году находившимся в числе дворян государева стана, участвовавших в походе царских войск на Серпухов в ходе отражения Крымского похода на Москву хана Девлет-Гирея), иллюстрирующие синтез деловой книжности и разговорности.

Представление о деловом разговорном стиле общения эпохи уточняет анализ писем и документов самого Ивана Грозного – литератора, ритора, предтече протопопа Аввакума [6]. Воздействующая сила Посланий Ивана Грозного – в особой системе аргументации, включающей библейские цитаты и выписки из священных авторов; факты из мировой и русской истории для проведения аналогий; примеры из личных впечатлений.

Процесс формирования разговорного стиля изложения отражен и в официальных Посланиях эпохи (напр., в тексте Послания к Английской королеве Елизавете I как проявление особенно яркого риторического мастерства Ивана Грозного, известного своей редкой образованностью и литературным дарованием). В экспрессивно-метафорическом стиле Посланий Ивана Грозного – намеренно грубое нарушение обязательной традиции стилистической сдержанности, благопристойности. Текст послания Ивана Грозного к Елизавете

I, полный гневной метафоричности по поводу неудовлетворительного содержания Грамот о разрешении торговли в Англии, отличается подчеркнутая экспрессивная тональность разговорности, создающая намеренно пренебрежительную манеру повествования: «... *И коли уж такъ, и мы тѣ дѣла отставим на сторону. А мужики торговые, которые отставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашимъ землямъ прибыль, а смотрят своихъ торговь дѣль, и они посмотрят, какъ учнут торговати! А Московское государство покамѣсто без аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси, которую есмь к тебѣ послали о торговомъ дѣле, прислала къ нам. А хотя к намъ тоѣ грамоты и не пришлеш, и намъ по той грамоте не велѣти дѣлати ничего. Да и всѣ наши грамоты, которые есмь давали о торговых дѣлах, по сей день не в грамоты...* [2].

Письма Ивана Грозного – неотъемлемая часть его поведения и деятельности в целом; каждое из них – его общественный поступок. Грозный также в совершенстве владел приемами экспрессии риторического воздействия. Так, отвечая на Послания князю-беглецу А. Курбскому, он демонстрировал свое искусство средневекового «плетения словес», основанного на умелом сочетании лексического разнообразия, синтаксических фигур разговорности, рождающих стилистический контраст как способ эмоционального воздействия на адресата: «*Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекущая нетленную славу презрел еси, и на человека взъярився, на Бога восстал еси*» [3].

Тексты Посланий Ивана Грозного представляют образцы дипломатической риторики и раскрывают блестящее красноречие государственного правителя как первого в истории русской письменно-

сти человека, владеющего собственным неповторимым публицистическим и ораторским слогом. История их издания и значимость – в расширении представлений лингвистов о разговорном языке эпохи XVI – нач. XVII вв.

Текст Климента Адамса дает возможность исследователю проанализировать в лингвокультурологическом аспекте речевые характеристики представителей различных жанров: элементы делового языка Руси, этикетные ситуации делового и дружеского общения, переданные рассказчиком-англичанином, совершавшим путешествие в Московию (характеристика судопроизводства, религиозных обрядов, текстов деловых и личных посланий, речи простолюдинов и пр. и их стилистическое наполнение).

Подобные направления исследования вносят лепту в попытки историков и лингвистов моделировать картину Средневекового царствования, воссоздать речевой портрет современников Ивана Грозного. Ментальный ракурс исследования материалов деловой письменности и ораторского искусства эпохи Ивана Грозного расширяет представление о новом (современном) лексикографическом подходе к изучению обиходного языка Московской Руси и о формировании науки – исторической лексикографии и исторической диалектологии.

Одним из богатств Б.А. Ларин считает создание возможно полной картотеки обиходного языка Московской Руси, с широким представлением идиоматики (фразеологические сочетания, метафорика). В этом аспекте «Английское путешествие к москвитам» Климента Адамса и Материалы «Тетрадей Р. Джеймса» [4] рассматриваются исследователем как несомненный богатейший лексикографический источник [5]. Анализ и соотнесение представлений

англичан о различных риторических жанрах, этикетных речевых ситуациях, деловых документах и реальная картина их существования в Московии (судопроизводство, религия, деловая Грамота, приветственная речь царя, разговор царя с боярами; жанры речевого общения – Речь; Молва; Слух; Обращение; «Плетение словес», речь простолюдинов и знати), отраженные в литературном жанре «Путешествия...» Климента Адамса, свидетельствует о том, что эпоха XVI – нач. XVII вв. знаменует собой активное развитие обиходной и деловой речи, отраженной в текстах, связанных с Англией, расширение русско-английских связей (Ср. «Словарь Р. Джемса»), повышение уровня разных аспектов государственного развития страны.

Осуществляя попытку реконструировать некоторые черты разговорной деловой речи XVI – XVII вв. на основе анализа лексики различных жанров риторики, судопроизводства, религиозно-обрядовых текстов и деловой переписки, мы рассматриваем языковые процессы максимально широко: не только как правила грамматики, но и как культурные представления, ментальные образы, ключевые понятия и слова, участвовавшие в создании жизненного мира средневекового человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; перев. Ю.В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1938. 315 с.
2. Бушков А.А. Иван Грозный. Кровавый поэт. URL: <https://books.google.ru/intl/ru/googlebooks/tos.html> (дата обращения 25.12.20).
3. Говорим «Пушкин», подразумеваем «русский язык». Почему две важные даты отмечают в один день? Pro-литература. Просветительский проект. URL: www.Lector-pro.ru (дата обращения 25.12.20).
4. Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1959. 424 с.
5. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI – XVII веков / Отв. ред. д-р филол. наук, проф. А.С. Герд; Рецензенты: В.В. Колесов, Л.Я. Костючук; Санкт-Петербург. гос. ун-тет. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 688 с.
6. Лихачев Д.С. Курбский и Грозный – были ли они писателями? // Русская литература. 1972. № 4. С. 202-209.

ИВАШНИНА Надежда Сергеевна (Москва, Россия)

преподаватель
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
nadyha.92@mail.ru

ЯВЛЕНИЕ ЭНАНТИОСЕМИИ В ДИАЛЕКТНЫХ НОМИНАЦИЯХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Аннотация. Статья посвящена диалектным номинациям мифологических персонажей в разных регионах России. В результате анализа внутренней формы лексем была обнаружена и исследована энантиосемия, названы причины её возникновения.

Ключевые слова: энантиосемия, корневая морфема, аффиксальная морфема, внутренняя форма.

Abstract. This article is devoted to the dialect categories of mythological characters in different regions of Russia. As a result of the analysis of the internal form of the lexemes, enantiosema was discovered and investigated, and the causes of its occurrence were determined.

Keywords: enantiosema, root morpheme, affixal morpheme, internal form.

Диалектные названия мифологических персонажей являются уникальными хранителями мифологического образа и породившего его мифологического мышления, отличающегося амбивалентностью – сосуществованием в глубинной структуре личности противоположных, взаимоисключающих эмоциональных установок (например, любви и ненависти) по отношению к какому-либо объекту или человеку [24: 25]. Энантиосемия отражает двойственность человеческого мышления [7: 29-30].

В лингвистике явление энантиосемии впервые было описано в XIX веке и породило множество точек зрения. Так, В. Шерцль рассматривал антонимичные значения в слове и подразумевал под энантиосемией явление, при котором в одном слове совмещаются два абсолютно противоположных значения [27: 1]. М.В. Панов считал энантиосемию разновидностью антонимии, акцентируя внимание на том, что с греческого данный термин означает «противопо-

ложность значений внутри слова» [28: 336]. Ряд исследователей акцентируют внимание на когнитивном аспекте энантиосемии. Так, К. Леви-Стросс писал, что в сознании древнего человека не существовало различия между бытием и сознанием и поэтому в мифе истина смешивалась с вымыслом [9: 162-163]. О.Г. Скворцов считал, что «в мифологическом мышлении каждая часть не только репрезентирует целое, но им и является, как бы вбирая в себя силу целого, его значение и действенность» [17: 96]. И.В. Якушевич считает, что энантиосемия возникает в результате символизации – стремления максимально полно в чувственном образе «объять» познаваемую метафизическую реальность и установить противоположные пределы ее проявления [29: 75].

В ряде исследований явление энантиосемии рассматривается в историческом аспекте как особенности внутренней формы слова: появлению энантиосемии способствует неопределённость семантики древних корней [3: 78; 12: 185], полисемичность морфем, выполняющих словообразующую функцию [3: 79]. Под внутренней формой мы понимаем осознаваемую говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, то есть образ или идея, положенные в основу номинации [5: 41].

В найденных нами диалектных номинациях мифологических персонажей энантиосемия возникает в результате смыслового конфликта корневой морфемы со скрытой во внутренней форме отрицательной оценкой и аффиксальной морфемы с уменьшительно-ласкательным значением: *черта́шка* [21: 3, 351], *кривохво́стик* [22: 15, 247], *ворогу́ша* [18: 1, 83], *дико́нький* [22: 8, 64], *лесно́й херувíм* [22: 16, 373], *жирово́й чёрт* [22: 9, 186].

Уральские названия водяного *черта́шка* и *кривохо́стик* содержат прямое указание на нечистую силу в корневой морфеме, ведь чёрту часто приписывают зооморфные признаки: рога, хвост, копыта и пр., и характеризуют его как злое существо, сидящее на левом плече [6]. А одно из значений праславянского корня **krivъ* – ‘левый’ [26: 8, 391; 23: 2, 376]. В противовес отрицательному значению в названиях присутствуют уменьшительно-ласкательные аффиксы *-аш-* и *-ик-* [4: 1, 36-303; 25: 61-73]. Некоторые исследователи [16: 60-63] полагают, что, обращаясь к этим мифологическим персонажам, люди пытались подчинить их себе, с этой целью они произносили напутствия в виде недобрых пожеланий: *Рыба в воду, чёрт на уду, кривохвостик на крючок* (пожелание рыболову) [22: 15, 247]; *Черташки в воде казались* [15: 240].

Вологодское название водяного *ворогуша* имеет корень *ворог* ‘враг, нечистый, чёрт’ и уменьшительно-ласкательный суффикс *-уш-* [4: 2, 986; 25: 61-73]. Данное наименование также встречается в недобрых пожеланиях людям: *Чтоб тебя ворогуша затрясла* [20: 1, 117]. В Вятской, Владимирской и Тверской областях *ворогушей* называли одну из сестёр-лихорадок [22: 5, 108; 13: 1, 191]. Отметим, что, согласно чешским поверьям, лихорадки обитают в водоёмах (прудах и колодцах) [2: 3, 95]. Пытаясь прогнать злого духа, люди приговаривали: *Матушка-ворогуша! На тебе рубашку с раба Божьего, а ты от меня откачнись прочь!* [14: 2, 165].

Среди номинаций, называющих лешего, также есть те, которые содержат энантиосемию. Существует точка зрения, что он происходит из проклятых людей, некрещённых или обменённых детей, из нечистых покойников [10: 280-281]. Будучи посланником загробного мира и одичав в непроходимом лесу, вятский леший получил

название *дикóнький*, имеющее ласкательный суффикс *-оньк-* и отрицательную оценку. Первоначальное значение слова *дикий* – ‘вольный’ [23: 1, 514], ‘порожний, бездеятельный’ [26: 5, 118]. Интересно, что во владимирском названии лешего *лесной херувим* также присутствует амбивалентность, но уже на уровне не морфем, а словосочетания. Это оксюморон: херувимы на небе, а лес в народной мифологии – место темных сил и зла. Это пространство потустороннего мира [8: 284]. О лешем говорили: *Лесной водит: идёт человек по дороге, идёт – и не знает, где; меня лесной не водил // Лесной какой-то есть, лесовой, лешевой называют* [19: 7, 77].

Аналогичным примером проявления оксюморона может служить архангельский диалектизм *жировой черт*. Слово *жировой* является производным от слова *жир*, этимология которого синкретична и соединяет значения 1) ‘жить’, 2) ‘есть’ [25: 2, 56], а также ‘нажитое’, ‘изобилие в доме и пище’ [26: 5, 293]). А слово *чёрт* называет нечистую силу и имеет негативное значение. Так называли домового и просили его о помощи: *Дедушко домовой, хозяин жировой, пустьи ноцевать, пой, корми, обувай, одевай* [1: 14, 141]; *Жировой не залюбит тебя – давить будё* [20: 3, 373]. Отметим соединение двух типов мифологического мышления в данных номинациях – языческого и христианского.

Явление энантиосемии в названиях мифологических персонажей, безусловно, связано с табуированием. Табу есть языковое явление, характеризующееся наложением запрета на произнесение имен человека, родственника, умершего, вождя, царя, божества. Как правило, их заменяют описательными выражениями [11: 501]. Так, домовой воспринимался, с одной стороны, как умерший предок, а с другой – как представитель потустороннего мира. Древние славяне,

веря, что произнесение слов равнозначно возникновению существа, не называли духов по имени, чтобы не притянуть к семье несчастья. Таким образом, смесь оценок появляется по причине уважения к духу, его задабривания, а также говорит о неоднозначном, двойственном отношении народа к этому мифологическому персонажу.

Таким образом, амбивалентность, как часть человеческого мышления, является особенностью мифологического мышления, соединяющей противоположности познаваемого явления. Энантисемия, отражая амбивалентность в слове, может быть рассмотрена в историческом аспекте на уровне внутренней формы. Её наличие в названиях мифологических персонажей обусловлено такими особенностями мифологического мышления, как соединение реального и нереального, языческого и христианского, табуирования и стремления задобрить духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский областной словарь: В 18 т. / Под ред. О.Г. Гецово́й. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х т. М.: Индрик, 1994.
3. Булаховский Л.А. Энантисемия. Развитие противоположных значений // Русская речь. 1988. № 2. С. 68-70.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.
5. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления: дис. ... доктора филологических наук. М., 2002. 461 с.
6. Кононенко А.А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Харьков: Фолио, 2013. 1920 с.
7. Кравцова В.Ю. Энантисемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь. Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2006. 20 с.
8. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология / *Anthropologiestructurale* // Пер. с фр. В.В. Иванова. М., 2001. 512 с.
10. Левкиевская Е.Е. Леший // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 280-281.

11. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
12. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 290 с.
13. Областной словарь вятских говоров: В 12 т. Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 1996-2018.
14. Ремизов А.М. Посолонь. // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. М.: Рус.кн., 1996. 207 с.
15. Русинова И.И. Кто такие бусеньки и кулешата? // Севернорусские говоры. 2014. № 13. С. 229-241.
16. Свалова Е.Н. Функциональная специфика устойчивых словесных формул в промысловой речи Прикамья // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. № 1. С. 60-63.
17. Скворцов О.Г. Происхождение и структурно-семантические особенности поля английских существительных, обозначающих понятия «света» и «темноты». Дисс. ... кандидата филологических наук. М., 1991. 172 с.
18. Словарь вологодских говоров: В 12 т. / Науч. ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда: Изд-во ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007.
19. Словарь говоров русского Севера: В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001-2018.
20. Словарь пермских говоров: Вып. 1-2 / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Кн. Мир, 2000-2002.
21. Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 т. / И.А. Подюков и др. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010.
22. Словарь русских народных говоров в 48 т. / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1965-2016.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. снем. и доп. О.Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1964-1973.
24. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
25. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными: на материале русского языка: Дис. ... кандидата филологических наук. М., 2017. 258 с.
26. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: Изд. Мос. ун-та, 1963-2007.
27. Шерцль В.И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии). Филол. записки. Вып. V-VI. Воронеж, 1883. С. 1-39.
28. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М., 1984. 351 с.
29. Якушевич И.В. Лингвокогнитивная типология символа // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 5-13.
30. Якушевич И.В., Ивашина Н.С. Символическое значение 'водяной', мотивированное ландшафтными, гидрологическими и биогеографическими особенностями края // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 181-186.

КАРТАШКОВА Фаина Иосифовна (*Иваново, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Ивановский государственный университет
kartashkova@rambler.ru

ПРЕСУППОЗИТИВНАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются глагольные фразеологизмы с соматизмами, которые имплицируют коммуникативную ситуацию, в которой задействованы субъекты X и Y. В отношении последнего субъект X совершает определенное действие. Здесь возможны следующие ситуации: выражение эмоций, установление статусно-ролевых отношений.

Ключевые слова: пресуппозитивная семантика, глагольные фразеологизмы, маркеры эмоций и взаимоотношений коммуникантов.

Abstract. The paper is devoted to the study of somatic phraseological units that imply a communicative situation in which two communicators are involved, one of them performing a certain action towards the other. Different situations are analyzed: expressing emotions, establishing status-role relations.

Keywords: presuppositive meaning, verbal phraseological units, markers of emotions and relations between the communicators.

Глагольные фразеологизмы с соматизмами имплицируют коммуникативно-прагматическую ситуацию, в которой задействованы субъект X и субъект Y, в отношении которого субъект X совершает определенное действие. В ряде случаев пресуппозитивная семантика фразеологизма отражает ситуацию, в которой субъект X испытывает ту или иную эмоцию: **to grin from ear to ear** – ‘ухмыляться, улыбаться во весь рот’ [1: 276]. Субъект X испытывает положительную эмоцию радости, которая выражается в его мимике и без труда декодируется адресатом.

Фразеологизм **to hang down one's head** выражает отрицательную эмоцию – ‘повесить, понурить голову, поникнуть головой; унывать, впадать в уныние’ [1: 453]. Субъект X испытывает уныние, маркером которого выступает его невербальное поведение: жест склоненной головы – знак уныния.

Проведенный анализ позволил выявить ситуации, в которых субъект X не только испытывает определенные эмоции, но и выражает свое эмоциональное чувство-отношение к субъекту Y. Так, пресуппозитивная семантика глагольного фразеологизма **to cast** (или **make**) **sheep's eyes at smb** – ‘смотреть на кого-л. влюблено, преданно’ [1: 298] – отражает миремический вид невербального поведения; субъект X испытывает любовь по отношению к субъекту Y.

Глагольный фразеологизм **to show one's teeth** – ‘показывать зубы», угрожать; огрызаться; проявлять неприязнь, враждебность’ [1: 991] – подразумевает, что субъект X совершает определенное «комиссивное» действие, проявляя негативное отношение к субъекту Y. Невербальные действия субъекта X носят характер угрозы.

Фразеологические единицы с соматическим компонентом могут выступать как маркеры отношений между коммуникантами. Главным образом это глагольные фразеологизмы, имплицитующие ситуацию, в которой субъект X совершает определенное действие по отношению к субъекту или объекту Y. Здесь возможны следующие ситуации:

- 1) субъект X устанавливает статусно-ролевые отношения с субъектом / объектом Y;
- 2) субъект X повышает статус Y;
- 3) субъект X понижает статус Y.

К первому случаю можно отнести такие фразеологизмы, как **to wipe smb.'s eye** – ‘опередить, обскакать кого-л.; утереть нос кому-л., заткнуть за пояс’ [1: 306]. Субъект X совершает невербальное действие в отношении субъекта Y, устанавливая с ним непаритетные статусно-ролевые отношения.

Глагольные ФЕ с соматизмами могут выступать в качестве маркера игры на *повышение статуса*: **to tickle the ear** – ‘задабривать кого-л., льстить кому-л.’ [1: 277]. Пресуппозитивная семантика данного фразеологизма заключается в том, что субъект X совершает бенефактивное действие в отношении субъекта Y, повышая при этом его статус. Фразеологизм **to box smb.’s ear** – ‘дать кому-л. пощечину, влупить затрещину’ [1: 275] имплицитно подразумевает игру на *понижение статуса*.

Соматические фразеологизмы могут маркировать отношения между коммуникантами. Отношения между субъектом X и субъектом Y могут быть положительного и отрицательного вектора: **to bend an ear to (to give ear to, to lend an ear to, open one’s ears, incline one’s ear)** – ‘прислушиваться, выслушивать’ [1: 274]. Данный фразеологизм имплицитно подразумевает ситуацию, в которой задействованы два субъекта – X и Y. Пресуппозитивная семантика этого фразеологизма заключается в том, что субъект X совершает определенное действие по отношению к субъекту Y, которое маркировано положительно – он наклоняет голову, приближая ухо к субъекту Y, показывая тем самым свое расположение к нему.

ФЕ с соматическим компонентом могут также быть примером бенефактивного действия одного коммуниканта по отношению к другому. Например, ФЕ **to put smth. into smb.’s head** – ‘внушить что-л. кому-л., надоумить кого-л., подсказать (*мысль*)’ [1: 458]. Здесь субъект X совершает бенефактивное действие по отношению к субъекту Y, который является бенефициантом.

Примером отрицательного отношения может служить фразеологизм **to bite smb.’s head off** – ‘резко, грубо, дерзко ответить кому-л., огрызнуться, оборвать кого-л.’ [1: 451]. Данная глагольная ФЕ

имплицитует ситуацию, в которой задействованы два субъекта – X и Y. Субъект X совершает определенное действие по отношению к субъекту Y, которое маркировано отрицательно: субъект X ведет себя грубо в общении с субъектом Y / дерзит ему / огрызается.

Итак, ФЕ имплицитуют ситуации, где задействован субъект X и субъект Y, в отношении которого субъект X совершает определенное действие. Фразеологизмы с соматическим компонентом могут выступать в качестве маркера выражения эмоциональных реакций человека. ФЕ с соматизмами могут выступать как маркеры положительных и отрицательных отношений между коммуникантами. Фразеологизмы с соматическим компонентом могут имплицитовать ситуации, когда субъект X повышает статус субъекта Y либо понижает его, устанавливая определенные статусно-ролевые отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 2005.

КАЧАН Ольга Георгиевна (*Минск, Беларусь*)

кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
olyakahan339@gmail.com

К ВОПРОСУ О СИНКРЕТИЗМЕ ЦЕЛЕВОГО ЗНАЧЕНИЯ: ЦЕЛЬ С ОТТЕНКОМ НАЗНАЧЕНИЯ

(на материале современного белорусского литературного языка)

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические способы выражения эксплицитного значения цели с оттенком назначения на уровне простого предложения. Отмечается, что набор дифференциальных семантических признаков и система бинарных оппозиций даёт возможность на объективной основе более чётко установить семантические границы целевого синтаксиса и определить семантические разновидности целевого значения. При описании функционально-семантических структурных единиц указываются формально-грамматические показатели значения.

Ключевые слова: синкретизм значений, синтаксическая конструкция, лексико-грамматическое значение цели, эксплицитный способ выражения.

Abstract. The article discusses the syntactic ways of expressing the explicit meaning of the purpose at the level of a simple sentence. It is noted that a set of differential semantic features and a system of binary oppositions makes it possible to establish more clearly the semantic boundaries of the syntax on an objective basis and to determine the semantic varieties of the purpose. When describing functional and semantic structural units, formal and grammatical indicators of meaning are specified.

Keywords: syncretism of meanings, syntactic construction, lexical and grammatical meaning of the purpose, explicit way of expression.

Проблема изучения категории «цель» как одной из составных частей системы понятий объективной действительности – предмет размышлений ряда современных наук: философии, логики, этики, языкознания, психологии, биологии и др. Задача лингвистического исследования заключается в описании системы способов и средств, при помощи которых язык отражает те или иные категориальные аспекты понятия «цель».

Системное описание синтаксических единиц, выражающих целевые семантико-синтаксические отношения, выполненное в плане функционального (активного) синтаксиса, позволяет установить семантические разновидности категории цели на основе чёткого разграничения лексической и грамматической сфер языка. Набор дифференциальных семантических признаков и система бинарных оппозиций дают возможность на объективной основе более чётко установить семантические границы целевого синтаксиса, определить семантические разновидности значения цели и случаи его совмещения с другими лексико-грамматическими значениями в одной языковой форме, указать на иерархию в семантической структуре синтаксической категории цели.

Для полного, «чистого», выражения цели набор дифференциальных семантических признаков и распределение их по членам бинарной оппозиции являются обязательными. Если один из дифференциальных семантических признаков отсутствует, заменяется другим или же изменения происходят в системе бинарных оппозиций, то и изменяется выражаемое данной конструкцией значение: появляются различные семантические разновидности цели, так называемые переходные случаи, когда значение цели остаётся главенствующим, а смежное является дополнительным. Это происходит и тогда, когда к набору дифференциальных семантических признаков добавляется какой-либо новый семантический признак.

Значение цели с оттенком назначения характеризуется полным набором дифференциальных семантических признаков и появлением дополнительного признака объектности в ГК (главном компоненте) синтаксической конструкции, выражающей это значение. Цель в данном случае становится свойством предмета.

В современном белорусском литературном языке значение цели с оттенком назначения реализуется синтаксическими конструкциями всех трёх уровней эксплицитным и имплицитным способами.

На синтаксическом уровне простого предложения значение цели с оттенком назначения эксплицитно выражается глагольными конструкциями с зависимыми инфинитивом, инфинитивным обособленным оборотом, предложно-падежной формой.

В конструкции *глагол + инфинитив* ГК представлен глаголами объектного целенаправленного действия, ЗК (зависимый компонент) – глаголами в форме инфинитива со значением, не противоречащим значению цели: *Панёс [бацька] шчацінне на месца прадаваць*

(У. Гніламёдаў). Лексико-грамматический класс существительных, обозначающих объект, на который направлено действие, выраженное главным глаголом (ГГ), структурирован существительными с конкретной семантикой. Значение зависимого глагола (ЗГ) безобъектное, его употребление зависит от семантического наполнения ГГ. Формально-грамматические показатели значения цели с оттенком назначения в глагольных словосочетаниях: наличие объекта при ГГ, отсутствие объекта при ЗГ, наличие указания на место протекания целевого действия. ЗК всегда стоит в постпозиции. Конструкция *глагол + инфинитив* непродуктивная, реализует значение цели с оттенком назначения в основном в стиле художественной литературы.

Конструкция *глагол + каб + инфинитив* стилистически не маркирована, формально-грамматические показатели значения цели с оттенком назначения в глагольных словосочетаниях с союзом *каб*: наличие объекта при ГГ, отсутствие объекта при ЗГ, факультативность союза *каб*: *Асабліва сёння мы **шукаем** жывога чалавека, **каб пагаварыць*** (З часопіса).

Функционирование глагольных словосочетаний с ЗК з *мэтай + инфинитив* ограничено рамками делового, научного и публицистического стилей: *Радасна ўсведамляць, што ў нас бурліць кіпучае творчае жыццё, ствараюцца прылады міру з **мэтай зрабіць** больш лёгка чалавечае жыццё* (З часопіса). ЗК в данной конструкции может стоять как в постпозиции, так и в препозиции.

Самым продуктивным способом выражения эксплицитного целевого значения, осложнённого значением назначения, в современном белорусском литературном языке на уровне простого предло-

жения являются глагольные конструкции с зависимым инфинитивным обособленным оборотом с союзом *каб*. В роли ГГ выступают глаголы всех семантических групп со значением ментального / нементального, интенционального объектного действия (кроме глаголов, противоречащих значению цели), в роли ЗГ – с безобъектным, не противоречащим цели значением: *Пакуль ён пераадзеўся ў сухое, пакуль паставіў грэць чайнік, каб гарачым чаем сагрэцца пасля халоднай вады, у якую ён упаў праз Сержа, стары чалавек адчуў холад ва ўсім целе* (К. Чорны). Как показывает фактический материал, инфинитивный обособленный оборот с союзом *каб* может стоять как в постпозиции, так и в препозиции. Формально-грамматические показатели: наличие объекта при ГГ, безобъектность ЗГ, семантическая и структурная релевантность союза *каб*.

Наиболее употребительными среди глагольных конструкций с зависимой предложно-падежной формой являются словосочетания с предлогом *для* (*дзеля*). Лексико-грамматический класс ГК представлен глаголами со значением интенционального действия, в роли ЗК выступают отглагольные существительные в форме родительного падежа с предлогом *для* (*дзеля*): *Адны [рабочыя] рыхтуюць торфішчы Для севу безупынку, Другія – дрэва звонкае Пад новыя будынкi* (А. Зэкаў). Глагольно-именные конструкции с предлогом *для* используются в современном белорусском литературном языке для выражения цели с оттенком назначения во всех стилях, ЗК может стоять как в постпозиции, так и в препозиции. Формально-грамматические показатели: наличие объекта при ГГ, употребление в зависимой предложно-падежной форме существительного с отглагольной семантикой.

В глагольных словосочетаниях с зависимой предложно-падежной формой *на + вин.* ГК выражен глаголом со значением целенаправленного действия, ЗК – сочетанием предлога *на* и винительного падежа отглагольного существительного: *І толькі адзін запалоханы чалавек, што насіў на продаж у вёскі соль ды розную там драбязу на спекуляцыю, прызнаўся, што ён бачыў у тую ноч недалёчка ад горада на лясной дарозе купку ўзброеных людзей у штацкім* (У. Гніламёдаў). Использование глагольных словосочетаний с зависимой предложно-падежной формой *на + вин.* стилистически не ограничено. Позиция ЗК свободная. Формально-грамматические показатели: объектность действия, выраженного ГК, наличие в зависимой предложно-падежной форме отглагольного существительного.

Наименее употребительной среди исследуемых конструкций является конструкция с ЗК *у + вин.* Лексико-грамматические классы ГК и ЗК закрытые. ГК представлен глаголами *пусціць, даць*, ЗК – сочетанием предлога *у* и винительного падежа существительных *дзела, работа, карыць, дапамога*: *Каваль плугоў не паглуміў, а пусціў гэты ржавы лом у вялікую карыць* (М. Лынькоў); *У дапамогу далі пару салдат* (В. Быкаў). ЗК может стоять как в постпозиции, так и в препозиции. Формально-грамматические показатели: наличие объекта при ГК, использование в зависимой предложно-падежной форме абстрактных существительных. Сфера употребления – стиль художественной литературы.

В научном, деловом и публицистическом стилях для выражения цели с оттенком назначения в современном белорусском литературном языке используются глагольные словосочетания с производным отыменным предлогом *з мэтай*. Лексико-грамматический

класс ГК включает глаголы целенаправленной деятельности, в роли ЗК выступают существительные с отглагольной семантикой: **З мэтай больш ефектыўнага вывучэння лепшага вопыту практыкі селекцыйнага працэсу, каардынацыі даследаванняў створаны савет, у склад якога ўваходзяць прадстаўнікі двух Інстытутаў** (“Весці АНБ”). Формально-грамматические показатели: отсутствие объекта при ГГ, наличие отглагольного существительного в ЗК.

Таким образом, способность конструкции реализовать конкретные целевые значения в общей системе значений определяется её лексическим наполнением и грамматической формой выражения.

КИЛИНА Лилия Фаатовна (Ижевск, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Удмуртский государственный университет
kilin_74@mail.ru

О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СЛОВА ЛЮБИМЫЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования слова *любимъ* (*любимыи*) в древнерусских текстах Национального корпуса русского языка. Установлено, что данное слово сохраняет значение глагольности, когда употребляется в краткой форме в составе сказуемого, имеет адъективное значение, когда используется в полной форме в функции определения. Также выявлены случаи использования полной формы как субстантивата при обозначении лица. Сделан вывод о том, что грамматический статус слова нельзя определить однозначно.

Ключевые слова: древнерусский текст, конструкция, грамматический, функция, краткая форма, полная форма.

Abstract. The article examines the features of the functioning of the word *l'ubim* (*l'ubimy*) in the Old Russian texts of the Russian National Corpus. It was established, that short form of this word retains the meaning of the verb, while it is used as part of the predicate, full form has an adjective meaning in the function of definition. It was also identified, that the full form of this adjective can be used as a substantive for designating a person. It is concluded that the grammatical status of a word cannot be determined unambiguously.

Keywords: Old Russian text, construction, grammatical, function, short form, full form.

Известно, что причастия в русском языке имеют грамматические признаки как глагола, так и имени прилагательного. В этой связи многие учёные говорят о сложной (синкретичной) природе причастий, об их способности к субстантивации и адъективации: «Самая синкретичная и самая динамичная часть речи в русском языке – причастия: их глагольные и адъективные свойства изменчивы, они часто переходили и переходят в другие части речи» [2: 63]. Особый интерес представляют слова на *-мый*, определение грамматического статуса которых часто бывает затруднено, т. к. «признаки различения неочевидны, часто осложнены лексической и грамматической полисемией, семантической диффузностью; направленность трансформаций двусторонняя; во всех случаях имеется явная или имплицитная каузированность» [2: 63].

В данной статье мы рассматриваем проблему определения грамматического статуса слова *любимый* в древнерусском языке. Прежде всего необходимо сказать о происхождении этого слова. В «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачёва указано, что *любимый* – это прилагательное, которое представляет собой рано отадъективированное страдательное причастие настоящего времени от глагола **l'ubiti* [5: 173]. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (далее СРЯ) слово *любимый* обозначено как прилагательное со значениями 'любимый', 'любящий кого-л., приверженный, расположенный к кому-, чему-л.' (обычно в краткой форме), 'любимый, возлюбленный; любимая, возлюбленная' (в значении существительного) [4: 326]. Следовательно, интересующее нас слово, являющееся по происхождению причастием, фикси-

руется составителями исторических словарей как прилагательное, которое может также употребляться в значении существительного.

Проанализируем случаи употребления слова *любимъ* (*любимыи*) в текстах, представленных в древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). На запрос «любим*» было найдено 9 документов и 38 вхождений, из них 1 форма глагола, поэтому нас интересуют 37 словоупотреблений.

Самым распространённым случаем (12 примеров) является употребление указанного слова в составе сказуемого в сочетании с одушевлёнными существительными или местоимением *все* в творительном падеже, например: *всѣми же александръ любѣмъ баше, яко оумнѣкъ и бранникъ* (Александрия) [3]. Заметим, что в 11 случаях представлена краткая форма и только в одном примере полная: *иже просимъ оу бѣ лоучышаго, а сами же не подвижемся творити добро, яже любимая бмѣ* (Пчела) [3]. Во всех примерах используется конструкция *любимъ* (*быти*) кем-либо, которая сохраняется и в современном русском языке, например: *Он не относится к числу тех, кого я назвал раньше. Но он сам мной любим. Мне нравится его метод жизни, путь жизни* (А.А. Данилова, Г.М. Гупало. Юрий Норштейн: Опять забыли человека // 2016) [3].

Здесь важно отметить, что в СРЯ как устойчивые приведены конструкции с другим управлением: *любимъ быти кому-либо* – быть любимым кем-либо, *любимъ быти (къ) кому-, чему-либо* – любить кого-, что-л. [4: 326]. Разница между этими конструкциями в том, что в первом случае субъект, испытывающий любовь, расположенность, обозначен существительным или местоимением в дательном падеже, а субъект, на которого это чувство направлено (выступает в роли объекта любви), обозначен существительным или местоимением

в именительном падеже, во втором же случае всё наоборот, ср.: *Григорей игумень... иже бѣ **любим** Володимеру* (Лавр. лет., 297) [4: 326] и (Владимир) *бѣ бо **любим** оцю своему повелику, и въ животѣ и по смрти не ослушаяся его ни в чем же* (Лавр. лет., 264) [4: 326]. В первом примере речь идёт об игумене Григории, которого любил Владимир, во втором – о Владимире, который любил своего отца. Проблема в том, что без широкого контекста далеко не всегда ясно, какой именно смысл передан. В древнерусских текстах НКРЯ мы обнаружили лишь 5 случаев употребления конструкции *любимъ быти кому-либо* и 1 случай употребления конструкции *любимъ быти чему-либо*, например: *чташеть бо ю яко мѣрь ѡца ради своего: бѣ бо **любимъ** ѡцю своему повелику: въ животѣ и по смрти* (Повесть временных лет. Ипатьевский список); *съ якоже рекохомъ. **любимъ** бѣ книгамъ. и многы списавъ* (Повесть временных лет. Ипатьевский список) [3]. Только про последний пример с уверенностью можно сказать, что здесь речь идет о любви (расположенности, приверженности) к книгам, т. к. объект любви не является одушевлённым. Думается, что именно из-за двусмысленности конструкции *любимъ быти кому-либо* она со временем вытесняется конструкцией с другим управлением – *любимъ быти кем-либо*.

Следует сказать и о том, что в древнерусских текстах НКРЯ нами зафиксированы 2 случая употребления конструкции *любимъ (быти) от кого*: *На сего нѣкомуо молващюу: въскоую любиши женоу, не **любимъ** сы ѡ нея; и р(ч)е: и вино, и рыбы, и маса не любать мене, но азъ радъ* (Пчела); *нашеи застоупьници бѣѡ: явѣ бо яко ѡ всея братия **любимыи** тѣ: и боу: въсако възлюбленъ юсть* (Студийский устав) [3].

Итак, в 20 случаях из 37 слово *любимъ* в древнерусских текстах НКРЯ употребляется в составе сказуемого, преимущественно в краткой форме. Мы также обнаружили 9 контекстов, в которых *любимъ* употребляется в функции определения, причём во всех случаях используется полная форма, например: *и не чюяше сла любѣмыа рѣди жены. вна́ же тако ненавидаше урода. бѣлма же вна́ любашеть ю* (История Иудейской войны Иосифа Флавия) [3].

В.А. Баранов говорит о том, что «исконно член осложняет не прилагательное, а синкретичное имя», причём результатом этого осложнения «является, в частности, словообразовательный акт появления субстантивата – имени с актуализированным формально, с помощью члена, значением субстанции, предметности» [1: 80]. В текстах НКРЯ нами обнаружено 7 случаев употребления субстантивата (всегда в полной форме), например: *внѣ же рече ни самъ иду ни иномоу дамъ любѣмомоу. зане неправъ есть помысль молащихъса* (История Иудейской войны Иосифа Флавия) [3]. Мы согласны с мнением В.А. Баранова о том, что «членность не сразу стала грамматическим показателем прилагательного», членная форма долго «сохраняла синкретичность и тем самым проявляла свои субстантивно-характеризующие свойства» [1: 82].

Интересен пример, в котором нет ни управляемого, ни определяемого существительного или местоимения, но при этом используется краткая форма: *Любимъ въсхоци быти при жити, нежели страшень` его же бо вси боятьса* (Пчела) [3]. Нетрудно заметить, что в данном случае слово *любимъ* употребляется в составе сказуемого, речь идёт о желании быть любимым кем-то, приведённую конструкцию можно сопоставить с конструкцией *хочет, чтобы его любили*.

Таким образом, в древнерусских текстах НКРЯ слово *любимь* (*любимьи*) употребляется в краткой форме преимущественно в составе сказуемого, именно в таких конструкциях, судя по всему, сохраняется значение глагольности. В полной форме данное слово выступает в функции определения, в подобных случаях реализуется адъективное значение, кроме того, в ряде примеров у полной формы отмечается значение субстантивное. Учитывая сказанное, делаем вывод о том, что грамматический статус рассмотренной нами единицы в древнерусском языке нельзя определить однозначно, но можно установить то или иное грамматическое значение, которое зависит от совокупности факторов, в том числе от синтаксической функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.А. Формирование определительных категорий в истории русского языка. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2003. 389 с.
2. Зубова Л.В. Неузואальные страдательные причастия настоящего времени в современной поэзии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. № 1. Том XI. С. 63-82.
3. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения: 29.03.2021)
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 8. Крада-Лящина / АН СССР, Ин-т русского языка; гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1981. 351 с.
5. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 15. iefina – iokasy / АН СССР. Ин-т рус. яз.; сост. О.Н. Трубачев; под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. 263 с.

КОЗЛОВА Анна Юрьевна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
anna_ko65@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАРАЙСКИХ ГОВОРОВ XIX В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90038 («Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество»).

Аннотация. В статье затрагивается вопрос об источниках, которые могли бы послужить основой для реконструкции лексических особенностей народно-разговорного языка Зарайского края во второй трети XIX в. Выявление, описание и характеристика лексического материала позволит понять, с каким лексическим фондом мог познакомиться юный Ф.М. Достоевский во время своего пребывания в сельце Даровом.

Ключевые слова: фольклор, диалектная лексика, историческая ономастика, творчество Ф.М. Достоевского

Abstract. The article deals with the question of sources that could serve as a basis for the reconstruction of the lexical features of the folk-spoken language of the Zaraisk region in the second third of the XIX-th century. Identification, description and characteristics of the lexical material will allow us to realize lexical fund the young F. M. Dostoevsky could get acquainted with during his stay in the estate of Darovoe.

Keywords: folklore, dialect vocabulary, historical onomastics, works of F.M. Dostoevsky

В 2021 году исполняется 200 лет со дня рождения Ф.М. Достоевского.

Писатель родился в Москве, но в начале 30-х гг. XIX в. несколько лет подряд весну и лето он вместе со своей семьей проводил в сельце *Даровом* Веневского уезда Тульской губернии, посещал храм в расположенном неподалёку селе *Моногарове*, неоднократно бывал в соседней с *Даровым* деревне *Черемошне*.

Языковое пространство *Дарового*, *Моногарова* и *Черемошни*, несомненно, оказало влияние на становление языковой личности Ф.М. Достоевского. Здесь он впервые близко познакомился с жиз-

нию сельского населения, общался с крестьянскими детьми, посещал храм в селе *Моногарове*.

Проблема «народности» в творчестве писателя рассматривалась неоднократно, итоги её исследования были изложены в монографии В.П. Владимирцева «Достоевский народный» [1]. Однако влияние на творчество Ф.М. Достоевского южнорусских говоров, с которыми он познакомился в детстве на своей малой Родине, не было еще предметом научного рассмотрения.

Трудности в изучении этого влияния связаны с тем, что данная территория имеет очень сложную историю: исконно данные земли входили в состав Рязанского княжества, потом отошли к Московскому, а затем вошли в состав Веневского уезда Тульской губернии [2]. Сейчас эта территория находится в составе г.о. Зарайск Московской области. Данные диалектологических исследований свидетельствуют, что на ней распространены тульские говоры [7: Диалектологическая карта русского языка (вкладка)].

Системная реконструкция языкового пространства *Дарового, Моногарова* и *Черемошни* начала 30-х гг. XIX в. представляется маловероятной. Однако, с нашей точки зрения, анализ исторических источников, сопоставление полученных данных с диалектным материалом современных говоров Зарайской земли позволят выявить те лексические единицы, с которыми мог познакомиться юный Достоевский во время своего пребывания на данной территории.

В рамках данной статьи охарактеризуем некоторые источники, связанные с основными направлениями реконструкции лексических особенностей данной территории, которые могли уже сформироваться ко второй трети XIX в.

1. Знакомство юного Достоевского с фольклорным материалом

Неоднократно высказывалось положение, что и городские, и деревенские эпизоды первого романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» были подсказаны его личными впечатлениями. В воспоминаниях главной героини Вареньки Доброселовой о жизни в деревне проглядывают реальные черты *Дарового* и его окрестностей.

Так, в тексте упоминается о том, что Варенька очень счастливо жила до приезда в Санкт-Петербург в деревне «Т-й губернии», что, по-видимому, является указанием на Тульскую губернию. В первом варианте текста романа 1846 г. героиня упоминает о том, что ей приходилось слушать фольклорные произведения: *«И все спокойны, все радостны; всех Господь благословил урожаем; все знают, что будут с хлебом на зиму; мужичок знает, что семья и дети его будут сыты; оттого по вечерам и не умолкают звонкие песни девушек и хороводные игры, оттого все с благодушными слезами молятся в доме божием о праздник господень!..»* [4: 449].

Сохранились свидетельства о том, какой фольклорный материал бытовал в данной местности. В 1846 г. Зарайский уезд Рязанской губернии в село *Гололобово*, которое находится в 10 верстах от *Дарового*, посетил П.И. Якушкин, который записал там две тетради произведений устного народного творчества [9]. Интересно, что он приехал в *Гололобово* 2-го августа, когда взрослые крестьяне были заняты на полевых работах, поэтому вначале его информантом был мальчик Вася, а затем девочки, которые «захотели ему петь». Эти факты свидетельствуют, что крестьянские дети в той местности, по-видимому, уже в 10-12-летнем возрасте знали наизусть традиционный фольклорный корпус. Поэтому можно предположить, что знакомство юного Достоевского с фольклорными текстами данной местности и соответственно с традиционными народно-

поэтическими лексическими единицами могло произойти не только в результате непосредственного присутствия на знаменательных событиях (свадьба, поминки), но и в результате общения с детьми.

2. Освоение крестьянской бытовой лексики и лексики, связанной с работой на земле

При описании своего пребывания в родной деревне героиня романа упоминает, что она посещала те места, где работали крестьяне: «*Бывало, с самого раннего утра убегу или на пруд, или в рощу, или на сенокос, или к жнецам – и нужды нет, что солнце печет, что забежишь сама не знаешь куда от селенья...*» [3, том 1: 2].

Данная цитата свидетельствует о том, что юный Достоевский мог наблюдать за крестьянскими работами. Представление о характере лексики указанных тематических групп в Зарайском крае можно составить по очерку В.В. Селиванова «Год русского земледельца», который был опубликован в журнале «Русская беседа» за 1856 и 1857 гг. [8]. Сам В.В. Селиванов родился в Зарайске в 1813 г., т. е. он был старше Ф.М. Достоевского на 8 лет. Деревня *Любава*, в которой проживал В.В. Селиванов и которая стала местом его наблюдений, расположена примерно в 40 верстах от *Дарового*.

Приведем несколько примеров, которые можно найти в очерке В.В. Селиванова. Так, важным признаком при характеристике говоров является использование глаголов *пахать / орать* в значении 'взрыхлять, возделывать землю для посева при помощи специальных орудий'. В.В. Селиванов указывает для Зарайского края другие лексические единицы для обозначения этого действия: пахать в первый раз называлось *взмётывать*, во второй раз – *вторить*, далее – *троить*. Кроме того, были в употреблении глаголы *запахивать*

вать и ломать 'вспахивать землю, на которой из-за дождей или засухи образовалась корка, препятствующая всходу семян' [8: 14].

Автор очерка фиксирует множество крестьянских обычаев, связанных с предугадыванием урожая. Например, в Зарайском крае на Вознесенье пекли *лестницы* – продолговатые лепёшки из сборного теста, с рубчиками в виде лесенки: «С этими лесенками, отдохнув после обеда, мужики, бабы и девки идут все на свои ржи в поле. Там всякий у своей нивы, помолясь на все четыре стороны, бросает лесенку вверх, приговаривает: “Чтоб рожь моя выросла также высоко”. После этого лесенки съедаются. Иные сплетают несколько стеблей ржи в кучку и пристраивают к ним лесенки, но другие, маленькие, нарочно для этого испеченные и там их оставляют» [8: 25].

3. Освоение ономастического пространства *Дарового, Моногарова, Черемошни*

Вопросы реконструкции ономастического пространства малой родины Ф.М. Достоевского уже неоднократно поднимались [5]. Отмечалось, что в произведениях Ф.М. Достоевского топонимы Зарайского края могли отражаться непосредственно (*Черемошня* в «Братьях Карамазовых») или в виде моделей: так, одно из соседних с *Даровым* селений носило название *Иванчиково*, что сразу вызывает в памяти название повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

В данной работе хотелось бы обратить внимание на данные писцовых книг Каширы и Каширского уезда 1578 г. [6]. В них впервые упоминаются *Даровое, Моногарово* и *Черемошня*, а также представлен богатейший материал по микропонимии данной территории.

Таким образом, для реконструкции лексических особенностей зарайских говоров существуют источники, которые еще не были привлечены к научному рассмотрению. Думается, что их изучение, сопоставление с диалектными данными более позднего времени позволят выявить специфику народно-разговорного лексического фонда данной местности второй трети XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцев В.П. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура: статьи, очерки, этюды, комплекс историко-литературных исследований. Иркутск: ИГУ, 2007. 458 с.
2. Дедук А.В. «Рязанская» купля Василия Темного: Границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начала XVI вв. // *Studia historica Europae orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 5. Минск: РИВШ, 2012. С. 143-170.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
4. Достоевский Ф.М. Бедные люди // Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846.
5. Кондратова Т.И. Даровое: современные легенды и мифы // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27 – 29 августа 2006. Коломна: КГПИ, 2006. С.131-140.
6. Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1872-1895. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отд-ние 2: Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. СПб.: издание Императорского русского географического о-ва (в тип. Второго отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии), 1877. 1598, [5] с.
7. Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М.: Наука, 1965. 304 с.
8. Селиванов В.В. Год русского земледельца: Зарайск. уезд, Рязан. губ. Рязань: Тип. Губ. правл., 1887 (обл. 1888). 143 с.
9. Якушкин П.И. Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи П.И. Якушкина. В 2 томах. Т. 1. Л.: Наука, 1983. 342 с.

КОЛЕСНИКОВА Светлана Михайловна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
asya28@list.ru

ЛИ Дунсюэ (Сюйхуа, Китай)

магистрант
Московский педагогический государственный университет
892095783@qq.com

ТЕКСТ РУССКОГО РОМАНСА КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЫСЛА

Аннотация. Лингвистическое описание текста русского романса проявляется в определении национального варианта романса как общекультурного феномена, его когнитивного пространства. Романс представляет собой лирико-драматический жанр (**романс-монолог, романс-гимн, романс-песня**), объединивший поджанры (городской, салонный, цыганский, жестокий и др.) и выражающий романтическую лингвопоэтическую концепцию и идею создателя текста лингвистическими и экстралингвистическими средствами в музыкальной форме, специфическом и самостоятельном русском художественно-поэтическом пространстве. Среди лингвистических средств выделяются разные типы синтаксических конструкций (простые и сложные), личные и императивные формы; музыкальные интонации проявляются в виде лексических повторов и припевов, а также в использовании образного языка.

Экстралингвистический фактор в тексте русского романса определяется его природой и является отражением романтической жизни человека (*любовь и разлука, счастливое знакомство и разочарование, тоска и непонимание* и проч.), характеристикой языковой личности, способом передачи эмоций и чувств.

Ключевые слова: текст романса, лирико-драматический жанр, лингвистические и экстралингвистические средства, интонация, образный язык.

Abstract. The linguistic description of the text of the Russian romance is manifested in the definition of the national version of the romance as a general cultural phenomenon, its cognitive space. The romance is a lyric-dramatic genre (romance-monologue, romance-anthem, romance-song), which combines subgenres (urban, salon, gypsy, cruel, etc.) and expresses the romantic linguopoetic concept and the idea of the creator of the text by linguistic and extralinguistic means in musical form, specific and independent Russian artistic and poetic space. Among linguistic means, different types of syntactic constructions (simple and complex), personal and imperative forms are distinguished; musical intonations are manifested in the form of lexical repetitions and refrains, as well as in the use of figurative language. The extra-linguistic factor in the text of a Russian romance is determined by its nature and is a reflection of a person's romantic life (love and separation, happy ac-

quaintance and disappointment, melancholy and misunderstanding, etc.), a characteristic of a linguistic personality, a way of conveying emotions and feelings.

Keywords: romance text, lyric-dramatic genre, linguistic and extralinguistic means, intonation, figurative language.

Обладая драматической и художественной выразительностью, легкостью и романтизмом, тексты романсов представляют не только культурно-исторический, музыковедческий и литературный интерес (ср., тематическое единство с литературной песней, элегией, посланием, мадригалом, а также с балладой, сочетая в себе драматизм и лиризм [21: 158], но и интерес лингвистический [32], что проявляется в определении национального варианта романса как общекультурного феномена, когнитивного пространства романса [18: 107-115], в выявлении и описании языковых средств выражений эмоций и чувств, а также в определении специфики особого романтического песенного жанра. Сложность любовных отношений, глубокие, скрытые и часто противоречивые чувства, эмоции и переживания в текстах русского романса передаются через лингвопоэтическое «обрамление» любви, дружбы, ностальгии, религиозных, патриотических чувств. Комплексы чувств и эмоций в текстах русского романса представлены в трогательной сентиментальной форме, «однозначной для понимания и традиционной в вокально-музыкально-поэтической выразительности» [17: 159], «своеобразном русском художественном мире» [20].

Романс – это лирико-драматический жанр, объединивший поджанры салона, цыганского, жестокого и русского романса, лингвистическими и экстралингвистическими средствами выражает романтическую поэтическую концепцию в специфическом и самостоятельном русском художественно-поэтическом пространстве. Индивидуальность композитора и его стремление передать лингвопоэти-

ческую идею создателя текста в музыкальную форму проявляются в готовом романтическом песенном жанре – романсе. См. письмо к П.И. Чайковскому: «Боюсь, что Вы поставите на музыку свои стихи только из вежливости, поэтому, пожалуйста, не предпринимайте никаких романтических действий, если Вы не чувствуете к этому никакого желания». Рубинштейн обещает написать музыку, если найдет подходящие слова в моей книге. Мне очень любопытно, какие слова будут вам полезны» [26: 99].

Тексты русского романса характеризуются мелодичностью, национальным колоритом и отвечают стилистическим признакам особого песенного романтического жанра: «светлое» романтическое содержание; интимность; мелодичность (приятная манера исполнения «салонной» поэзии); метафоричность и образность.

Общая романтическая идея, проходящая через текст русского романса, является отличительной функцией этого особого песенного жанра и подчиняет «утонченное ухо» «утонченному обществу», его непосредственным адресатам – слушателям, для которых любовная тема занимает важное место в их личной жизни. Данная функция определяет персонализированный, интимный характер текста романса и реализуется лингвистическими (лексическими и грамматическими) и экстралингвистическими (речевая ситуация и целевая установка) средствами.

Интимный характер романса как экстралингвистический фактор определяется его природой: романс предназначен для камерно-музыкальных спектаклей в уютной домашней обстановке и передает душевную боль влюбленного человека, мужчины, представляя личное ощущение как универсальное и вечное, тонко и медитативно воздействующее на впечатлительное женское начало, женскую

аудиторию [22: 77]. Благодаря своей неотделимости от музыкального сопровождения и эстетики романтических переживаний, текст романса является отражением романтической жизни человека, характеристикой языковой личности, способом передачи эмоций и чувств. В текстах русского романса реализуется способность передавать социальные стороны эмпатии: эмоционально воздействовать на слушателя, пробуждать в нем отзывчивость, сострадание и сочувствие, что передается разными типами синтаксических конструкций (простыми и сложными, чаще подчинительными предложениями), личными и императивными формами и характерно для мастеров слова «чистого искусства».

Ценителями текста русского романса являются люди высокого эстетического уровня, понимающие душевную боль – **боль от любви, разлуки, разочарования, непонимания**. Известные композиторы подбирали музыку для стихотворений в жанре элегий, посланий, баллад [25: 59], преобразовывая их в особый романтический песенный жанр – русский романс. В разное время авторами музыки к текстам русского романса были известные композиторы – М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, П.И Чайковский, А.К. Глазунов («*Бедняга умер в военном госпитале...*»), Р. Глиер, С.В. Рахманинов, А.Г. Рубинштейн и др. Огромную популярность приобретают романсы, в которых четко выражены позиция говорящего и адресат, передаются искренние чувства: «*Я помню чудное мгновенье*» (автор текста А.С. Пушкин, музыка М.И. Глинки), «*Не искушай*» (автор текста Е.А. Баратынский, музыка М.И. Глинки), «*Растворил я окно*» (автор текста К. Романов, музыка П.И. Чайковского), «*Соловей*» (автор текста А.А. Алябьев, музыка П.И. Чайковского), «*Разлука*» («*На заре туманной юности*» – автор А.В. Кольцов, музыка А. Гурилёв) и

мн. др.; среди менее известных романсов отметим *«Далеко, на самом море»* (слова А.Н. Майкова), *«Я вам не нравлюсь»* (музыка П.И. Чайковского); вальсы П.И. Чайковского *«Фис-Молль»* и *«Ната-Вальс»*, которые вошли в романтический цикл и использовались современниками в качестве музыкального фона к поэтическим текстам.

Романтическая специфика текстов русских романсов по образности и жанру делится на драматические **романсы-монологи** (например, ср. на тему любви *«Уж сколько их упало в эту бездну, / Разверзтую вдаль! / Настанет день, когда и я исчезну / С поверхности земли...»*; *«Мне нравится, что вы больны не мной...»* (стихи М.И. Цветаевой); *«Не говори: любовь пройдет...»* (Н. Паюнен – А.А. Дельвиг) и др.), **романсы-гимны** (*«Гимн любви»*, *«Незабудка»*, *«Колокольчики»*, *«Мой день»*, *«Мне снится»* и т. д. (исп. Ю. Берёзовой) и **романсы-песни** (*«Любовь и разлука»* (слова Б.Ш. Окуджавы, музыка И.И. Шварца, из фильма *«Нас венчали не в церкви»*, 1982), *«Любовь – волшебная страна»* (слова Б.А. Ахмадулина, музыка А.П. Петрова, из фильма *«Жестокий роман»*, 1982), *«В лунном сиянии»*, *«А напоследок я скажу»*, *«Белой акации»*, *«Очи черные»*, *«Звездочка моя»*, *«Мохнатый шмель»*, *«Мольба»* и т. д.).

Тексты русского романса характеризуются широкой интимной тематикой: **любовь** и **разлука**, **счастливое знакомство** и **разочарование**, **тоска** и **непонимание** и под. Так, тема счастливого знакомства и *«неизбежного часа»* в судьбе молодой девушки, которая поначалу испытывает страх перед predetermined *«неизвестной судьбой»* встретить мужчину, пленившего ее сердце, рас-

крывается в романсе-песне 1883 года «*Я сначала не любила тебя...*» [27: 77].

Откровения лирической героини, которые можно услышать в четырех строфах романса, постепенно раскрывают эволюцию ее чувств:

- страх (*Новая судьба напугала меня и неизвестное много смутило меня*);

- смятение (*Твоего исповедания я боялся*);

- обретение силы (*Внезапно страхи рассеялись, прежняя застенчивость исчезла*);

- триумф близости (*Как солнце любви светило, и немигающий день светил*) [28: 11].

Обращаясь к факту неожиданно вспыхнувшей любви и поэтизируя его, данный романс не только передает впечатления влюбленной девушки-поэта, но и проявляет к ней интерес как к психологу и гуманисту, раскрывая черты внутреннего мира языковой личности, ранимой и тонко чувствующей героини.

Душевная и неторопливая интонация исполнения текста этого романса является экстралингвистическим фактором реализации функции воздействия на адресата, располагает к разговору с избранником (о будущих отношениях, праве выбора, красоте природы в весеннем саду, летней беседке, полночном окне, кровати в спальне и проч.). Поэтическим ответом на поставленный в тексте романса **вопрос** является романтический гимн «*Теперь тоскливое разлучение прошло*» (1883 г.) («Первое свидание» из сборника романсов П.И. Чайковского и П.П. Шенка), в котором автор / языковая личность размышляет о личных отношениях и чувствах, о коварстве времени и его влиянии на пламенную любовь, о переживании скуп-

ного разлучения, как неизбежного в жизни ожидающего человека, для которого час свидания не менее захватывающий, чем для его возлюбленной [29: 106]. Автор репрезентирует в тексте комплекс личных чувств через лейтмотив идеи чередующихся *дней одиночества* языковыми средствами номинации и предикации (*дней испытаний и ярких и полных счастья*), которые через эпитеты, сравнения и метафоры воспринимаются как гимн радости (*Как весенняя песня соловья наша любовь воскреснет*), многократно исполняемый также в жанрах элегии и Послания (например, в Послании «*Великому князю Сергею Александровичу*», элегии «*В расставании*», «*Прощание*») и обозначенных В. Калугиной как «*благоговейный шарм насыщенного чувства узнавания*». См. романс-песню конца XX века:

*Я, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо
В любовь волшебную страну,
Где назовут меня любимой,
Где бесподобен день любой,
Где не страшилась я б ненастья.
Прекрасная страна любовь страна любовь,
Ведь только в ней бывает счастье ...* (Б. Ахмадулина).

Очень устойчивой для романсов является традиция выражения сокровенных чувств в характере молитвы, смирения перед обязанностью искупить то, что должно произойти в будущем (*И в одно мгновение наши сердца соединятся...*) через *тоску и страдания* в настоящем. В драматургическом плане такое отношение лирического героя романа воспринимается как символ надежды, веры и мира [31: 77].

Тема любви раскрывается в психологическом и религиозном аспектах, она воплощается во взаимодействующих романсах «*Ты меня не любишь...*» и «*Научи меня, Боже, любить...*», объединенных проблемой поиска бескорыстия как добродетели в **любовном** чувстве, различая в нем дружелюбие, повседневную и непосредственную любовь, возвышенное. Драматическое столкновение в **романсе-монологе** «*Я Вам не нравлюсь...*», главные герои которого – благородная молодость (*Ты разрушил мои надежды, но я люблю тебя...*) и девушка, избегающая близких отношений (*Ты любил только дружбу, а не мою любовь...*), пронизано ностальгической интонацией прощения (*Весенние цветы расцветают только один раз...*). Надежда героя на покаяние возлюбленной (*И капля сожаления поползет тебе в грудь*) сохраняет романтическую попытку спасти безответную любовь, чуждую предательства, хотя вряд ли вернется (*Сердце уже не будет снова ласкать многострадальные мечты...*) [31: 8].

Нравственно-этические основы, помогающие герою принять это мудрое решение, заложены в его исповеди Богу, чья сила – исцелять боль в душе поэта (*Научи меня соблюдать только милосердную волю Твою*). Страсть, с которой автор обращается к Богу (*Всех, кого Ты пришел искупить непорочной Кровью Твоей*), свидетельствует о его желании обрести святость веры в абстрактной высшей идее (*Что я могу посвятить и душу свою, и жизнь свою с каждым биением сердца*), в возвышенной мечте (*Любить Тебя всем моим разумом, всем моим мышлением...*), в себе (*Научи меня никогда не роптать на ногах моих*) и в жизни вообще [32: 178].

Восторженное ощущение полноты жизни лирического героя ведет его к счастью и любви, что отражено в очень личной, интим-

ной поэме «*В комнатах гас свет*», которая представляет собой роман о долгожданной встрече влюбленных на скамейке в тени вздымающейся березы. Очарованный ароматом роз в летнем саду – образ, олицетворяющий ощущение счастья в романтике, – лирический герой чутко улавливает нюансы поведения возлюбленной (*Тихо опустили голубые глаза*), вернувшейся из далекого путешествия. Встреча с ней была бы невозможна без божественного провидения, вмешательства сил природы (*Вся эта песня соловья сказала за нас*) и самой любви, разгадавшей тайну сердца [32: 59].

В другом романтическом **монологе** с явным религиозным подтекстом «*Я открыл окно – не мог не грустить*» показывается, как динамика внутреннего опыта лирического героя, блуждающего в одиночестве по чужой земле, **усиливает** эти мотивы и **подчеркивает** горькие познания земных скорбей, пережитые потери, расставание с родным и любимым (*И с тоской я вспоминал свою Родину, вспоминал далекую Родину*), казалось бы, в самое поэтическое время года – весной (*И весенняя ночь пахла мне в лицо*), но поэтому переносить ее было труднее.

Лирический герой в романсах, слушая издалека идущую песню соловья (*И Соловей сладко пел где-то вдалеке*), вспоминает прошлое, поэтому открытое окно становится не только посредником между закрытым *внутренним миром* дома, светлой майской ночью, наполненной *душистым дыханием сирени* и человеком, но и обретает смысл и лик иконы (*Он преклонил перед ней колени*), наделенный чудодейственной силой снимать печаль, давать способы избавления, основанные на христианском примирении, прощении, а порой и самопожертвовании (восприятие соловья как «родного», оставленного посланником Родины) [33: 215].

Образы *соловья* (воплощающего ангельскую **душу** птицы) и сирени (символизирующей **слабость, уныние**, скрытое течение страданий) – символ душевного смятения героя, покинувшего родные места, где в последнее время он был счастлив. Искренний внутренний монолог лирического героя заканчивается умиротворением, как и сама *«Песня соловья»*, в которой раскрываются стилистические особенности «песни в песне», использованной в романсе для создания интонационной полифонической выразительности в сочетании изначально мелодичных строк.

Сострадание к ближнему остро ощутил герой романса *«Умер, бедняга! В военном госпитале»*, основанного на интересе к жизни солдата, пораженного *«тяжелой болезнью»*, что становится центральным мотивом сюжета, контрастно сочетая в себе момент рождения (*А малыш протянул к нему руки, плача*) и несвоевременное увядание (*Он таял, как свечка, понемногу в нашей суровой стране*) безымянного солдата – способного ученика, полкового фаворита, талантливое стрелка, но прежде всего, сына [3: 18].

Линейный сюжет романса, разделенный пополам в песенном варианте, ориентированный на темы и стилистику народного плача (*Завывала и плакала снежная метель с таким жалким криком*), освещает события в жизни солдата, предшествовавшие его болезни: сцену прощания призывника с *родной хижинкой* (*Его рано оторвали от семьи, Он покинул родной край*), воспоминания о матери (*Полная чаша великой скорби, которую она рано выпила*), об успехах *щеголеватого Измайловца* во время царской службы (*Он был под залогом капрала, И в стрельбе вскоре был зачислен в первый класс роты*), в том числе описание его внешности (*Он выглядел красавцем, как призывник, С честным открытым лицом, светлы-*

ми волосами, голубыми глазами»), чертами и проявлениями характера (*Броский, умный, живой, Он был пронизательным учеником, Привык к военному делу*), что сторицей окупилось в условиях строжайшей дисциплины в *роте государя* [8: 288].

В этой истории тема родового забвения (*«И не пролилось ни слезы о том, что жизнь жила»*) и беспомощности природы, которая не сделала попытки спасти солдата (*Серый туман обрушился на столицу, дожди лились без конца*), подчеркивают идею исхода героя с религиозно-нравственной точки зрения (*безропотно отдал душу свою Богу*), которая предвосхищает декадентское настроение, царившее в поэзии после революции 1905 года. В своем рассуждении о смерти как естественном результате, мистическая интонация К. Романова (*Весь путь до первого поворота должен следовать за гробом*) объясняет погребальную традицию военного взвода, останавливающегося на уличном переходе [10: 88].

Взвод встречается с незнакомыми прохожими, согласно суевериям, приносящими последним удачу, но не делающими их более милосердными и сострадательными. В то же время убежденность поэта в том, что живые испытывают столько же боли, сколько и мертвые, проявляется в ссылке на печальную картину, запечатленную в памяти родных и близких, которые провожали солдата (*серая кляча, немая скорбь, мёрзлая земля*). Последняя строфа, с обращением к солдату, не лишенному братских чувств (*«Спи же, товарищ ты наш, одиноко*), связывает жанр поэмы с посланием, адресованным человеку, что имеет значение в судьбе только благодаря факту знакомства с поэмой [12: 23].

Средством преодоления монологической повествовательной формы романсов является песенное начало, осуществляемое с точ-

ки зрения **безличного** повествователя-певца, олицетворяющего романтическое и музыкальное сознание. Командующий, многообещающий, дающий советы, ласковый, но суровый (позиция родителя, воспитывающего ребенка, который должен знать *много печалей, тягот и грехов*), лирический герой, о присутствии которого прямо не упоминается, шепчет дочери серенаду. В стихотворении «*О, дитя! Под твоим окном*» открывается лирическая картина, в которой ребенок, засыпающий в колыбели-качалке, постигает тайну жизни в царстве сна (*Ты узнаешь, друг мой, и придет время испытаний*) [13: 33].

Музыкальные интонации, проявляющиеся в виде **лексических повторов** и припевов, а также в использовании **образного языка**, создающего изменчивую художественную реальность, позволяют сравнить колыбельную с заклинанием, в котором происходит последовательная смена образов: неослабевающая беда, земные страдания, *злые сомнения*.

Ключ к пониманию семантики колыбельной – анафора, задающая идеологическую и музыкальную логику композиции (*Спи в тишине ночи, Спи, пока еще спишь, Спи, дорогая, спи, покой, Пусть тебе снится светлый рай*) и синтаксическое повторение (*Пусть тебе снится сон и покой в тишине ночи*). Качающийся, хрупкий мостик между «сном» и «миром» для ребенка, который еще не начал, но вынужден жить в мире предательства и горя, подчеркивает дистанцию между детством и взрослостью как *час неизбежной борьбы*. В то же время жизнь, за которую приходится бороться, воспринимается как высшая данность, обязанная произойти во всей своей полноте, чтобы была разгадана одна из главных тайн – как

достичь гармонии между *«светлым раем»* и адом, мечтой и правдой, радостью и страданиями [15: 158].

Таким образом, жанр романса в его разновидностях (романс-гимн, романс-монолог, романс-песня) – это жанровое единство, сила творческого вдохновения, предвосхищающего отношение к этому жанру в эстетике очередного этапа развития русской поэзии в XX веке. Психологическая природа человека, раскрывающаяся в романсах, позволяет говорить о них как о примерах органичного сочетания слов и музыки.

Русский классический романс – одно из ярких достижений русской музыкальной культуры XIX века. В разные периоды русский романс всегда оставался верен великим реалистическим принципам. Романс объединил крупных композиторов с яркой творческой личностью, которые сумели наполнить этот жанр богатством содержания, красотой и поэтичностью образов, выраженных в совершенстве художественной формы.

Процессы, происходящие в русской культуре в настоящее время, подтверждают сохраняющийся интерес к романтике – она получает все большее распространение. Это и «Романтические вечера», посвященные творчеству одного композитора или конкретному периоду в развитии русской музыки, и «Творческие вечера» с одним или несколькими исполнителями, в репертуар которых включены образцы романсов разных композиторов и эпох. Показательна дань уважения Изабелле Юрьевой как «Королеве романса», что подтверждает интерес как к жанру, так и к романтической профессии. И то, что наряду с признанными мастерами на таких мероприятиях можно встретить и молодых певцов, привносит «свежий импульс» в романтическое исполнение. Кроме того, популярность ро-

мантики поддерживается эстрадными певцами, которые включают романсы в свой репертуар. Также важно использовать романтику как «символ», характерный для определенной эпохи в театре и кино.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: Высшая школа, 1984. 211 с.
2. Андросова Ф.С. Роль пунктуации в формировании текстовых стратегий // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск: РМНКО, 2011. №6 (31). С. 37-40.
3. Аренский А.С. Избранные романсы. М.: Музыка, 2006. 62 с.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. М., 2009. 277 с.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Екатеринбург: Издательство Уральского ун-та, 2009. 258 с.
6. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 201 с.
7. Базжина Т.В. Авторская пунктуация // Русский язык. 2000. №14 (230). С. 14-16.
8. Барт Р. Избранные произведения: семиотика и поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
9. Барулина Н.Н. Роль знаков препинания при актуализации высказывания // Русский язык в школе. 1982. №3. С. 90-91.
10. Васина-Гроссман В.А. Русский классический романс XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 287 с.
11. Валгина Н.С. Что такое авторская пунктуация? // Русская речь. 1978. № 1. С. 48-56.
12. Ветка сирени. Старинные романсы / А.М. Тимофеев. М.: Музыка, 2009. 64 с.
13. Вечер советского романса и песни. Репертуарный сборник. М.: Искусство, 2007. 208 с.
14. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка АН СССР. М.-Л., 1950. С. 41-68.
15. Гаспаров М.Л. Романс // КЛЭ / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. 1039 с.
16. Гришко Ф.Т. Авторские знаки препинания // Русский язык в школе. 1978. № 2. С. 88-91.
17. Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 2009. 464 с.
18. Камалова А.А. Когнитивное пространство русского романса // Вестник БФУ им. И. Канта. 2019. № 3. С.107-115.
19. Леонов Б.А. Романс как жанр в лирике // Вопросы стиля и жанра в лирике. М.: Наука, 2014. 288 с.
20. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Академия, 2007. 277 с.
21. Любимые песни и романсы / А.М. Тимофеев. М.: Академия, 2005. 384 с.
22. Любимые русские песни и романсы. М: Свет Отечества, 2004. 176 с.

23. Маслова В.А. Коммуникативный подход к проблеме эмотивности текста // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград, 1990. 287 с.
24. Маслова В.А. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста. Минск: Асвета, 2012. 266 с.
25. Овчинников М.А. Творцы русского романа. М.: Музыка, 1988. 159 с.
26. Плужников К.И. Забытые страницы русского романа. Л.: Музыка, 1988. 101 с.
27. Рабинович В. «Красивое страданье». Заметки о русском романе // Русский роман. М.: Правда, 2007. 126 с.
28. Уколова Е.Л. Очи черные: Альманах для поклонников старинного романа и любителей русской старины. М.: Академия, 2001. 64 с.
29. Харченко В.К., Хорошко Е.Ю. «Романские» вопросительные конструкции // Коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2004. С. 106-114.
30. Хорошко Е.Ю. Не в русском романе // Коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2004. Вып. 18. С. 77-81.
31. Хорошко Е.Ю. Черты национального самосознания в жанре русского романа // Коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2004. Вып. 18. С. 7-18.
32. Хорошко Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романа. Белгород, 2004. 289 с.
33. Ягубов Б.А. «Жестокий» романс и городская баллада: генезис и функционирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 215-219.

КОРОЛЁВА Инна Александровна (Смоленск, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
innakor@mail.ru

ФОРМЫ ЛИЧНЫХ ИМЕН В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли личных имен человека и их форм в коммуникативном процессе. Показывается, как употребление конкретных форм в той или иной ситуации общения может выразить отношения коммуникантов. Анализируется коннотативная шкала оценки, заложенной в семиотике личного имени. Приводится иллюстративный материал, позволяющий показать способы выражения оценки в формах личных имен и проследить, как происходит выбор нужной формы в той или иной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: ономастика, личное имя, форма личного имени, оценка, речевая коммуникация, коннотация.

Abstract. The article examines the role of the personal names and their forms in the communicative process. It is shown how the use of specific forms in a particular communication situation can express the relations of communicants. The connotative assessment scale inherent in the semiotics of the personal name is analyzed. The illustrative material allows to show the ways of expressing the assessment in the

forms of personal names and to trace how the choice of the form occurs in a particular communicative situation.

Keywords: onomastics, personal name, personal name form, assessment, speech communication, connotation.

В рамках означенной в настоящей статье проблемы мы хотим обратить внимание на роль имен собственных в речевой коммуникации, в частности, на роль личных имен как своеобразных показателей выражения отношений между коммуникантами, ибо имя – один из главнейших идентификаторов человека в социуме, большим и малом, действительно личный выделительный знак.

Семиотическая система всех антропонимов (имен, отчеств, фамилий, прозвищ, псевдонимов, никнеймов) функционирует как код, и по отношению к языку, в рамках которого она действует, является своеобразным подкодом [5: 7]. В составе же антропонимической системы уровень личных имен – базовый, исходный: именно ИМЯ – самый значимый и организующий межличностные отношения в коммуникации идентификатор.

Семиотика русской антропонимии ставит своей целью анализ и характеристику различных знаковых функций русского антропонимического кода в целом, и главным объектом, таким образом, является процесс перехода антропонимического сообщения от адресанта к адресату. Код личных имен (ЛИ) по информативности и функциональной направленности весьма насыщен. В нем нашла отражение самая разноплановая информация: лингвистическая, историческая, психологическая, социальная, этнографическая, религиозная, культурологическая. Помимо того, личное имя как знак имеет ярко выраженное организующее коммуникацию начало – обмен именами в общении очень ярко проявляет отношения между обща-

ющимися, строит эти отношения по определенной, заданной коммуникантами модели.

Сигналом определения отношений между людьми в коммуникации является выбор формы личного имени. Этот выбор определяется по двум главным параметрам:

1) имя соответствует речевому этикету, заданному коммуникативной ситуацией;

2) имя не соответствует этому условию; сознательно или бессознательно нарушаются этикетные нормы, выбор становится индивидуальным.

Иначе эти параметры можно определить как употребление предсказуемого знака и употребление непредсказуемого знака [5: 66].

Сложность русской антропонимической системы заключается не столько в огромном количестве производных форм личных имен, сколько в подвижности их функций в речи. Каждый переход говорящего с одной формы имени на другую определяет индивидуальный и субъективный оттенок отношений, что создает эмоционально-экспрессивную сторону речевого акта.

Функциональный анализ семиотических возможностей подкода русских деминутивов предлагался Е.Ф. Данилиной [3: 158-161] больше пятидесяти лет тому назад, но и сегодня предложенная ею «шкала ласкательности» не лишена научной ценности. Особенно интересными оказываются некоторые наблюдения, касающиеся семиотико-стилистической функции каждой из разных форм личного имени. Она определяется одновременно как вертикально (по социальной иерархии), так и горизонтально (по шкале ласкательности). Если вертикально функция имени соответствует нормам этикета, то

горизонтально, т. е. вдоль «шкалы ласкательности», имеется целая «гамма нюансов». Роль подобных оттенков определяется носителями посредством «ситуационного слуха», т. е. при помощи психолингвистической способности связывать контекст с вызванными им чувствами [3: 160].

Наблюдения имели продолжение. В совместной статье (Е.Ф. Данилина и В.Д. Бондалетов) авторы предлагают ряд примеров оттенков форм личного имени. В частности, «ласкательные» имена в русском языке могут выражать: растроганность (*Галюсенька, Витусеночек*), нежность (*Галинка, Галинушка*), неестественную ласковость, слащавость (*Галюня, Манюня*), фамильярную ласку (*Маняшка, Галка*), ласку, окрашенную ироническими интонациями (*Машенция*), грубоватую почтительность (*Толян, Юран*) и др. [2: 195].

Бондалетов и Данилина убедительно утверждают, что полная форма имени (*Иван, Мария* и т. д.) не представляет «нейтральную» степень ЛИ и что нельзя считать «нейтральной» даже «первую» ступень производного (*Ваня, Маша* и т. д.): ведь она в любом случае «стилистически окрашена» [2: 195]. Ученые приходят к заключению, что «подлинно нейтральных форм», имеющих нулевую стилистическую окраску, среди ЛИ нет и что «видимо, нейтральный фон все-таки имеется, но он особого рода» [2: 196]. Этим особым родом «нейтральности», по мнению авторов, является *динамичность*, которая представляет своеобразие синонимического ряда антропонимов (например, *Николай* → *Коля*; *Никола* → *Николушка*; *Колян* → *Коляй* → *Колька* и др.) в отличие от синонимического ряда нарицательных существительных.

Таким образом, базовая производная форма имени нейтральна по горизонтали (по «шкале ласкательности»), но маркирована по вертикали, т. е. по параметрам социально-речевого этикета. С другой стороны, можно сказать, что «нейтральность» не совпадает полностью с понятием «стандартность».

Выбор ласкательной формы важен всегда, однако внимание следует обращать не на абстрактный «удельный вес» суффиксов, а на параметр предсказуемости используемой формы по отношению к данному контексту. Формы ЛИ приобретают или теряют коннотацию не сами по себе, а в определенной игре отношений между двумя индивидами. «Нейтральность» (немаркированность), таким образом, выражают не формы или суффиксы как таковые, а степень их соответствия ожиданию адресата.

Из всего этого можно сделать вывод, что предсказуемая форма ЛИ определяет своего рода подтверждение установленных между говорящими отношений, в то время как непредсказуемая (новаторская) форма определяет горизонтальное изменение в отношениях между говорящим и именуемым. Именно в этом смысле форма ЛИ является «сигналом» [1: 336].

Изменения имеются:

а) от формы И+О к полной форме И (*Сергей Васильевич* → *Сергей*);

б) от полной формы И к стандартному производному (*Сергей* → *Сережа*);

в) от менее маркированной формы к более маркированному вторичному производному (*Сережа* → *Сереженька* → *Сереза* [последняя звучит особенно фамильярно-товарищески]);

г) от формы И+О к одному О (обозначает повышение конфиденциальности без повышения ласкательности, иронию или шутливость; в деревне О обозначает уважение к возрасту или личности в целом).

Если говорящий резко переходит от формы *Сергей Васильевич* к форме *Сергей*, то имеется явный сигнал приближения говорящего к именуемому (предположим, студента к старшему по возрасту или ролевому статусу). Если же сестра обращается к брату посредством формы *Сергей*, наоборот, имеется сигнал отдаления.

Можно сказать, что любая форма имени имеет свою собственную коннотацию как на уровне объективности группы, так и на уровне субъективности индивида. Тем не менее субъективный элемент подчиняется условиям кристаллизованной прагматики, по которым исконные носители русского языка не «ошибаются», употребляя имена в соответствии с ожиданиями своей лингвокультурной группы.

В общем можно предположить, что форма ЛИ является маркированной или немаркированной преимущественно в зависимости от того, *кто какого Сергея* зовет так в *какой ситуации*.

В подавляющем большинстве случаев мы можем утверждать, что почти всегда (за исключением немногих имен иностранного происхождения) полная форма русского имени определяет повышенную маркированность в связи с ее изначальной ролью сигнала перехода: до конфиденциальности применяется сочетание И+О, по наступлении конфиденциальности открывается спектр производных форм; полное имя, как нам представляется, служит переходным ориентиром или переходным звеном.

Поэтому переход от И+О к ласкательной или деминутивной форме определяет довольно маркированное изменение (пропускается одно звено). На самом деле, повторим, социальная дистанция и «шкала ласкательности» данного имени может быть урегулирована лишь по отношению к жизненному контексту: она не просто социальна, а «идиосоциальна». Используя анализ Б.А. Успенского, можно говорить об организации имен и об их изменениях в речи как о выражении «точки зрения» людей о себе и о собеседниках [6: 34]. Приводя пример из бытовой практики – *Владимир Петрович Иванов* (где, в зависимости от точки зрения, на *Владимира Петровича Иванова* можно смотреть как на *Володю* → *Владимира* → *Вову* → *Владимира Петровича* → *Иванова*), Успенский заключает: «Совершенно очевидно, что принятие той или иной точки зрения здесь прямо обусловлено отношением к человеку, служащему предметом разговора, и выполняет существенную стилистическую функцию» [6: 35].

Сама ласкательность, таким образом, определяется как следствие ИЗМЕНЕНИЯ, и, следовательно, если ласкательная форма «изнашивается», она теряет свою ласкательность. Момент перехода к новой именной форме – т.е. ИЗМЕНЕНИЕ – определяет пик экспрессии.

Подробно рассмотрим формы личных имен с суффиксом *-к-*, их роль в выражении отношений между коммуникантами.

Как известно, среди продуктивных суффиксов русских деминутивов особенно проблематичным является суффикс *-к-(а)*. В ономастической литературе этот суффикс продолжает быть объектом дискуссии. В частности, отмечаются некоторые несоответствия научных определений тому, как формы на *-ка* реализуются и воспринимаются в речи.

Если мнение В.А. Никонова, что в Древней Руси боролись за право называть себя «на *-вич*», а «низкий суффикс *-ка*» навязывался низам общества доминирующими классами [4: 51], полностью убеждает, то взгляд того же ученого на синхронию противоречит узусу. Согласно Никонову, в наши дни формы на *-ка*, когда-то определявшие близость отношений и даже нежность, носят оттенок «пренебрежения» [4: 51]. Нам же кажется, что «пренебрежение» отнюдь не является исконной определительной чертой этого суффикса. Сегодня формы на *-ка* употребляются очень часто, почти всеми социальными слоями и определяют не пренебрежительное, а, скорее, фамильярно-товарищеское отношение между говорящими.

Мы должны констатировать, что суффикс *-ка* является *сигналом* товарищеских отношений или семейной привязанности. Этот сигнал обозначает: «Это – человек, которого знаю настолько хорошо, что могу выразить к нему повышенную фамильярность».

Товарищество не всегда сочетается с привязанностью, поэтому суффикс действует *когда как*, он зависит от конкретных отношений коммуникантов и от жизненного контекста. В любом случае нельзя говорить об абстрактной семантике суффикса *-ка*.

Ономастические формы с суффиксом *-ка* отмечают повышенный уровень конфиденциальности, являются *сигналами* принадлежности к узкому кругу близких знакомых, которых *что-то* объединяет. Следует все же признать, что часто исконные носители языка объясняют иностранцам, будто «эти формы лучше не употреблять»; тем не менее все употребляют их регулярно. Можно мотивировать это так: как в случае «неприличных слов», так и с именами на *-ка* иностранцы (*не свои*) считаются «не на уровне» фамильярности, к ним нельзя применить закрытый код.

Итак, рассмотрев антропонимический код личных имен, можно констатировать, что личные имена обладают весьма значительной семиотической силой и являются яркими модификаторами в определении отношений между людьми в любой речевой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика. Сб. статей / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1972. С.333-345.
2. Бондалетов В.Д., Данилина Е.Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. Сб. статей / ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С.194-200.
3. Данилина Е.Ф. Категория «ласкательности» в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке // Ономастика. Сб. статей / отв. ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969. С.149-161.
4. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. Сб. статей / отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 33-56.
5. Сальмон Л. Личные имена в русском языке. Семиотика, прагматика перевода. М.: Индрик, 2002. 160 с.
6. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995.

КОРОЛЬКОВА Анжелика Викторовна (Смоленск, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Смоленский государственный университет
lika.korolkova@bk.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА РУССКОЙ АФОРИСТИКИ XVIII ВЕКА. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Ключевые слова в афоризмах являются семантическим ядром, основой изречения, они соотносятся с концептами русской культуры, зачастую являясь языковым выражением концепта. Основными ключевыми словами-концептами русской лингвокультуры XVIII в. являются: *разум (ум), человек / люди, народ, язык (слово), учение, наука, любовь, дружба, Россия (Отечество), мудрость, слава, смерть, жизнь, душа, судьба, мир, закон, рабство, порядок, польза, опыт, ненависть, счастье, уныние, радость* и пр. Данная парадигма ключевых слов иллюстрирует мировоззренческие приоритеты русского человека XVIII в., выражая концептуальную и языковую картину мира.

Ключевые слова: ключевое слово, концепт, афоризм, афористика.

Abstract. Key words in aphorisms are the semantic core, the basis of the saying, they correlate with the concepts of Russian culture, often being the linguistic ex-

pression of the concept. The main key words-concepts of the Russian linguoculture of the 18th century are: *reason (mind), man / people, nation, language (word), teaching, science, love, friendship, Russia (Fatherland), wisdom, glory, death, life, soul, fate, peace, law, slavery, order, benefit, experience, hatred, happiness, despondency, joy, etc.* This paradigm of key words illustrates the ideological priorities of the Russian people of the 18th century, expressing the conceptual and linguistic picture of the world.

Keywords: keyword, concept, aphorism, aphoristic.

Начало развития русской афористики можно отнести к дописьменному времени, древнему периоду устного фольклора зарождающегося русского этноса. В русских народных сказках, былинах, сказаниях встречается довольно много не только пословиц и поговорок, но и афоризмов.

Следующий этап развития – появление первых древнерусских памятников письменности и литературы. Именно к этому периоду относятся первые вводные (включенные в текст письменных памятников) афоризмы, которые наблюдаются и в летописях, и в «Сказании о Борисе и Глебе» Иакова Мниха, и в «Послании Фоме» Климента Смолятича, и в «Слове о полку Игореве», и в «Поучении чадам своим» Владимира Мономаха и пр.

Русская афористика не утратила своих позиций и в XIII-XVII вв. В различных текстах: в светской литературе, в летописях, в текстах религиозного характера – содержится довольно большое количество афоризмов, отражающих национальную картину мира русского человека определенного исторического периода. Большая часть афористики фиксирует значимые морально-нравственные ценности, отражает философское осмысление общечеловеческой парадигмы духовных основ бытия; при этом не оказываются в стороне темы, связанные с проблемами конкретно-исторического времени. Например, в афористике XIII- XVI вв. содержится большое количество изречений, связанных с темой Родины, борьбы за свободу и пр.

Афористика древнерусского периода – это афористика сентенций, глубоких обобщений, в ней нет места шуткам, иронии, мало сарказма. Исторически парадигма русской афористики отражает сложные исторические процессы становления российской государственности, русского этноса, духовных основ и нравственных идеалов, сохраняет и передает культурно-исторический опыт.

Афористика XVIII века на новом историческом этапе развития общества и языка раскрывает основы национальной картины мира, фиксирует в ключевых словах отдельных афоризмов культурный код русского этноса.

Ключевые слова в афоризмах являются семантическим ядром, основой изречения, они соотносятся с концептами русской культуры, зачастую являясь языковым выражением концепта. Об этом в свое время писал Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка», где указывал, что язык – это «исключительный культурно-ментальный феномен, представляющий собой духовную, одушевленную ипостась» [3: 281].

Русская афористика, являясь частью языка, фиксирует основные концепты русской лингвокультуры; ключевые слова-концепты отражают и универсальные общечеловеческие ценности, и мировоззренческие национально-культурные особенности русского народа [1]. Можно утверждать, что ключевые слова афоризмов вербализуют лингвокультурологические концепты.

Необходимо при этом указать, что писатели и поэты, ученые, публицисты не свободны от веяний эпохи, их изречения отражают множество изменений в обществе. «Радикальные политические, экономические и социальные преобразования в стране <...> детерминированы изменением концептуального мира русского человека»

[4: 114]. Изменение концептуальной картины мира русского человека нашло свое отражение в афористике XVIII века.

Следует отметить, что афоризмы отдельных писателей не только передают национально-культурный опыт, так называемую «наивную картину мира» всего народа, но и показывают их субъективное мировосприятие, основанное на личностном опыте. Именно поэтому в афоризмах отдельных авторов присутствует такая черта, как парадоксальность. Некоторые специалисты по теории афористики даже рассматривают парадоксальность как типологическую черту афористики. На наш взгляд, эта черта лишь факультативно присутствует в ряде изречений.

Так, например, афоризм Г.Р. Державина:

*Всего изобилье,
само благо быть может нам злом;
счастье и нега **разума** крылья
сплошь давят ярмом.*

Представляемое исследование афористики XVIII века базируется на материалах «Словаря афоризмов русских писателей» [2], куда включены изречения М.М. Хераскова, И.И. Хемницера, Г.Р. Державина, М.В. Ломоносова, Я.Б. Княжнина, А.Н. Радищева, А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, Д.И. Фонвизина.

Основными ключевыми словами-концептами русской лингвокультуры XVIII века являются: *разум (ум), человек/люди, народ, язык (слово), учение, наука, любовь, дружба, Россия (Отечество), мудрость, слава, смерть, жизнь, душа, судьба, мир, закон, рабство, порядок, польза, опыт, ненависть, счастье, уныние, радость* и пр. Данная парадигма ключевых слов иллюстрирует мировоззренческие

приоритеты русского человека XVIII века, выражая концептуальную и языковую картины мира.

В XVIII веке в русской литературе и лингвокультуре соответственно основой была классицистическая концепция; разум признавался единственным источником гармонии и красоты литературного текста. Именно поэтому достаточно частотными ключевыми словами в афористике XVIII века являются лексемы *разум*, *ум*. Изречения о разуме, например, встречаем у М.В. Ломоносова:

*В безмерном углубя пространстве **разум** свой,
Из **мысли** ходим в мысль, из света в свет иной* [2: 268].

* * *

*Испытание **натуры** трудно, однако приятно, полезно, свято. Чем больше таинства ее **разум** постигает, чем далее рачение наше в оной простирается, тем обильнее собирает плоды для потребностей житейских* [2: 269].

О разуме и душе, противопоставляя их, размышляет А.П. Сумароков:

*В прекрасной быть должна прекрасна и **душа**,
А я скажу то смело,
Что самое прекрасное тело
Без **разума** – посредственное дело.*

Количественно значимыми ключевыми словами в русских афоризмах XVIII века являются *учение*, *наука*. Ожидаемо много подобных изречений у М.В. Ломоносова, но и в афоризмах А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева присутствуют названные ключевые слова.

*Не можно никогда **науки** презирать,
И трудно без нея нам правду разбирать* (А.П. Сумароков).

* * *

Наука в развращенном человеке есть лютое орудие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу (Д.И. Фонвизин) [2: 535].

Среди известных афоризмов М.В. Ломоносова о науке:

*Науки пользуют везде –
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде* [2: 270].

* * *

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут...* [2: 271].

К настоящему времени крылатым стало выражением «*науки юношей питают...*», причем далеко не все, кто его употребляет, знают первоисточник.

Ключевые слова-концепты *учение, наука* в афористике XVIII века не просто качественно и количественно являются знаковыми, но соотносятся с ключевыми словами *народ, человек, общество*. Обычно в рассматриваемых изречениях XVIII века ключевые слова *учение, наука, человек, народ, общество*, а также *Родина (Отчизна)* употребляются в едином семантическом пространстве:

*Ты должен посвятить Отчеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть честный человек* (Д.И. Фонвизин) [2: 536].

Референтные ключевые слова *народ, человек / люди, общество* включаются в единое фразеосемантическое поле *человек и*

репрезентируются в большом количестве афоризмов XVIII века. Концепт (ключевое слово) *человек* количественно значимо в русской афористике и показывает, что антропоцентризм лежит в основе концептуальной картины мира человека этого периода.

Приведем несколько примеров:

Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца (Д.И. Фонвизин) [2: 536].

* * *

О разум, сильный разум!

Царем ты человека

Над тварью мог поставить;

Его ты укрепляешь,

Его вооружаешь,

Его ты согреваешь (М.М. Херасков) [2: 542].

Среди ключевых слов-концептов русской афористики XVIII века следует выделить лексемы *язык*, *слово*. Для писателей и поэтов любого исторического времени внимание к слову и родному языку является естественной необходимостью. В XVIII веке внимание русских писателей к языку обусловлено различными факторами, в том числе заботой о его развитии и совершенствовании, желанием «уберечь» родную речь от влияния других языков. Во многих изречениях выражено чувство гордости за родной язык, его богатство и красоту. Так, например, множество афоризмов о красоте родного языка (родного слова) создал М.В. Ломоносов:

Российское бы слово от природы богатое, сильное, здоровое, прекрасное, ныне ещё во младенчестве своего возраста,

добродетелей твоих изображением растущее и укрепляющееся, превзошло б достоинство всех других языков [2: 273].

Необходимо заметить, что русская афористика XVIII века иллюстрирует внимание русского этноса к общечеловеческим ценностям, таким как *любовь* и *дружба*. Данные ключевые слова-концепты также широко представлены в изречениях русских писателей XVIII века. При этом любовь и дружба в русской афористике показаны как явления сложные, многомерные и неоднозначные.

Русская афористика XVIII века включает в себя достаточное количество изречений, которые выстраиваются вокруг ключевых слов, отражающих эмоциональные состояния и характеристики человека, таких как *лень, труд, богатство, добродетель, враньё, честь, ложь, счастье* и пр.: *Слава Богу, что на вранье пошлин нет! Ведь куда бы какое всем нам было разорение!* (Д.И. Фонвизин) [2: 536].

В целом, можно утверждать, что ключевые слова (концепты) русской лингвокультуры XVIII века находят воплощение в афоризмах своего времени. Парадигма ключевых слов русской афористики отражает системность концептуальной картины мира русского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королькова А.В. Русская афористика. Монография. М.: Флинта Наука, 2005. 342 с.
2. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. М.: Русский язык Медиа, 2005. 636 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 280-287.
4. Черникова Н.В. Отражение в толковых словарях изменений в русской национальной концептосфере // Слово. Словарь. Словесность. Экология языка. Материалы Всероссийской конференции. СПб.: Сора, 2005. С. 114-116.

КРАСИНА Елена Александровна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Российский университет дружбы народов
elena_krassina@mail.ru

РЫБИНОК Евгений Сергеевич (*Москва, Россия*)

соискатель
Российский университет дружбы народов
e.rybinok@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИКОДОВОГО КИНОТЕКСТА СЕРИАЛА Ю. ГРЫМОВА «КАЗУС КУКОЦКОГО»

Аннотация. Поликодовый кинотекст представляет собой экранный текст, который отличает гетерогенность, интерсемиотичность и символичность. Его формирует сочетание знаков вербальных (речь персонажей, кинодиалоги, закадровый текст и др.) и невербальных кодов – визуальных («картинка»: портрет, обстановка, реквизит; цвет и свет и др.), аудиальных (естественные звуки и шумы природы, техногенные шумы, музыка). Техника монтажа кинотекста и нарратива обеспечивается сочетанием кодов и их элементов-знаков, при этом обнаруживается многослойность нарратива кинотекста.

Ключевые слова: кинотекст, поликодовость, вербальный код, кинодиалог, закадровый текст, нарратив.

Abstract. Polycoded film text is a type of the screen text which is marked with heterogeneity, intersemiotics and symbolism. It involves the combination and integrity of verbal signs (speech of film characters, film dialogues, narrations, and others) and non-verbal codes – visual (“visual frame” portraits, scenery, essential elements; color and light, etc.) and audial ones (proper sounds and noises of nature, technological roars, music). Film text and its narrative is provided by combinations of codes and signs as their elements, which helps to reveal the multilayer structure of film narrative.

Keywords: film text, polycoded text, verbal code, film dialogue, narrations, film narrative.

В кинотексте сериала Ю. Грымова «Казус Кукоцкого» [1] по одноименному роману Л. Улицкой [2] вербальный код представлен речью персонажей в кинодиалогах, в закадровом тексте и в письменной форме, графически различными надписями, распределенными по сериям как титры или части обстановки, ситуации.

Закадровый текст анонсируется в начальных титрах: «Текст читает Алексей Баталов». По сути, закадровый текст – это фрагмен-

ты художественного текста-основы экранизации, который обычно звучит на фоне изображения или даже музыки, и читает его актер, не участвующий в сценическом действии фильма [3: 21-23]. Обычно он дополняет изображения на экране. В художественном тексте это письменная (графическая) речь, но в кинотексте она не принадлежит персонажам, и поэтому звучит не в кадре, а за его пределами, уточняя характеристику персонажа или ситуации/события сюжета. Естественно, закадровый текст не передает буквально текст художественный, который подвергается различным трансформациям, синонимическим заменам, сокращениям вплоть до лакун.

Почти буквальные совпадения крайне редки, поскольку закадровый текст не должен выходить за рамки изображаемой сцены, например:

Художественный текст-повествование	Кинотекст-киноповествование
<p>Поутру она чувствовала себя особенно счастливой и свободной. Она знала, что по дороге к заводу все потихоньку начнет меркнуть, а к концу дня от утреннего счастья не останется и следа – чувство вины и стыда усиливается к вечеру, и пока Павел Алексеевич не обнимет ее ночным крепким объятием, оно не пройдет... [в романе: ч.1, г.3]</p>	<p>Поутру она чувствовала себя особенно счастливой и свободной. Она знала, что по дороге к заводу все потихоньку начнет меркнуть, а к концу дня от утреннего счастья не останется и следа – чувство вины и стыда <i>усилится</i> к вечеру, и пока Павел Алексеевич снова не обнимет ее <i>своими крепкими ночными объятиями</i>, это чувство вины и стыда не пройдет... [В сериале: часть 2, 05:00]</p>

Трансформации в кинотексте отмечены курсивом, они представлены синонимическими трансформациями и незначительными изменениями порядка слов.

В киноповествовании закадровый текст максимально трансформирует диалоги, сравните:

Художественный текст-повествование	Кинотекст-киноповествование
<p>В глубине души она была ужасно</p>	<p>В глубине души она была ужасно</p>

<p>разочарована. Ей бы хотелось, чтобы Павел Алексеевич был ей настоящим отцом, как Тане. [ч. 1, гл. 12] – Теть Вась, я полы могу мыть и стирать. И печь топить могу... Я у Фени не хочу жить-то, у нее своих полно... Василиса прижала ее голову к своему боку: – Эка ты глупыга. Печи у нас нет. Полы мы сами не моем, полотер приходит, натирает. Но ты не бойся, делов в доме на всех хватает... [В романе: ч. 1, гл. 10]</p>	<p>разочарована. Ей бы хотелось, чтобы Павел Алексеевич был ей настоящим отцом, как Тане. <i>Для этого она была готова делать все, что угодно: мыть полы и стирать, топить в доме печь. Впрочем, печки в доме не было, а полы натирал полотер, который специально для этого приходил раз в два месяца.</i> [Серия 4, 33:33]</p>
---	---

В романе диалог из двух развернутых реплик между Василисой и Томой представлен в кинотексте повествованием-рассуждением, состоящим также из двух реплик исходного диалога.

Кинодиалоги, как правило, возникают в сценарии фильма и зачастую они не существуют в тексте-основе экранизации, например, диалог Кукоцкого и Сергея звучит почти за кадром, они обсуждают саксофон Сергея:

- *Думаешь, эта штука [саксофон] тебе здесь понадобится?*
- *Она всегда была со мной. Не выбрасывать же теперь.*
- *Само собой. Только что здесь такое?*
- *Не знаю.*
- *Открой да посмотри. [Ч. 12. «Смерти нет»].*

Аналогично и последний диалог Кукоцкого с Гольдбергом, в котором практически нет содержания, а только эмоции:

К: Илюша, Илюша!

Г: Паша!

К: Илюша!

Г: Эх, Паша, Паша...

К: Ну вот, видишь? Такие, такие дела.

Однако в большинстве случаев наблюдаются трансформации диалогов художественного текста, подобные трансформациям в за-

кадровом тексте. Все кинодиалоги сериала представляют речь персонажей кинотекста.

Помимо титров кинотекста, письменная речь в нем может быть представлена графически различными надписями: названиями городских объектов, письмами или записками, страницами личных дневников, записями в судовом журнале и др. Так, в сериале «Казус Кукоцкого» встречается немного подобных обозначений-титров: показана медицинская карта Елены, куда вносят текущую дату – 06.07.1944 г. [1 серия]; плакат с лозунгом «Здоровье матери и ребенка – одна из главных задач советской медицины!» [5 серия]; первый раз появляется надпись, обозначающая место и время действия: «Москва. 1958 год» [6 серия]; обложка книги И. Гольдберга, изданной в Америке, “*Ilya Goldberg. Sketches of Geoethnographics of Soviet People*” [9 серия]; записка Виталия Гольдберга Тане из больницы «Когда я выпишусь, ты выйдешь за меня замуж?!» [9 серия]; лозунг-поздравление на стене в больнице П.А. Кукоцкого «С Новым 1952 годом!» [11 серия] и др.

Подобные графические вставки могли быть включены в устной форме в диалоги или закадровый текст, но их основная функция визуально поддержать одновременно и континуальность кинотекста, и его членимость.

Закадровый текст и кинодиалоги реализуются вербальными кодами кинотекста, преимущественно знаками-символами: они озвучены актерами, являются кодами слухового восприятия и создают либо дополняют лингвистический аудиоряд кинотекста. В силу поликодовости кинотекста, они тесно взаимодействуют и переплетаются с визуальными кодами, функционируют на фоне изображения, иногда музыки, и дополняют его, таким образом формируя

смысловую многослойность нарратива кинотекста. Письменная речь, обозначая место и время действия, переписку персонажей, лозунги, призывы и др., осуществляется визуальными графическими знаками и поддерживает видеоряд кинотекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улицкая Л. Казус Кукоцкого (роман). URL: http://www.belousenko.com/books/Ulitskaya/ulitskaya_kazus.htm и <https://mir-knigi.info/books/proza/sovremennaya-proza/52658-kazus-kukockogo.html>.

2. Сериал Ю. Грымова «Казус Кукоцкого». Электронный ресурс: Youtube-канал "КиноТеатр Юрия Грымова". URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLCqk0_m2goyLUEYdQbli07I3rXdFfmMGK.

3. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

КУЗИНА Марина Анатольевна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
ma.kuzina@mpgu.su

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ У ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АССИМИЛЯЦИИ В ЯЗЫКЕ-РЕЦИПИЕНТЕ (на материале англоязычных СМИ)

Аннотация. Статья ставит целью доказать возможность развития коннотативного значения у экзотизма, что прослеживается на примере нескольких тысяч контекстов употребления лексемы «mandarin» в статьях британской и американской «качественной» прессы. Процесс адаптации анализируемого экзотизма в английском языке включал семантическое расщепление, развитие новых лексико-семантических вариантов, архивацию одного из лексико-семантических вариантов, становление отрицательной коннотации, что существенно выходит за рамки функциональной ассимиляции экзотической лексики.

Ключевые слова: экзотическая лексика, ассимиляция, коннотация, деэкзотизация.

Abstract. The article aims at highlighting the possibility of connotation evolution of an exotic loanword, which is carried out on the basis of over thousands of contexts of the lexeme “mandarin” usage elicited from the British and American “quality” newspapers. The assimilation process of the analyzed borrowed word has included: split polysemy, evolvement of new meanings, development of an archaic meaning, evolution of the negative connotation, which significantly exceeds the limits of functional assimilation of exotic loanwords.

Keywords: exotic loanwords, assimilation, connotation, de-exotization.

В Приложении ко второму изданию книги «История слов в истории общества» (2004) Р.А. Будагов рассматривает историю отдельных слов на фоне социально-исторических условий: в частности, на примере экзотизма *мандарин* он доказывает, что «современный исследователь лексики обязан уметь не только разграничивать такие понятия, как синхрония и диахрония, стихийное и сознательное, но и понимать многообразные формы постоянного взаимодействия между ними» [1: 233].

С точки зрения исторической семасиологии во французский и немецкий языки *мандарин* был заимствован не ранее конца XVI в. через португальский язык-посредник из малайского или хинди (по данным словаря В. Скита) или из китайского (по данным словаря Ф. Клюге): этимон «mantri» в языке-источнике имел сходство с лексемой «mandar» ('приказывать, распоряжаться') в языке-посреднике, что способствовало закреплению за анализируемым экзотизмом значения 'советник, министр, визирь, высокий государственный чиновник' [1: 233-235]. В английский язык слово заимствуется из французского языка-донора, а в русский – из немецкого; тем не менее, формальные и функциональные характеристики ассимиляции экзотизмов «mandarin» и «мандарин» во многом идентичны: у европейцев они обозначают именно чиновника в Китае. В XVIII в. английская лексема «mandarin» стала употребляться в сочетании типа «mandarin orange» для обозначения разновидности цитруса жёлто-оранжевого цвета, совпадающего с цветом одежды чиновника, а позже экзотизм стал полисемантичен, обозначая и высокопоставленного чиновника, и фрукт. Полисемия экзотизма оказалась нестойкой и была заменена омонимией, так как

в большинство европейских языков слово заимствовалось в значении 'чиновник, советник', но только в некоторые языки (в частности, в английский) оно также пришло для наименования цитрусового дерева и его фруктов (*Citrus reticulata*, Rutaceae).

Современные лексикографические издания английского языка регистрируют два полисемантических омонима, некоторые из значений которых подверглись деэкзотизации: 1) the standard literary and official form of Chinese spoken by over 73-million people; an official in any of the nine top grades of the former Imperial Chinese civil service; a powerful official or senior bureaucrat, esp. one perceived as reactionary and secretive; 2) a small flattish citrus fruit with loose yellow-orange skin; the citrus tree that yields the mandarin. Также словари фиксируют устойчивые словосочетания с участием данного экзотизма: *mandarin collar*, *mandarin duck*, *mandarin oil*, *mandarin porcelain* [2; 3].

Особый интерес представляет функционирование *mandarin* в современных американских и британских «качественных» газетах: при анализе употребления данных лексем в «Washington Post» и в «The Guardian» было отобрано соответственно 2319 и 9470 случаев употребления. Во-первых, наиболее частотным лексико-семантическим вариантом первого из вышеприведенной пары омонимов является «официальный язык Китая с северо-китайскими диалектами как основой; путунхуа»: «*Solicitor Moore Blatch has always welcomed bilingual employees – its staff includes French, German, **Mandarin**, Russian and Japanese speakers*»; «*Inside the administration, aides were divided over lavishing Xi with a highly personalized summit, at which Trump's granddaughter Arabella, the daughter of White House senior advisers Jared Kushner and Ivanka*

Trump, serenaded Xi in Mandarin» [4; 5]. Во-вторых, в историческом значении (наименование чиновников в Китае в период с 1644 по 1912 гг. согласно Системе девяти рангов) практически не встречается в современных СМИ, но как экзотизм-историзм может быть частотно в текстах исторического и этнографического характера. В-третьих, анализируемый экзотизм примерно в 3 раза чаще встречается в значении 'высокопоставленное официальное лицо, бюрократ' в британской прессе: «*UK has mounted covert attacks against Russian leadership, says **ex-mandarin***»; «*Ex-Treasury **mandarin** warns Labour over its RBS lending proposal*», чем в американской прессе: «*In starting New America, he received seed money from Bill Moyers, the longtime public affairs **mandarin**, and early contributions from then-Google chieftain executive Eric Schmidt and the Mac arthur Foundation*» [4; 5]. Здесь следует подчеркнуть, что это единственный лексико-семантический вариант с отрицательной коннотацией. Полный омоним-кулинароним также обладает высокой частотностью, употребляясь в рецептах и медицинских советах: «*Cocktail of the week: Smoking Goat's tequila, **mandarin** and lime*» [4].

Таким образом, функциональная ассимиляция экзотической лексики включает не только развитие полисемии, синтагматических и парадигматических связей, но и становление коннотации у слова или его лексико-семантического варианта, что разрушает представление об экзотизмах как лексемах, заимствованных с одной целью – именовать реалии, характерные для языка-донора / языка-источника, но отсутствующие в языке-реципиенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р.А. История слов в истории общества. 2-е изд., доп. М.: Добросвет-2000, 2004. 256 с.
2. Dictionary by Merriam-Webster: Словарь издательства Мэрриам-Вебстер. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения:

15.02.2021). Dictionary by Merriam-Webster: Словарь издательства Мэрриам-Вебстер. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 15.02.2021).

3. Oxford Dictionaries: Большой Оксфордский словарь. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 15.02.2021).

4. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 15.02.2021).

5. Washington Post [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 15.02.2021).

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
e.a.kuznetsova@list.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ НАЗВАНИЙ СЁЛ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика названий сёл во Владимирской области. Отмечено, что топонимы, образованные от наименования церкви или храма, не составляют большую часть названий сёл региона, а некоторые типичные номинативные модели связаны с существованием в поселении церкви опосредованно. Установлено, что номинативные модели названий сёл Владимирской области в целом отражают общую специфику топонимии региона.

Ключевые слова: топонимы, сельские поселения, сёла, номинативная модель.

Abstract. The article is focused on the specificity of villages names in the Vladimir region. It is obvious that toponyms formed after churches or temples names are the least common ways of naming for Vladimir rural areas. Some typical nominative models are likely to have the indirect relation to churches in settlements. It was concluded, that the nominative models of rural names are the part of the general specificity of toponymy in the Vladimir region.

Keywords: toponyms, rural settlements, villages, nominative models.

Среди типов сельских поселений в России выделяются такие, как деревни, сёла, станицы, хутора, аулы, кишлаки, стойбища, заимки и пр. Традиционно отличие села от деревни заключается в том, что в селе существует церковь или храм. До революции 1917 г. это прослеживалось достаточно последовательно. В годы советской

власти, когда церкви и храмы закрывались и даже разрушались, такое разделение сохранялось не всегда: некоторые поселения утрачивали церковь, но в речи местных жителей продолжали называться сёлами, другие населённые пункты стали деревнями, причём их статус закреплялся в различных списках населённых мест. Целью настоящей статьи является анализ названий сёл во Владимирской области и выявление специфики номинации данных поселений. Работа по изучению владимирских топонимов продолжает исследовательскую традицию кафедры русского языка Владимирского государственного университета, заложенную известным ономастом В.В. Носковой [2].

В соответствии с данными Реестра административно-территориальных образований и единиц Владимирской области в региона сейчас насчитывается 355 сёл. Больше всего сёл имеется в Суздальском (82 села) и Юрьев-Польском (97 сёл) районах, при этом в других районах количество населённых пунктов этого типа редко превышает два десятка: Александровский район – 15 поселений, Вязниковский – 4, Гороховецкий – 3, Гусь-Хрустальный – 16, Камешковский – 17, Киржачский – 3, Ковровский – 21, Кольчугинский – 21, Меленковский – 18, Муромский – 14, Петушинский – 4, Селивановский – 7, Собинский – 22, Судогодский – 11 [3]. Указанная особенность концентрации сёл именно в Суздальском и Юрьев-Польском районах может быть объяснена тем, что данные территории издавна были княжескими вотчинами, центром становления Владимиро-Суздальского княжества.

Как известно, в дореволюционной России сёла получали названия по именованию церкви, которая там была воздвигнута. Во Владимирской области только чуть более 30 сёл имеют название,

производное от наименования храма. Это может быть как действующая церковь, так и утраченный храм, который существовал в этом поселении когда-то давно. Например, название села *Андреевское* Петушинского района, по всей вероятности, образовано от именования церкви в честь Святого Апостола Андрея Первозванного. Название села *Богородское* в Кольчугинском районе связано с появлением в нём церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы, которая впервые упоминается в грамоте 1571 г. [1: 335]. В селе *Богослово*, которое отмечается в старинных актах ещё с начала XVI в., вместо прежней сгоревшей церкви в 1699 г. была устроена и освящена новая – в честь Иоанна Богослова. Логично предположить, что и прежняя церковь носила то же имя. В сёлах с названием *Ильинское*, которые есть в Кольчугинском, Селивановском и Юрьев-Польском районах, церкви освящены в честь святого пророка Ильи.

Примеров топонимов, образованных от наименования церкви, немало. Однако больше во Владимирской области сёл, названия которых напрямую не связаны с храмами. Некоторые из них только опосредованно соотносятся с появлением в этих местах церкви, как это случилось, например, с селом *Алексеевским* в Ковровском районе. В XIX в. на его месте существовала деревня *Лаптиха*, где в начале XX в. была построена церковь. Это был первый храм во Владимирской губернии с престолом во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца. Вскоре после его освящения село *Лаптиха* было переименовано в *Алексеевское* в честь цесаревича и великого князя Алексея Николаевича.

Некоторые названия сёл не имеют связи с именованим того или иного святого или православного праздника, но построены по традиционной модели на **-ское**. Например, в Ковровском, Суздаль-

ском и Юрьев-Польском районах есть сёла с названием *Павловское*, в Киржачском и Собинском – *Семёновское*, в Суздальском и Юрьев-Польском – *Фёдоровское*. Можно предположить, что они получили свои названия по имени священнослужителя, чьими стараниями когда-то здесь появилась церковь.

Ряд топонимов на на **-ское** не имеют соотнесённости ни с человеком, ни с наименованием храма. Скорее всего, название образовалось с течением времени под влиянием процесса унификации: *Большое Каринское* (Александровский район), *Рюминское* (Александровский район), *Хотенское* (Суздальский район), *Малолучинское* (Юрьев-Польский район), *Ненашевское* (Юрьев-Польский район). Более того, некоторые названия вообще по своей форме не соотносятся по роду со словом село, что традиционно встречается в русской топонимии, если название имеет форму притяжательного или относительного прилагательного: *Лиственный* (Юрьев-Польский район), *Озёрный* (Юрьев-Польский район), *Парковый* (Юрьев-Польский район), *Подлесный* (Юрьев-Польский район), *Пригородный* (Юрьев-Польский район), *Хвойный* (Юрьев-Польский район).

Подавляющее же большинство сельских топонимов никак не связаны с культовыми сооружениями и православными традициями. Они в целом отражают особенности владимирской топонимии. Так, сёла, как множество других названий населённых пунктов во Владимирской области, образованы от имени человека: *Георгиево* (Гусь-Хрустальный район), *Григорьево* (Гусь-Хрустальный район), *Гришино* (Гороховецкий район), *Давыдово* (Камешковский район), *Зиновьево* (Кольчугинский район), *Марьино* (Ковровский район), *Пантелеево* (Ковровский район). Часть названий образовано от

наименования народностей: *Татарово* (Муромский район), *Ляхи* (Меленковский район). Некоторые топонимы содержат в своей основе наименования профессий или рода занятий: *Булатниково* (Муромский район), *Баскаки* (Суздальский район).

Названия сёл сохранили информацию об освоении древним человеком пространства Владимирской области:

а) расположение поселения относительно реки: *Заястребье* (Судогодский район), *Заколпье* (Гусь-Хрустальный район), *Колпь* (Гусь-Хрустальный район), *Заречье* (Киржачский район);

б) характеристика местности: *Дубрава* (Юрьев-Польский район), *Горицы* (Суздальский район), *Долгополье* (Александровский район);

в) освоенность территории: *Вёшки* (Гусь-Хрустальный район), *Мостцы* (Камешковский район).

Особенно интересными кажутся названия, в которых отражена специфика истории нашей страны, когда советская эпоха с отрицанием религии и своеобразным топонимообразованием оказала влияние и на названия сёл: *Богдановский рыбопитомник* (Юрьев-Польский район), *Кирпичный Завод* (Юрьев-Польский район), *Семёновское-Советское* (Суздальский район), *Энтузиаст* (Юрьев-Польский район).

В заключение отметим, что такое разнообразие номинативных моделей названий сёл во Владимирской области может быть объяснено тем, что большая часть сельских поселений на территории современной Владимирской области образовались задолго до того, когда в них же стали появляться первые храмы. Так, в Суздальском районе есть группа названий сёл (*Кистыш, Кидекша, Кибол*), которые, скорее всего, сохранились со времён обитания здесь финно-

угорских племён. Люди переселялись на эти земли, обживали пространство, в течение длительного времени образовывались поселения, а уже потом в них или неподалёку возводили церкви. Название же было известно и местным жителям, и обитателям соседних поселений, поэтому переименования по случаю постройки храма происходили очень редко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893-1898. 3 т. Вып. 2. 1895.
2. Носкова В.В. Из опыта ономастической переписи сельских поселений // Материалы для изучения сельских поселений России. Центрально-черноземная: история и современность. Доклады и сообщений третьей научно-практической конференции / Ред. Н.В. Подольская, З.В. Рубцова. Ч. 1. Язык и культура. Воронеж, 1994. С. 110–115.
3. Реестр административно-территориальных образований и единиц Владимирской области. Утверждён постановлением Губернатора Владимирской области от 13.06.2007 N 433. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/424086803>.

ЛАЗДИНА Мария Юльевна (*Уфа, Россия*)

студент
Башкирский государственный университет
mashalazdina@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА Татьяна Владимировна (*Уфа, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Башкирский государственный университет
tagrig8@mail.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ОТНЕСЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *РЕЙТИНГ* К КЛЮЧЕВЫМ СЛОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексемы *рейтинг*, которая может быть отнесена к ключевым словам современности, так как обладает всеми характерными для них признаками: высокой частотностью употребления, повышением словообразовательной активности, расширением сферы употребления и семантики. Утверждается, что изменения, происходящие в жизни, находят свое закономерное отражение и в языке.

Ключевые слова: ключевые слова, рейтинг, контекст, сочетаемость слов, семантика, дериваты.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the lexeme *rating* which can be attributed to the keywords of our time since it has all their characteristic features: high frequency of use, increasing word formation activity, expanding the scope of use and semantics. It is affirmed that the changes taking place in life find their natural reflection in the language.

Keywords: keywords, rating, context, word compatibility, semantics, derivatives.

Современный этап развития лингвистики характеризуется стремлением раскрыть связь языка и сознания. Важным феноменом в изучении русского языка являются ключевые слова современности – лексемы, которые обозначают явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания. Среди основных признаков ключевых слов современности можно назвать высокую частотность их использования, расширение возможностей метафорического употребления, повышение словообразовательной активности, расширение сферы употребления и семантики [4].

В качестве объекта исследования нами была выбрана лексема *рейтинг*. Она активно употребляется в разных типах дискурса: в политике, в разговорной речи, в средствах массовой информации, то есть во всех сферах деятельности человека, что однозначно доказывает высокую частотность её использования. Безусловно, лексема *рейтинг* является отражением ценностей современного общества. Более того, она и формирует эти ценности. Следовательно, рейтинг оказывает влияние на приоритеты людей, а значит, обладает способностью к манипуляции. Кроме того, данная лексема явно демонстрирует свою способность к словообразованию, поскольку имеет множество дериватов: *рейтингование* ('определение рейтинга'), *рейтинговать* ('определять чей-либо рейтинг'), *рейтинговый* ('свойственный рейтингу') и др.

Наиболее значимым признаком отнесения того или иного слова к ключевым является расширение его семантики, и *рейтинг* как

ключевое слово удовлетворяет этому критерию. В словаре С.А. Кузнецова 1998 г. [2] оно имеет очень узкое значение: «1. Спорт. Показатель оценки достижений шахматиста в мировом классификационном списке, определяемый по его результатам в турнирах. 2. Книжн. Показатель популярности, авторитета какого-л. лица, общественного деятеля, организации и т. п. в какое-л. время, определяемый социологическим опросом».

В словаре Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина [1], выпущенном позже, в 2009 г., прослеживается более общее определение слова *рейтинга*: «термин, обозначающий субъективную оценку какого-либо явления по заданной шкале».

В словаре иностранных слов современного русского языка Т.В. Егоровой 2014 г. [3] слово *рейтинг* начинает приобретать и другие значения: «1. Оценка чьей-либо деятельности; соотношение популярности кого-либо или чего-либо, которая основывается на общественном опросе или мнении специалистов; 2. Престиж, популярность, признание».

Расширяется и область употребления слова *рейтинг*. В начале 2000 г. оно используется только для оценки общественных деятелей. Однако впоследствии *рейтинг* применяется и к другим лицам.

Изменяется речевая сочетаемость слова *рейтинг* в текстах. Если в 2000 г. речь идет в основном о рейтинге передач, рейтинге политиков, то после 2015 г. можно найти упоминание о рейтинге влияния, рейтинге одобрения, рейтинге запросов: *Рейтинг наших передач – «Куклы» и «Итого» – бесспорно доказывает, что зритель нас смотрит и, кажется, верит; Рейтинг одобрения первой леди США Меланьи Трамп в декабре упал на 11%* [5].

Адъективная сочетаемость показывает, что лексема *рейтинг* может употребляться с совершенно разными прилагательными; рейтинг может быть положительным или отрицательным, высоким или низким: *Притом на отрицательный рейтинг люди дают больше отрицательных откликов, хотя довольно часто новость с отрицательным рейтингом собирает больше положительных откликов; Считается, что любой криминальный эпизод приносит высокий рейтинг, на котором и строится политика российских телеканалов; Ещё в конце прошлого года опросы ВЦИОМ отразили низкий рейтинг правительства на периферии* [5].

Анализ субстантивной сочетаемости позволяет утверждать, что слово *рейтинг* отражает оценку отдельных людей, организаций и стран, выявляет образ слова по принадлежности к тому или иному роду деятельности: *Примечательно, что согласно недавнему опросу ВЦИОМ рейтинг «Единой России» составлял лишь 14 процентов; Рейтинг Кадырова в Чечне колеблется на уровне 12 процентов; Какие факторы влияют на рейтинг музыканта?* [5].

Предикативная сочетаемость говорит нам о том, что исследуемая лексема ведет себя совершенно по-разному. Рейтинг не только растет, опускается или колеблется, но и оказывает на человека определенное воздействие: управляет, заставляет, указывает: *Всё лето рейтинг партии «Единая Россия» колебался от 18 процентов в апреле до 26 – в августе; А бесчисленные рейтинги не столько улучшают образование, сколько заставляют учебные заведения и преподавателей заниматься не улучшением учебного процесса, а «торговлей» своим образом на рынках, и зачастую выигрывают не лучшие; Негоже ездить к избирателям в шубе, рейтинг страдает* [5].

Таким образом, лексему *рейтинг*, несомненно, можно отнести к ключевым словам современности, ведь она, с одной стороны, отражает взгляды и ценности общества определенного периода, а с другой – формирует их, влияет на создание и развитие картины мира личности. Изучение таких языковых единиц позволяет раскрыть основные приоритеты современников, отобразить ценности, признаваемые ими в качестве важных и необходимых, определить цели и общие мировоззренческие ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
3. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 801 с.
4. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 63-67.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>.

ЛАЗУТКИНА Елена Михайловна (Москва, Россия)

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка
имени Виктора Владимировича Виноградова РАН
lazutkelena@yandex.ru

СИНТАГМАТИКА И ПАРАДИГМАТИКА КАК МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье представлен семантический анализ единиц разных уровней языковой системы. Морфемы, формы слов, словосочетания, модели предложений рассматриваются в аспекте их грамматической семантики и в аспекте их номинативных свойств. В статье показывается методологическая ценность понятия *синтаксическая позиция формы слова*. Автор демонстрирует способ обнаружения функционально-семантической категории *синтагматический класс глаголов*. Деривационные отношения моделей предложений позволяют обнаружить макросемантические разряды лексики, которые являются способом представления базовых концептов.

Ключевые слова: теория языка, синтагматика, парадигматика, синтагматический класс глаголов, концептуальный анализ.

Abstract. The article presents a semantic analysis of the units of different levels of the language system. Morphemes, word forms, word combinations, sentence models are considered in the aspect of their grammatical semantics and in the aspect of their nominative properties. The article shows the methodological value of the concept of "syntactic position of the word form". The author demonstrates a method for detecting the functional-semantic category 'syntagmatic class of verbs'. The derivational relations of sentence models allow us to detect macro-semantic categories of vocabulary, which are a way of representing basic concepts.

Keywords: language theory, syntagmatics, paradigmatics, syntagmatic class of verbs, conceptual analysis.

I. Вступление. Синтаксическая организация речи представляет собой способ представления смысла. Модели предложений как устойчивые коммуникативные образцы predetermined интерпретативными процессами, передают различные типы знаний, представлений, понятий, ассоциативных связей, модусных оттенков замысла говорящего.

Задача статьи – показать, что сочетаемость единиц разных уровней языковой системы и строение моделей предложений обнаруживает очевидные и скрытые парадигматические разряды языковых элементов – объединения на основе интуитивно осознаваемой и экспериментально подтверждаемой семантической общности.

Метод исследования основан на принципах функциональной лингвистики, когнитивно-прагматического подхода. Языковые факты трактуются в модальности субъекта речи, носителя языка.

Нюансы языковых значений, эпистемические и модальные оценки, присутствующие в замысле говорящего до линейного развёртывания речи, могут быть эксплицированы с опорой на теорию речевой деятельности и современной когнитивной лингвистики: они не только формируют стилистический модус, но и выступают как обязательный строевой компонент предложения. Ср.: «Оценка бу-

дет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [2: 303-323]. Исследуя типы оценок, Н.Н. Болдырев вводит понятия *модусные концепты* и *модусные категории* [3: 264].

В функциональной лингвистике «принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом», и ставится «задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей, моделирование деятельности носителя языка» [1: 150].

II. Грамматическая форма слова как элемент в системе парадигматики и синтагматики

Давая самое общее определение слова («Слово – это то, что грамматически оформлено»), М.В. Панов считал, что языковое поведение слова – его членимость, парадигматические связи, словообразовательные модели и синтагматические свойства – являются неотъемлемыми свойствами его номинативной сущности, которую он связывал с «лексической законченностью» [6: 57-58].

1. Флексия как средство грамматической семантики

А. В современном русском языке топонимы *Брянщина, Владимирщина, Вологодчина, Полтавщина, Смоленщина* имеют флексию *-а*. Они образуются от прилагательных с суфф. *-ск-*, опосредствованно мотивированы существительными, представляющими собой географические наименования. Суффиксы *-щин(а) /-чин(а)* обуславливают появление в слове флексии *-а* и квалификацию его как существительного женского рода. В прошлом это были названия крупных участков земли.

Некоторые из этих топонимов стали употребляться с флексией *-о* (например *Сабуровщино, Детчино*). Это свидетельствуют о поте-

ре внутренней формы наименований, о десемантизации суффиксов *-щин(а) /-чин(а)*, о разрушении спаянности его частей – суффикса и флексии.

В языковом сознании современных носителей языка родовым словом для данных топонимов является слово *село* – наименование небольшого населенного пункта. Вследствие этого, эти топонимы входят в иной парадигматический ряд – в разряд именных дериватов среднего рода с суффиксом *-ино*, например: *Гущино, Пущино, Рощино*.

Б. Оформление одушевленного существительного как существительного (или местоимения) среднего рода – с флексией *-о* (например *блондинко, мужчино, оно, это*) – это образование новой смысловой сферы. Оно обусловлено отрицательным модусом высказываний говорящих, их желанием «расчеловечить» объект оценки.

2. Синтагматика морфем производного слова и их парадигматические отношения. Определение границы производного слова, правильное его толкование невозможно без определения степени членимости его морфемного состава.

А. Высокая степень членимости (и низкая степень идиоматичности) у слов-терминов, а также у предикатных слов с инкорпорированным компонентом модели предложения, лежащей в основе номинации. Системные правила соединения корней таких слов и служебных аффиксов делают их структуру прозрачной; например: *мульчировать почву, зарыблять водоем; дорогу заснежило*.

Б. «Лексикализация» комплексов с отрицанием *не*.

В некоторых случаях только с частицей *не* слово имеет определенное качественное значение, приобретает лексическую и мор-

фологическую законченность: префикс *не-* теряет отрицательное значение и участвует в формировании ассертивного смысла; например: *неумный, непромокаемый*.

При раздельном написании *не* с глаголами предложения показывают процесс лексикализации комплекса «отрицание + глагол»; например: *Ему тебя не хватает*. В таких конструкциях глагол обнаруживает морфологическую ригидность: это формы несов. вида наст. вр. (реже – прош. вр.); например: *Старуха его работала санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился* (т. е. был в наличии) *и никогда не переводился зря* (С. Соколов); *Пускай говорит. От его слов тебя не убудет!* (А. Островский); *Улыбка не сходила с его лица; Вчерашний случай не идет из головы*.

В некоторых устойчивых выражениях глагольная группа включает модальный компонент: *Он не преминул сказать об ошибках прежнего председателя правления; Они не упускали случая напомнить об обещаниях комиссии*.

В. Низкую степень морфемного членения и высокую степень идиоматичности демонстрируют лексемы, закрепившиеся в системе в результате лексико-синтаксического способа словообразования или прошедшие процесс опрощения своей структуры; например: *вдребезги, искоса, набок, неразлейвода; сегодня, впередсмотрящий, сейчас, тотчас, невзлюбить, несдобровать; Нет ни в чем вам благодати, С счастьем у вас разлад: И прекрасны вы некстати, И умны вы невпопад* (А.С. Пушкин); *Видит око, да зуб неймет* (пословица), *неймется*.

III. «Лексикализация» грамматической формы на уровне словосочетания

Примером этого явления может служить словоформа в предл. пад. при глаголах речи-мысли, которая слабо связана с главенствующим словом словосочетания и в изолированных высказываниях служит средством называния предмета речи-мысли. Формирование ее номинативной функции происходит в процессе порождения речи: в актах говорения слово оказывается втянутым в соотносительные ряды тематически близких линейных последовательностей. Функция называния повышает ее статус, ставит ее в один ряд с лексемами в им. пад.; например: «*О самом главном*» (название телепередачи); «*И это все о нем*» (название многосерийного телефильма); «*О лексикализации дейктических средств*» (название научной статьи).

Номинативная функция сформировалась также у таких падежных форм, как дательный адресата (например: «*Детям*», «*Нашим ветеранам*» – названия рубрик в газетах и в телепередачах) и винительный падеж с предлогом *про*, (например: «*Про это*» – название кинофильма и телепередачи).

V. Исследование синтаксической семантики на уровне модели предложения

Модель предложения представляет собой более высокий уровень грамматической системы по сравнению с ранее рассмотренными единицами, и для изучения семантики ее элементов и определения семантики моделей необходимо применение дедуктивного метода. Ср. заключение Ю.С. Степанова: «на конкретном уровне класс – как множество, на абстрактном уровне – класс как целое» [7: 57]; «отношение парадигматики и синтагматики в грамматике таковы: <...> чем выше ярус парадигмы, тем длиннее синтагма, в которой эта парадигма реализуется» [7: 60].

На данном синтаксическом уровне используется понятие синтаксической позиции формы слова, введенное в теорию синтаксиса Т.П. Ломтевым и названное им главной единицей смысловой организации предложения [5: 22].

Для обнаружения существующего в системе скрытого парадигматического разряда – синтагматического класса глаголов локально направленного действия (например: *Мама пропитывала коржи кремом*), включающего различные лексико-семантические группы глаголов, – используются деривационно связанные модели предложений, имеющие одинаковое сигнификативное ядро. Состав его задается дедуктивным путем: глагол-предикат, субъект, объект (названия места) и объект-каузатор.

1. Внутримодельные модификации показывают варианты композиционной семантики предложения:

а) полное представление семантических категорий предложения; например: *Мороз подзатянул лужицы тончайшим стеклышком* (М. Пришвин);

б) включение семантики объекта-каузатора в лексему глагола-предиката; например: *Бегемот отрезал кусок ананаса, посолил его, поперчил* (М. Булгаков);

в) указание в глаголе на обобщенный объект-каузатор; например: *Она покрывала голову (платком, косынкой, шалью, шарфом)*.

2. Межмодельные деривационные связи обнаруживают разные способы представления бинарной металингвистической категории «субъект / объект»:

а) присутствие субъекта и объекта в конструкциях с бикаузативами, например: *Ветер закрывает солнце тучами*;

б) отсутствие синтаксической позиции субъекта в безличных предложениях, например: *Дорогу занесло снегом*;

в) отсутствие объекта – в предложениях с глаголами-автокаузативами, например: *Спортсмен облился холодной водой*;

г) отсутствие позиции объекта-каузатора – при декаузации, например: *Мы **окружили** дом сиренью – Дети **окружили** тренера*;

д) объект действия является субъектом состояния (диффузное субъектно-объектное значение словоформы в позиции субъекта), например: *Берлиоза **охватил** страх* (М. Булгаков); *Лицо **заливала** краска стыда*.

Таким образом, синтагматический класс глаголов принадлежит сфере синтагматических структур и сфере парадигматических связей глагольной лексики. Это скрытая функционально-семантическая категории и в то же время феномен онтологии языка – когнитивная категория (или базовый концепт) [4: 201-215].

3. Синтаксические позиции грамматических форм именной лексики являются каналами репрезентации когнитивных категорий.

А. В деривации декаузации (*Мы заняли молоком всю посуду – **Аромат дыни занял** все комнаты*) имя в именит. пад. соединяет две синтаксические функции – роль производителя действия (движения) и средства воздействия (каузатора). В этой позиции представлена когнитивная категория (концепт) «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

Б. В производной модели существительные в именит. пад. в позиции субъекта (***Аромат дыни занял** все комнаты; **Дети** окружили тренера*) имеют маркеры 'определенность', 'множественность' и обнаруживают следующую закономерность: формы ед. ч. вещественных или отвлеченных существительных синонимичны формам

мн. ч. конкретных существительных. Они могут выполнять одну и ту же функцию, поскольку обозначают несчитаемое множество, единое целое, т. е. представляют концепт «множество» как «недискретное множество (континуум)».

В. Концепт «недискретное множество» представлен также формой в твор. пад. в синтаксической позиции с пропозитивным значением в двух дериватах, обозначающих произвольное изменение состояния субъекта под воздействием стихийного каузатора, роль которого выполняют отвлеченные существительные в ед. и мн. ч., например: *Пруд затягивался ряской; Деревья одело инеем; Нас нестерпимо обдавало зноем.*

Таким образом, чем выше системный уровень языковой единицы, тем сложнее метод изучения ее семантики. В исследовании синтаксической семантики применяется комплексный метод, включающий дедуктивные построения, синтагматический и парадигматический анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Структурализм и современная лингвистика // Вестник Института востоковедения РАН. 2018, № 5. С. 146-150.
2. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 6. М.: 1996. С. 303-323.
3. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. 480 с.
4. Лазуткина Е.М. Синтагматический класс глаголов: определение и исчисление // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. № 4. Грамматические процессы и системы в синхронии. *Памяти Андрея Анатольевича Зализняка* / Отв. ред. Г.И. Кустова, А.А. Пичхадзе. М.: 2020. С. 201-215.
5. Ломтев Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. М.: 1960. № 4. С. 15-28.
6. Панов М.В. О слове как единице языка // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 51-87.
7. Степанов Ю.С. Система языка в связи с семиотикой // Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры. 1998. С. 57-60.

ЛАНСКАЯ Ольга Владимировна (Липецк, Россия)

кандидат филологических наук, учитель
Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение средняя школа № 14 г. Липецка
o.vlad.lanskaja@rambler.ru

ДОМ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДЯДЮШКИН СОН»

Аннотация. В статье на материале романа Ф.М. Достоевского рассматривается слово *дом*, номинации, входящие в лексико-тематические группы «семья», «дочь», «мать», «отец», характеризующие взаимоотношения в семье Москалевых. Через использование ключевых слов *тошно*, *грязь*, *смерд* раскрывается атмосфера жилища, отношение Зинаиды к стремлению матери выдать ее замуж за старого и больного человека, потому что тот богат и имеет положение в обществе. На основе ряда противопоставлений («другой мир – отвратительный городишко / Мордасово», «бедный – богатый») раскрываются взгляды героев, их нравственная несостоятельность.

Ключевые слова: пространство, сема, словосочетание, лексико-тематическая группа.

Abstract. On the material of the novel by F.M. Dostoevsky the article examines the word *house*, the nominations included in the lexico-thematic groups "family", "daughter", "mother", "father", which characterize the relationship in the Moskalev family. Through the use of key words *sickening*, *dirt*, *stench*, the atmosphere of the dwelling, as well as Zinaida's attitude to the mother's desire to marry her to an old and sick but rich and with high social status person is revealed. On the basis of a number of oppositions ("another world - a disgusting town / Mordasovo", "poor - rich"), the views of the characters, their moral insolvency are revealed.

Keywords: space, seme, word combination, lexico-thematic group.

Дом в художественном тексте – пространство, определяющее взгляды героев, их представление о мире, место, где совершаются главные события в жизни человека. Пространство жилища связано с историей страны, традициями и обычаями народа, соотносятся с определенным временем.

Одним из ключевых слов в повести Достоевского «Дядюшкин сон» является слово *дом*, которое в тексте употребляется в следующих значениях: 'строение для житья; в городе, жилое строенье' [2: I, 465]: «<...> в Духаново ... был старинный барский **дом** и сад» [3:

11]; *«Наконец, карета въехала в город и остановилась у дома Марьи Александровны»* [3: 89].

Для понимания характеров героев, их представления о жизни важно местонахождение дома. Это Мордасово, провинциальный город, в котором главное – сплетни, интриги, события, нарушающие принятый порядок. При этом у каждого из героев свои меркантильные цели. Для Марьи Александровны Москалевой, одной из главных героинь повести, – это выгодное замужество дочери. Отсюда использование в тексте ряда противопоставлений: «другой мир – отворотительный городишко / Мордасово», «бедный – богатый», «мечта – реальность», «реальность – сон», «Мордасово – заграница (Испания, Италия, Швейцария)». В связи с этим необходимо отметить, что «герой интересуется Достоевского как *особая точка зрения на мир и на себя самого* (курсив автора – О.Л.), как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» [1: 51]. Жилище при этом играет важную роль.

Дом также обозначает семейство, семью, хозяев с домочадцами; род, поколение, говоря о владетельных или высоких особах [2, 1, 465]: *«Защитники старого дома. Приписывали это тому, что Наполеон не только не был из королевского дома, но даже был и не gentilhomme хорошей породы»* [3: 6]; *«И потому Марья Александровна превосходно поступила, сослав Афанасия Матвеева в подгородную деревню <...> где у нее сто двадцать душ, – мимоходом сказать, все ее состояние, все средства, с которыми она так достойно поддерживает благородство своего дома»* [3: 7]; *«Вот почему он (князь – О.Л.) и помнит теперь только об одном моем доме с благодарностью»* [3: 16].

В лексико-тематическую группу «семья» входят слова *мать, отец, дочь*: «*Нет, Зина, ты найдешь во мне настоящую мать*» [3: 38]; «*Твой отец, разумеется, только хлопал глазами*» [3: 39]; «Он (Мозгляков – О.Л.) *соискатель руки ее дочери Зины*» [[3: 15]. В лексико-тематическую группу «мать» входят номинации *супруга, жена, маменька*, словосочетания *низкая женщина, комильфотная дама*; в лексико-тематическую группу «дочь» – *душечка, Зиночка, Зина, Зинаида*, словосочетания *дитя мое, друг мой, топ ангел, мой ангел, мой ангельчик*: «*Мы не беремся описывать чувства Зины*»; «*Не смотри на меня враждебно, дитя мое!*»; «*Можно ли обвинять меня, друг мой, что я смотрела на эту привязанность, как на романтизм*» [3: 40]; «*Зинаида действительно нахмурилась*» [3: 21]; «*Послушайте, маменька...*» [3: 46]; «*А я удивляюсь, топ ангел, как можно не понимать всего этого!*» [3: 41]; «*Нет, Зина, ты найдешь во мне настоящую мать, и, может быть, обливаясь слезами, у ног моих, у ног низкой женщины, как ты сейчас назвала меня, сама будешь просить примирения*» [3: 38]; «*Но, душечка, Зиночка, не горячись, ради бога, не выслушав!*» [3: 42].

В лексико-тематическую группу «отец» входят номинации *папенька, болван, харя, изверг, чучело, дармоед, негодяй, дурак*, а также словосочетания *Афанасий Матвееч, осиновый кол, отпетый дурак*: «– *Где болван?* – *закричала Марья Александровна, как ураган врываясь в комнаты*» [3: 84]; «*Я тебя спрашиваю, изверг, чем это здесь пахнет?*»; «*Ах ты, харя! ах ты, осиновый кол!*» [3: 85]; «*Ну, что на меня глаза выпучил, отпетый дурак*» [3: 84]; «*Нагнись, нагнись, негодяй, нагнись, дармоед!*» [3: 86]; «*Беда! Ну, если на грех моего дурака нету дома!..*» [3: 82]. Слово *болван* (в значении 'неуклюжий, неотесанный человек, грубый неуч, невежа;

глупец' [2: I, 109]) имеет семы 'массивная глыба неопределенных очертаний', 'деревянный столб в углу печи, столб, свая' [4: 1, 186]; *кол* – 'искалеченный', 'щепка' свая' [4: 2,]; *чучело* (в значении 'уродина' [2: IV, 616]) – 'пугать' [4: 4, 389]; *харя* (в значении 'дурное, отвратительное лицо, рожа' [2: IV, 543]) – 'угрюмый', 'урод' [4: 4, 225]. Данные слова свидетельствуют о взаимоотношениях в семье Москалевых: жена не уважает мужа, ненавидит его; тот, в свою очередь, боится супруги. Папенькой же называет отца одна дочь. Она даже заступает за него: «– *Папенька в деревне, не трогайте его, пожалуйста, – отвечала Зина*» [3: 42].

Слово *дом* в тексте имеет синонимы *строение, домишка*: «*Наконец, карета пролетела три версты, и кучер Сафрон осадил своих лошадей у подъезда длинного, одноэтажного, деревянного строения*» [3: 84]; «*Не сказавшись матери, она (Зина. – О.Л.) накинула на себя салоп и тотчас побежала <...> в самую глухую улицу, где стоял один ветхий, покривившийся и вросший в землю домишка*» [3: 124].

В доме Москалевой существуют определенные традиции, которые соотносятся с требованиями поведения в обществе. Так, когда Мозгляков высказывает мысль о том, что князя, старого и больного человека, надо женить, то Марья Александровна говорит, что это вздор и что в ее доме такое говорить не следует: «*По многим причинам, а главное, потому, что вы у меня в доме, что князь – мой гость и что я никому не позволю забыть уважение к моему дому*» [3: 32]. При этом именно в своем салоне Мария Александровна организовала объяснение князя К. с Зиной. Потом именно здесь на глазах у всех разразился скандал, когда гость сообщил, что ему это только приснилось.

Для Зины ее положение в этой ситуации невыносимо. После объяснения Марьи Александровны с Мозгляковым она заявляет матери: «– *Маменька! <...> кончайте скорее или я не вынесу! Все это до того **грязно и подло**, что я готова бежать из дому. <...> Меня **тошнит**, слышите ли: меня **тошнит** от всей этой грязи!» [3: 81]. Ключевыми при этом являются слова , отражающие отношение Зины к миру, который ее окружает. Это *грязь* с семемами 'тина', 'топь' [4: 1, 468]; *тошно* с семемами 'тяжело', 'тоскливо' [4: 4, 90], а также *смад* в значении «вонять, испускать смрадъ, зловоніе, отвратительный вонючій запахъ» [2: IV, 232]: «*Я задохнулась от этого **смрада!***» [3: 81].*

Слово *дом* в тексте употребляется с определениями *знатный* (в значении 'знаменитый, славный' [Даль: I с. 689]), *благородный* (в значении 'согласный с правилами чести и чистой нравственности' [2: I, 94]), *городской*: «*Он узнал, что генерал-губернатор уже два года как женился <...> и что взял он чрезвычайно богатую девицу из **знатного дома***» [3: 134]; «*<...> подгородная деревня Марьи Александровны и **городской дом** продаются*» [3: 133]; «*<...> так не врываються в **благородный дом***» [3: 104]; «*Так нельзя шутить с **благородным домом***» [3: 113]. Употребляется в тексте и словосочетание *сумасшедший дом* (в значении 'пріють умалишенныхъ' [2: IV, 360]): «*Они меня в **су-мас-шед-ший дом** посадить хотели...<...> **В сумасшедший дом!***» [3: 70].

В лексико-тематическую группу «дом» также входят слова *комната*, *комнатка*, *кухня* (*на кухне, на кухню*), *зал*, *салон*, *будуар*, *чулан*, *передняя*, *чуланчик*, *коридор*, определяющие пространство городского дворянского дома.

Итак, ключевое слово *дом* в тексте Достоевского «Дядюшкин сон» обозначает замкнутое пространство, атмосфера которого передается с помощью слов *тошно, грязь, смрад*, раскрывающих отношение Зинаиды к провинциальному обществу, к поступкам своей матери, для которой главное – богатство, выгодная женитьба, положение в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство «Э», 2017. 640 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.
3. Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. М.: Издательство «Правда», 1982. Т. 2. С. 5-135.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.

ЛУНЬКОВА Лариса Николаевна (*Коломна, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
loralu@list.ru

ФРОЛОВА Юлия Игоревна (*Коломна, Россия*)

учитель иностранных языков
Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа №18»
juliejulie1903@gmail.com

КОГНИТИВНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ОППОЗИЦИИ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК МАРКЕРЫ АНГЛИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается роль когнитивно-перцептивных оппозиций и их языковая репрезентация в когнитивной и языковой картинах мира носителя английской лингвокультуры. На материале англоязычного художественного текста проводится анализ специфических языковых единиц, предлагается их интерпретация как отражения ментальной реальности конкретного этноса.

Ключевые слова: оппозиция, концепт, когнитивная картина мира, языковая картина мира, ментальная реальность.

Abstract. The article is devoted to cognitive-perceptive oppositions as well as to their linguistic representation in the cognitive and linguistic pictures of the world for

an English linguaculture native. The analysis of specific linguistic items is held on the material of a literary text, the opposition slots are interpreted as reflecting the definite nation mental reality.

Keywords: opposition, concept, cognitive picture of the world, linguistic picture of the world, mental reality.

Когнитивная деятельность индивида направлена на комплексное освоение и взаимокорреляцию его внутренней (психофизической, т. е. субъективной) и внешней (объективной) реальностей. Важнейшим результатом такой деятельности выступает их многомерная ментальная реконструкция на основе **оппозитивной** интерпретации идеальных и материальных феноменов, находящихся в пространстве человеческой перцепции. Из этого следует, что **принцип оппозиций** является одним из фундаментальных принципов когнитивного картирования мира, детерминирующих категоризацию и концептуализацию знаний о нём и актуализирующихся на всех уровнях мышления. Так, согласно А.Н. Исаевой, **оппозиции** представляют собой не только основной атрибут когниции, функционирующий в качестве «имплицитных структур мышления и языка, опосредующих познавательные процессы личности», но и служат «онтологическими конструктами жизни, которые конституируют индивидуальную жизнь ещё до их мыслительного и рефлексивного опосредования личностью» [1: 246]. Последние трактуются как **когнитивно-перцептивные оппозитивные структуры**, вырабатываемые индивидуальным сознанием на базе интуитивно-чувственного познания, например, *black – white* (цвет), *high – low* (высота), *big – small* (размер), *salt – fresh* (вкус), *kind – evil* (интуитивная морально-нравственная оценка) и т. д. Такие оппозиции можно считать несущими элементами непосредственной картины мира (НКМ) – первичной ментальной реконструкции, «не имеющей «посредников» в сознании» [5: 36], а также когнитивной картины мира (ККМ) – произ-

водного от НКМ, преломлённого сквозь призму культуры «ментального образа действительности, <...> являющегося результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления» [5: 37]. ККМ манифестируется в естественном языке, что даёт основание для выделения языковой картины мира (ЯКМ) – своеобразного «мира в зеркале языка» [2: 18]. ККМ соотносится с ЯКМ как «первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию» [5: 39-40]. В плоскости ЯКМ когнитивно-перцептивные оппозиции получают вербальную репрезентацию, характеризующуюся высокой вариативностью, метафоричностью и оценочностью. Как правило, **языковые оппозитивные структуры** входят в когнитивно-аксиологическое пространство концептов – «содержательных единиц (...) ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (...)» [3: 90], составляющих первооснову ЯКМ. При этом лингво-когнитивные константы¹, присутствующие в индивидуальных ККМ и ЯКМ, позволяют говорить о наличии их коллективных (т. е. национальных) модусов, с помощью которых представляется возможным выявить особенности **ментальной реальности** и познавательного стиля не только отдельного сообщества индивидов, но и целого этноса.

В настоящем исследовании делается попытка проанализировать основные, свойственные коллективному сознанию англичан когнитивно-перцептивные оппозиции и их языковую репрезентацию в англоязычном художественном тексте на примере рассказа Т. Гарди

¹ Под лингво-когнитивными константами в данной работе мы понимаем универсальные характеристики мышления языковой личности, актуализирующиеся в пространстве определённого этноязыка, где модусами являются их специфические индивидуальные или коллективные репрезентации.

“A Tragedy of Two Ambitions” («Трагедия двух честолюбий»), а также их роль в манифестации уникальной английской ментальности на уровнях ККМ и ЯКМ.

Нарративная ось анализируемого произведения выстраивается на базе триады фундаментальных, носящих характер когнитивных универсалий, концептов *space*, *time* и *colour*, аксиологические пространства которых пересекаются и дополняют друг друга, обеспечивая внутритекстовое единство. Каждый из указанных концептов реализуется посредством ментальнообусловленных когнитивно-перцептивных оппозиций, вербализуемых как в соответствии с имманентной логикой языка, так и с индивидуально-авторской интерпретацией. Например, концепт *space* репрезентируется в плоскости ККМ с помощью оппозитивной структуры *high – low*, сложная понятийная природа которой обусловлена синтезом двух когнитивно-семантических полей – первичного (материального) и атрибутивного (метафоричного). Первичное поле отражает местоположение воспринимающего субъекта или рассматриваемого объекта в вертикальной системе координат относительно воображаемой оси, принятой за точку отсчёта, или его движение по направлению к одному из полюсов системы, что чётко прослеживается в языковых оппозициях рассказа: “Preach the Gospel – true. (...) But we can’t *rise!*” “(...) And your reputation and mine and our chance of *rising* together (...)” “For how can we (...) relinquish our *high* aim, and *bring down* our dear sister Rosa (...)?” Как видно, оппозитивные лексемы-репрезентанты *rise / rising / high – bring down* имплицитно отправной пункт экзистенциальной траектории коммуникантов (некий «средний уровень» социального благополучия, локализованный между полярностями) и эксплицитно их интенцию достигнуть максимально высокого поло-

жения в сложившейся ситуации (*high* – член оппозиции с положительной оценочностью), во что бы то ни стало избежав падения на самое дно в процессе рискованного восхождения (*bring down* – член оппозиции с отрицательной оценочностью). Атрибутивное поле является производной от первичного (общее семантическое ядро), фиксирующей дополнительные смыслы, расширяющие лингвокогнитивное пространство оппозитивной структуры *high – low*.

Рассмотрим её вербализацию в «Трагедии двух честолюбив», сместив фокус на атрибутивный аспект: “And here we work (...) and the utmost we can hope for is (...) ordination as *despised licentiate*.” “(...) It is sometimes even a romantic recommendation, to hail from *outcasts and profligates*. But (...) to succeed (...) people must believe in you (...) as a *gentleman*”. Образно-эмотивная оппозиция *gentleman – despised licentiate/outcasts and profligates* атрибутирует материальному движению к «месту под солнцем» статус высшего ценностного вектора, определяющего духовное, морально-этическое, психологическое, эстетическое, социальное и т. д. бытие индивида: находиться на вершине иерархической пирамиды – значит автоматически быть добрым, порядочным, счастливым, приятным человеком, достойным почёта и уважения.

Фундаментальный концепт *time* представлен в рассказе когнитивно-перцептивной оппозицией *present – future*, актуализирующейся в языке в виде бинарной оппозитивной структуры *here – days before / forward visions / till the end of the day*. “(...) He was watching his own career with deeper and deeper interest, that he continually heard his *days before* him”. “(...) And *forward visions* were kept purposely in twilight (...)”. “But *here* are you doing journey-work, Cornelius, and likely to continue at it *till the end of the day*, as far as I can see”. Примечатель-

но, что эмотивно-оценочный «вес» контрастива, маркирующего перспективный сценарий (*days before / forward visions / till the end of the day*), намного значительнее «веса» контрастива, маркирующего текущее положение вещей (*here*), а языковые маркеры ретроспективы полностью отсутствуют. Это позволяет сделать вывод о футуроориентированности английских ККМ и ЯКМ, закрепляющей за когнитивной *future* цель деятельности, а за когнитивной *present* – средство для её достижения: в ментальной реальности англичан необходимо освободиться от груза прошлого и использовать каждый миг настоящего максимально продуктивно, чтобы обеспечить достойное «завтра».

Наконец, концепт *colour* выражается в тексте когнитивно-перцептивной оппозицией *light – dark*: “That ineradicable trouble still remained as a *squalid* spot in the expanse of his life. (...) And the recollection of the trouble obscured the purple *splendor* thrown by the panes upon the floor”; “Her *bright* eyes (...) and flush beauty, were like an irradiation into the apartment, which they in their *gloom* could hardly bear”. Очевидно, что оппозитивные лексемы *splendor / bright* и *squalid / gloom* репрезентируют не столько первичную цветовую характеристику воспринимаемого объекта, сколько атрибутивную, приобретающую специфическую эмоционально-оценочную направленность: на уровне ЯКМ когнитива *light* отождествляется со светлым, т. е. счастливым (*splendor*) и чистым (*bright*) началом, а когнитива *dark* – с несчастным (*squalid*) и порочным (*gloom*). При этом первая подкрепляется положительной оценочностью, а вторая – отрицательной, т. е. в пространстве английской лингвокультуры предпочтение отдаётся «честной игре» с обязательным соблюдением базовых морально-этических принципов, а не победе «любой ценой».

Итак, в рассказе Т. Гарди “A Tragedy of Two Ambitions” лингво-когнитивные константы *space*, *time* и *colour* манифестируются с помощью когнитивно-перцептивных оппозиций *high – low*, *present – future*, *light – dark*. И поскольку способы языковой репрезентации в разных языках могут быть детерминированы как формально-содержательными свойствами конкретного языка, так и субъектными характеристиками автора конкретного текста [4: 75], то в результате проведенного анализа можно утверждать, что языковая репрезентация является фундаментом не только индивидуально-авторских, но и национальных модусов ККМ и ЯКМ, определяет базовые характеристики английского менталитета: индивидуализм, прагматизм, дисциплинированность, развитый иерархический инстинкт, приверженность правилам «честной игры».

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева А.Н. Акмеологические аспекты отношения личности к оппозициям жизни // Вестник Университета. 2013. № 23. С. 244-252.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 375 с.
3. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
4. Лунькова Л.Н. Когнитивная стилистика: обработка и декодирование художественного текста. М., 2016. 92 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 315 с.

МАКОВСКИЙ Антон Олегович (*Минск, Беларусь*)

аспирант
Минский государственный лингвистический университет
mao-iroc@yandex.ru

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются дериваты английской этимологии в русском и белорусском языках. Определяется деривационный потенциал английских номинаций и степень их участия в словообразовательных процессах русского / белорусского и английского языков. Анализируются степень и осо-

бенности использования различных деривационных средств и в процессе номинативной деривации.

Ключевые слова: дериват, номинация, номинативное средство, номинационная деривация, ономазиология, этимология, компрессия, словообразование.

Abstract. The article considers the derivatives of the English etymology in the Russian and Belarusian languages. It deals with the analysis of the derivational potential of the English nominations and determines the degree of their participation in the word-formation processes of the Russian / Belarusian and English languages. The article contains the study of the degree and peculiarities of the usage of derivational means in the process of nominative derivation.

Keywords: derivative, nomination, nominative means, nominal derivation, onomasiology, etymology, compression, word formation.

В XX – XXI вв. в лингвистической семантике активно развивается направление номинативной деривации. «Теория номинативной деривации как основа построения деривационной грамматики покоится на ряде основополагающих понятий, важнейшими из которых являются деривационное сочетание и номинативный ряд» [4: 119]. Под номинативным рядом понимался способ существования одного понятия, с четкой иерархией «образующих форм», различие между которыми объясняется возможностями деривационной системы [4: 122]. Словообразовательная система является не единственным источником создания номинативных единиц. «Возможность описания ситуации действительности разными языковыми способами определяется тем, как индивидуум представляет себе действительность, какая картина складывается в его сознании» [3: 9]. Единицы языка получают значение дважды: 1) как *номинативные средства*, являясь знаками предметов и явлений действительности; 2) как *единицы речи*, становясь знаками новых понятий и отношений в процессе создания предикации высказывания [2: 87-88]. Важнейшей задачей ономазиологии и номинативной деривации является установление механизмов пополнения лексического состава языка путём модификации носителями языка номинативной языковой базы.

При этом как бы богата ни была словообразовательная система языка, она не может быть единственным источником развития его лексической системы. В XXI в. восточнославянские языки активно пополняются номинациями западноевропейских стран, в том числе английскими. Заимствованная лексика, проходя процесс ассимиляции, участвует в деривационных процессах наряду с исконной. Поэтому рассмотрение деривационного потенциала такой лексики необходимо для полного понимания всех аспектов функционирования словообразовательных процессов в языке.

В ходе исследования корпуса из 1565 английских номинаций в русском и белорусском языках было установлено, что номинации английской этимологии характеризуется высоким деривационным потенциалом, так как количество производных составляет 48% от их общего количества в русском и белорусском языках. Однако для понимания деривационной мотивации данных производных единиц необходимо учитывать границы между процессами номинативной деривации и процессами адаптации таких единиц в ходе заимствования.

Проблемным в разграничении данных понятий является то, что оба вышеуказанных процесса основываются на морфологических механизмах словообразования, установившихся в системе языка-реципиента. Поэтому формально номинации, возникшие в ходе обоих процессов, будут равнозначны.

Тем не менее, в деривационном анализе важна не только формальная структура номинаций, но и этимологический аспект, так как новообразованные номинативные единицы всегда подчиняются глубинным номинативным принципам исходного языка. Такие иноязычные дериваты могут в процессе заимствования иным

языком проходить процесс адаптации, получая формальные признаки системы языка-реципиента, но данные признаки будут лишь поверхностными.

Для номинативной деривации важна глубинная структура номинации, которая не может измениться в процессе адаптации и всегда сохраняет деривационную мотивацию лингвокультурного сообщества, в котором возник данный дериват. Таким образом, все английские дериваты в русском и белорусском языках можно разделить на две группы: 1) заимствованные в готовом виде в составе кластера номинативных единиц и 2) возникшие непосредственно в языке-реципиенте.

Из 754 дериватов английской этимологии непосредственно в русском и белорусском языках возникло около 10%, что свидетельствует о том, что большинство таких дериватов заимствуется языком уже в готовом виде вместе с производящим словом. Причём временные рамки заимствования производящего и производных слов не обязательно совпадают. Большая часть английских дериватов бивербальны (включают несколько основ). Данная ситуация мотивируется тем, что преобладающим способом словообразования, согласно проведённому анализу, для них является словосложение (46%). Однако, несмотря на это, показатели деривационной компрессии довольно высоки.

Из 754 английских дериватов 75% однословны. Данная тенденция сохраняется и среди английских дериватов, возникших непосредственно в русском и белорусском языках. Ведущими способами словообразования являются словосложение (46%). Русский и белорусский языки активно используют словосложение (49%: *банкомат / банкамат, дисковод / дыскавод, скейтдром / скейтодром*)

и аффиксацию (43%: *митингант / мітынгант, киллерство / кілерства, интернетчик / інтэрнэтчык*).

Дериваты английской этимологии, образованные в русском и белорусском языках более склонны к проявлению универбации (8%: *флешка / флэшка* – от *флеш карта / флэш картка*; *бейсер / бейсер* – от *бейсджампер / бейсджампер*; *инет / инэт* – от *интернет / интэрнэт*), чем образованные в английском (1%: *нет / нэт* – *net* → *internet*; *ник / нік* – *nik* → *nik name*; *брейк / брэйк* – *break* → *break dance*; *софт / софм* – *soft* → *softwer*; *скейт / скейт* – *skate* → *skateboard*).

Следует отметить, что в английском языке более развиты иные компрессионные средства. К таким средствам относится конверсия (28%), которая более частотна среди английских словообразовательных средств, чем аффиксация (25%). Среди исследованных английских дериватов (всего 195 ед.) путём конверсии образованы в основном прилагательные (188 ед.: *гендерный* от *gender*, *аутсайдерский* от *outsier*, *сленговый* от *slang*, *венчурный* от *venture*, *грантовый* от *gant*, *бартерный* от *barter*).

Однако конверсия может трактоваться не только как способ словообразования, но и как употребление одного и того же слова в функциях разных частей речи. Так, в русском и белорусском языках конверсия также используется, но совместно с аффиксацией, так как восточнославянские языки, относясь к синтетическому типу, имеют более развитую флективную систему. Для маркирования членоречивой принадлежности номинации русского и белорусского языков должны получить соответствующий аффикс. Так, например, дериват *пиарить* представляет собой конверсив английской номинации *пиар*. Причём данный конверсив был не заимствован, а возник

непосредственно в русском языке, так как в английском языке в данном значении используется номинация *promote*. При этом конверсия в данном случае не является главным способом словообразования, так как новая номинация образуется путём добавления аффикса.

Английский язык, ввиду его аналитического характера, имеет менее развитую флективную систему, что приводит к возникновению довольно большого количества омонимичных лексических единиц, относящихся к разным частям речи, потому как английские номинации могут конверсироваться в различные части речи без маркирования их частеречной принадлежности. Например, слово *barter*, в зависимости от контекста, может быть существительным (... some military equipment is acquired by these groups through *barter* – ... часть оружия и военной техники приобретается этими группами посредством *бартера*), прилагательным (the terms of the oil *barter* agreement – условия нефтяного *бартерного* соглашения), а также глаголом (I'm not going to *barter* with you, sir – Я не собираюсь *торговаться* с вами, сэр).

Соответственно, возникает вопрос, связанный с установлением источника возникновения таких дериватов. С одной стороны, заимствуется единая форма номинации, производные части которой, формируясь в рамках системы языка-реципиента, могут рассматриваться как продукт данного языка. С другой стороны, заимствуется не внешняя оболочка номинации, а его внутренняя форма, набор его значений.

Данная форма подвергается процессу ассимиляции, цель которого – придать ей определенные внешние характеристики, необходимые для ее использования в системе языка-реципиента. Так, в

связи с тем, что внутренние значения у таких омонимичных конверсивов возникли ещё в пределах английского языка, они могут рассматриваться как отдельные независимые заимствованные номинации, получившие в процессе грамматической ассимиляции соответствующие аффиксы языка-реципиента.

Таким образом, дериваты номинаций английской этимологии в русском и белорусском языках могут возникать не только в языках-реципиентах, но и заимствоваться в составе деривационного кластера. Причём большая часть таких дериватов возникает последним путём, сближаясь с лексическими заимствованиями. Номинативная деривации и грамматическая адаптация, имея общие грамматические механизмы, различаются на глубинном семантическом уровне. Учёт этимологической составляющей и деривационных процессов исходного языка помогает избежать смешения данных процессов и способствует более полному пониманию процессов деривации в языках-реципиентах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. Мінск: Аверсэв, 2013. 253 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Ильинская О.Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). М., 2006. 19 с.
4. Никитевич А.В. Словообразование и номинативная деривация // Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Никитевича В.М, 26 апр. 2004 г., Гродно / Отв. ред. С.А. Емельянова. Гродно: ГрГУ, 2004. 184 с.

МАРКИНА Людмила Витальевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
markina.lv@ mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АГРЕССИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В РУССКОМ ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проявления агрессии в семье в отношении детей, зафиксированные диалектными контекстами и лексико-фразеологическими единицами. Описываются агрессивная семантика и содержательные характеристики единиц с позиций представлений о русских традиционных семейных ценностях и поведенческих нормах.

Ключевые слова: агрессия, диалектный дискурс, семейные ценности, ментальность, воспитание, традиции, семантика, лексико-фразеологические средства выражения агрессии.

Abstract. The article examines the manifestations of aggression in the family against children, fixed by dialect contexts and lexical-phraseological units. Aggressive semantics and meaningful characteristics of units are described from the perspective of ideas about Russian traditional family values and behavioral norms.

Keywords: aggression, dialectal discourse, family values, mentality, traditions, semantics, lexico-phraseological means of expressing aggression.

В работе ставится цель описать феномен актуализированных в диалектном дискурсе поведенческих родительских отношений, включающих проявления агрессии, в аспекте их ориентации на национальные стереотипы и нормы, реализации традиционных ценностей. Предметом для анализа послужил иллюстративный материал «Словаря русских говоров на территории Мордовской АССР» (с 2001 г. «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия») (далее СРГРМ) [9]. Экспансия агрессии, охватившая все области жизнедеятельности современного социума, вызывает в самых разных социальных слоях большую озабоченность и стремление разобраться в этой проблеме. Чаще всего распространение агрессии связывают с социокультурными изменениями в стране, вызванными процессами глобализации, сопровождающим ее переосмотром духовных жизненных ориентиров, дискомфортом от осо-

знания того, что «и сама культура народа уходит в небытие» [11: 85], с утратой традиционных национальных ценностей. Однако мало кто говорит о таких предпосылках и, возможно, об одном из основных источников порождения социальной агрессии, как семейное воспитание, его методах, о значении традиционных установок в этом вопросе. Следует отметить также недостаточную лингвистическую разработанность проблемы агрессии в семье, в том числе и на диалектном материале.

В своей работе под агрессией мы понимаем осознанное поведение, в том числе речевое, действия в отношении адресата, имеющие целью его подчинение, указание на более низкое положение в иерархии (в нашем случае семейной), унижение. Диалектный дискурс рассматривается современными лингвистами как сфера реализации народной культуры, отношения к миру, национальных жизненных приоритетов, причем особая роль в этом отводится диалектным текстам, являющимся иллюстративным материалом для диалектных словарей [4]. «...именно словарные иллюстрации позволяют реконструировать и духовные, и материальные проявления традиционной культуры, которую коммуникативно обслуживают говоры» [2: 13]. Диалектные тексты дают представление и о воспитании детей, роли в нем народных традиций [10], национальных норм и стереотипов, регулирующих родительское поведение в отношении детей.

Родительское поведение в русской патриархальной семье опирается на авторитеты, традиции, сущность которых состоит в сохранении неизменности сложившихся и одобряемых обществом форм проявления. Традиции предписывают воспитание детей в уважении к родителям, безоговорочном послушании, строгом под-

чинении – в первую очередь главе семьи, отцу: *Супръть* 'против' *ацца ни гъвари* (СРГРМ 2002, 172); *Нъпороли* 'родить в каком-либо количестве' *детей-тъ биз аццоф, оне и растут узорничышчъми* (СРГРМ 1986, 90). Любое неповиновение неминуемо должно повлечь (и влечет) за собой наказание, некое агрессивное воздействие, поскольку рассматривается как угроза складывавшимся на протяжении веков базовым семейным ценностям. Уважение к родителям воспитывали, заставляя детей испытывать страх (боится – значит уважает): *Атец-тъ нас в руках даржал, мы аднаво мигу яво баялись* 'очень бояться кого-либо' (СРГРМ 1986, 25); *Нады почашчы в руки-ти арапальник* 'кнут' *братъ, толи и дети слушъцъ будут, и узорства ат них меньшы будит* (СРГРМ 1978, 22).

Агрессия в отношении детей может проявляться в разных формах: как агрессия вербальная – негативное оценивание, окрики, брань, угрозы и запугивание [5; 6], а также как агрессия физическая – пощечины, таскание за волосы, шлепки, побои и пр. Остановимся подробнее на агрессии физической. В деревенском социуме существует глубокая убежденность в необходимости телесного наказания, страха перед ним как самой действенной воспитательной меры: *Несколь добрых слов ни пънимат; если ошклявиш* 'ударить, стукнуть' *ёво, быстрой доходит* (СРГРМ 1993, 99); *Маль, виднь, я даю тее лупанцы* 'избить, побить', *ещчо большь тея пороть нады, штобы ты слушълся матери-тъ* (СРГРМ 1982, 134). Чувство жалости, проявляемое родителем, обычно матерью, осуждается: *Как он у тя ъзоруит, и ты не разу ёво ни отудиш* 'побить, избить'. *Жалеш што ль?* (СРГРМ 1993, 89).

Поскольку традиционное семейное устройство предполагает строгую иерархию, право «вершить правосудие», наказывать, без-

условно, прежде всего принадлежит главе иерархии – отцу [7]. Именно поэтому в деревенском социуме, угрожая телесным наказанием, часто апеллируют к авторитету отца: *Ну-къ выть из лужи, щас аццу скажу, он тебе уши абарвёт* (СРГРМ 2006, 114); *А вы што тут, **архафцы** 'озорник', дельти, вот оццам скажу, курют оне целыми суткьми* (СРГРМ 1978, 22). Тем не менее физическая агрессия может исходить и от матери: *У нас мать строгья была. Придѣш с улицы позна – схватит за късу и **даст возю** 'наказать, дергая до боли за волосы'* (СРГРМ 1978, 83); *Иди, иди, ана те, мать, **сыграп сени** 'избить, побить'* (СРГРМ 2002, 185). При этом большая суровость наказания, жестокость приписываются все же отцу: *Ох и **валтузил** 'бить, избивать кого-либо' он рибѣнкъ!* (СРГРМ 1978, 59); *Када атец **тазът** 'бить, колотить', ты кричи, и он бросит* (СРГРМ 2006, 18). Мать же при чрезмерности наказания подвергается осуждению: ***Лапошым** 'бить ладонью с размаха' иѣ фсеи питирнѣй пь башке. Што уш етъ за бабъ, сваѣ дитѣ ни жалет* (СРГРМ 1982, 116). Фактом остается также то, что именно матери часто прибегают лишь к угрозам применения телесных наказаний: *Апять на Кольку учитильницъ жалъвъльсь. Дамой придет, я яму **надѣргью виски-тъ** 'побить кого-либо'* (СРГРМ 1978, 77).

Об укорененности в общественном сознании родительского права на насилие по отношению к ребенку, воспринимаемого как совершаемое во благо и необходимого для поддержания освященных традицией семейных устоев, свидетельствует чрезвычайно разветвленная сеть слов и фразеологических единиц с семантикой применения физического воздействия разной степени тяжести: ***адименить, валтузить, космылять, лупяжить, лудить, отудить, ошклявить, дать будны, получать лупанцы, дать***

возю, дать лезня, рассчитать мелкими деньгами, получить агача, приложить шейный пластырь и др.

Поводом для телесного наказания могут быть непослушание, мелкие проступки, отлынивание от выполнения порученных хозяйственных работ и др.: *Фчирась атец Петьки влажыл ганков* 'побить, наказать'. *Учитильницъ прихадиль: ф школу ни ходит, паршывиц* [СРГРМ 1978, 109]; *Я сваиво аджыкълъ* 'избить, высечь' *сичяс: нъказаль агарот стъражыть, а он купацъ удрал* [СРГРМ 1993, 79]; *Чяво ривёшь? – Авец забыл загнать, домъ бучку дали* 'побить, наказать'. – *Э малый, за дель и нам давали бучку. А риветь ни надъ, чяй ты мужык* [СРГРМ 1978, 55]. Орудием телесного наказания могли быть ремень, кнут, палка, хворостина, вожжи и пр.: *Вот я те щас апаяшу ражном* 'толстая палка с сучьями', *будиш знать, как дразницъ* (СРГРМ 1993, 61); *Пълажы сицаж жъ на местъ, а то адименю* 'сильно ударить кого-либо' *вот римнём* (СРГРМ 1978, 19); *Вот вазьму арапальник* 'кнут' *дъ начну ахажывать* (СРГРМ 1978, 22). Практиковались и менее суровые способы наказания: пощечины, затрецины, таскание за уши, волосы: *Жэнькъ, ищё рас ф саду увижу, ушы абарву* 'наказать, дергая за уши' (СРГРМ 2006, 114); *Вот и дал Петьки лезинь* 'подзатыльник' (СРГРМ 1982, 120); *Што дефку вазякъш за космы* 'наказывать, дергая до боли за волосы', *ана уш большая* (СРГРМ 1978, 83).

Убежденность в действенности и пользе страха, понимаемого как уважение к родителям, необходимое для поддержания традиционных семейных устоев, оправдывает и поддерживает в деревенском социуме физическую агрессию по отношению к детям, порождая ее как пример для подражания в следующих поколениях. Эта мысль была высказана наблюдателями патриархального быта уже в

XIX в.: «В крестьянской семье, чем где-либо проявляется победа грубой физической силы; уже молодой муж начинает бить свою жену; подрастают дети, отец и мать берутся их пороть; старится мужик, вырастает сын и он начинает бить старика...» [8].

Примечательно, что хотя и чрезвычайно редко, но все же в современных русских говорах транслируется мысль о порочности агрессии в семье в отношении детей, ее губительном влиянии на искреннее уважение к родителям и любовь к ним, воспроизводимости такой модели поведения: *Этъ вот пока он молодинькѣй ты ёво волтузиш* 'бить, избивать кого-либо', *а пѣдростѣт немногѣ, он те сам зачнѣт вваливъть* (СРГРМ 1978, 59). Высказываются сомнения и в действенности применения физических наказаний: *Вофси пиристал слушѣцѣ, ну пѣдажди. Атец с работы придет, он тибя атнижит* 'избить, высечь' римнѣм-тѣ – *Атнизать-тѣ он яво атнижит. Дѣ только ат этѣвъ ани хужы дельюцѣ* (СРГРМ 1993, 83); *Валоткѣ, пѣчитай, каждый день сваво неслухѣ лупяжыт* 'бить, избивать', *а проку ат этѣвъ чють* (СРГРМ 1978, 135).

Стремление сохранить национальные традиции, стереотипы, систему ценностей как скрепы национальной идентичности, безусловно, заслуживает глубокого уважения, одобрения и поддержки, однако некоторые традиционные представления могут вступать в противоречия с естественно происходящими современными социокультурными процессами. Под влиянием экономических, этических, эстетических и др. факторов, воздействия внешней культуры ценностная ориентация носителей традиционной культуры вынужденно будет подвергаться трансформации [3]. В связи с этим, как нам представляется, необходимо думать и работать над сохранением всего того положительного, что несут в себе традиционные установ-

ки, и исключать входящие в них устаревшие, противоречащие современным реалиям аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152-157.
2. Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) // Вестник Томского государственного университета. 2006. №291. С. 12-19.
3. Левикова С.И. Две модели динамики ценностей культуры (на примере молодежной субкультуры) // Вопросы философии. 2006. №4. С.71-79.
4. Лысенкова Т.В. Природный мир в русском диалектном дискурсе (на материале негативно-приставочной лексики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 133-138.
5. Маркина Л.В. Диалектные бранные обозначения женщин (на материале современных русских говоров / Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в образовательном процессе». Саратов: ИД «МарК», 2016. С.64-69.
6. Маркина Л.В. Бранные формулы как средство выражения вербальной агрессии в диалектной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 7 (140). С. 157-162.
7. Маркина Л.В. Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) // Неофилология. 2020. Т. 6. № 21. С. 5-14.
8. Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899, с. 9-10. Цит. по: Безгин В.Б. Крестьянский самосуд и семейная расправа / Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152-157.
9. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1978-2006. Вып. 1-8.
10. Стаге Г.И. Традиции как средство воспитания в русской народной педагогике // Вестник Пятигорского государственного университета. 2009. № 3. С. 282-285.
11. Якушевич И.В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2012. №1 (230). С. 85.

МЕРКУЛОВА Инна Александровна (Воронеж, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Воронежский государственный университет
lgel1@yandex.ru

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СВЯЗАННЫХ КОРНЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию связанных корневых морфем русского языка. Проанализированный корпус составил около 6000 слов, содержащих 155 связанных корней. Предложена классификация связанных

корней, основанная на коэффициенте радикальной аномальности, – величине, учитывающей количество до- и за-валентностей корня.

Ключевые слова: морфемика, связанный корень, количественные характеристики, русский язык.

Abstract. The article is devoted to the research of connected root morphemes of the Russian language. The analyzed corpus contains about 6000 words and 155 related roots of them. In the article suggests a classification of connected roots, which based on the coefficient of radical deviance. It is a value, which takes into account the number to the root and behind the root valences.

Keywords: morphemics, connected root, quantitative characteristics, The Russian language.

Необходимость исследования связанных корневых морфем неоднократно подчеркивалась в лингвистических работах. Еще Г.О. Винокур отмечал, что «классификация основ, известных только в связанном виде, построенная на их исчерпывающем описании, также составляет очень важную задачу учения о словообразовании, особенно важную для истории языка, т. к. именно в этой области легко найти материал, иллюстрирующий общие процессы, ведущие к преобразованию морфологического состава слова» [2: 421]. По мнению академика В.В. Виноградова, описание разных видов связанных основ чрезвычайно важно для всестороннего и глубокого понимания структурных различий между частями речи [1].

В ряде современных исследований затрагиваются различные аспекты морфологической связанности [3; 8; 9], однако не все проблемы еще решены.

В статье М.В. Морковкина «Значение морфемы в аспекте словарной лексикологии» приводятся важные положения, касающиеся сочетаемости морфем. «Сочетательная ценность обусловлена валентностью морфемы и её сочетаемостью. Валентность морфемы – это способность иметь при себе позиции, заполняемые другими морфемами и целыми словами. Валентность определяется факторами трёх родов: во-первых, семантической совмести-

стью морфем друг с другом, во-вторых, ограничениями на соединение морфем, накладываемыми системой языка, и, в-третьих, способами и правилами морфонологического приспособления морфем друг к другу при их объединении в составе слова» [7: 222]. Как известно, сочетаемость морфемы – совокупность других морфем и целых слов, с которыми она сочетается по правилам языка. Сочетаемость морфемы находится в прямой зависимости от её регулярности: регулярные морфемы характеризуются обширной сочетаемостью, тогда как сочетаемость нерегулярных морфем ограничена.

Сочетаемость, в том числе и количественная, аффиксов, на наш взгляд, является немаловажным показателем при их комплексной характеристике. Этим обусловлены задачи исследования: 1) определение доли приставочной и суффиксальной сочетаемости корней; 2) выявление типов связанных корней, исходя из их валентностных свойств; 3) определение коэффициента радикальной аномальности связанных корней.

Объектом нашего исследования является корпус связанных корней, отобранных по «Словарю морфем русского языка» А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой [6]. Для детализации и уточнения морфемного членения мы обращались к этимологической транскрипции, предложенной и реализованной на материале пушкинской лексики А.А. Кретовым и Л.Н. Матыциной [5]. Проанализированный корпус составил около 6000 слов, содержащих 155 связанных корней.

Анализ показывает, что корневая морфема может иметь при себе только правые позиции (за-валентности), только левые позиции (до-валентности), как правые, так и левые позиции (двухсто-

ронные валентности), а может не иметь при себе никаких позиций. Этот факт свидетельствует о том, что морфема слабо вовлечена в словообразование, а следовательно, является заимствованной (в некоторых случаях – некорректно выделенной).

Если корневая морфема имеет при себе левые и / или правые позиции, то они могут быть такими, которые требуют обязательного заполнения, и такими, заполнение которых не является обязательным. Обязательного заполнения имеющихся при них позиций требуют корни, которые традиционно называются связанными, типа *-бав-/-бавл-* (ср. *до=бав=к-а. при=бавл=я-ть*), *-верг-/-верж-* (ср. *от=верг=ну-ть, с=верж=ениj-е*) и т. п.

Проанализированный корпус связанных корней русского языка можно распределить по группам в зависимости от их сочетательной способности. Можно говорить о наличии 4 множеств связанных корней: корни, имеющие приставочное слово, но не имеющие бессуффиксального; корни, имеющие бессуффиксальное слово, но не имеющие приставочного; корни, связанные с обеих сторон (не имеющие приставочного и бессуффиксального слова); другие примеры, в которых корни могут иметь как приставочное, так и бессуффиксальное слово.

Такое разбиение допускает возможность классификации связанных корней:

- 1) корни с препозитивной связанностью;
- 2) корни с постпозитивной связанностью;
- 3) корни с двусторонней связанностью.

Наглядно это представлено на диаграмме (рис. 1).

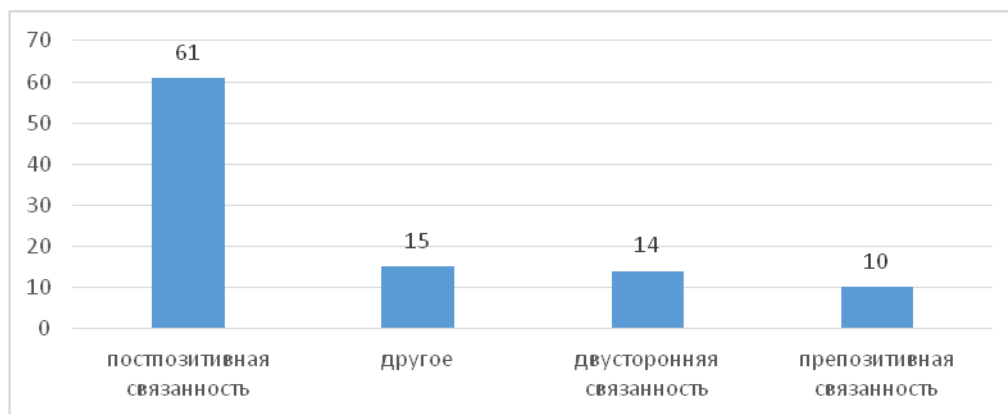

Рис. 1. Валентностные свойства связанных корней

Очевидно, что 61% – довольно высокий показатель, свидетельствующий о том, что постпозитивная связанность в русском радикарии преобладает. Корни из группы “Другое” (имеющие как бесприставочное, так и бессуффиксальное слово) по праву можно считать условно связанными.

Далее мы проанализировали количество за- и довалентностей связанных корней. Валентностью корня мы называем количество разных морфем, способных заполнять ближайшие левые и правые позиции корня.

Максимальные показатели до-валентности имеют корни ЕМ/ЁМ/ЯТ/ИМ, способные сочетаться с 20 приставками (без-, в-, воз-, вы-, до-, за-, из-, от-, пер-, пере-, под-, по-, на-, пред-, пре-, при-, про-, раз-, с-, у-); далее корни Г/ГБ/ГИБ/ГИ, имеющие 18 довалентностей (в-, вы-, до-, за-, из-, от-, пер-, пере-, под-, по-, на-, пред-, пре-, при-, про-, раз-, с-, у-); ДЕРГ/ДЕРЖ – 15 приставок: (воз-, вы-, до-, за-, из-, об-, пере-, под-, по-, пре-, при-, про-, раз-, с-, у-). Далее количество до-валентностей следует по шкале от 14 приставок и меньше.

Максимальные показатели за-валентности наблюдаются у небольшого количества корней, имеющих 10 и более различных

суффиксов в ближайшей постпозиции. Так, корни ЕМ/ЕМ/ЯТ/ИМ сочетаются с 17 суффиксами (-н, -к, ск, -зн, -и, -ив, -ик, -ист, -ит, -к, -ен, -ј, -ост, -ов, -ти, -тв, -ых).

В таблице приводятся корни, лидирующие по количеству до- и за- валентностей.

Таблица 1. Валентности связанных корней

корень	до-в	за-в
БОЛТ	10	12
ВЕТ	9	9
ВЯ/ВЯД	11	5
Г/ГБ/ГИБ/ГИ	18	10
ДВИГ/ДВИЖ	10	7
ДЕРГ/ДЕРЖ	15	4
ЕМ-ЕМ-ЯТ-ИМ	20	17
КИД/ КИН	14	9
ПУГ	12	7
С/2 СОП/СП/2 СЫП	12	9
ТЕРП	11	9
ЧЕРП	12	7

В качестве величины, устанавливающей соотношение валентностей связанных корней, выступает коэффициент радикальной аномальности.

Сам термин и методика вычисления коэффициента были предложены А.А. Кретовым [4] для анализа аффиксальных морфем.

С поправкой на наш материал, формула для расчета КОРАНа (коэффициента радикальной аномальности) может выглядеть так:

$КОРАН = \frac{D-Z}{D+Z}$, где D – количество до- валентностей, Z – количество за-валентностей у данного корня.

Для связанных корней, этот коэффициент распределяется в промежутке от -1 до +1, причем, +1 не получил ни один корень.

КОРАН, равный 1, имеют корни, имеющие за-валентности в ограниченном количестве и имеющие нулевой показатель до-валентности. Это корни с постпозитивной связанностью.

Корни, имеющие близкие к нулю показатели КОРАНа, характеризуются высокой вариативностью препозиций и постпозиций.

Положительные значения КОРАНа имеют корни с высокими показателями до-валентности. Это корни с препозитивной связанностью.

Таким образом, коэффициент радикальной аномальности помогает количественно измерить валентностные свойства корней и определить характер связанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. 312 с.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 492 с.
3. Косых Е, Чащина Н. К истории связанных корней в современном русском языке. URL: <http://gisar.eu/ru/node/22638#comment-23066>
4. Кретов А.А. КОАН о словообразовании // Филологические записки. 1996. № 6. С. 153-162.
5. Кретов А.А., Матыцина Л.Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина: Ок. 23000 слов. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1999. 208 с.
6. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 1136 с.
7. Морковкин В.В. Значение морфемы в аспекте словарной лексикологии // XXVI Пушкинские чтения. 19 октября 2011 г.: Сборник научных докладов: К 200-летию открытия Царскосельского лицея и 45-летию Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина / Сост. В.В. Молчановский. М., 2011. С. 217-224.
8. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика. М., 2013. 142 с.
9. Рацибурская Л.В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. М., 2009. 154 с.

МИРГОРОДСКАЯ Анна Юрьевна (Луганск, ЛНР)

кандидат филологических наук, доцент
Луганский государственный педагогический университет
mirgorodskaya.a.u@mail.ru

СЕРЕБРЯК Марина Владимировна (Луганск, ЛНР)

кандидат филологических наук, доцент
Луганский государственный педагогический университет
marinasv86@gmail.com

О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы организации взаимосвязи между языковыми единицами в электронном словаре. Авторы отмечают, что ранее в лексикографической практике не было возможности реализовать удобную для пользователей систему поиска и отсылок. С развитием компьютерной лексикографии идеи ученых о создании словаря нового типа и интегральном описании языковых единиц вновь стали актуальными. Авторы статьи обращают внимание на то, что множество языковых объектов образуют систему, связанную воедино различными цепочками логических, семантических, стилистических, словообразовательных и иных связей, которые в электронном словаре должны стать объектом тщательной разработки.

Ключевые слова: лексикография, электронный словарь, макроструктура словаря, лексико-семантические связи, словообразовательная активность.

Abstract. The article discusses the principles of organizing the intercommunication between language units in an electronic dictionary. The authors note that it was not possible to implement a user-friendly search and reference system in lexicographic practice earlier. With the development of computer lexicography, the ideas of scientists about creating a new type of dictionary and the integral description of language units have become relevant again. The authors of the article draw attention to the fact that many language objects form a system connected together by various chains of logical, semantic, stylistic, word-forming and other connections, which in an electronic dictionary should be the object of careful development.

Keywords: lexicography, electronic dictionary, macrostructure of the dictionary, lexical-semantic relations, word-forming activity.

В настоящее время значительное внимание пользователей словарями привлекают их удобные и многофункциональные электронные эквиваленты. Электронный словарь обладает рядом преимуществ: наличие целого арсенала словарей различных типов в личном пользовании, быстрота поиска необходимой единицы, до-

ступность разноаспектной информации, возможность мгновенного перевода и т. д. Отметим, что уже в XX в. ученые высказывали идею создания словаря универсального типа, отражающего принцип интегрированного описания языковых единиц. Впервые этот принцип отметил Л.В. Щерба, однако широкое изучение он приобрел уже в 70-х гг. XX в. В исследованиях В.Г. Гака, П.Н. Денисова, Ф.П. Сороколетова и др. [4; 5; 8] прозвучал призыв совместить «максимум параметров в одном словаре, а в идеале – создать универсальный словарь, который позволит воссоздать всю языковую картину в целом» [5: 8]. Вместе с тем, в то время значимы были причины, которые препятствовали эффективной реализации идеи интегрированного словаря на практике. Увеличение объема информации хотя и повышало научную ценность издания, но в значительной степени обременяло восприятие и поиск необходимого материала. Анализ тогдашнего лексикографического наследия показал, что одной из главных причин невозможности реализовать параметры универсального комплексного словаря на практике стала ограниченность традиционных технических средств, которые не могли эффективно представлять увеличенный объем информации. Как отмечал Ю.Н. Караулов, из общего количества 70 лексикографических параметров в конце XX в. словари могли одновременно вмещать чуть более 30 (часть из них не в полном объеме) [5: 9]. Поэтому идею интегрированного словарного описания в истории развития лексикографии некоторые ученые подвергали сомнению.

Современные теоретические обобщения ученых В.П. Сегелея, О.С. Рублевой, Н.А. Агаповой, Н.Ф. Картофелевой и др. [7; 6; 1] актуализируют идею о том, что электронный словарь – это качественно новый этап развития лексикографии, позволяющий пересмотреть

методы создания словарей. Новые расширенные возможности, о которых только предположительно высказывались лексикографы XX в., а именно: обширный объем словника, удобство и скорость поиска информации, наличие звуковой и графической иллюстрации слова, возможность самостоятельного заказа структуры словарной статьи через заданный путь поиска, возможность разностороннего раскрытия значения слова и др. [6], – сегодня являются доступными средствами создания словаря.

Целью статьи является попытка наметить возможности организации лексико-семантических связей между единицами лексико-графического описания в электронных словарях нового типа.

Сегодня разработано большое количество электронных словарей, справочно-информационных порталов и других ресурсов: словари Lingvo компании Abbyu, МультиЛекс фирмы МедиаЛингва, интернет-система Мультитран, справочно-информационный портал «Русский язык» и др. Основная их цель – предоставить пользователю информацию путем объединения в одну базу данных разных словарей, уже существующих в бумажном виде. Это качественные разработки, отвечающие современным информационным запросам интернет-пользователей. Однако, опираясь на уже намеченную тенденцию внедрения в словарь новых технологий, а также на высказывания ученых о том, что «словарь, существующий в электронном формате, – это не просто электронная (отсканированная, оцифрованная) версия уже созданного бумажного словаря, это полностью самостоятельный продукт» [1: 6], отметим, что словарь нового типа – это эффективный исследовательский инструмент, который должен стать продуктивным накопителем информации различного уровня. И эта информация может быть получена не только благодаря попол-

нению базы данных новыми информационными данными, но за счет реорганизации макроструктуры самого словаря. Электронный словарь – «особый лексикографический объект, в котором могут быть реализованы и введены в обращение многие продуктивные идеи, невостребованные по разным причинам в бумажных словарях» [7: 148]. Таким образом, некоторые идеи интегрального описания языка, о которых упоминалось в работах В.Г. Гака, Ф.П. Сороколетова, Ю.Н. Караулова и др. [4; 6; 8], могут быть реализованы в современном словаре.

Существенным недостатком большинства электронных словарей является недостаточное отражение различных типов связей между языковыми единицами. Макроструктура таких словарей имеет, как правило, только алфавитную систему поиска. Однако такой порядок размещения не дает представления о том, какие единицы входят в лексико-семантическое поле данного слова, каковы его системные связи, словообразовательная активность и под. Э. Агрикола еще в 80-е гг. XX в. указал на перспективы словарной работы – это разработка общих системных связей во всем их многообразии. Причем, по мнению ученого, «особого внимания заслуживают вопросы диалектической связи, взаимной зависимости и взаимовлияния семантических микроструктур, с одной стороны, и парадигматических и синтагматических макроструктур – с другой» [2: 73]. Безусловно, ранее полноценное отражение в словаре внутренней организации лексико-семантических групп, выделяемых в словнике на разных основаниях (т. е. структуры семантических полей, тематических групп, ассоциативных полей), а также внешних связей данных семантических полей, тематических и лексико-семантических групп, представлялась лишь перспективой.

А.Н. Бушуй, И.Н. Кульчицкий, Н.Ю. Шведова и др. неоднократно указывали на необходимость рационализации методики толкового словаря, в частности, установление взаимосвязей одних языковых единиц в системе языка с другими путем выявления их групп [3: 4]. Если лексикографами в толковых словарях осуществлялись попытки отразить некоторые словообразовательные и лексико-семантические связи, то крайне сложно это было отразить во фразеологических словарях, тем более совместить лексический и фразеологический уровни. Некоторые ученые (Ю.Е. Прохоров, В.П. Фелицина, Р.И. Яранцева) делали попытки группировки фразеологических единиц по тематико-ситуативному и алфавитному критериям одновременно. Но, безусловно, полноценно системную реорганизацию материала способны предоставить только компьютерные технологии, которые позволяют в отдельных блоках размещать группы слов и фразеологизмов, а также мгновенно переводить пользователя в необходимую информационную плоскость. В качестве примера можно привести комплексность описания связей языковых единиц с помощью внедрения 1) тематических рубрик: *Концептосфера: животные, растения, стихии* и т. д.; *Категория: животные* → *домашние, дикие*; *Вид: животные* → *дикие* → *волк, заяц, лисица* и т. д.; 2) иллюстрации словообразовательной активности слова: *заяц* → *зайка, заячий, зайчик* и т. д.; 3) системных связей: синонимы, антонимы; 4) устойчивых ассоциаций: *трусость, быстрота, детские сказки* и т. д. 5) фразеологии и лексической сочетаемости слов: *пухливый как заяц, ехать зайцем, зайчик в капусте нашел, подарок от зайчика* и т. д. Гиперссылки между единицами языка можно установить также и по различным параметрам описания, например,

найти все единицы, маркированные стилистическими пометами *разговорное, книжное, экспрессивное* и др.

Таким образом, объектом описания в современных словарях должны быть не только внешне независимые друг от друга единицы. Лексикограф должен помнить, что множество языковых объектов образуют систему, связанную воедино различными цепочками логических, семантических, стилистических, словообразовательных и иных связей. Это и должно стать актуальным вектором развития и усовершенствования современного электронного словаря: языковая единица должна быть охарактеризована и как самостоятельный объект, и как элемент целостной языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова Н.А., Картофелева Н.Ф. О принципах создания электронного словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 6-10.

2. Агрикола Э. Микро-, медио- и макроструктуры как содержательная основа словаря // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 72-82.

3. Бушуй А.Н. Словарная репрезентация фразеологии // Фразеология в тексте и в словаре. Самарканд: Самарканд. гос. ун-т им. А. Навои, 1986. С. 4-19.

4. Гак В.Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 119-125.

5. Караулов Ю.Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М.: Рус. яз., 1988. С. 5-18.

6. Рублева О.С. Слово в электронном словаре (с позиции пользователя электронными ресурсами): автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2010. 20 с.

7. Селегей В.П. Электронные словари и компьютерная лексикография // Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени: хрестоматия // Н.А. Кузьмина, Е.А. Абросимова. Омск: Ом. гос. ун-т, 2012. С. 148-152.

8. Сороколетов Ф.П. О словаре современного русского литературного языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 20-24.

МУРАТОВА Елена Юрьевна (Витебск, Беларусь)

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет
имени Петра Мироновича Машерова
mouratova@tut.by

РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье исследуются потенциальные эстетические и художественно-смысловые возможности фонетических и грамматических средств в поэтическом тексте. Доказывается, что фонетическая значимость проявляется в специальной организации звуковой формы поэтического текста, в котором частотность и группировка фонем может отличаться от норм общей речи. Рассматривается специфика грамматических средств: на уровне морфологии новые дополнительные смыслы в поэтическом тексте могут возникать за счет варьирования форм лица; в результате окказионального формообразования форм множественного числа у существительных *singularia tantum*, абстрактных, вещественных и собирательных в лексеме проявляются новые оттенки значения, влияющие на образность и смысл поэтического текста; выявляется синкретизм частей речи, нелинейные сочетания лексем в поэтическом тексте.

Ключевые слова: фонетический уровень, категория лица, нелинейные сочетания лексем.

Abstract. The article examines the potential aesthetic and artistic-semantic possibilities of phonetic and grammatical means in a poetic text. It is proved that the phonetic significance is manifested in the special organization of the sound form of the poetic text, in which the frequency and grouping of phonemes may differ from the norms of general speech. The specificity of grammatical means is considered: at the level of morphology new additional meanings in a poetic text can arise due to the variation of person forms; as a result of the occasional formation of plural forms in the nouns *singularia tantum*, abstract, real and collective, new shades of meaning appear in the lexeme, affecting the imagery and meaning of the poetic text; syncretism of parts of speech, nonlinear combinations of lexemes in the poetic text are revealed.

Keywords: phonetic level, person category, nonlinear combinations of lexemes.

Художественная образность и смысловая насыщенность поэтического текста создается не только за счет лексического ряда, различных тропов и фигур, но также при помощи фонетических и грамматических средств.

Звуковая форма поэтического слова может быть источником смысловых ассоциаций, т. е. возможна ее актуализация в опреде-

ленных условиях поэтического контекста. Как писал Борис Пастернак, «музыка слова – явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии отдельно взятых гласных и согласных, а в соотношении значения речи и ее звучания» [1: 213].

В поэзии асимметричный дуализм языкового знака, сдвиг между означаемым и означающим выражается в наибольшей степени. Это объясняется тем, что в поэтическом тексте важную роль играют не только сегментные, но и суперсегментные признаки (слоговость и ударение). «В стихотворной форме все признаки означающего представлены как значимые, актуальные, языковая форма означающего явлена целиком, она самодостаточна и не нуждается в какой-либо поддержке со стороны внеязыкового мира» [2: 30].

Актуализация фонетического значения слова может осуществляться разными способами. Это может быть сближение или, наоборот, намеренное расподобление слов, различающихся только одним звуком: *Помилуйте, такая **одаренность!** / Сквозь дождь! И растояний **отдаленность!**; Звана **сирень** – ослышалась **свирель**. Ждет не **хлыста**, а **хлыща** (Б. Ахмадулина); Здесь, меж вами: **домами**, **деньгами**, **дымами**, / **Дамами**, **думами**; В листве бы, в плюще бы, **в плюще** – как **в плаще** бы; **Цвет**, попранный **светом**. / **Свет** – **цвету** пятой на грудь; **Стол** всегда утверждал, что – **ствол**; **Божеству** ли с **убожеством** / Спорить?; В поте – **пишущий**, в поте – **пашущий!**; Не для льстивых этих **риз**, лживых **ряс** (М. Цветаева); **Есть соль** земли. **Есть сор** земли. / Но сохнет сокол без змеи; ...им – **колоситься**, **токовать**. / **Ей** – **голосить** и **тосковать** (А. Вознесенский).*

«Языковая игра» на фонетическом уровне может осуществляться посредством повторов с зеркальным отражением звуков: *Под*

твоим перстом, что господень хлеб, / Перемалываюсь, переламываюсь (М. Цветаева); *Мы – тамтамы гомеричные с глазами го-ремычными, / клубимся, как дымы, – мы* (А. Вознесенский).

Заметным художественным приемом в поэзии является повтор одного или нескольких звуков: *Черная чернь навстречу чванится; Шей не шей, а все по швам!* (М. Цветаева); *Не бывает саней в этом сиром снегу; Но зачарован мой чулан. / Всего, что вне, душа чуралась, / пока садовник учинял / сад; чудо-лунность и чуланность* (Б. Ахмадулина); *Мы наших милых в объятьях душим, / но отпечатываются подушки / на юных лицах, как след от шины* (А. Вознесенский); *Бузина, без ума, без ума / Я от бус твоих, бузина; Ипполит! Ипполит! Болит! / Ипполит, это хуже пил! / Ипполит! Ипполит! В плен! / Ипполит! Ипполит! Пить! / Ипполит, утоли* (М. Цветаева); *Вместо каменных истуканов / стынет стакан си-невы – / без стакана* (А. Вознесенский); *Сколько времени еще осталось / Мне брести до станции Усталость?; Испуганно цер-ковь крепила свой крест кулаком колокольни...* (М. Светлов).

Как показывают приведенные выше примеры, фонетическая значимость проявляется в специальной организации звуковой формы поэтического текста, в котором частотность и группировка фонем может отличаться от норм общей речи. «Эта норма, – пишет Ю.М. Лотман, – реализуется особым образом – незаметностью. Пока мы не замечаем той или иной стороны языка, можно быть уверенным, что построение ее соответствует нормам употребления. Нарочитое сгущение в употреблении того или иного элемента делает его заметным, структурно активным» [1: 61].

Таким образом, в поэтических текстах проявляется содержа-тельность фонетического уровня, влияющего на самоорганизацию

новых смыслов, что, как представляется, объективно присуще языку поэзии.

Хотя грамматика представляет собой строго организованную систему, тем не менее она также способна реализовать динамические потенции поэтического языка. Это эстетические возможности переносного употребления грамматических форм, окказиональное слово- и формообразование, различные случаи синкретизма, семантизация и актуализация служебных частей речи, концентрация / отсутствие форм разных частей речи, нестандартная сочетаемость лексем и др.

Например, новые дополнительные смыслы в поэтическом тексте могут возникать за счет варьирования форм лица: *Кто был Женя Евтушенко? / В твоих рощах, комсомол, / он внезапно, словно щепка, / после вырубок расцвел* (Е. Евтушенко); *Вот мы лежим. Нам плохо. Мы больной... Чем я, больной, так неприятен мне, / так это тем, что он такой неряха...; Он гудит себе гудит, / веточки качает. / На пенечке кто сидит? / Я сидит, скучает* (Л. Лосев). Здесь мы наблюдаем «наложение» обозначения себя как субъекта речи и одновременно как объекта восприятия. Такой симбиоз рождает смыслы отчуждения от своего Я, деперсонализации человека.

Своеобразно проявляется в поэзии категория числа. В результате окказионального формообразования форм множественного числа у существительных *singularia tantum*, абстрактных, вещественных и собирательных, в лексеме проявляются новые оттенки значения, влияющие на образность и смысл поэтического текста. Например:

Тьмам цветений назначил собор Валаам; ... средоточье черных магий; За это – столько упоений, / и две зари в одном окне; Над бредом, бегом – над Бегами / есть плющ и плен; Лишь грамота и вы – других не видно родин; Из чуждых пекл, где закипает Нил; Друг столб, половина изъята из верстки / метелей моих при тебе и теплыней; Каких лекарств, мещанств / наелась я, чтоб не узнать Гвидона? (Б. Ахмадулина);

...и ты поверь – не лучше прочих рабств / быть в рабстве и у собственных страданий; Вместо стройматериала – / лишь стыды, стыды, стыды; Весь чечнями, / как шершнями, / покусан, / оробел (Е. Евтушенко).

В поэтических текстах важную художественную роль может играть синкретизм частей речи, т. е. прилагательное в функции существительного и под. Рассмотрим использование наречий в функции существительного:

За пошлость измены! / За страшную цену / красивую быть, да еще современной... об все деловые постели, об все «невозможно», / об «тесно», / об стену! (А. Вознесенский); ... качать... / Сначала куклу, а потом Не куклу, а «почти» (М. Цветаева); Два мрачных исподлобья сведены / в неразрешимой и враждебной встрече (Б. Ахмадулина).

Необходимо отметить, что подавляющее большинство наречий и предложно-падежных сочетаний, используемых в функции существительного, отражают две основополагающие категории действительности – пространства и времени. Особенно активны в этом плане темпоральные наречия *всегда, сейчас, тогда, потом, однажды* и под.: *Из Всегда в Теперь – / Полный звук уловить (А. Лысов); – Отче, возьми в назад, / В жизнь свою, отче!; Помню... все*

прощанья у ворот. / Все однажды (М. Цветаева); *За все! За Дождь! За после! За тогда!* / *За чернокнижье двух зрачков чернейших...* (Б. Ахмадулина).

Проанализируем следующий пример из лирики А. Вознесенского: *Ребята – при часах, / девчата – при серьгах, / живите – при сейчас, / любите – при Всегда, / прически – на плечах, / щека у свитерка, / начните – при сейчас, / очнитесь – при всегда.*

В узуальном употреблении наречие *всегда* обозначает длительный (или даже вечный) процесс; наречие *сейчас* – некоторое точечное сиюминутное событие. В данном контексте между лексемами снимается оппозиция длительность / точечность: и *сейчас*, и *всегда* передают длительность за счет предлога *при*. В узуальном употреблении наречие *сейчас* смысл длительности и вечности не имеет, он возник за счет использования наречия в качестве существительного и влиянии на него другого наречия *всегда* также в функции существительного. Причем в таком представлении длительность (отношений, любви, молодости) передается как нормальное и должное быть состояние мира и взаимоотношения людей.

Возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции наблюдается в поэтическом языке при нелинейной сочетаемости лексических единиц, которые могут представлять собой любые знаменательные части речи. Нелинейные отношения возникают при нестандартной, не принятой в узусе сочетаемости лексем. Приведем примеры из творчества А. Вознесенского:

Шло убийство по шумной Битце, / шло, жуя пирожок незло; Его оппонент в полемике выпрыгнул из своих зубов; ... коричнево изгибался чай...; Я шел по берегу любви...; Ты страстно, как

молитвы, / читаешь километры. / Твой треугольный кроль / бескрайнюю разлуку молотит, как котлеты...; Затопите печаль в моем доме! / Поет прошлое в кирпичах. / Все гори, синим пламенем, кроме – / запалите печаль!; Потянуло кайфом; Как стеклодув, / он выдул фонари...; В этот дом приходит опасно. Вечное / командорское присутствие Маяковского / сплющивает ординарность.

Данные сочетания репрезентируются в сознании как сложные концептуально-когнитивные структуры: каждое такое сочетание не только рождает новый художественный смысл, но и вбирает в себя, одновременно и органично, все логические противопоставления, часто несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью.

Неузуальные связи в данных примерах являются свернутой пропозицией, не складывающейся из лексических значений представленных слов: пропозиция «разворачивается» не в самом тексте, а в подтексте за счет трансмерного перехода значений соположенных лексем. Возможности для этого потенциально существуют в системе общенационального языка, но их реализация – специфична и эстетически востребована только в языке поэтическом.

Таким образом, фонетические средства в поэтическом тексте могут быть источником смысловых ассоциаций. Грамматический уровень поэтического текста является эстетически нагруженным, обладающим собственным семантическим потенциалом, который реализуется в результате модификации морфологических значений знаменательных и служебных частей речи. Нелинейные сочетания в поэтическом тексте не только рождают новые художественные смыслы, но и вбирают в себя логические противопоставления,

часто несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 236 с.
2. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев [и др.]; отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1990. 300 с.
3. Пастернак Б. Люди и положения: автобиографический очерк // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Эксмо, 2008. С. 192-238.

ОДИНЦОВА Ирина Владимировна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени Михаила Васильевича Ломоносова
odintsova.irina@gmail.com

«СОБОРНОСТЬ» КАК ДОМИНАНТА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (в аспекте лингводидактики)

Аннотация. В статье рассматривается понятие «соборности» в качестве одной из доминант русской языковой ментальности. Категория соборности, предполагающая общинность человеческого сознания, согласованность себя с другими, с одной стороны, находит отражение в русской языковой картине мира, с другой – формирует ментальность русского человека. В статье рассматриваются некоторые языковые явления, представляющие трудности в практике преподавания русского языка иностранным учащимся, в которых эта категория находит отражение.

Ключевые слова: соборность, ментальность, категория неопределенности, категория безличности, фонетика, слитность произношения.

Abstract. The article examines the concept of "collegiality" as one of the dominants of the Russian language mentality. On the one hand, the category of collegiality, which presupposes the community of human consciousness, the co-ordination of oneself with others, is reflected in the Russian linguistic picture of the world. On the other hand, it forms the mentality of the Russian person. The article examines some linguistic phenomena in which this category is reflected and which present difficulties in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: collegiality, mentality, category of uncertainty, category of impersonality, phonetics, fusion of pronunciation.

В формировании типа ментальности нации язык играет определяющую роль. В языке, согласно мнению В.В. Библихина, скрыта «первичная наиболее естественная и общедоступная репрезентация мира... Язык сращен с интуитивно-практическим познанием мира (до-сознательным ощущением возможностей), исходным знанием человека» [2: 505-507]. «Мы живем, – пишет Радбиль, – в культурной среде, в культурной оболочке нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности. Не случайно выдающийся философ А. Хайдеггер назвал язык «домом бытия», тогда как традиционный взгляд на вещи вроде бы предполагает обратное – «бытие есть дом языка» [7: 12]. Выражаемые в языке значения складываются «в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается всем носителям языка» [4: 132].

Понятие соборности, по мнению ученых, и прежде всего философов XIX в., таких как К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, а затем Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, пытавшихся отыскать «основу формаций русской души» [1: 30], подразумевает общинность человеческого сознания. Соборность в этом понимании рассматривается как сверхвременная, сверхисторическая духовная метафизическая реальность, когда коллективные интересы в обществе преобладают над индивидуальными, что не только не умаляет значение личности, но и создает условия для ее максимального раскрытия. Человек воспринимает другого не как «не я», а как «иное я», его самореали-

зация происходит не за счет другого, а вместе с ним. С.Л. Франк в работе «Непостижимое» говорит о том, что человек становится личностью лишь в том случае, если «он может что-либо “дать” другому, тогда как замкнутость в себе есть “утрата личности”» [9: 413]. Именно соборность, заложенная глубоко в сознании русского человека, в его культурном коде, помогает объединиться и выстоять особенно перед лицом трудностей и бед.

Освоение иностранного языка есть не просто овладение коммуникативными навыками, это еще и постижение иной ментальности, усвоение отличной от родного языка когнитивной системы означивания. Обучая языку, мы не просто погружаем учащегося в иную культурную среду, мы формируем у него определенный способ восприятия и организации мира, его концептуализации.

Определение особенностей концептуализации мира, запечатленных в языке, является в настоящее время предметом многих лингвистических исследований. Достижения современной лингводидактики и повседневная практика преподавания русского языка иностранным учащимся также способны помочь в выявлении лингвоспецифических доминант русской ментальности. Трудности в освоении языковых единиц разных уровней могут служить ориентиром в определении национальной специфики русской языковой картины мира.

Безусловно трудным для овладения русским языком оказываются категории неопределенности (подробнее см. [6]) и безличности. Отсутствие позиции именительного падежа, репрезентирующего субъект, в неопределенно-личных предложениях; его отсутствие в безличных предложениях при выражении психического и физического состояния лица; состояния природы и действия стихийных

сил; модальных значений и др. – явления в русском языке не просто актуальные, но и активно развивающиеся. Удельный вес категорий неопределенности и безличности в ходе развития языка все время возрастает. По мнению А. Вежбицкой, «богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими» [3: 76]. А. Вежбицкая связывает категорию безличности в русском языке вслед за Е. Евтушенко с такой национальной чертой русского языкового сознания, как «притерпелость» [Там же: 35]. Однако этот вывод следует считать несколько натянутым и умозрительным. По нашему мнению, стоит согласиться с выводами исследователей, связывающих широкое распространение в русском языке синтаксических структур, выражающих категории неопределенности и безличности, с отражением в национальном сознании категории соборности.

Соборность как одна из существенных внутренних доминант русской ментальности, идея согласия человека с другими людьми находят также отражение во флективной системе русского языка, свободном, поливариативном порядке слов. Флективная природа русского языка, пишет А.А. Тихонов, «достигаемая с помощью богатства суффиксов, аффиксов, префиксов, а также лабильность грамматических форм и т. п. в достаточно полной мере показывает его открытый, пластичный, соборный и динамически меняющийся характер» [8: 170].

На фонетическом уровне категория соборности отражается в особенностях фонетико-орфоэпической системы русского языка: редукция гласных, ассимиляция согласных по глухости-звонкости, оглушение звонких согласных в конце слова, ассимиляция согласных по мягкости, выпадение согласных в консонантных сочетаниях – все это формируют слитность произношения. Синтетический строй русского языка не предполагает тесной взаимосвязи между морфемными и слоговыми границами, что обуславливает подвижность слоговой границы между морфемами в слове: *год*, но *го-до-вой*, в фонетическом слове: *перед обедом* – [п'ь-р'ь-д^б'э-д'ьм], перераспределение границ слогов на стыках слов в синтагмах: *вот опять окно* – [вó-т^п'á-т'к-нó] (подробнее см. [5]). Слитность произношения русского слова, русского звучащего предложения – высказывания; основные законы, предопределяющие эту связанность, а также особенности артикуляционной базы, обеспечивающие такую связанность, являются, с одной стороны, отражением внешних детерминант в языке, культуре и мышлении носителей языка, с другой – сами служат средством отражения русской языковой ментальности, актуальными как для продуцирования речи, так и для ее понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 301 с.
2. Биbihин В.В. Язык // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. 2816 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 76 с.
5. Одинцова И.В. Звуки. Ритмика. Интонация: Учебное пособие. 9-е изд. М.: Флинта: Наука, 2020. 368 с.
6. Одинцова И.В. Некоторые проблемы односоставных глагольных предложений с точки зрения грамматики русского языка как иностранного // Обретение смысла. СПб., 2006. С. 77-92.
7. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 3-е изд. Стереотипн. М.: Флинта: Наука, 2013. 328 с.

8. Тихонов А.А. Открытость и соборность русского языка и менталитета // Поволжский педагогический вестник. 2013. № 4 (6). С. 167-171.
9. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.

ПАНКРАТОВА Маргарита Владимировна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
ikt.1107@gmail.com

ЦВЕТОВЫЕ ЛЕКСЕМЫ В МЕТАФОРАХ С. ЕСЕНИНА

Аннотация. В статье рассматриваются цветовые аспекты метафоризации текстов С. Есенина, доминирующие цветовые лексемы. Автор анализирует цветовую семантику метафор С. Есенина в аспекте индивидуального стиля поэта, количественный и качественный состав цветовых лексем.

Ключевые слова: цвет, цветовые лексемы, метафора, ассоциации, идиостиль, С. Есенин

Abstract. The purpose of this article is to observe metaphORIZATION colour aspects of S. Yesenin's texts as well as dominating colour lexemes. The author analyses colour semantics of S. Yesenin's metaphors in the aspect of the individual style of the poet, the quantitative and qualitative composition of colour lexemes.

Keywords: colour, colour lexemes, metaphor, associations, idiostyle, S. Yesenin.

В поэтическом тексте, как в малом жанре лирики, сконцентрированы авторские интенции, языковая картина мира, а в отборе и реализации языковых средств проявляется индивидуальный стиль художника слова. Поэт пишет «картины жизни», используя в качестве изобразительных средств метафоры, сравнения, эпитеты, добавляя яркие акценты с помощью цветовых прилагательных.

Метафоричность является одной из характерных особенностей творчества С. Есенина. Метафоре поэт придает огромное значение, считая, что ее основным строительным материалом всей образности [4: 15].

Метафорам С. Есенина свойственна, прежде всего, исключительная яркость и многозначность, таинственность и загадочность. Их интерпретация в полной мере возможна с учетом своеобразного,

есенинского, видения мира и связанной с этим особой символикой цвета. Среди выделенных 205 языковых единиц цвета наиболее употребительными оказываются цветовые лексемы в метафорическом аспекте. В связи с этим выделяем следующие лексемные ряды: *синий – голубой; красный – розовый – малиновый – рдяный; белый – лунный – белоснежный; желтый – золотой*. Предпочтение этой цветовой гаммы ученые объясняют «неагрессивной принимающей мир активностью... В поэзии Есенина нет призывов к тому, чтобы сломать, уничтожить, разрушить. Ненависть и вражда ему чужды. И это «неагрессивность» сочетается с яркой активностью» [1: 520].

Поэт, словно художник, выделяет нужные ему детали в изображении реальных предметов, делая на них смысловой акцент. Например, в стихотворении *«Сыпь, гармоника! Скука...Скука...»* присутствует только одна цветовая деталь: *Что ж ты смотришь так синими брызгами, / Иль в морду хошь?* [3: 105]. Синие брызги – это образное название глаз, а не сочетание «цветовое прилагательное + существительное». Глаза собеседника скрыто сравниваются с брызгами жидкости, разлетающейся от всплеска. Глаза подобны водной стихии: они манят своей глубиной, синевой, тревожат разум лирического героя, пытаются подчинить себе, всматриваются в душу. Лирический герой видит размытую картину происходящего, потому что разум его «затуманен» вином, в его поведении наблюдается душевный надлом.

Синий цвет в текстах Есенина – это доминирующий цвет, устанавливающий переключку с другими [5: 17]. В памятниках фольклорной культуры России синий цвет обычно наделялся магическими свойствами: он был связан с водой, которая считалась в древности

местом, где таятся злые, враждебные человеку силы. Для Есенина вода и синий цвет являлись символом всего запредельного, потустороннего, иррационального, и он не одинок в этом. Всем «серебряным веком» синее переживалось так же.

Поэтому собеседник с синими глазами враждебен лирическому герою Есенина, который, чувствуя в нем опасность, пытается защититься от его взгляда, действуя с помощью прямой угрозы. Такая же тенденция наблюдается в поэме «Черный человек», где лирический герой разбивает зеркало, отражающее злое, враждебное начало, средоточие всех пороков, и обнаруживает, что в зеркале было его собственное отражение.

Синий цвет этимологически очень близок темному, черному. На ранней стадии развития языка понятия «черный» и «синий» не различались [2: 43].

Синий цвет в цветовой поэтической палитре С. Есенина занимает самое высокое место по частотности употребления. Понятие синего цвета в творчестве Есенина не является постоянным, оно находится в динамике, варьируется в тесной связи с изображаемым предметом. Так, Есенин считал, что в самом имени России спрятано «синее что-то», и говорил Всеволоду Рождественскому: «Россия! Какое хорошее слово... И «роса», и «сила», и «синее что-то!»: *Толи да болота, / Синий плат небес. / Хвойной позолотой / Вззвенивает лес* [2: 65].

Есенин пишет рязанское небо таким ослепительным, напряженно синим потому, что, по мысли Аллы Марченко, «образцом синего ему служит «просиничный плат» богородицы – той, чей «строгий лик» по «часовням висел в Рязанях» [5: 15].

Близок к синему голубой оттенок, который тоже встречается в есенинских метафорах: *Песни, песни, о чем вы кричите?/ Иль вам нечего больше дать? / Голубого покоя нити_/ Я учусь в мои кудри вплетать* [3: 62].

Голубой цвет в трактовке психологов означает спокойствие и умиротворенность чувств, выявляет чувствительность и ранимость.

Цветовой ряд с доминантой «красный цвет» представлен довольно широко. Приведем пример из стихотворения «*Не напрасно дули ветры*»: *Плещет рдяный мак заката / На озёрное стекло. / И невольню в море хлеба / Рвётся образ с языка: / Отелившееся небо / Лижет красного телка* [3: 46].

В данном контексте использована метафора-загадка, а именно красочно нарисована картина заката, когда небо над горизонтом гладкое, как стекло, и озеро, за которое только что опустилось солнце, имеют огненно-красный цвет, напоминающий цвет мака. Изображенное явление видится глазами крестьянина: в его воображении небо, как нечто огромное, предстаёт коровой, а озеро – красным телком.

В жёлто-золотой гамме выдержаны все так называемые автопортреты С. Есенина. Так, в стихотворении «*Пой же, пой. На проклятой гитаре...*» читаем: *Льётся дней моих розовый купол. / В сердце снов золотых сума* [3: 122]. *Золотая сума снов* – это образ мечты, построенный с помощью генетивной метафоры («сума снов»): сны, пришедшие из далекой юности, дороги лирическому герою, а потому и отношение к ним трепетное, нежное. Окрашен этот образ в золотой цвет, дающий качественную оценку предмета.

Следует также обратить внимание на метафору «дней розовый купол». Розовый купол – это символ святости, божественного

покровительства. Слово «купол» символизирует защиту со стороны Бога (так как купол – это самая высокая часть храма). Розовый цвет здесь может означать беззаботность, безмятежность земного существования или грусть, связанную с быстротечностью времени.

Метафорам Есенина свойственна многозначность и многоплановость, поэтому метафорическое значение в его примерах не всегда легко вычленишь. Например, в стихотворении *«Устал я жить в родном краю»* есть строки: *Пойду по белым кудрям дня / Искать убогое жилище./ И друг любимый на меня / Наточит нож за голенище* [З: 66].

Мотив скитальчества, одиночества, предательства очень характерен для лирики С. Есенина. Возможно, «белые кудри дня» в таком контексте следует понимать как символ неизвестного, неведомого пути, а ассоциации белого цвета с невинностью, чистотой дают представление об отношении героя ко всему новому, что может его ожидать. Интересный перенос значения наблюдается в сочетании «кудри дня». Путь лирического героя может быть таким же извилистым и непрямым, как и кудри волос, но может также нести и печать чистоты, неизведанности, ощущение новизны, как это можно предположить, исходя из этимологии белого цвета.

Итак, мы обратились к наиболее распространенным цветовым лексемам поэта, используемым для создания метафор. Подобные лексемы характеризуют яркость есенинских образов, акцентируют читательское внимание на конкретных поэтических символах, вызывают в сознании индивидуальные ассоциации, создают языковую картину мира. Цветовые определения в метафорах поэта следует трактовать не как отдельные эпитеты, а как компоненты некоего смыслового единства, как особое средство выразительности. Эти-

монологический анализ цветowych лексем позволяет отчетливее воспринимать есенинские образы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердников К., Петренко В. Цвет в поэзии С. Есенина и А. Блока как проекция их жизненного пути и творчества // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под редакцией Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. М.: «Наука»; «Смысл». 2000. 673 с.
2. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. М.: Ком Книга, 2005. 216 с.
3. Есенин С.А. Стихотворения и поэмы. М.: Советская Россия, 1985. 272 с.
4. Коржан В.В. Есенин и народная поэзия. М.: Наука, 1969. 198 с.
5. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1972. 312 с.

ПАНКРАТЬЕВА Елена Сергеевна (*Москва, Россия*)

кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет
helene-sergeevna@yandex.ru

КНИЖНАЯ ЭМБЛЕМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности привлечения гибридных семиотических комплексов, совмещающих вербальное и иконическое представление фразеологических единиц, в частности книжных эмблем XVI-XVII вв., в качестве источника изучения исторической фразеологии.

Ключевые слова: историческая фразеология, книжная эмблема, эмблематика, фразеологизм, устойчивый словесный комплекс, семиотическая гибридизация.

Abstract. The article considers the possibility of using hybrid semiotic complexes that combine verbal and iconic representations of phraseological units, in particular book emblems of the XVI-XVII centuries as a source for studying historical phraseology.

Keywords: historical phraseology, book emblem, emblematics, phraseological unit, semiotic hybridisation.

Современное исследование фразеологии было бы неполным без изучения устойчивых единиц в диахроническом аспекте, которое способствует не только пониманию основных механизмов фразеологизации и дефразеологизации, но и позволяет увидеть релевант-

ные для фразеобразования жизненные сферы, раскрыть характерные для того или иного периода внеязыковые факторы, определяющие развитие фразеологических единиц.

При этом особую роль для исторических фразеологических исследований играют источники изучения устойчивых словесных комплексов. По мнению А.Г. Назаряна, основными из них являются: фразеографический материал разных эпох, представленный в различных сборниках, фразеология литературных памятников, относящихся к различным историческим этапам ее развития, а также работы, посвященные анализу фразеологических единиц, отражающие уровень и характер развития фразеологии в ту или иную эпоху [1: 13-14].

Благодаря возросшему в последние годы интересу к исследованию семиотического взаимодействия вербальных и иконических знаковых комплексов представляется возможным выделить еще один не менее важный источник изучения исторической фразеологии – произведения живописи, иллюстрирующие актуальные для своего времени устойчивые единицы разного рода.

Комбинирование вербальных и графических средств при презентации фразеологических единиц особенно характерно для эпохи позднего Средневековья и Возрождения и вызвано, прежде всего, чрезмерным визуальным характером данной культуры. «Пословичные» сюжеты вдохновляли не только великих живописцев (среди которых нельзя не упомянуть имена И. Босха, П. Брейгеля Старшего, А. Дюрера, Я. Йорданса, Я. Стена и др.), но и менее известных иллюстраторов и мастеров ксилографии.

К одной из художественных форм анализируемого периода, в которой искусно сочетаются языковые и иконические знаки, можно

отнести книжную эмблему. Хотя развитие данного жанра предопределили другие формы античной и средневековой культуры, родоначальником эмблемы принято считать А. Альчиато, издавшего в 1531 г. «Книгу эмблем» («Emblematum liber»). Характерные композиционно-коммуникативные особенности эмблемы обусловили ее популярность на протяжении XVI-XVII вв.

Отличительной чертой рассматриваемого жанра является синтез вербальных и визуальных средств – обычно эмблема состоит из трех элементов: названия или девиза (Inscriptio, Motto, Lemma), изображения (Pictura, Icon) и подписи или разъясняющего текста (Subscriptio, Epigramm). Словесные и графические составляющие тесно переплетаются на когнитивном уровне и играют значимую роль для полноценного понимания замысла автора, усиливая прагматическое воздействие всего произведения.

Практически во всех эмблематических сборниках прослеживается продолжение позднесредневековой традиции визуализации идиом, пословиц, поговорок и различных дидактических изречений. Особая бимедиальная трехчастная структура книжной эмблемы позволяет использовать устойчивые словесные комплексы как в названии и разъясняющем тексте (эпиграмме), так и непосредственно на рисунке. Нередко лежащий в основе фразеологизма образ обнаруживается сразу во всех трех элементах произведения. При этом обращение к устойчивым единицам в названии или тексте выполняет не только развлекательную, но и дидактическую функцию, а визуализация фразеологических образов служит для привлечения внимания читателя, особенно при изображении буквального значения идиомы. В этом случае художник обыгрывает прямое и переносное значения устойчивой единицы, то есть прибегает к при-

ему двойной актуализации, но уже в другой семиотической системе, тем самым заинтересовывает реципиента запоминающимися образами. Графические и вербальные средства органично взаимосвязаны, дополняют друг друга, более полно раскрывают значение фразеологизма и воспринимаются в определенном единстве. Комбинирование текста и иллюстративного материала приводит к созданию семиотически гетерогенного пространства, в результате чего происходит расширение смысловых границ всего произведения.

Идентификация фразеологических единиц в книжных эмблемах вносит вклад в дальнейшее изучение фразеологического корпуса ранних периодов развития языка. Выявленные в подобных произведениях устойчивые выражения позволяют провести анализ фразеологической картины мира рассматриваемой эпохи, обнаружить специфичные черты, определявшие культуру того времени. Обращение авторов к конкретным фразеологизмам свидетельствует о включении последних во фразеологический фонд языка на данном этапе его развития, а представление устойчивого словесного комплекса в виде иконического знака предполагает наличие у реципиента готового воссоздаваемого идиоматического образа. Так как фразеология является собой динамическую систему и подвержена изменениям, установить точную дату которых не всегда возможно, особое внимание следует уделять выявлению фразеологизмов, вышедших из употребления в связи с тем, что с течением времени они утратили свою актуальность. Следовательно, книжные эмблемы как типичные иконотексты XVI-XVII вв., визуализирующие фразеологические образы, могут и должны быть привлечены для исследования в качестве источника изучения исторической фразеологии.

Необходимо упомянуть, что многие эмблематические сборники анализируемого периода издавались на латинском языке и содержали примеры античных паремий и дидактических изречений как в оригинале, так и с переводом. Однако данное обстоятельство не умаляет значения исследования жанра книжной эмблемы, ведь авторы произведений отбирали актуальные для своей эпохи фразеологические единицы и приводили при этом не только их перевод, но в некоторых случаях давали и собственную интерпретацию. Обращение к использованным в эмблемах интерфраземам позволяет выявить факты заимствования и калькирования античных выражений, распознать межъязыковые фразеологические универсалии.

Не менее интересным видится анализ индивидуально-авторских преобразований и вариантных модификаций устойчивых единиц в рассматриваемых произведениях, верификация фразеологического корпуса эмблем с опорой на паремиологические сборники XVI-XVII вв.

Таким образом, изучение специфики семиотической гибридации на материале несовременных текстов, в частности жанра книжной эмблемы, не только расширяет границы теории полимодальности, но и имеет большое значение для развития исторической фразеологии, так как способствует комплексному исследованию лексико-фразеологического состава языка на данном этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М.: Высш. школа, 1981. 189 с.

ПАСТЕРНАК Полина Дмитриевна (*Москва, Россия*)

аспирант
Московский педагогический государственный университет
pasternak.p.lina@gmail.com

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ
«АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И МИФОЛОГИЯ»
В ПОДРОСТКОВОМ ДЕТЕКТИВЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются примеры употребления прецедентных имен, связанных с античной эпохой, в контексте англоязычного подросткового детектива. Цель проведенного исследования – выявление ожиданий автора от уровня культурной грамотности целевой аудитории подростковых детективов. Особое внимание уделяется выводимости значения аллюзии из контекста, а также наличию внутритекстового пояснения.

Ключевые слова: детективный роман, подростковая литература, античность, прецедентное имя, миф.

Abstract. The article considers the examples of using the allusions associated with the ancient era in English adolescent detective novels. The aim of the undertaken research is to identify the author's expectations of the level of cultural literacy of the target audience of adolescent detectives. A special emphasis is made on the deducibility of the meaning of the allusions from the context as well as the in-text explanation.

Keywords: detective novel, adolescent literature, antiquity, allusion, myth.

Несмотря на то, что античная эпоха завершилась больше пятнадцати столетий назад, её значимость для европейской и мировой культуры неоспорима. Отсылки к античной литературе и мифологии можно найти повсеместно как в изобразительном искусстве и литературе, так и в произведениях кинематографа, комиксах и т. д. Подобные аллюзии можно найти и в детективах, рассчитанных на подростковую аудиторию, например, в серии романов канадского писателя Алана Брэдли о Флавии де Люс, одиннадцатилетней девочке, живущей в послевоенной Англии.

Основным интересом главной героини является химия, однако, в то же время, у неё имеется достаточно фоновых знаний об античности, чтобы проводить параллели с реальными историческими ли-

цами: «*Ophelia has milky blue eyes: the sort of eyes I like to imagine blind **Homer** might have had*» [1: 84]. Это прецедентное имя не нуждается в дополнительных пояснениях для читателя, так как, помимо названий и общего сюжета созданных им памятников европейской литературы, о данном историческом лице большинству людей известно только то, что он был слепым. Об этом факте упоминается в том числе в «Новом словаре культурной грамотности» Э.Д. Хирша: «***Homer** An ancient Greek poet, author of the Iliad and the Odyssey. He has often been considered the greatest and most influential of all poets. According to tradition, Homer was blind*» [2: 95]

Упоминания самих произведений Гомера также можно встретить в романе: «*I remembered something that Daffy had once told me when she was devouring **The Odyssey**: that baked meats, in ancient Greece, were traditional funeral fare, and I had replied that, in view of Mrs. Mullet's cooking, not much had changed in two and a half thousand years*» [3: 11]. Следующий за прецедентным именем текст содержит в себе подсказку об источнике прецедентного имени (Древняя Греция) на случай, если читатель сразу не вспомнит, откуда ему известно это название.

Некоторые прецедентные имена, дошедшие до нас из античности, прочно закрепились в языке в составе фразеологических единиц, например, имя лидийского царя Креза, чье имя стало нарицательным для обозначения несметного богатства еще во времена его современников. «*She's only been here a year and she's already **as rich as Croesus**. She pays seventeen cents for a pack and makes three hundred percent profit. It isn't fair*» [4: 52]. Необходимость в лингвокультурологическом комментарии аллюзии отсутствует по двум причинам. Во-первых, из-за наличия устоявшегося выражения, раскры-

вающего наиболее значимую для европейской культурно-исторической общности особенность исторического лица. Во-вторых, из-за окружающего контекста, дающего дополнительное смысловое пояснение: прибыль в размере 300% от сделанных вложений – это, несомненно, весьма значительно.

Необходимость пояснения аллюзии отсутствует и в том случае, когда автор делает отсылку к хорошо известным в массовой культуре мифам. К таким мифам можно отнести Троянскую войну: «*Jumbo handed out pencils and papers from a canvas knapsack that looked as if it had seen service during the **Trojan War***» [Там же: 137]. Большинство исследователей датируют это событие XIII-XII вв. до н. э., однако и без знания примерной даты современному читателю-подростку не составит труда догадаться, что описываемая сумка выглядела не лучшим образом вследствие долгой эксплуатации.

Еще одним мифом, не уступающим в известности Троянской войне, можно назвать миф о Медузе Горгоне, образ которой все еще остается узнаваемым, несмотря на прошедшие столетия. Разгадывая очередное дело, героиня детектива составляет список подозреваемых, сопровождая его краткой и порой достаточно образной характеристикой. Об одной из учительниц, передвигающейся на инвалидной коляске, она пишет следующее: «*Moate, Miss: Science mistress. **Medusa** in a wheelchair, and like that **Gorgon**, all head and no body*» [Там же: 150]. Горгоне из мифов приписывается много характеристик: змеи вместо волос, взгляд, обращающий в камень и т. д., тогда как в данном фрагменте текста внимание акцентируется на потенциальной опасности персонажа и на внешнем облике.

Менее известные прецедентные имена из античной мифологии, в свою очередь, могут вызвать необходимость дать

внутритекстовое пояснение, как, например, в данном текстовом фрагменте: «*After ten years of being missing in the mountains of Tibet, Harriet had returned to Buckshaw in circumstances so painful that my brain was still forbidding me to think about them for more than a few seconds at a time; any longer than that, and my internal censor snipped my thread of memory as easily as **Atropos**, that dreaded third sister of the Fates, is said to snip the thread of life with her scissors when our time has come to die*» [Там же: 14]. Древнегреческие богини судьбы, также именуемые мойрами, не так хорошо известны, как олимпийские боги, так что нет ничего удивительного в том, что их имена (Атропос, Лахесис и Клото) могут быть неизвестны современным подросткам. Внутритекстовое пояснение, данное автором, помогает вспомнить этих богинь, самым значительным упоминанием которых в массовой культуре, вероятнее всего, можно назвать мультфильм «Геркулес» медиаконгломерата Disney, вышедший в 1997 году.

Примечательно, что даже если прецедентные имена, связанные с античной мифологией, передаются с ошибками, они все остаются достаточно узнаваемыми для читателя, чтобы он мог распознать аллюзию. В данном фрагменте домоуправительница поместья, в котором живет главная героиня, предупреждает девочку о сектантах, которых, по слухам, можно было встретить в округе. Так как старушка сама не знакома с мифом об Ахиллесе и передает его с чужих слов, неудивительно, что она ошибается в имени мифологического персонажа и в названии реки: «*“They dips their babies by the ’eels,” she said, wide-eyed. “Like **Killies** the ’Eel in the River **Stynx**, my friend Mrs. Waller says ’er Bert told ’er. Don’t you ’ave nothin’ to do with them ’Obblesr. They’ll ’ave your blood for sausages”*» [5: 28]. Несмотря на орфографические ошибки, аллюзия остается узнаваемой

благодаря предшествующему предложению. Проводимый сектантами обряд крещения посредством окунания младенцев в воду, держа их за пятку, соответствует одной из версий мифа о том, как герой гомеровской «Илиады» Ахиллес получил неуязвимость в бою.

Таким образом, проведенный анализ примеров употребления прецедентных имён, связанных с античной эпохой, в контексте англоязычного подросткового детектива показал, что ожидания автора от уровня культурной грамотности своей аудитории вполне реалистичны: отсылки к известным в массовой культуре мифам и историческим лицам не нуждаются в дополнительных разъяснениях, так как в этом случае сознанию читателя есть на что опереться, например, это могут быть уроки истории и литературы в школе, современные литературные произведения, отсылающие к античным мифам, экранизации мифов. Кроме того, значение прецедентных имен также раскрывается за счет контекста. Если же прецедентное имя является не настолько общеизвестным, например, имя богини судьбы, то автор дает внутритекстовое пояснение, тем самым помогая читателю понять смысл аллюзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradley A. *The Sweetness at the Bottom of the Pie*. New York: Delacorte Press, 2009. 386 p.
2. Hirsch E.D. Jr., Kett J.F., Trefil J. *The New Dictionary of Cultural Literacy*. New York: Houghton Mifflin Company, 2002. 647 p.
3. Bradley A. *The Weed That Strings the Hangman's Bag*. New York: Delacorte Press, 2010. 364 p.
4. Bradley A. *As Chimney Sweepers Come to Dust*. New York: Delacorte Press, 2015. 392 p.
5. Bradley A. *A Red Herring Without Mustard*. New York: Delacorte Press, 2011. 416 p.

ПЕТРОВ Александр Владимирович (*Симферополь, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского

ПЕТРОВА Луиза Александровна (*Симферополь, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Крымский федеральный университет
имени Владимира Ивановича Вернадского
liza_nada@mail.ru

СОСТАВНЫЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭЛЛИПТИЧЕСКОЙ ПЛЮРАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена составным словам русского языка, развивающим значение эллиптической плюральности. Составные наименования отражают широкую тематическую сферу. Этот разряд производных характеризуется идиоматичностью, поскольку, помимо поименованных, актуализируются и неназванные единицы гипо-гиперонимического поля. Часть неназванных единиц может закрепиться в многокомпонентных образованиях. Значение эллиптической множественности реализуют не только составные слова, компоненты которых имеют грамматический показатель множественного числа.

Ключевые слова: составные слова, значение эллиптической плюральности, семантическое согласование, эксплицитные коннотативные семы.

Abstract. The article is devoted to the compound words of the Russian language that develop the meaning of elliptical plurality. Compound names reflect a wide thematic area. This category of derivatives is characterized by idiomaticity, since, in addition to the named ones, the unnamed units of the hypo-hyperonymic field are also actualized. Some of the unnamed units can gain a foothold in multi-component formations. The meaning of elliptical plurality is realized not only by compound words, the components of which have a grammatical plural exponent.

Keywords: compound words, meaning of the elliptic plurality, semantic agreement, explicit connotative semes.

Дериватологи, изучая составные слова на синхронном уровне, наибольшее внимание уделяют повторам-отзвучиям, в другой терминологии – рифмованным конструкциям, эхо-конструкциям, типа *гоголь-моголь, каша-малаша, каляка-маляка* (Д.В. Гугунава, В.П. Изотов, Е.А. Земская, В.З. Санников, А.Т. Хроленко, Н.А. Янко-Триницкая). Незначительное количество работ посвящено составным единицам со значением эллиптической плюральности, среди

которых С.Г. Николаев выделяет повторы с асемантизированными компонентами (сегментами) типа *шурь-мурь, фокусы-покусы* и структуры с полнозначными компонентами, например: *грибы-ягоды, кошки-мышки, сады-огороды*.

Объектом предлагаемого исследования является этот второй разряд двухкомпонентных единиц. Источником для формирования картотеки послужил «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ). Помимо языковых рассматриваются также речевые окказиональные образования, например: *Только дети принимают вербу всерьёз, и сломавшаяся по дороге только что купленная игрушка причиняет им искреннее огорчение. «Шляпки-тряпки» перед Пасхой. Но вербный торг был всё же кануном праздника [НКРЯ]; Ехать во всем этом за границу, где *штучки-брючки, пиджаки-котелки*, было невозможно [НКРЯ].*

Очевидно, что, например, структура *кофты-юбки* обозначает и другую женскую одежду, в частности платья, чулки: *Клава демонстративно побросала в чемодан кофты-юбки и на сутки раньше умчалась на вокзал [НКРЯ].* Если в конструкцию ввести сочинительный союз *и* (*кофты и юбки*), лексическая единица приобретёт семантическую конкретность и замкнутость.

Одной из особенностей изучаемых образований является непроницаемость: между компонентами повтора не может быть вставлено слово или ряд слов. Даже введение союза *и* в структуру единицы влечёт за собой смысловой сдвиг, поскольку в смысловом отношении конструкция становится конкретной и законченной и подразумевает только те два денотата, которые названы. Как отмечает С.Г. Николаев, «анализируемые единицы всегда в какой-то мере идиоматичны: множества, обозначаемые ими, включают и те

подмножества, которые ими не названы» [2: 74]. Множества, обозначаемые составными словами, зачастую представлены гипонимами, что является основой для выделения тематических групп; единичными зафиксированы гиперонимы, например, *овощи-фрукты*. Для изучаемых единиц характерен относительно фиксированный порядок расположения их компонентов: *овощи-фрукты* и *фрукты-овощи*, *фрукты-ягоды* и *ягоды-фрукты*. Однако в качестве эргонимов закреплены только единицы *овощи-фрукты* и *фрукты-ягоды*. Ср.: *Появившиеся у нас ещё в годы застоя бананы были не продуктом питания, а скорее одним из признаков высокого социального положения, поскольку «достать» их могли только продавщицы магазинов «Овощи-фрукты» и работники «партии и правительства [НКРЯ]; Он пошёл в магазин «Фрукты-ягоды» и вот что заказал продавцу: абрикосы, бананы, вишни, груши, дыню, ежевику – опять, как видите, всё по алфавиту [НКРЯ].*

Собранный фактический материал свидетельствует о широкой тематической прикреплённости повторов. Были выделены следующие тематические группы: «столовые приборы» (*ножи-вилки; вилки-ножи падают, перемыть ложки-плошки, вилки-ложки-ножи*); «тропические плоды» (*нераспроданные бананы-апельсины, ананасы-апельсины-грейпфруты*); «посуда» (*ложки-плошки, миски-тёрки*); «сладости» (*конфетки-бараночки, покупать конфеты-пряники, любить мармелады-шоколады*, а также единицы со значением опредмеченного действия в ед. ч.: *варенье-печенье*); «плоды» (*продавать арбузы-дыни, собирать грибы-ягоды, корешки-ягодки, разводить цветочки-ягодки*); «одежда» (*покупать юбки-кофты, кофты-юбки, юбки-фартуки*); «постельные принадлежности» (*подушки-одеяла*): ...*подушки-одеяла* нужны не перьевые. У меня аллергия

на пыль очень сильная [НКРЯ]; «обувь» (скрипят калошки-ботику); «головные уборы» (кепки-баранки); «напитки» (распивать чаю-кофеи); «блюда» (варить щи-борщи); «домашняя утварь» (вёдра-тазы, вёдра-тазы-умывальники); «домашняя консервация» (банки с соленьями-вареньями, варенья-соленья); «швейные принадлежности» (нитки-иголки): В такой вот примерно коробочке хранила моя бабушка **нитки-иголки**, **напёрстки**, **ножницы**... [НКРЯ]; «пищевые продукты» (колбасы-ветчины): В один складывали **икру-балыки-копчёности**, во второй вливали горячительные жидкости, импровизационно создавая невообразимые коктейли [НКРЯ].

Отдельно составляют тематические группы уменьшительно-ласкательные образования: **стульчики-столики** («мебель»): Смотрим, уже вынесли на улицу беленькие **стульчики-столики** [НКРЯ] или дополняют их: **баночки-скляночки** («посуда»), **коробочки-шкатулочки** («предметы быта»): Мне, старику, что-то тесно стало у **коробочки-шкатулочки** сидеть [НКРЯ]; ...она пошла **сторонкой-сторонкой** и спустилась в подклет, в крещальню, где были и газовая плита, и чайник, и обязательные **сухарики-бараночки** [НКРЯ].

Спецификой употребления данных единиц является то, что они могут функционировать в ряду однородных членов: То здесь, то там разбросаны **банки-склянки**, **пакеты**, **коробки** и прочее [НКРЯ]; ...неведомые нам **овощи-фрукты**, **бананы-апельсины**, привезённые с юга **Китая** [НКРЯ]. Существуют не только двухкомпонентные единицы, но и многокомпонентные, включающие слова, относящиеся к одной или разным тематическим группам: ...она как-то сама собой **постройнела-похудела**, **портниху** нашла, чтобы мешковатые, ставшие широкими **платья-брюки-юбки** заменить [НКРЯ]; Сельпо чаще на два окна, слева – продовольственные товары, а

справа – хозяйственный отдел: **вёдра-тазы-умывальники**, сапоги резиновые, мыло, зубная паста [НКРЯ]; Леон... ощупывал **фигуры-спины-профили** на высоких табуретах у стоек баров, топтался у дверей в дамские комнаты в ожидании – не выйдет ли она [НКРЯ]; Две бабы толклись в кухне и ванной, варка-жарка-стирка-мойка посуды, висящее мокрое бельё, **тряпки-щётки-веники-вёдра-порошки**, унитазное седло десятой молодости и паркетные полы в пятнах [НКРЯ].

В повторах наблюдается семантическое согласование эксплицитных коннотативных сем (*вязать носочки-чулочки, всякие огурчики-помидорчики, платочки-салфеточки, шортики-маечки, выращивать травки-цветочки, вязать рейтузики-свитерки-джерперочки*): Свалила все свои **сумочки-коробочки** в прихожей и приступила к обходу владений, перекатывая карамельку во рту [НКРЯ]. Отмечены и случаи асимметрии, когда только один компонент повтора содержит в своей морфемной структуре диминутивный суффикс: *грибки-ягоды едят, платья-сумочки, юбки-кофточки*: *Всё остальное – шубу, юбки-кофточки, ботики новые, красивые – оставила в узле на кровати* [НКРЯ].

Были найдены контексты, в которых оба компонента употребляются в единственном числе, однако при этом повторы передают значение эллиптической плюральности: *Может, потому, что они у него липкие от варенья-печенья?* [НКРЯ]; *А как же мороженое-пирожное?!* – воскликнул капитан-шеф-повар [НКРЯ]; *Впрочем, крестьянская культура XX столетия ухитрилась создать нечто кентаврообразное, породив формулы типа «чайк-кофеёк» и даже «чаикофеи»* [НКРЯ].

Значение эллиптической плюральности сохраняется также в образованиях, в которых один из компонентов употребляется во множе-

ственном числе, а другой – в единственном: *Теперича бистекц, пирог, суп с кореньями или щи, пирожное-оладьи, компот...* [НКРЯ]; – ...она пошла сторонкой-сторонкой и спустилась в подклет, в крещальню, где были... **конфетки-сахарок**, и потвердевшие уже, с хрустящей корочкой, оставшиеся с утра просфоры [НКРЯ]; *Завтра в одиннадцать я к ним прихожу, они мне – **вещички-вареньице** и адресочек* [НКРЯ]; ...все эти **соления-грибы-селёдка** – не что иное, как закуска под водку [НКРЯ].

Повторы могут развивать образное значение: *В городе у дяди Яши совсем не было друзей, он был совсем одиноким, и поэтому большую часть времени он проводил на даче, работая во саду ли в огороде. Там его **друзьями становились овощи-фрукты**, которые любили дядю Яшу, принимали его заботу как должное и за это вырастали удивительных размеров* [НКРЯ]. В данном контексте растения и деревья через номинацию **овощи-фрукты** уподобляются человеку, становятся друзьями главного героя.

Таким образом, необходимы дальнейшие наблюдения над исследуемыми единицами, их тематическими, морфологическими, синтагматическими и гипо-гиперонимическими отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): автореф. дис. ... доктора филологических наук. Орёл, 1998. 36 с.
2. Николаев С.Г. Экспрессивные двухкомпонентные единицы со значением эллиптической плюральности в русском языке // Филологические науки. 1988. № 6. С. 73-75.
3. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка): автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М., 2017. 28 с.
4. Янко-Триницкая Н.А. Штучки-дрючки устной речи. Повторы-отзвучия // Русская речь. 1968. № 4. С. 48-52.

ПРИХОДЬКО Сергей Александрович (*Новозыбков, Россия*)

научный сотрудник
Новозыбковский краеведческий музей
sapclf1@yandex.ru

**КОНКЛЮЗИВНОСТЬ ЭКОНОМИЗМА КАК СТОРОНА
ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В.И. ЛЕНИНА:
КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ РАКУРС
(на примере книги «Материализм и эмпириокритицизм»)**

Аннотация. Настоящее исследование посвящено полемическим приёмам и средствам, используемым В.И. Лениным в 1900-е годы. Кроме советских трудов, в статье впервые учитываются лексикографические издания, лингвистические публикации и философские работы. Автор делает вывод, что экономические термины являются многофункциональными инструментами и позволяют сочетать в книге «Материализм и эмпириокритицизм» разнообразные приёмы ведения полемики, тем самым усиливая речевое воздействие на читательскую аудиторию.

Ключевые слова: конклюдентность, экономизм, полемический дискурс В.И. Ленина, книга «Материализм и эмпириокритицизм», экономический дискурс, экономическая терминология, оценка.

Abstract. The study is devoted to the polemic methods and means of V.I. Lenin in the 1900s. In addition to Soviet works, in this article the author for the first time takes into account modern sources, including lexicographic publications, linguistic articles and philosophical studies. The author concludes that economic terms are multifunctional instruments and allow combining various methods of conducting polemics in the book "Materialism and Empirio-Criticism", thereby strengthening the speech impact on the readership.

Keywords: conclusiveness, economism, V.I. Lenin's polemic discourse, the book "Materialism and Empirio-Criticism", economic discourse, economic terminology, evaluation.

Дискурс, являясь сложным явлением, дифференцируется на более узкие разновидности в зависимости от обслуживания определённой сферы человеческого общения [1: 167]. Полемический и другие виды дискурса, включая его газетную разновидность [3], находятся в отношении пересечения с множеством социальных сфер: политикой и религией, экономикой и юриспруденцией. Каждое отдельное слово или выражение, выбранное участником полемики, обусловлено его спецификационной функцией [10: 67-68], к примеру, функцией обобщения (конклюдентности).

На разработку теории империализма В.И. Ленин потратил около 20 лет [4: 17]. Вождь большевиков называл последнюю треть XIX в. переходом от капитализма свободной конкуренции к империализму. В своих трудах В.И. Ленин вскрыл ряд специфических особенностей империализма в царской России.

В.И. Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм», признанный его главным философским трудом [8], под влиянием цепочки крупных событий – глобального экономического кризиса 1900-1903 гг., русской революции 1905-1907 гг. и периода реакции. Промышленный спад в Российской империи начался раньше и оказался глубже, чем в странах Западной Европы. Кризис первых лет XX столетия ознаменовался крахом трёх тысяч русских предприятий и голодом среди крестьян [9: 33-34]. Вызванная экономическим обвалом затяжная депрессия вкупе с поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг. не могла не отразиться в разнообразной литературе и не привести к первой русской революции.

Современный экономический дискурс – вербализованная речемыслительная деятельность в сфере экономики, представляющая собой некоторую структуру как результат всё той же деятельности в лингвистическом отношении и общий для коммуникантов мир в экстралингвистическом плане [6: 33].

Трактат В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» признан полемическим [2: 6, 15], поэтому в настоящей статье лингвистический анализ проводится через призму экономического фона полемического дискурса.

Чрезвычайно важен экономический контекст полемики, закипевшей в Российской империи на рубеже XIX и XX вв. Поводом для создания В.И. Лениным монументального труда стал выход в свет

идеалистических книг и статей. Авторской интенцией следует признать разгром идеалистической философии. На страницах «Материализма и эмпириокритицизма» упомянуты десятки печатных работ. Выражение чувств в партийном противостоянии можно объяснить следующим образом: «Эмоционально маркированное несоответствие заряжает индивида энергией, высвобождает силы, мотивируя его тем самым к совершению действия, целью которого является устранение этого несоответствия» [11: 315]. Экономизм значительно усиливает речевое воздействие ленинского дискурса. Ниже приведены некоторые контексты употребления экономизмов.

Термины «стоимость» и «рента»

Стоимостью признан «овеществленный в товаре общественно-полезный труд; создается в производстве и проявляется в обмене» [6: 321].

Рентой можно считать «доход, регулярно получаемый с капитала, земли, имущества, не связанный с предпринимательской деятельностью» [6: 284].

Ниже приведён хвалебный по отношению к немецким мыслителям К. Марксу и Ф. Энгельсу промежуточный вывод, воздействующая сила которого опирается на синонимические ряды и цепочку противопоставлений. Перлокутивный эффект усиливают вводные слова, сравнительный оборот и дублирующиеся уничижители. Кроме них, наблюдаются повторы лексемы «теория», образующей сочетания с экономическими терминами: «Гениальность Маркса и Энгельса и проявилась, между прочим, в том, что они презирали геллертерскую игру в новые словечки, мудреные термины, хитрые "измы", а просто и прямо говорили: есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки

агностицизма. Потуги найти "новую" точку зрения в философии характеризуют такое же нищенство духом, как потуги создать "новую" теорию **стоимости**, "новую" теорию **ренды** и т. п.» [5: 160]. Таким образом, в указанном контексте возникает оценочное противопоставление («гениальность» резко отличается от «потуг» и «нищенства духом»). Анализ ленинских оценочных инструментов, усиленных кавычками, показывает, что настоящий полемический контекст пропитан духом высмеивания оппонировавшей стороны.

Термин «баланс»

Баланс необходимо дефинировать в качестве системы взаимосвязанных показателей, характеризующей какой-либо процесс или явление путём сопоставления его отдельных сторон: доходов и расходов [6: 17].

В дальнейшем контексте В.И. Ленин метафорически обличил своего соотечественника А.А. Богданова. Кроме противопоставления с союзом «а» и метафоры, указывающей на неумелую маскировку огрехов противником, можно отметить причинный союз «ибо» и ряд оценочных средств. В своё перечисление В.И. Ленину удалось вплести термин «баланс»: «Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий "подбора", "ассимиляции и дезассимиляции" энергии, энергетического **баланса** и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза» [5: 353].

Термин «диалектика»

Ещё в молодости В.И. Ленин страстно любил диалектику [7], поскольку, мнению А.И. Герцена, она представляет собой алгебру революции. Актуальность данного термина можно подтвердить с помощью текста «Материализма и эмпириокритицизма»: «Когда перед вами выступают вместе и рядом Базаров, который говорит, что по Энгельсу "чувственное представление и есть вне нас существующая действительность", Берман, объявляющий **диалектику** Маркса и Энгельса мистикой, Луначарский, договорившийся до религии, Юшкевич, вносящий "Логос в иррациональный поток данного", Богданов, называющий идеализм философией марксизма, Гельфонд, очищающий И. Дицгена от материализма, и, наконец, С. Суворов со статьей "Основания социальной философии", то вы сразу чувствуете "дух" новой линии» [5: 356]. Настоящий кейс словоупотребления нельзя признать типичным для ленинского дискурса потому, что здесь корреспондируют следующие приёмы: обращение к аудитории, оценка, лексический и синтаксический повторы.

Таким образом, экономическая терминология в книге В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» отличалась разнообразием. Терминологические средства, распространённые в экономической науке, являются многофункциональным феноменом в ленинском полемическом дискурсе. На основе маркеров экономического генезиса В.И. Ленин делал выводы и реализовывал множество как лексических, так и синтаксических полемических приёмов, гармонично дополняющих друг друга в разнообразных речевых ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова С.С., Лукина С.Л. Функционирование экономических терминов в письменном и устном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. №1. С. 166-170.

2. Дудель С.П. О полемическом мастерстве В.И. Ленина. М.: Знание, 1973. 40 с. (Методика лекторского мастерства и ораторского искусства).
3. Жданова И.И. Толерантный газетный дискурс (на материале русскоязычной зарубежной прессы): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Мурманск: МГГУ, 2015. 258 с.
4. Зародов К.И. Социализм, мир, революция. Некоторые вопросы и практики международных отношений и классовой борьбы. М.: Политиздат, 1977. 303 с.
5. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. 508 с.
6. Михайлушкин П.В., Нечаев В.И. Экономический словарь: справочное издание. Краснодар: Атри, 2011. 464 с.
7. Попов М.М. Диалектика. Путь к истине. СПб.: Питер, 2018. 418 с. (Библиотека Гоблина).
8. Солопов Е.Ф. Диалектика: от гегелевской теории к марксистской. М.: УРСС, Ленанд, 2019. 237 с.
9. Шемякин И.Н. В.И. Ленин об особенностях империализма в России // Вопросы экономической истории СССР в трудах В.И. Ленина. М.: Высшая школа, 1974. С. 30-46.
10. Roberts L. How reference works. Explanatory models for indexicals, descriptions and opacity. Albany: State university of New York press, 1993. 192 p.
11. Thomas E. Die Funktion von Emotionswörtern in der Politischen Debatte um Attentate // Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in Sozialen, Politischen and Militarischen Auseinandersetzungen. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 305-324.

РОМАНОВА Татьяна Владимировна
(Нижний Новгород, Россия)

доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
tvromanova@mail.ru

ЧИСТЯКОВА Василиса Вячеславовна
(Нижний Новгород, Россия)

студент
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
vasilisa.chistyakova01@gmail.com

ОЦЕНОЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ *ЯНТАРЬ*, *ЯНТАРНЫЙ* В РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается функционирование лексем *янтарь*, *янтарный* в русской поэзии начала XX века, выявляются частотные зна-

чения этих лексических единиц, развитие оценочных значений, их символическое и образное употребление.

Ключевые слова: минералогическая лексика; оценочные, образные коннотации, символическое употребление.

Abstract. The article focuses on the functioning of lexical units *amber* (noun), *amber* (adjective) in Russian poetry of the early XX century. The most frequent meanings of these lexical units as well as the development of their evaluative meanings, their symbolic and figurative use are analyzed.

Keywords: mineralogical vocabulary; evaluative, figurative connotations; symbolic use.

Рассматриваемые лексемы относятся к классу минералогической лексики, также как *алмаз*, *алмазный*, *жемчуг*, *жемчужный*, *бирюза*, *бирюзовый* и др., функционирование которых, в том числе и в языке русской поэзии XX века, достаточно детально рассмотрено исследователями [3; 5]. Заметим, однако, что лексическим единицам *янтарь*, *янтарный*, как менее распространенным в поэзии этого периода [6], отдельные исследования не посвящались, хотя эти слова фигурировали в работах о своеобразии языка поэтов XX века, а также в исследованиях, посвященных образной системе С. Есенина, И. Северянина, М. Волошина, А. Блока, Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама.

Нами было отобрано 22 стихотворения названных авторов с целью выявления оценочных значений, символической и образной функций, частотных значений этих лексических единиц в русской поэзии начала XX века.

В статье «Каменное слово» в русской поэзии: образная параллель «слова, стихи – камни, металлы» Н.А. Фатеева и З. Ю. Петрова отмечают, что использование лексем, входящих в класс «камни», основано «на дифференциальных признаках ‘красота формы’, ‘прозрачность’, ‘блеск’» [5: 300], которые формируют образные значения в поэзии.

По данным словарей, основное значение слова *янтарь* – «твердое прозрачное смолистое ископаемое вещество желтого или желто-бурого цвета, употребляющееся для выделки различных мелких вещей, украшений» [4: 797]. Это объясняет, почему лексема *янтарь*, подобно лексемам *алмаз*, *бронза*, *гранит* и др., часто функционирует по типу метонимического переноса: ‘предмет, сделанный из янтаря’, перенос наименования материала на само изделие: *Я браслетов не снимала с рук. / И янтарь всегда висел на шее* (Н. Гумилев. Озеро Чад). В данном случае *янтарь* – ‘ожерелье или подвеска’.

В примере *Сделал рог, как янтарь, носорогу, / Дал газели девичьи глаза* (Н. Гумилев. Судан) материал, из которого сделан рог носорога, сравнивается с янтарём. Этот материал имеет свойства, присущие янтарю как камню, а именно ‘твердость’, ‘полупрозрачность’, ‘желтый или желто-бурый цвет – цвет драгоценного камня’.

Определением *янтарный* характеризуется предмет, «сделанный из янтаря, золотисто-желтого цвета, цвета янтаря» [1: 783]. Таким образом, предметы атрибуции наделяются свойствами, которыми обладает драгоценный камень янтарь, ‘цвет’, ‘прозрачность’: *Прочти ли сам Пушкин свой стих янтарный...* (И. Северянин, 1929). Лексема *янтарный* в приведенном примере характеризует ‘прозрачность’ и ‘красоту формы’ стихотворений А.С. Пушкина.

В поэтическом языке в значении прилагательного *янтарный* наиболее часто актуализируется сема ‘цвет’, ‘оттенки желтого и оранжевого’, а также сема ‘интенсивность цвета’. Это прилагательное характеризует:

1) цвет напитков, например: *Квас сухарный, квас янтарный*, / *Бочка старо-новая* (С.А. Есенин. Частушки); *Плесните в чашу янтарь муската / И созерцайте цвет заката* (И. Северянин. Хабанера II);

2) цвет плодов, растений: *И янтарный боярышник – вял... / Это ягода – яблочко-гном* (И. Северянин. Выйди из сада). В этом примере можно говорить о наложении сем, что усиливает общий контрастный образный смысл: предикат *вял* содержит дифференциальные семы 'неяркий', 'несочный', 'увядание', сочетаемость с прилагательным *янтарный* актуализирует потенциальную сему 'солнечный свет', что поддерживается метафорой *яблочко-гном*;

3) цвет ландшафта, обстановки: *О, янтарный мрамор Сиены / И молочно-белый Каррары!* (Н. Гумилёв. Пиза). Употребление прилагательного *янтарный* связано не только с цветом домов итальянской Сиены, в плане содержания слова фиксируется сема 'солнечность', что связано в целом с образом Италии. Это свойство можно назвать усилением цвета: *Горит янтарная смола, / Лесной дворец светло пылает...* (Н. Гумилев. Цветы поют свой гимн лесной...).

Лексема *янтарный* употребляется в контексте со словом *смола*, характеризует ее цвет. Драгоценный камень янтарь «является застывшей смолой» [2: 1533]. Таким образом, в значении слова *смола* уже есть сема 'янтарный цвет'. Определение *янтарный* акцентирует внимание на оттенке смолы, усиливает сему 'цвет'. Подобный пример усиления цвета объекта у Мандельштама: *Горят огни янтарные, / Сияют, как пожарные, / Кастрюли! Кастрюли!* (О. Мандельштам. Кухня). В приведенном примере лексема *янтарный* усиливает оттенок цвета пламени, передаёт настроение, атмосферу;

4) спектр цвета небесных светил, природных явлений.

Как показывает проанализированный материал, янтарный цвет попадает в спектр цвета небесных светил, подчеркивая блеск, свет и прозрачность астрономических объектов, чаще всего месяца, луны: *Вино янтарное / В глаза струит луна...* (С. Есенин. Поэтам Грузии). Словосочетание *вино янтарное* не только характеризует цвет напитка в бокале, но и служит для метафорической характеристики света луны.

Ты полетел туда, туда – / В янтарь закатный! (А. Блок. Ты в комнате один сидишь...). Словосочетание *янтарь закатный* акцентирует внимание на насыщенности цвета, 'цвет между желтым и оранжевым'.

Лексема *янтарь* также может характеризовать зарю: *В морях просветы янтаря / И кровавых кораллов лес...* (Н. Гумилёв. Сентиментальное путешествие). В данном случае солнце обозначено лексемой *янтарь*, которая характеризует цвет зари, подчёркивая сходство цвета драгоценного камня и цвета восходящего солнца.

Вы помните прелестный уголок – / Осенний парк в цвету янтарно-алом? (И. Северянин. Янтарная элегия). В этом примере семантика прилагательного *янтарно-алый* синкретична: это и свет солнца или свет парковых фонарей, а также цвет / свет осенней листвы или свет солнца или фонарей, пробивающийся через разноцветную осеннюю листву.

Итак, лексемы *янтарь*, *янтарный* используются, в первую очередь, для описания цвета предметов, часто в контексте с теми лексемами, которым данное значение не свойственно. Эти лексемы часто встречаются в контексте со «светящимися предметами», характеризуя прозрачность света луны, лучей солнца, света фонарей.

Этот цвет / свет подчас имеет символическое значение. Например, в поэзии М. Волошина цвет янтаря символизирует «солнце, свет, волю, самосознание, царственность» [3: 53]. Символическое значение у рассматриваемых лексем развивается за счёт метафорического переноса. Например, в стихотворении М. Волошина «В янтарином забытьи полуденных минут...» метафора *янтарное забытьи полуденных минут* символизирует дневной сон, эмоциональное состояние лирического героя, качественные характеристики дневного сна.

Значимыми компонентами лексического значения минералогических лексем являются эмоционально-оценочные контекстуальные значения. Так, в стихотворении А. Ахматовой «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!» контекстуальное значение формируется благодаря наложению двух синтагм: *янтарный день, тяжкий день*. У прилагательного *янтарный* развивается значение ‘тягучий, тяжкий, невыносимый’. Это значение лексической единицы поддерживает сема ‘цвет’ – ‘оттенок желтого’, ‘цвет болезни’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. В 4-х томах. Том IV. М.: Русский язык, 1988. 800 с.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Таран С.В. Минералогические цветообозначения как способ авторской перцепции в поэтической картине мира М. Волошина. Волгоград, 2012. С. 87-94.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. М.: Аделант, 2013. 800 с.
5. Фатеева Н.А., Петрова З.Ю. Каменное слово в русской поэзии: образная параллель «слова, стихи – камни, металлы». М., 2019. С. 294-311.
6. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru/manual/examples/#b5_9 (дата обращения: 21.02.2021).

РУСАНОВА Оксана Сергеевна (Ижевск, Россия)

аспирант
Удмуртский государственный университет
o.s.rusanova@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ДЕЛАТЬ* В СОВРЕМЕННЫХ И СТАРОРУССКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование устойчивых глагольно-именных сочетаний с компонентом *делать* в современных и старорусских деловых текстах, которые содержатся в Национальном корпусе русского языка. Установлено, что сочетания с данным глаголом широко употреблялись в старорусских деловых текстах, а в современных текстах официально-делового стиля они утрачивают свою актуальность. Делается вывод о том, что у глагола *делать* сохраняется значение, но изменилась сочетаемость.

Ключевые слова: сочетаемость, устойчивые сочетания, глагол, старорусский, деловой текст.

Abstract. The article examines the functioning of stable verbal-nominal collocations with a component *delat'* in the modern and Old Russian official texts, presented in the Russian National corpus. It is established, that collocations with this verb were widely used in the Old Russian official texts, however in the modern texts of the official style they are becoming less relevant. It is concluded, that the verb *delat'* retains its meaning, although the compatibility has been changed.

Keywords: compatibility, stable collocations, verb, Old Russian, official text.

В современных официально-деловых текстах нередко можно встретить устойчивые глагольно-именные сочетания (УГИС) типа *совершить деяние, произвести обыск, оказать помощь* и т. п. Глаголы, входящие в состав подобных сочетаний, обладают широкой сочетаемостью, компоненты сочетаний могут варьироваться, поэтому часто возникают проблемы в употреблении таких УГИС даже у носителей русского языка, которые затрудняются в выборе глагольного или именного компонента.

Цель настоящего исследования заключается в установлении закономерностей употребления УГИС с компонентом *делать* в со-

временных и старорусских деловых текстах. Материалом для исследования послужили толковые словари, словари сочетаемости слов, словари устойчивых сочетаний, исторические словари, а также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В толковых словарях обычно приводится 4-5 значений изучаемого глагола, однако нас интересуют только 3 из них: 'заниматься чем-л., работать, проявлять какую-л. деятельность'; 'совершать, выполнять, производить что-л.'; 'поступать, действовать каким-л. образом'; 'оказывать, причинять' [1].

В словаре «Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка» мы обнаружили 120 сочетаний с глаголом **делать**: *делать / сделать акцент, анализ, взнос, вид, визит* и т. д. [2: 50-54]. К сожалению, в таких словарях приводятся все УГИС вне зависимости от конкретного значения глагола, а также не учитывается стилистический аспект, что оказывается важным. Чтобы определить УГИС, актуальные для официально-делового стиля (ОДС), мы обратились к Национальному корпусу русского языка.

В деловых текстах НКРЯ (2010-2015 гг.) мы обнаружили 51 вхождение и 19 сочетаний: *делать / сделать шаг, отметку, запись* и др.: «И здесь, в Астане, мы **делаем** новый важный **шаг** к реализации поставленных задач» (Дипломатический вестник) [4]. Практически все обнаруженные сочетания (кроме сочетаний *делать / сделать соглашения, сенсацию, предложения, выписки, надпись*) закреплены в словарях устойчивых сочетаний.

Для определения причин возникновения того или иного сочетания мы обратились к историческим словарям. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» приводятся 4 значения глагола *дѣлати* 'трудиться, работать'; 'возделывать, обрабатывать'; 'изготавливать, со-

здавать что-л.»; 'поступать, действовать'; 'с сущ. образ. сочет. по знач. сущ.' [5], но не закреплено ни одного устойчивого сочетания. В «Словаре русского языка XVIII в.» даются подобные значения глагола *делать*, но здесь представлены устойчивые сочетания с ним: *дѣлать представления, дело, честь, влияние, впечатление, вид* и др. [6].

В деловых старорусских текстах НКРЯ мы обнаружили 249 вхождений и 57 сочетаний, самыми частотными из которых являются *делать дело, двор, город, изделия, прудов, острогу* и проч., например: ...*а, приехав к Соли, делали наше дело по наказу, каков вам наш наказ дан во 154-м году* (Грамота из Устюжской чети); *И вы б в Нижнем наши всякие дела и город делали и от наших изменников от воров оберегались по прежнему нашему указу, и нам служили и прямили так же, как и ныне нам служите* (Указная грамота) [4].

В современных официально-деловых текстах данные сочетания не употребляются, они не фиксируются ни одним словарем устойчивых сочетаний, кроме сочетания *делать дело*, которое сейчас квалифицируется как разговорный фразеологизм. Возможно, это связано с тем, что, по утверждению Н.М. Лариохиной, сочетания с глаголом *делать* в современном русском языке употребляются редко и являются не такими продуктивными, как сочетания с глаголами *совершать* или *производить* [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сочетания с изучаемым глаголом широко употреблялись в старорусских деловых текстах, тогда как для современных текстов официально-делового стиля они не актуальны. Несмотря на то, что значение глагола *делать* с течением времени практически не изменилось, в со-

временном русском языке он сочетается с другими именами существительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 30.03.2021).
2. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1979. 256 с.
3. Лариохина Н.М. Употребление устойчивых глагольно-именных словосочетаний с глаголами *делать*, *совершать*, *производить* // Русский язык за рубежом. 1967. № 2. С. 35-38.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 30.03.2021).
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 30.03.2021).
6. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984-1991. Вып. 1-6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. Вып. 7. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 30.03.2021).

РЫКИН Евгений Юрьевич (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
eugeny.rikin@yandex.ru

ВЫРАЖЕНИЕ МЕЛИОРАТИВНЫХ И ПЕЙОРАТИВНЫХ ОЦЕНОК В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ С ПОМОЩЬЮ СОЧЕТАНИЙ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности выражения специальными устойчивыми выражениями – сочетаниями с творительным падежом ограничения – мелиоративности и пейоративности в древнерусском тексте. Отмечается, что данные типы оценок выражаются с помощью прилагательных, имеющих определенные корневые группы. Также анализируются сочетания, в которых знак оценки можно определить только контекстуально.

Ключевые слова: творительный падеж ограничения, мелиоративная оценка, пейоративная оценка.

Abstract. The article deals with the features of the expression of special stable expressions – combinations with the instrumental case of restriction - melioration and pejoration in the Old Russian text. It is noted that these types of estimation are expressed using adjectives that have certain root groups. We also analyze combinations in which the sign of estimation can only be determined contextually.

Keywords: the instrumental case of restriction, meliorative estimation, pejorative estimation.

Следует отметить, что проблема выражения оценочного значения представлена во многих лингвистических исследованиях (см. работы Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А. Вежбицкой, Т.И. Вендиной, В.В. Виноградова, Е.М. Вольф, В.Г. Гака, В.А. Звегинцева, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Н.А. Лукьяновой, Т.В. Маркеловой, А.Б. Пеньковского, М.Вас. Пименовой, Т.В. Писановой, С.Д. Погореловой, Г.Н. Складневской, Ю.С. Степанова, А.А. Уфимцевой, В.К. Харченко, В.И. Шаховского, А.Д. Шмелёва и др.), однако в диахронии оценочное отображение действительности остаётся недостаточно изученным, хотя анализ системы средств аксиологических (оценочных) значений присутствует в работах В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Ф.П. Филина, Р.М. Цейтлин, П.Я. Черных и др.

По мнению М.Вас. Пименовой, одним из показателей оценочности в древнерусском тексте являются устойчивые сочетания типа *красен лицем, простъ умъмь, великъ славою* [14: 73]. Значение творительного падежа в данных выражениях определяется лингвистами (напр., А.М. Пешковским, Т.П. Ломтевым, Н.С. Пospelовым и др.) как «творительный падеж ограничения». Существительное в творительном падеже ограничения входит в конструкцию, вторым элементом которой является качественное прилагательное. Именно прилагательное и является главным показателем оценки в подобных сочетаниях.

Рассмотрим более подробно, как выражаются положительные и отрицательные оценки с помощью изучаемых устойчивых выражений. Среди оценочной лексики различают мелиоративы и пейоративы. О.С. Ахманова определяет понятие *мелиоративный* как об-

ладающий положительным эмоционально-экспрессивно-оценочным созначением (окраской) или сообщающий (придающий) слову такое созначение [1: 226].

Мелиоративный характер оценки выражается прилагательными с корневыми элементами *-крас-*, *-мир-*, *-крот-*, *-крѣп-*, *-добр-* и др., например: *Видѣвъ же науклиръ жену Еустафиеву, яко **красна** бѣ лицемъ зѣло* [17: 232]; *Явѣ, яко праведници, и кротци, и **смирени** сердцемъ, ти наслѣдятъ землю тиху и безмлъвну* [6: 428]; *Бяше бо **образомъ кротокъ**, такова бо учителя кротка благоразумный ученикъ* [6: 380]; *По сих же начатъ тѣломъ изнемогати, иже **душею крѣпкий**, чьстныхъ таинъ Христовыхъ причастився, душу свою мирно Господеви предасть октября месяца въ 1 день* [13: URL]; *Мнить ми ся убо, Иване, пришедша в таковая времена во обитель наю дѣтище, **образомъ добровиденъ** и благонравенъ, в конечней нищитѣ приб[ывающъ], шедше и моляше пастыря, яко да бы отрещися мира и яже суть въ мирѣ* [4: 268]; *Бѣ же **добръ** Михаил не токмо **образом**, но сиаше и благодатми, их же добродѣтели раждает, душевные красоты и умные светила* [8: 308]; *И самодержецъ великъ показася, и страхъ его обдержаше вся язычская страны, и бысть велми премудръ и храбръ, и усердъ, и крѣпко **силен тѣлом**, и легокъ ногама, аки пардусъ* [9: 360]; *Вѣсти же разшедшися по всѣмъ градомъ о мудрости ея и о блаземъ учении ея и о телесней добротѣ ея, бяше бо **лѣпа** **лицемъ*** [3].

И.В. Турецкова так определяет пейорацию: «пейорация – отрицательная, эмоционально-нагруженная экспрессивная оценочность» [18: 7].

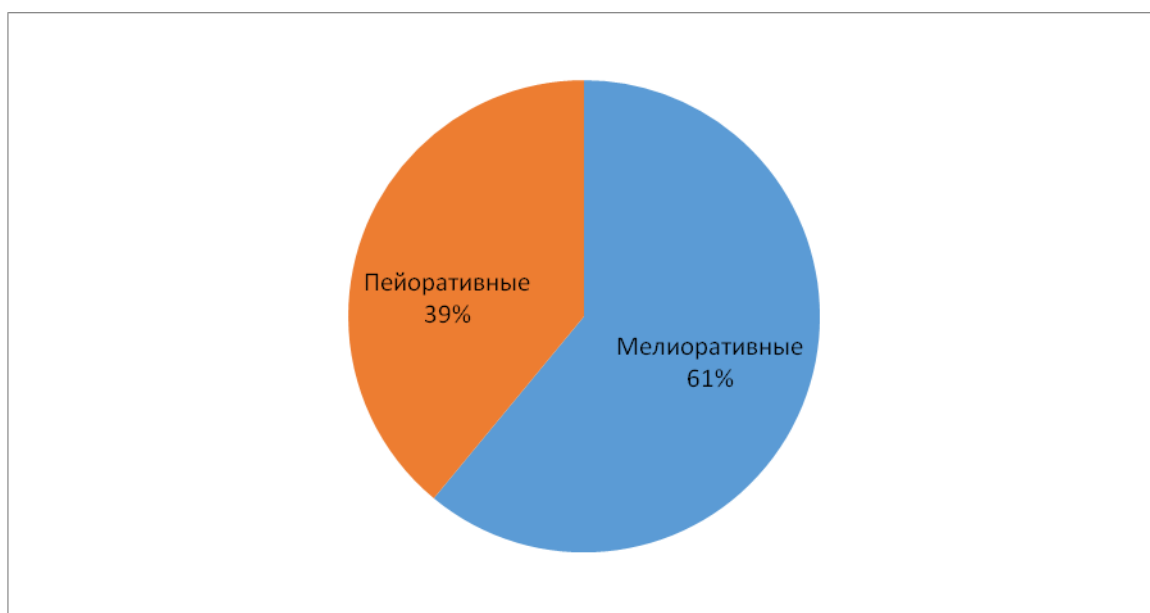
Пейоративную оценку мы можем наблюдать в сочетаниях с творительным падежом ограничения, содержащих прилагатель-

ные с корневыми группами -держ-, -черн-, -страш- и др., например: *Тѣмъже вопию к тебѣ, **одержимъ нищетою*** [11: 390]; *Суть же **образомъ черни**, крилати, хвостъ имущи; въсходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ* [15: 192]; *Печенѣзи же, мняще самого великого князя пришедша и **страхомъ объяти бывше**, бѣгу яшася вскоре* [5]; *Богъ же единъ вѣсть помышления челоуѣцъска, бѣси бо не вѣдаютъ ничегоже, суть бо немощнии и **худѣи взоромъ*** [15: 192]; *Таковъ сый страстный азъ, грѣшный Еуфимий, худый, **немощный душою и тѣломъ**; не вѣмъ, како имиже вѣсть Богъ неизреченными его судьбами и несказаннымъ смотрениемъ (а не тако просто, якоже прилучися), възведенъ бысть на таковаго степени началство* [2].

Отметим, что пейоративный или мелиоративный характер оценки в некоторых случаях можно определить только в контексте. Так, конструкции со значением 'грозный внешний вид' в одних контекстах могут наделяться положительной оценкой, а в других – отрицательной. Например, в предложении *Бѣ бо се князь **лицемъ красень, очима свѣтель, взоромъ грозень, паче мѣры храборь, сердцемъ же легокъ*** [10: 170] выделенная конструкция *взоромъ грозень* имеет мелиоративную семантику только в сочетании с выражениями *лицемъ красень, очима свѣтель, сердцемъ легокъ* и со словом *храборь*, которые обладают положительным оценочным значением. В предложении *И аки побѣдивъ волы тѣ и орати понудивъ, еще иматъ на нѣкоего змиа, **чешуюю грозна и пламени огненныя дышуца*** [7: 226] сочетание *чешуюю грозна* наделяется отрицательной оценкой, так как речь в данном случае идет о змее, который в сознании древнерусского человека представлялся существом, обладающим негативными свойствами.

То же самое можно сказать о конструкциях со значением 'обладающий высоким ростом'. В предложении *Самъ же князь великий Федоръ великъ челоувѣкъ **ростом** былъ, и те у него, Константинъ да Давыдъ, подъ пазухами лежали, занеже менши его ростомъ, лежаху же въ одномъ гробѣ* [12] сочетание *великъ ростом* является мелиоративом, а в предложении *Флабулар же некый со многими срачины яростнѣ нападѣ на грѣки, в нихже бяху 5 **страшных** возрастом и взором, и бяху гражан нещадно* [16: 252] сочетание *страшных возрастом* со значением 'обладающий высоким ростом' наделяется пейоративным значением, что подчеркивается употреблением прилагательного *страшных*.

Наш языковой материал показывает, что в древнерусском тексте встречается больше контекстов с мелиоративной, чем с пейоративной оценкой (см. диаграмму).

Возможно, данный факт можно объяснить с помощью «гипотезы Поллианны», в соответствии с которой независимо от принадлежности к определенной культуре люди чаще отдают предпочте-

ние позитивно окрашенным словам, чем негативным (см., напр., [19]).

Итак, положительная и отрицательная оценки выражались в древнерусском языке прежде всего с помощью слов, имеющих те или иные корневые группы. Однако не всегда знак оценки можно определить только исходя из взятого вне более широкого контекста сочетания с творительным ограничением. В некоторых случаях мелиоративность и пейоративность выражалась и за счет лексического окружения данных устойчивых выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова / Подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Ольшевой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 15.04.2021).
3. Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игуменнии Спаса-Вседержителя в граде Полоцке / Подгот. текста и пер. Н.В. Понько, коммент. В.К. Зиборова, А.В. Сиринова, Т.Г. Фруменковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб., 2003. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 15.01.2021).
4. Житие Макария Желтоводского и Унженского / Подгот. текста, пер. и коммент. И.М. Грицевской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С.262-303.
5. Житие святой блаженной и равноапостольной... княгини Ольги... / Подгот. текста Л.А. Чуркиной, пер. О.П. Лихачевой, коммент. О.П. Лихачевой и Л.А. Чуркиной // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб., 2003. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru> (дата обращения 22.03.2021).
6. Житие Сергия Радонежского / Подгот. текста и коммент. Д.М. Буланина, пер. М.Ф. Антоновой и Д.М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 256-429.
7. Из «Троянской истории» / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984. С. 222-267.
8. Из «Хроники Константина Манассии» / Подгот. текста М.А. Салминой, пер. и коммент. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 268-317.
9. Казанская история / Подгот. текста и пер. Т.Ф. Волковой, коммент. Т.Ф. Волковой и И.А. Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 300-565.
10. Летописные повести о монголо-татарском нашествии / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. – М., 1981. С. 132-175.

11. «Моление» Даниила Заточника / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 388-399.
12. Независимый летописный свод 80-х годов XV века / Подгот. текста и коммент. Я.С. Лурье и Н.И. Милютенко, пер. Н.И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб.: Наука, 1999. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 24.03.2021).
13. От жития преподобного отца Саввы, который жил над Вишерою-рекою и там общежительный монастырь создал. Сочинено священноиноком Пахомием [Электронный ресурс] / Подгот. текста, пер. и коммент. М.А. Федотовой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12. СПб., 2003. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru> (дата обращения 20.03.2021).
14. Пименова М.Вас. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
15. Повесть временных лет / Подгот. текста О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачёва // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 24-277.
16. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. / Подгот. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. 2-ая половина XV века. М., 1982. С. 216-267.
17. Сказание об Евстафии Плакиде / Подгот. текста, пер. и коммент. О.П. Лихачёвой // Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 226-245.
18. Турецкова И.В. Языковые средства манифестации пейоратива в словаре и тексте (на материале немецких пейоративных имен, характеризующих человека): автореф. дис... кандидата филологических наук. Самара, 2011. 19 с.
19. Leech G.N. Principles of pragmatics. L.; N.Y., 1983. 250 p.

РЫЛОВ Станислав Александрович
(Нижний Новгород, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Нижегородский государственный университет
имени Николая Ивановича Лобачевского
slavc@mail.ru

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ
В РУССКОМ ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ**
(на материале медиатекстов последнего десятилетия XXI века)

Аннотация. Синтаксис активно реагирует на действие экстралингвистических факторов. Как следствие – массовое вхождение в литературно-речевой обиход инноваций, которые требуют анализа и оценки. Цель работы – выявить наиболее активные инновационные сдвиги в современной русской медиаречи, установить их характер, уловить проявление в них основных тенденций разви-

тия. Материал черпался автором из газетных текстов современной периодики, из радио- и телеречи. Анализируются наиболее активные инновационные изменения в структуре простого предложения: сегментация, компрессия, актуализация, парцелляция и др.

Ключевые слова: современный русский язык, медиаречь, синтаксис, инновации, простое предложение, тенденции развития русского синтаксиса.

Abstract. Syntax is greatly responsive to extralinguistic factors. The consequence of this is a mass entry into the literary and speech usage of innovations that require analysis and evaluation. The aim of the paper is to identify the most active innovative changes in modern Russian media speech, to define their nature, to discover the manifestation of the main trends of development. The material was extracted from newspaper texts of modern Russian periodicals, from radio and television. The most active innovative changes are analyzed in the structure of simple sentences: segmentation, compression, actualization, parcelling etc.

Keywords: modern Russian language, media speech, syntax, innovations, simple sentence, the tendencies of development of the Russian syntax.

Бурные изменения в российском обществе в конце XX – начале XXI веков, социальные и психологические факторы первых десятилетий XXI века оказали значительное влияние на особенности русского языка, на речевое поведение его носителей, что отмечается многими исследователями [1: 237-238; 3: 13-14]. Обычно считается, что изменения в синтаксисе очень медленные и сам синтаксис отличается наибольшей устойчивостью по отношению к воздействию экстралингвистических факторов [4: 200]. Однако по сравнению с морфологией синтаксис реагирует на социальные изменения намного активнее. Вследствие воздействия социальных факторов на синтаксический строй происходит «смягчение» литературной нормы, допущение в литературный речевой оборот синтаксических конструкций, которые до недавнего времени считались нелитературными или вообще не встречались. Результаты такого влияния нередко оцениваются как нарушение традиционной синтаксической нормы, «но в них можно видеть и зарождение неких новых тенденций в построении высказывания» [4: 200]. Важный результат действия разных факторов на синтаксис – массовое вхождение в лите-

ратурно-речевой обиход *инноваций*, которые требуют их анализа и оценки как с позиций нормы, так и с точки зрения их социальной обусловленности [3: 15]. К сожалению, в русистике фактически отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному анализу инновационных изменений в синтаксическом строе современного русского языка.

Цель настоящего исследования – выявить наиболее активные синтаксические изменения в современной русской медиаречи, установить их характер, уловить в них проявление основных тенденций развития русского синтаксиса. Под тенденцией развития понимается «накопление однотипных фактов в каждом последующем синхронном срезе по сравнению с предыдущим» [1: 238]. По нашему мнению, это общее направление качественных изменений однотипных синтаксических явлений, которые носят массовый характер на протяжении длительного времени. Предметом изучения и анализа в работе стали новые синтаксические явления в структуре простого предложения, активно и регулярно проявляющиеся в современной русской медиаречи, которая имеет высокую социальную значимость.

Материалом для наблюдений и анализа послужили: а) газетные тексты, опубликованные в российских периодических изданиях последнего десятилетия («Российская газета» – далее сокращенно РГ, «Аргументы и факты» – АиФ, «Комсомольская правда» – КП, «Новая газета» – НГ, «Нижегородская правда» – НП, «Нижегородские новости» – НН, «Ленинская смена» – ЛС, «Нижегородский спорт» – НС); б) российская радио- и телеречь (Радио Россия; ТВ, 1-й канал; ТВ, Россия-1; канал НТВ); в) разговорная речь (РР). Материал, который был собран самим автором, подробно паспортизован:

точная дата, указание издания, жанра передачи, кому принадлежит высказывание.

Анализ показывает, что в последние десятилетия наблюдаются активные инновационные сдвиги в структуре и функционировании главной синтаксической единицы – предложения. Ограничимся в настоящей работе рассмотрением процессов в простом предложении (ПП). В качестве общей тенденции следует отметить упрощение структуры ПП. Это упрощение заметно прежде всего в количественном плане. Как показывают наши исследования, в последние десятилетия наблюдается уменьшение протяженности грамматической структуры ПП; эта тенденция прослеживается на материале разных европейских языков, в том числе русского [5: 256-258], что является, по-видимому, результатом сближения письменной речи с устной. Формулы устной речи, даже обиходной, всё больше распространяются в литературном языке, упрощая структуру синтаксических конструкций. Это, в свою очередь, приводит к изменению и *семантики* высказывания. Так упрощение структуры ПП проявляется и в *качественном* отношении: в современной русской речи при построении ПП наблюдается стремление к усечению, сжатию, свободному конструированию его структуры.

Нами выявлены важнейшие качественные изменения в структуре простого высказывания, регулярно проявляющиеся в современной медиаречи.

1. **Сегментация.** Это расчленение высказывания на две части, противопоставленные друг другу формально, но связанные *семантически*. В результате возникает разрыв структуры ПП на две части: **тема – повод**. При этом обе части представляются как равноправные, несмотря на то что одна из них логически зависит от дру-

гой. Сегментация широко представлена в современной русской медиаречи: *Скорректированы нормы провоза багажа. | На пять сантиметров больше* [РГ, 01.03.2018]; *Подпольные производства, не только алкогольные, выявляют редко, потому как свидетели не хотят их сдавать. | Чаще из-за боязни* [КП, № 33-34, 30-31.03.2021].

2. **Актуализация** – структурное выделение актуальной части высказывания, главным образом вынесение её в начало предложения, причем произнесение её сопровождается особой интонацией – ожидающе-задумчивой. В результате возникает явление синтаксического «излома». Такие конструкции характеризуются высокой экспрессивностью. Особенно широко распространена актуализация в устной речи, где своеобразным «мостиком» между двумя частями высказывания (актуальной и раскрывающей её содержание) оказывается местоимение *он*: **Слоны** – *у них жизнь немного другая* [Радио России, «О животных с Иваном Затевахиным», 06.05.2018]; **Заявления**, *которые звучат сейчас из Киева*, – **они** *очень противоречивы* [ТВ, «Вести в субботу», 01.06.2019]; **Вот эта ситуация** – *она* *и спровоцировала конфликты* [Радио России, «Российский университет», 09.04.2019]; **Современные противовирусные препараты** – *они* *делаются под определенный вирус* [Радио России, «Здравствуйте, доктор», 20.06.2020]; **Люди**, *которые работают на таких участках*, – *у них* *бывают такие симптомы* [Радио России, «Наше время», 15.11.2020].

3. **Компрессия** – сжатие, «стяжение» в одно слово (словосочетание) нескольких слов (иногда и части предложения): *Начались экстренные созвоны Трампа с Меркель и Макроном* [ТВ, Россия-1, 03.03.2018, ведущий передачи «Вести в субботу» С. Брилев] – вме-

сто: телефонные переговоры; Золотой кубок – главное сокровище КХЛ. Предполагается, что именно **сшибка** «Торпедо» и «Локо» должна получиться самой упорной по всем четвертьфиналам Западной конференции [АиФ, № 10, 13.03.2018] – вместо: хоккейный матч, насыщенный упорной, жесткой борьбой, столкновениями; *Экс-нижегородка, ныне успешная актриса и режиссер Лариса Маркина, готова поделиться наиболее сильнодействующими рецептами **сбычи мечты**, проверенными на личном опыте* [НН, 10.01.2018] – вместо: *того, как сбываются мечты*. Компрессия в русской медиаречи носит спорадический характер, но характеризуется высокой экспрессивностью, так как возникает под влиянием разговорной речи, для которой характерны стремление к экономии языковых средств, их сжатию в речевых структурах.

4. **Парцелляция** – дробление исходного ПП на мелкие актуализированные части высказывания (парцеллы) и их «нанизывание» на исходное ПП: *Союз Беларусь – Россия составил свой рейтинг «самых-самых». **Спортсменки. Красавицы. Наши.*** [РГ, № 44, 01.03.2018]; *А впрочем, **плей-офф есть плей-офф, здесь любой соперник опасен и грозен. Однако не страшен. Тем более таким бойцам, как у Скудры*** [НС, № 8, 28.02.–06.03.2018; Скудра – главный тренер команды «Торпедо»]; *Я тут поняла: часть веселых и одухотворенных людей, что вокруг, ходят совсем по другой России. **По интересной. По разной. По которой так хочется побродить*** [НН, № 97, 09.12.2020]. Каждый парцеллированный фрагмент высказывания внутренне предцирован, выступает в роли целого предложения, которое он заменяет. Как заметил В.В. Колесов, «этот тип выделения экспрессивно важных частей предложения напоминает средневековый принцип наполнения текста постоянно

прибавляемыми частями на основе 'агглютинативного усилия мысли' <...>. Различие в том, что средневековое присоединение атрибутивно, современное – предикативно. Там целое составлялось из частей, здесь целое дробится на части» [2: 234].

5. Активный инновационный процесс в современной медиаречи – **неагентивность**. Это процесс, проявляющийся в значительном расширении сферы применения – вместо *личных* конструкций – *неагентивных*: безличных и пассивно-возвратных. Особенно примечательно то, что в тех ситуациях, когда по логике необходимо «присутствие» агенса, в речи возникают безличные или пассивно-возвратные структуры, выражающие бессубъектность или же представляющие действие (состояние) как происходящее помимо воли самого субъекта. Речь идет о различных способах такой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного предложения типа *Мне хочется* – активному *Я хочу*, *Мне не верится* – личному *Я не верю*. Это выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной. Неагентивные конструкции широко представлены в современной медиаречи, ср.: ***Хочется верить, что строительство сухогрузов подобного типа будет продолжено*** [ТВ, Россия-1, «Вести Приволжье», 20.04.2018]; ***Слето действительно на высоком уровне*** [ТВ, 1-ый канал, «Один в один», 09.03.2019]; *Я очень хочу, чтобы архитекторы не относились к Нижнему Новгороду как к мертвому материалу. Каждое дерево должно быть **ухожено, пострижено, полюблено**...* [НН, № 97, 09.12.2020].

Неагентивность становится типичной чертой современной русской медиаречи. Очевидно, что неагентивные конструкции отражают

особенности русской ментальности, проявляющиеся в синтаксисе: «открытость, лояльность, чуждость эгоцентризма, рассредоточенность, противодействующую тотальности, устремленность к объективированию» [6: 48]. Действительно, для русской ментальности характерны уклончивость в обозначении конкретного лица, стремление не выпячивать субъект. Говоря об этом, В.В. Колесов подчеркивал: «Язык в своих формах **направляет мысль** на определенный фрагмент действительности, представляемый во всё более **абстрактном виде.**» [2: 225]. Это приводит к переходу от конкретного ощущения к абстрактной цельности идеи *в отрыве от её носителя*: возникает *семантическая компрессия*.

Итак, можно видеть, насколько многообразны, сложны, разнонаправленны инновационные изменения, происходящие в структуре и функционировании простого предложения в русской медиаречи за последнее десятилетие.

Проведённый анализ позволяет выделить важнейшие *общие тенденции* изменений в русском синтаксисе.

1. **Тенденция демократизации современного русского синтаксиса.** Такие процессы, как экспансия предложных структур, сегментация, актуализация структуры ПП, компрессия, парцелляция, предпочтение в речи коротких неразвернутых ПП – всё это как результирующая и приводит к «синтаксической свободе», непринужденности русского синтаксиса.

2. В современной медиаречи вновь наблюдается **тенденция к развитию синтаксического синкретизма**, но, в отличие от древнего синкретизма, на новом уровне – *ментальном*. Многие рассмотренные изменения свидетельствуют о недифференцированности имплицитных смысловых отношений, о неотчетливости или необя-

зательности форм выражения семантических отношений. Так общим принципом организации синтаксических структур оказывается превалирование *семантического* плана высказывания над его формальным планом.

3. Синтаксические инновации в русской медиаречи нельзя считать случайными. В них можно видеть закономерное отражение особенностей русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М: Языки русской культуры, 2000. С. 237-304.

2. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.

3. Крысин Л.П. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI вв. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 13-29.

4. Крысин Л.П. Об одном типе нарушений синтаксической нормы // Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 200-204.

5. Рылов С.А. Синтагматическая организация простого предложения-высказывания в сопоставлении с чешским // Rossica Olomucensia L. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXI. Olomoucké dny rusistů. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2011. S. 255-259.

6. Тарланов З.К. Синтаксис русского языка: университетский курс. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 389 с.

САРКИСЯН Ольга Борисовна (*Коломна, Россия*)

аспирант
Государственный социально-гуманитарный университет
kara.o.b@ya.ru

ТОПОНИМ «СУХОДОЛ» КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АВТОРА (на материале I главы повести И.А. Бунина «Суходол»)

Аннотация. Автор анализирует средства лексической репрезентации концепта «Пространство» в повести И.А. Бунина. На примере функционирования в тексте топонима «Суходол» выявляются интерпретирующие функции

рассматриваемого концепта как одной из основных категорий авторской языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт «пространство», модусный концепт, языковая картина мира, языковая объективация пространства.

Abstract. The author analyzes the means of lexical representation of the concept «Space» in the story by I.A. Bunin. Using the example of the functioning of the toponym «Sukhodol» in the text, the interpreting functions of the concept are revealed as one of the main categories of the author's linguistic picture of the world.

Keywords: concept «space», modus concept, linguistic picture of the world, linguistic objectification of space.

Антропоцентрический подход, установившийся в науке, направил вектор исследовательского интереса на проблему осмысления человеком окружающей действительности и своего места в ней. Фундаментальная роль языка как средства хранения, обработки и передачи информации при обозначенном подходе не вызывает сомнений. Мыслительные модели, схемы и категории упорядочиваются языковым сознанием и объективируются в высказывания, передающие коллективное и индивидуальное восприятие мира. Через концептуализацию и интерпретацию знаний, представленных в когнитивной картине мира и реализующуюся в языковых категориях и единицах, происходит осмысление человеком объектов окружающей действительности.

Концепт «Пространство» относится к числу интерпретирующих модусных концептов [2], который вместе с концептом «Время» входит в число важнейших когнитивных категорий языковой картины мира в целом, что дает нам основание говорить о пространственно-временной концептуализации действительности.

Функция концепта «Пространство» как интерпретирующего действительность проявляется «в процессах вторичной концептуализации объектов и связей между ними» [1: 27]. Объекты действительности осмысливаются, «пропускаются» через пространствен-

ный компонент картины мира и могут быть реализованы в языке следующими способами:

- 1) группой объектов;
- 2) физическим или ментальным пространством, имеющим объем и протяженность;
- 3) вместительностью объектов и/или событий;
- 4) структурными отношениями между объектами: логическими, метафорическими, метонимическими;
- 5) дискурсивно-коммуникативным пространством [1: 27-28].

Употребление топонима «Суходол» – названия родового поместья семьи Хрущёвых насчитывает в тексте 1-ой главы одноименной повести И.А. Бунина 25 словоупотреблений. Лексемы же, образованные от данного топонима, употребляются в количестве 14 единиц. Рассмотрим особенности их функционирования в тексте с точки зрения отображения в языке концепта «Пространство» как модусной категории картины мира.

Пространство, реализованное в тексте как физический объект, имеющий объем и протяженность, объективируемое в тексте топонимом «Суходол», насчитывает 5 словоупотреблений: *... прислушивались мы к тому, что говорилось в нашем доме о **Суходоле**...* [3: 170]; *Наши страстные мечты о **Суходоле** были понятны* [3: 170]; *Для нас **Суходол** был только поэтическим памятником былого* [3: 170]; *Но глубокая грусть слышалась и в его рассказах о **Суходоле*** [3: 171]; *...не видали мы в детстве **Суходола**: были там только раз...* [3: 172]. О Суходоле мечтают и рассказывают. Детям Хрущёвых старинное родовое имение представляется поэтическим местом, центром притяжения, недоступным и от этого таинственным, при этом имеющим конкретное географическое расположение.

Пространство, объективированное в тексте топонимом «Суходол», интерпретируется как вместилище объектов или событий – 10 словоупотреблений: *...воротилась она в Суходол [3: 169]; А потом узнали мы о Суходоле нечто еще более странное: ...что проще, добрей суходольских господ «во всей вселенной не было»..., что темен и сумрачен был старый суходольский дом, что сумасшедший дед наш Петр Кириллыч был убит ...; узнали, что давно сошла с ума... тетя Тоня...; узнали, что сходила с ума и Наталья... [3: 170]; ... ушла она из Лунева в Суходол...[3: 171]; ...служила она теперь в Суходоле ...[3: 171]; В Суходоле все ссорились? [3: 171]; ...один Хрущев остался... Да и тот не в Суходоле! [3: 172]; ...сливала и деревню, и дворню, и дом в Суходоле [3: 172]; Дворня, деревня и дом в Суходоле составляли одну семью [3: 172]; Письменными и прочими памятниками Суходол не богаче любого улуса [3: 172]; ...к разоренной усадьбе Суходола... [3: 173].*

Суходол вмещает в себя многочисленные факты прошлого: историю рода Хрущевых – ссоры, мрачные и печальные события, которые в избытке накопились в жизни потомков этой семьи. Из Суходола уходят – бегут от темных воспоминаний, в него возвращаются и в нем остаются, потому что невозможно убежать от истории собственной жизни. Суходол сравнивается с улусом – азиатским названием родовой общины, употребляя которое автор подчеркивает и древность этого места, и множество жизней и событий, которые оно вобрало в себя.

Важной составляющей рассматриваемого концепта являются функционально интерпретируемые структурные отношения между объектами. Логическая пространственная интерпретация объектов, выраженная в их свойствах, содержащая в себе семему топонима

«Суходол» насчитывает 14 словоупотреблений, 11 из которых выражены прилагательными: ...особенности **суходольской** жизни [3: 170]; ...добрей **суходольских** господ... [3: 170]; старый **суходольский** дом... [3: 170]; ...оскудевшей **суходольской** усадьбы... [3: 170]; Но душа-то и в нем была **суходольская**... [3: 172]; ...**суходольских** господ [3: 172]; И первый язык... был **суходольский** [3: 172]; Первые повествования, первые песни... **суходольские**... [3: 172]; ...**суходольских** мужиков [3: 172]; ...событие, ужаснувшее нас, тоже было **суходольское**... [3: 172]; Мужики **суходольские**... [3: 173]. Дважды в тексте первой главы семема «Суходол» вербализируется в существительных: ...все прочие **суходольцы** [3: 171]; ...целуясь с **суходольцами** [3: 173]. Интерпретация пространства через логические связи между предметами демонстрирует важность Суходола для жизни людей его населяющих: и господ, и мужиков. В нём как будто заключено само время. Ушедшая в небытие русская патриархальная усадьба – традиционная жизнь, фольклор, язык, события прошлого – во всем есть отпечаток Суходола. Так и в Суходоле навсегда останутся запечатленными эти исторические события.

Метафорические отношения между пространственными объектами, объективированные в тексте топонимом «Суходол», насчитывают 7 словоупотреблений: ...привязанность к **Суходолу** [3: 169]; ...страдала привязанностью к **Суходолу** [3: 171]; ...отдыхала... от **Суходола**, от того, что заставил он ее выстрадать [3: 169]; ...горячими приверженцами **Суходола** [3: 171]; ...облика человеческого лишил ее **Суходол** [3: 171]; ...А и **Суходол** хорош, пропади он пропадом! [3: 172]; В тяготенье к **Суходолу**, в обольщении его стариную... [3: 172]. Суходол привязывает к себе, за-

ставляет страдать, лишает человеческого облика, разочаровывает, притягивает и обольщает – олицетворенное пространство воспринимается будто живое, способное управлять людьми, соединять их с собой навсегда.

Метонимические отношения между пространственными объектами, объективированные в тексте топонимом «Суходол», насчитывают 3 словоупотребления: *...выселился он из Суходола в Лунево...*[З: 171]; *...ссора между Суходолом и Луневым, что чуть не десять лет не переступала нога отца родного порога* [З: 172]; *В Суходоле с татарками за стол садились!* [З: 170]. Метонимия передает общность субъектов и объектов Суходола, объединяет всех живущих в нем в единую субстанцию, подобную живому организму.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что в первой главе повести И.А. Бунина «Суходол» модусный концепт «Пространство», объективируемый в тексте лексемой «Суходол», функционально интерпретируется в трех аспектах: как конкретный объект, как вместилище объектов, как организующее начало структурных отношений между объектами: логических, метафорических, метонимических. При этом наибольшее количество словоупотреблений насчитывается при языковой интерпретации рассматриваемого топонима в двух функциях: вместилища объектов и раскрытия структурных отношений между объектами, что, на наш взгляд, дает основание сделать вывод об особом, символическом, восприятии пространственного объекта – родового поместья семьи Хрущевых – Суходола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н.Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 26-35.

2. Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею проф. Н.А. Кобриной. СПб.: Тригон, 2005. С. 31-46.

3. Бунин И.А. Темные аллеи. Окаянные дни. Повести и рассказы / Иван Бунин. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

СИРОТА Елена Владимировна (*Бельцы, Молдова*)

кандидат филологических наук, доцент
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо
sirotaelena@mail.ru

ПАРАХОНЬКО Людмила Вячеславовна (*Бельцы, Молдова*)

ассистент кафедры славистики, аспирант
Бельцкий государственный университет им. А. Руссо
parakhonko91@mail.ru

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В данной статье изучается специфика репрезентации концепта «Страх» в русской языковой картине мира; вносятся уточнения в экстенционал изучаемой полипропозитивной структуры, что позволяет доказать паритетность ментального и эмотивного аспектов в денотативном содержании изучаемого явления. Кроме этого, уничтожается его хаотичность в понятийно-терминологическом аппарате.

Ключевые слова: концепт, страх, паритетность, ментальность, эмотивность.

Abstract. The given article dwells on the specifics of the representation of the concept «Fear» in the Russian language picture of the world; clarifications are made to the extension of the studied polypropositive structure, which allows to prove the parity of the mental and emotive aspects in the denotative content of the studied phenomenon. In addition, its chaos in the conceptual and terminological apparatus is destroyed.

Keywords: concept, fear, parity, mentality, emotiveness.

В силу того, что в XX веке исследователи все глубже и глубже изучали вопросы, касающиеся механизмов восприятия, познания и осознания действительности, а значит, и объективации мышления в языке, – в лингвистике произошла когнитивная переориентация, ставящая на первое место человека, его мировосприятие и миропо-

нимание, которые рассматриваются через призму языковых и внеязыковых явлений.

В связи с этим в лингвистике активно стал использоваться термин «концепт» для репрезентации результатов ментальной активности в психике человека.

В данной работе под концептом подразумеваем сложное, многомерное, ментальное образование, имеющее значение только для определенного национального культурного пространства, которое находит отражение в коллективном сознании, закреплено за определенной областью действительности и выражено в тех или иных языковых формах. Концепт – квант, или часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании [11: 10].

Поскольку страх – это многомерное и многоаспектное экзистенциальное явление, мы можем рассмотреть его как исследуемое языковое явление. Необходимо отметить, что концепт «Страх» относится к концептам особого типа – психофизиологического. Это объясняется тем, что чаще всего изучаются такие концепты, в основу которых положены абстрактные или предметные реалии. Но практически не исследуются концепты из сферы психофизиологических состояний человека. Данным положением мотивирована актуальность исследования.

Цель работы состоит в изучении специфики репрезентации концепта «страх» в русской языковой картине мира, а также в выявлении эквиполентной оппозиции, доказывающей, что ментальность и эмотивность логически равноправны в содержании исследуемого психофизиологического образования.

Сущность, природу и причину страха поможет нам определить его этимология.

Итак, по данным этимологического словаря Фасмера, лексема *страх* имеет следующие значения: оцепенение, оцепенеть, превратиться в лед.

Важно эмфазировать, что данная лексема является многокомпонентной структурой, поэтому имеет другие лексико-семантические варианты: *растягивать*, д.-в.-н. *stracken* «быть растянутым» (Перссон 432, 450; Ильинский, ИОРЯС 20, 3, 117). В этом случае можно усмотреть аллюзию на парализующий характер страха посредством его «растягивания» по всему организму человека.

С другой стороны, М. Фасмер сравнивает слово *страх* с лат. *strāgēs* 'опустошение, поражение, повержение на землю'. Кроме этого, отмечается связь и с лтш. *struõstêt, struõstît* 'угрожать, строго предупреждать'. В данном случае вербализуется обещание причинить кому-чему-н. какую-н. неприятность, зло.

По следующей гипотезе, лексема *страх* сближается и с другим латышским корнем *tręsq (трясу). Таким образом, все вышеизложенные теории о происхождении лексемы *страх* создают конфигурацию (очертание) вегетативных дисфункций (синдром вегетативной дисфункции – это состояние, при котором сосуды перестают реагировать правильно на различные раздражители. Они либо сильно сужаются, либо расширяются, что негативно отражается на самочувствии человека и приводит к неслаженной работе сердечно-сосудистой, пищеварительной, дыхательной и других систем), возникших в результате воздействия страха.

Брюкнер же (KZ 43, 309) видит в *straxъ слав. новообразование по отношению к *strastъ [14: 772].

О.И. Опарина, опираясь на этимологическое исследование, считает, что корень *strachъ, с которым, по ее мнению, связан с русским словом «строгий», восходит к индоевропейскому *(s)terg –, *(s)treg –, *(s)terk –, что означает ‘торчать’. Таким образом, корень *страх* является многозначным. Следовательно, первым его значением является ‘вытянутый, прямой’, а вторым – ‘строгий’. Отсюда можно сделать вывод, что в современном русском языке лексемы *строгий* и *страшный* сохраняют родственные связи, так как *строгий* – это тот, кто каузирует страх [9: 31–32].

Эмоции тесно связаны со знаниями: меняются знания, мысли, и это влечёт изменение эмоций человека. Следовательно, чем глубже знания об эмоции, тем точнее представление и понимание данной эмоции. Поэтому целесообразным представляется рассмотреть психический процесс, отражающий субъективное оценочное отношение, а именно страх с точки зрения психологии.

Итак, по данным Большого толкового психологического словаря (под редакцией Артура Ребера), страх – это эмоциональное состояние, возникающее в присутствии или предвосхищении опасного или вредного стимула [3: 322].

Учитывая, что наблюдается когерентность (семантическая связь, соотнесенность) с философским ядром, так как есть экзистенциальный шлейф, касающийся вопросов бытия, жизни и смерти, уместным представляется изучить репрезентацию страха и с философской точки зрения.

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, страх определяется как «отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни ор-

ганизма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам и т. п.)» [15: 656].

Из сказанного можно прийти к следующему заключению: страх – это негативная эмоциональная составляющая, которая возникает во время реальной или потенциальной надвигающейся угрозы. Кроме этого, страх служит триггером, стимулом, который запускает другие чувства, характерные для проблемного поведения индивида, в частности тревогу. Однако тревога не является равной страху, так как ориентирована на ожидаемую опасность.

Необходимо отметить, что фобия так же, как испуг, трусость, паника и ужас, является одним из проявлений страха. Однако важно актуализировать их различие. Так, фобия отличается от страха своей устойчивостью. Согласно З. Фрейду, один из существенных признаков фобий – то, что в них внутренняя опасность переводится во внешнюю – невротический страх превращается в кажущийся реальным [8: 459].

Более этого, страх может явиться триггером (спусковым крючком) не только для тревоги, но и для агрессии, которая выполняет защитную функцию [2: 22].

Итак, рассмотрим репрезентацию концепта «Страх» на материале определенных лексикографических источников.

Название словаря	Определения
Толковый словарь Даля [5: 345]	1) СТРАХ м. страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состоянье души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия. 2) Предмет, рождающий страх. 3) Гроза, угроза или острастка; покорство уstraшенного, послушание; сознание ответственности. 4) Застраховать самого себя, жизнь или смерть свою: платить ежегодно условное, за вы-

	<p>дачу наследникам, по смерти страхователя, известной суммы.</p> <p>5) Изумительный, крайне обильный, сильный.</p> <p>6) Стар. боящийся чего, робкий.</p> <p>7) Страшить кого, пугать, заставить бояться, побудить к опаске, приводить в страх, в робость, стращать, устрашать.</p>
<p>Толковый словарь Дмитриева [13]</p>	<p>1) Страхом называют состояние испуганного человека.</p> <p>2) Страхом называют сильное беспокойство из-за того, что может произойти неприятное событие.</p> <p>3) Если кто-либо или что-либо наводит (нагоняет) страх на кого-либо, он заставляет кого-либо бояться. Неопределённость внушает мне страх.</p> <p>4) Если кто-либо вынуждает кого-либо сделать что-то под страхом смерти, то это означает, что этот человек угрожает убить кого-либо, если он не выполнит его требований.</p> <p>5) Если кто-либо делает что-либо на свой страх и риск, то это означает, что этот человек берёт на себя ответственность за то, что делает.</p> <p>6) Если кто-либо делает что-либо не за страх, а за совесть, то это означает, что кто-либо делает что-либо очень хорошо, добросовестно.</p> <p>7) Рыцарем без страха и упрёка называют человека большого мужества и высоких нравственных достоинств.</p> <p>8) Страхами называют то, что заставляет кого-либо бояться, испугаться.</p> <p>9) Если кто-либо страх как хочет чего-либо, любит что-либо или кого-либо и т. п., то это означает, что этот человек очень сильно желает чего-либо любит что-либо или кого-либо и т. п.</p> <p>10) Если вы говорите о ком-либо, что он, к примеру, страх какой важный или страх как важен, это значит, что этот человек очень важный; в разговорной речи.</p>
<p>Большой толковый словарь</p>	<p>1) Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью,</p>

<p>русского языка Кузнецова [7: 1277]</p>	<p>бедой и т. п.; боязнь. 2) Обычно мн.: страхи, -ов. Разг. То, что вызывает боязнь, тревогу, оцепенение. Наговорить страхов про кого-, что-л. Рассказывать разные страхи.</p>
<p>Малый академический словарь [12]</p>	<p>1) Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь. 2) В знач. сказ. разг. Страшно. Я знаю: дам хотя бы заставить Читать по-русски. Право, страх! Пушкин, Евгений Онегин. 3) В знач. нареч. прост. Очень, чрезвычайно. Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку.</p>
<p>Большая советская энциклопедия [1]</p>	<p>1) В психологии отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам и т. п.). 2) Одно из основных понятий Экзистенциализма. Было введено С. Кьеркегором, различавшим обычный «эмпирический» страх-боязнь (нем. Furcht), вызываемый конкретным предметом или обстоятельством, и неопределённый, безотчётный страх-тоску (нем. Angst) – метафизический С., неизвестный животным, предметом которого является Ничто и который обусловлен тем, что человек конечен и знает об этом. 3) Ранний психоанализ, также различая рациональный С. перед внешней опасностью и глубокий, иррациональный С., трактовал последний как результат неактуализированных жизненных стремлений, подавления невоплощённых желаний.</p>
<p>Толковый словарь психиатрических терминов [6: 1272]</p>	<p>1) Страх – чувство внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий. Сопровождается разнообразными вегетативными расстройствами. Может быть различно выражен – от неопределенного чувства неуверенности, опасности до ужаса. 2) Страх навязчивый. См. Фобия. – страхи</p>

	ночные (лат. <i>ravor nocturnus</i>). Состояния выраженного страха и двигательного возбуждения во время ночного сна.
--	---

Таким образом, подытожив словарный фактический материал, находим, что первым (конкретным) значением лексемы «страх» является: страсть, боязнь, робость, сильное опасение (следовательно, это отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой ситуации; обобщение, включающее фобию), тревожное состояние души от испуга; состояние испуганного человека; сильная тревога (боязнь);

2 ЛСВ: предмет, рождающий страх, сильное беспокойство, боязнь, тревога, оцепенение как результат воздействия страха, в значении сказуемого – страшно, метафизический страх;

3 ЛСВ: покорство уstraшенного, сознание ответственности, очень (наречное просторечие);

4 ЛСВ: страхование, заставить сделать что-либо под страхом смерти;

5 ЛСВ: изумительный, крайне обильный, ответственность за деяния;

6 ЛСВ: робость (ощущение страха, боязни), отсутствие страха (большое мужество и высоких нравственных достоинств);

7 ЛСВ: пугать (субъект, вызывающий страх).

Принимая во внимание хаотичность в лексикографических сведениях, предлагаем собственную дефиницию, полученную путем компонентного (семного анализа).

Итак, страх – 1) кратковременное состояние – испуг, 2) переход в постоянное качество – боязнь, трусость, 3) при воображаемой опасности возможна транзакция (перенос) в сферу патологического

иррационального страха (фобия), 4) отрицательная эмоция, которая сопровождается вегетативными расстройствами: колебаниям АД, повышением давления, потом, тахикардией или же обратным проявлением – оцепенением, 5) защитная реакция – стимул к защите жизни от страха, угрожающего бедствия, 6) способность внушать страх, 7) страх– коррелирует совести, послушания.

Итак, собрав все составляющие сигнификата *страх*, что плавно переходит в десигнат (индивидуализацию видения человека, субъективный образ, или концепт денотата), выстраиваем сегментный концепт, представляющий собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, которые являются равноправными по степени абстракции [10: 62].

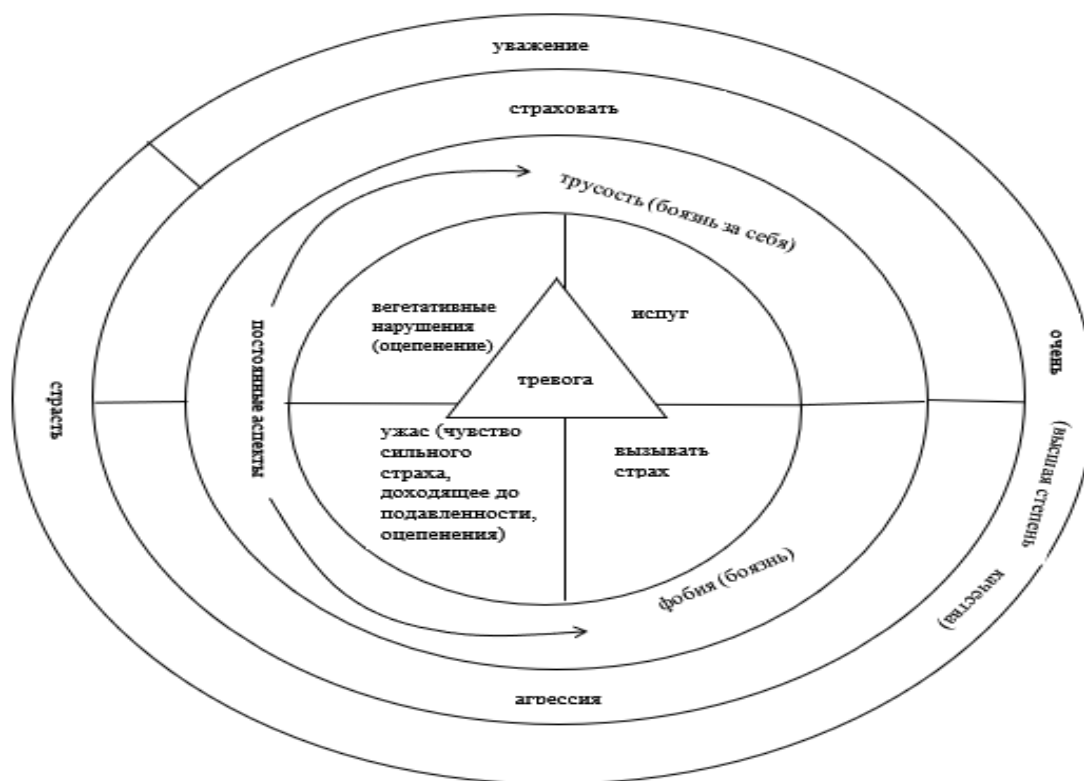
Ядро: вегетативные нарушения (оцепенение), испуг, ужас (чувство сильного страха, достигающее до подавленности, оцепенения), вызывать страх.

Ближняя периферия: фобия и трусость (аспекты постоянные).

Дальняя периферия: страховать, агрессия.

Крайняя периферия: уважение, страсть, очень (высшая степень качества).

Важно отметить, что тревога относится ко всем когнитивным слоям концепта как дополнительный компонент, т. к. без тревоги невозможно испытывать страх.

Кроме этого, вычленение концептуальных признаков через изучение сем продемонстрировало переход лексемы *страсть* из ядерной зоны в периферийную. Скорее всего, это связано со смещением центров мировоззренческого характера, т. е. по направлению к современности *страсть* практически не ассоциируется со страхом, т. к. наиболее частотным понятийным признаком данного аффективного образования является сильное чувственное влечение. Это значит, что изменился эмфатический потенциал данного понятия.

Таким образом, концепт *страх* относится к ментальным структурам особого типа – психофизиологического.

Страх оказывает сильное влияние на перцептивно-когнитивные процессы и поведение индивида. Когда человек испытывает страх, то его внимание подвергается четкому фиксированию на проблемной сфере, сообщающей об опасности. Интенсивный страх создает эффект «туннельного восприятия» (болезненное со-

стояние зрения, при котором человек теряет способность к периферическому обзору. Воспринимается лишь изображение, попадающее на центральную область сетчатки глаза. В результате у больного возникают трудности с ориентированием в пространстве), то есть такой страх значительно ограничивает восприятие, мышление и свободу выбора индивида. Об этом очень хорошо говорят следующие фразеологические единицы: *у страха глаза велики, панический страх, от страха намокла рубаха, мурашки бегают / ползают, мороз по коже пробирает / пробегает; как осиновый лист дрожать / трястись; волосы встали дыбом / зашевелились, душа ушла в пятки* и т. д.

Кроме этого, страх напрямую связан с сенсорным опытом (эстеziологией). «Мы переживаем реальность в личных отношениях; она воздействует на нас в своей поразительной фактичности; мы охвачены ею, и потому опыт реальности предлогичен» [4: 267–268]. Так, отношения между сознанием и миром представляют амбивалентность, субъект-объектную дихотомию.

ЛИТЕРАТУРА

1. БСЭ – Большая советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6. 624 с. URL: <https://bse.slovaronline.com/44759-СТРАН>.
2. Б.Т.П.С. – Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin) Пер. с англ. М.: Вече, Лет, 2000. Т. 1 (А–О). 592 с.
3. Б.Т.П.С. – Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin) Пер. с англ. М.: Вече, Лет, 2000. Т. 2 (П–Я). 560 с.
4. Власова О.В. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 640 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. – М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880–1882. Т. 4. 712 с.
6. Крук И.В., Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модэк», 1995. 1522 с.
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
8. Немов Р.С. Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с.

9. Опарина О.И. Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 27. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 26-35.

10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Воронежский ун-т, 2002. 191 с.

11. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. С.8-50.

12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С–Я. 1999. 800 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

13. Толковый словарь / под ред. Дмитриева Д.В. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-209-17.htm#zag-5212>.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.: Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

15. Философский энциклопедический словарь /под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева и др. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с

СКЛЯРЕНКО Раиса Васильевна (Владимир, Россия)

кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
skv@vlsu.ru

ГАВРИЛОВА Дарья Максимовна (Владимир, Россия)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
gavrilova.dasha98@yandex.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ (на материале романа Джейн Остен «Разум и чувство»)

Аннотация. В статье рассматриваются лингвостилистические особенности несобственно-прямой речи. Проведенное исследование позволяет определить стилистическую значимость двух разновидностей названного приема: косвенно-прямой и изображенной (или внутренней) речи, а также выявить специфику использования данного приема на материале романа Джейн Остен «Разум и чувство».

Ключевые слова: синтаксический стилистический прием, несобственно-прямая речь, внутренняя речь, косвенно-прямая речь, авторское повествование.

Abstract. The article deals with linguistic and stylistic peculiarities of represented speech. The research helps to identify stylistic significance of two varieties of the device: uttered represented speech and unuttered or inner represented speech and to describe the peculiarities of their use in Jane Austen's novel «Sense and Sensibility».

Keywords: syntactical stylistic device, represented speech, uttered represented speech, unuttered or inner represented speech, the author's narrative.

Творчество Джейн Остен (Jane Austen, 1775-1817) занимает важное место в истории английской литературы. В 1811 году под псевдонимом Леди Джейн писательница выпускает роман «Разум и чувство». Дж. Остен – первый англоязычный автор, полномасштабно включивший несобственно-прямую речь (далее – НПР) в свои произведения. Представляется удивительным, насколько широко и уверенно писательница использует НПР при столь малой литературной традиции.

По мнению И.Р. Гальперина, несобственно-прямая речь является стилистическим приемом и включает две разновидности:

- 1) косвенно-прямую речь, передающую звучащую чужую речь;
- 2) изображенную речь (или внутреннюю), передающую мысленную речь персонажа, «которая служит способом художественного изображения внутреннего состояния героя, но не является формой передачи речи персонажа» [1: 167].

В.А. Кухаренко в работах, посвященных интерпретации текста, рассматривает НПР как тип повествования [4: 125].

В данной статье несобственно-прямая речь рассматривается как один из главных синтаксических стилистических приемов.

Для несобственно-прямой речи характерными являются следующие признаки:

- 1) временная форма смещается в прошлое;
- 2) личное местоимение 3-го лица заменяет личные местоимения 1-го и 2-го лица;

3) порядок слов в вопросительном предложении остается таким же, как и в прямой речи;

4) фрагментарный характер высказывания проявляется в незаконченных предложениях, восклицаниях, односоставных предложениях;

5) зачастую переход от авторского повествования к данному типу НПР почти незаметен [3: 238].

Стоит отметить, что, в отличие от косвенно-прямой речи, внутренняя (или изображенная) речь часто вводится глаголами умственного восприятия, такими как *think* (думать, размышлять), *meditate* (замышлять, затевать), *feel* (чувствовать, ощущать), *wonder* (интересоваться; задавать (себе) вопрос, *understand* (понимать) или такими существительными, как *idea* (идея), *thought* (мысль) [3: 241].

Общий объем проанализированного текста составил 380 страниц, из которых методом сплошной выборки было извлечено 70 фрагментов НПР.

В романе косвенно-прямая речь чаще всего сочетается с авторским повествованием:

«...Sir John, could not have thought it possible. "A man of whom he had always had such reason to think well! Such a good-natured fellow! He did not believe there was a bolder rider in England! ... He would not speak another word to him, meet him where he might, for all the world! ... Such a scoundrel of a fellow! such a deceitful dog! It was only the last time they met that he had offered him one of Folly's puppies! and this was the end of it!»

Mrs. Palmer, in her way, was equally angry. «She was determined to drop his acquaintance immediately... and she should tell everybody she saw, how good-for-nothing he was...» [2: 206].

Общество осуждает поступки Уиллоби. Сэр Джон и Миссис Палмер приходят в негодование от того, какое первое впечатление произвел Уиллоби и как впоследствии он обходится с Марианной Дэшвуд.

Говоря о внутренней речи, необходимо подчеркнуть, что данный тип НПР, введенный глаголами умственного восприятия, наиболее распространен в романе:

«On Elinor its effect was very different. She **began** immediately **to determine**, that Edward who lived with his mother, must be asked as his mother was, to a party given by his sister; and to see him for the first time, after all that passed, in the company of Lucy!—she hardly knew how she could bear it!» [2: 222].

В этом случае автор применяет глагол **to determine** (осознавать), чтобы передать мысли Элинор Дэшвуд. Отметим, что Джейн Остен оформляет внутреннюю речь при помощи восклицательных предложений.

Приведем фрагмент, где внутренняя речь введена с помощью существительного:

«...How she should begin – how she should express herself in her note to Edward, was now all her **concern**. The particular circumstances between them made a difficulty of that which to any other person would have been the easiest thing in the world; but she equally feared to say too much or too little, and sat deliberating over her paper, with the pen in her hand, till broken in on by the entrance of Edward himself...» [2: 277].

Здесь мысли главной героини вводятся с помощью существительного **concern** (беспокойство, забота). Особенностью внутренней речи в данном примере является наличие в начале предложения вопросительного слова **how** (как?, каким образом?).

Внутренняя речь может сочетаться с другими стилистическими приемами.

«But indeed, while Elinor **remained so well assured within herself** of being really beloved by Edward...and that she was so, her very confidence was a proof. What other reason for the disclosure of the affair could there be, but that Elinor might be informed by it of Lucy's superior claims on Edward, and be taught to avoid him in future? She had little difficulty in understanding thus much of her rival's intentions, and while she was firmly resolved to act by her as every principle of honour and honesty directed, to combat her own affection for Edward and to see him as little as possible...» [2: 136].

Узнав от Люси о том, что та помолвлена с ее возлюбленным Эдвардом, Элинор переживает целую бурю чувств, но всеми силами пытается взять себя в руки и казаться спокойной

С помощью словосочетания **remained so well assured within herself** (оставалась абсолютно уверенной) автор создает картину душевного состояния героини. Риторический вопрос выполняет эмоциональную и оценочную функцию.

Проведенный анализ показал, что несобственно-прямая речь в романе «Разум и чувство» отличается многообразием. Данный прием позволил автору показать внутренний мир персонажей, передать читателям эмоциональное состояние героев и глубже раскрыть их характеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка: Опыт систематизации выразительных средств Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 376 с.
2. Austen Jane. Sense and Sensibility. VINTAGE, 2016 384 p.
3. Galperin I.R. English Stylistics: Ed.by L. R. Todd. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2018. 336 p.
4. Kukhareenko V.A. A Book of Practice in Stylistics: Учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов, ин-тов и фак. ин. яз. М.: Высшая школа, 1986. 144 с.

СКЛЯРЕНКО Раиса Васильевна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
skv@vlsu.ru

СОКОЛОВА Анна Сергеевна (*Владимир, Россия*)

студент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sokolova.lemon8@gmail.com

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ (на материале рассказов Ф.С. Фицджеральда)

Аннотация. Статья посвящена изучению семантико-стилистических особенностей синтаксического перечисления на материале рассказов Ф.С. Фицджеральда. В ходе исследования были проанализированы основные виды стилистического перечисления: тематическое, синонимическое, разнородное.

Ключевые слова: стилистический приём, перечисление, тематическое перечисление, синонимическое перечисление, разнородное перечисление.

Abstract. The article deals with semantic and stylistic peculiarities of syntactic enumeration on the basis of short stories by F.S. Fitzgerald. The main types of stylistic enumeration (thematic, synonymous, heterogeneous) were investigated.

Keywords: stylistic device, enumeration, thematic enumeration, synonymous enumeration, heterogeneous enumeration.

Наиболее подробное определение перечисления было дано профессором И.Р. Гальпериным: «Перечисление – это стилистический прием, посредством которого отдельные предметы, вещи, явления и действия называются одно за другим так, что образуют

цепь, звенья которой обладают равным синтаксическим статусом в предложении (поскольку чаще всего являются однородными частями речи) и неким семантическим единством, хотя и незаметным на первый взгляд» [4: 216].

Предмет изучения данной статьи – семантико-стилистические особенности синтаксического перечисления.

В стилистике английского языка некоторые лингвисты выделяют три основных вида синтаксического перечисления: тематическое, синонимическое, разнородное [2: 452].

Одним из самых ярких видов перечисления является тематическое, компоненты внутри которого связаны между собой отношениями общеродовой принадлежности, принадлежат к одной тематической группе, а также синтаксически однородны:

*«The storm had dealt out fractures of the **leg, collar bone, ribs and hip**, lacerations of the **back, elbows, ears, eyelids, nose**; there were wounds from flying planks, and odd splinters in odd places, and a scalped man, who would recover to grow a new head of hair. Living or dead, Doc Janney knew every face, almost every name»* [3: 263].

В этом примере («The Family in the Wind») используются две перечислительные цепи, компоненты которых, тем не менее, принадлежат к общей теме «части тела». Компоненты первой цепи можно отнести к более узкой группе: «кости», «ноги», «ключицы», «ребра и бедра». Части второй цепи: «спина», «локти», «уши», «веки», «носы». Автор прибегает к приему перечисления, чтобы более подробно описать ужасные последствия свирепого торнадо. На плечи доктора Дженни, главного героя рассказа, легла ответственность за спасение непрекращающегося потока тяжело раненных жителей.

Не менее важным видом синтаксического перечисления является синонимическое. Компоненты синонимического перечисления принадлежат к одной части речи, синтаксически однородны и являются близкими или тождественными по предметно-логическому значению хотя бы в одном из своих лексико-семантических вариантов [1]:

*«He tried to picture how Lorraine had appeared to him then – very attractive; Helen was unhappy about it, though she said nothing. Yesterday, in the restaurant, Lorraine had seemed **trite, blurred, worn away**. He emphatically did not want to see her, and he was glad Alix had not given away his hotel address» [3: 248].*

Сравнивая внешность Лоррейн в старых воспоминаниях Чарли Уэйлса и то, какой она предстала перед ним днем ранее, в рассказе «Babylon Revisited» автор использует цепочку контекстуальных синонимов – «уставшая», «бледноватая», «постаревшая» – для передачи контраста прежней и настоящей Лоррейн. Чарли не был больше в ней заинтересован, в прежние же времена она его интересовала только из-за пелены постоянного опьяненного состояния Чарли. Теперь главный герой всегда держал себя в руках, и все его мысли занимала их будущая жизнь с дочерью. На этом фоне Лоррейн показалась ему серым отголоском неприятного прошлого, о котором Чарли хотел бы забыть.

Наиболее распространенным видом перечисления в рассказах Ф.С. Фицджеральда является разнородное перечисление. Его особенностью является то, что компоненты могут быть семантически разнородными (при этом однородными структурно), структурно разнородными (при этом однородными семантически), а также разнородными структурно и семантически [1]:

*«Home was a rambling frame house set on a white lap of snow, and there she met a big, gray-haired man of whom she approved, and a lady who was like an egg, and who kissed her—these were Harry's parents. There was a breathless indescribable hour crammed full of **half-sentences, hot water, bacon and eggs and confusion**; and after that she was alone with Harry in the library, asking him if she dared smoke»* [3: 81].

В приведенном примере («The Ice Palace») используются компоненты перечислительной цепи, однородные структурно, поскольку автор употребляет только существительные, но разнородные семантически, так как данные компоненты принадлежат к разным семантическим полям: «обрывки фраз» – высказывания, «горячая вода» – удобства в доме, «яичница с беконом» – еда, «смущение» – эмоции. Салли Кэрролл впервые была на севере, в обществе коренных суровых северян, и потому была потеряна и не знала, как себя вести. Автор описывает смущенность и неловкость Салли Кэрролл в доме родителей ее избранника.

Таким образом, проведенное исследование семантико-стилистических особенностей синтаксического перечисления на материале рассказов Ф.С. Фицджеральда показало, что основными видами приёма являются тематическое, синонимическое и разнородное, которые служат основой определенного воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левашова В.А. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления на материале английского языка: Дисс. ... кандидата филологических наук. М., 1976. 191 с.
2. Склярёнок Р.В., Урлина А.В. Функционально-стилистические особенности синтаксического перечисления // Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект». Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 451-455.

3. F. Scott Fitzgerald. Selected Short Stories. M: Progress Publishers, 1979. 360 с.
4. Galperin I.R. English Stylistics. Изд.6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 336 с.

СМИРНОВА Людмила Георгиевна (*Смоленск, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет
naksemit@gmail.com

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОЦЕНОЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ ГОВОРЯЩЕГО

Аннотация. В статье рассматриваются средства выражения оценки в русском языке. Они представлены практически на всех уровнях языка и могут быть объединены в функционально-семантическое поле оценочности. Ядром поля являются слова и фразеологизмы, а также морфемы. На периферии поля находятся грамматические, фонетические единицы. Парадигматический аспект рассмотрения единиц с оценочным компонентом позволяет выявить объединяющую их прагматическую функцию. Синтагматика языковых единиц с компонентом оценки предполагает создание определенного фона текста: позитивного или негативного.

Ключевые слова: языковая оценка, аксиология, функционально-семантическое поле оценочности, парадигматика, синтагматика.

Abstract. The article highlights the means of expressing the estimation in Russian language. They are represented at almost all levels of the language and can be combined into a functional-semantic estimative field. The core of the field is made up of words and set phrases, as well as morphemes. The grammatical and phonetic units are on the periphery of the field. The paradigmatic aspect of consideration of the units with an estimation component reveals a pragmatic function that unites them. The syntagmatic of language units with the estimative component involves the creation of a certain text background, either encouraging or discouraging.

Keywords: language estimation, axiology, functional-semantic field of estimation, paradigmatic, syntagmatic.

Парадигматический аспект исследования предполагает рассмотрение языковых единиц, объединяемых в сознании носителей языка общностью формы, содержания либо особенностями употребления (прагматической характеристикой). Парадигматические отношения можно обнаружить при анализе элементов разных уров-

ней языка, предназначенных для выражения оценки различных объектов и явлений действительности.

Оценка как ментальная категория представляет собой акт человеческого сознания, заключающийся в сравнении предметов, лиц, явлений и соотнесении их свойств и качеств с нормой. Н.Д. Арутюнова отмечала тот факт, что оценка является одним из типов прагматического значения, т. е. того значения, которое слово или высказывание приобретает в ситуации речи, отражая коммуникативные намерения говорящего [3: 5]. Прагматическая функция «оценочного приговора» чрезвычайно важна в речевой деятельности. Характерно высказывание основоположника изучения оценки Шарля Балли: «Наша мысль <...> постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки» [4: 183]. В сущности, именно прагматика является тем фактором, который связывает оценочно маркированные единицы в сознании носителей языка, определяет их как ресурсы, помогающие выразить говорящему негативное или позитивное отношение к предмету речи.

В многочисленных исследованиях, посвященных языковой оценке (работы Ш. Балли, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой, А.А. Ивина, Ю.Д. Апресяна, Т.В. Маркеловой, В.Н. Телия, Л.А. Сергеевой, Л.М. Васильева, Т.А. Трипольской, З.К. Темигазиной и др.), отмечается бинарность оценочных сигналов (реализация в парадигме *хорошо / плохо* – аксиологическая оценка; *должно / не должно* – деонтическая оценка); представленность оценочно маркированных единиц практически на всех языковых уровнях; соотнесенность семантической категории оценочности с категориями эмотивности и экспрессивности; асимметрия оценки, находящая выражение в количественном преобладании элементов, выражающих пейоративную

оценку. Оценочный компонент чаще всего рассматривают как часть *коннотативной семантики* лексемы, дополняющей ее денотативную семантику [2; 5; 6; 8].

Анализ оценочных ресурсов языка в парадигматическом аспекте позволяет рассмотреть разноуровневые единицы, способные передавать оценочную интенцию говорящего, в рамках функционально-семантического поля оценочности. В ядерной зоне поля находятся единицы, с помощью которых прагматический сигнал передается с наибольшей отчетливостью. Это прежде всего лексемы и фраземы с оценочным компонентом значения (*подвижник, вдохновляющий, способствовать, подавлять, обскурант, служить верой и правдой, гонять лодыря, валять дурака*), среди них самыми важными в функциональном отношении являются общеоценочные слова (*сокровище, замечательный, негодяй, отвратительно*).

Именно на лексико-фразеологическом уровне языка с особой наглядностью проявляются взаимоотношения оценок и ценностей. Причем исходной базой формирования оценочных суждений является система этноспецифичных аксиологических установок. По словам В.Н. Телия, «...эмотивно-оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки...» [7: 39].

С другой стороны, не подлежит сомнению тот факт, что национальная система ценностей как таковая не представлена в виде перечня постулатов и аксиологических номинаций. Она как бы «растворена» в языке, прежде всего в лексике и фразеологии, представляющих собой наиболее информативный языковой ресурс. Аксиологическая иерархия находит отражение и в текстах, значимых в соци-

окультурном отношении, она реконструируется именно на основании *оценок*, которые даются тому или иному явлению членами социума. Справедливым представляется замечание Н.Ф. Алефиренко: «Оценка – форма существования ценностей» [1: 100].

Значимым средством выражения оценки в русском языке являются морфемы, способные в том числе интенсифицировать оценку в слове, причем суффиксы (*солдатня, нахалюга, старикашка, девуля*) находятся ближе к ядру поля, чем приставки (*суперняня, архиподлец, развалить*). В ядерную зону функционально-семантического поля оценочности входит также конstituент с суперсегментными фонетическими единицами (ИК-5 – *Чудная девушка!*, ИК-7 – *Какой он учитель! (плохой учитель)*). В околоядерной зоне расположен конstituент, включающий синтаксемы, способные передавать оценочное отношение говорящего (например, инфинитивно-субстантивная модель Inf N 1 – *Жить на Родине – счастье*; фразеологизированные модели предложений – *Ему не до сна*). К периферии поля оценочности можно отнести граммемы (слова общего рода – *цаца, фря, умница*; суперлативы – *сладчайший* и др.), фонетические и графические средства, способные передавать оценочный сигнал. В соответствии с оценочной асимметрией зона пейоративной оценки поля оценочности значительно (почти трехкратно) превышает зону мелиоративной оценки.

Синтагматические отношения проявляются в соединении в речи оценочно маркированных единиц. Синтагматикой определяется комбинаторика единиц в высказывании. При этом многие разноразрядные средства служат в речи для экспликации, уточнения оценки, передаваемой лексической семантикой.

Как отмечает Н.Б. Мечковская, «во всем здании оценочного суждения оценочные средства лексики – это только его «кирпичики» (готовые или на ходу создаваемые находчивым говорящим). Между тем на иллокутивно-синтаксическом уровне соединяются все оценочные возможности языка и речевого творчества говорящих...» [6: 304]. Причем текст с оценочной иллокуцией «заряжает» той или иной оценкой в том числе нейтральные лексические единицы. При этом создается позитивный или негативный оценочный фон, обусловленный во многом жанром текста, например, рекламой: *«Аромат для тех, в ком **спокойствие** сочетается с **энергией**, **устойчивость** с **динамизмом**, кто знает цену времени и **быстр** в своих решениях, кто верен друзьям и **достойно** отвечает противникам, кто **окружает любимую заботой** и **не упустит свое счастье**».*

Противоположный знак оценки реализуется чаще всего в политическом дискурсе: *«В 90-х годах правовой **беспредел** процветает. Он проявляется в **высокой** общеуголовной **преступности**, росте многочисленных форм **злоупотреблений** чиновников, **коррупции**, **разворовывании** государственной собственности. Создаются основы избирательной системы, основанной на **обмане** и **подтасовках**. Понятие «**законность**» в эту пору **не в почете**»* (<https://www.sovross.ru/articles/2101/51463>).

Таким образом, оценочность является чрезвычайно важной семантической сферой языка. Средства выражения оценки представлены практически на всех языковых уровнях, они образуют специфическое *функционально-семантическое поле*. Парадигматические отношения между разноуровневыми оценочно маркированными средствами определяются возможностью использования подоб-

ных единиц в речи для передачи говорящим оценочного сигнала. Синтагматический аспект описания оценочно маркированных единиц предполагает преимущественное сочетание в контексте единиц определенного знака (позитивных или негативных), что приводит к созданию соответствующего оценочного фона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. Учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010. 283 с.
2. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. 2-е изд. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Изд-кая фирма «Восточная литература» РАН, 1995 (а). С. 156-177.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. Перевод с французского. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001, 392 с.
5. Герасименко И.Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики: Автореф... дис. доктора филологических наук. М., 2009. 47 с.
6. Мечковская Н.Б. К характеристике аксиологических потенциалов слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка: языки пространств / РАН, Ин-т языкознания. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 299-307.
7. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
8. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 166 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. https://studref.com/515367/marketing/reklama_parfyumerii (дата обращения 15.03.2020 г.)
2. <https://www.sovross.ru/articles/2101/51463> (дата обращения 15.03.2020 г.)

СОКОЛОВА Ольга Ивановна (*Владимир, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
sok.ol@list.ru

ВОПРОС О МЕСТЕ ПОЯСНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБОСОБЛЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье ставится вопрос о системе обособленных членов предложения, о наличии у пояснительных членов доли предикативности. Рассматривается специфика значения и связи компонентов пояснительных конструкций.

Ключевые слова: обособленные члены, пояснительные члены, предикативность, полупредикативность, экспликативы полупредикативности.

Abstract. The paper deals with the issue of the system of isolated parts of a sentence, and the idea that explanatory members share some predicativity. Characteristics of the meaning and connection of the explanatory constructions' components are considered.

Key-words: isolated parts of a sentence, explanatory parts of a sentence, predicativity, semi-predicativity, explicators of semi-predicativity.

Понятие *обособленные члены* охватывает широкий круг синтаксических явлений, специфика которых не всегда четко определена в научной литературе. Лингвисты неоднократно отмечали, что конструкции, называемые *обособленными членами*, в структурном, семантическом, интонационном плане весьма разнородны [7: 7; 13: 302 и др.], при этом многие явления остаются «неохваченными» [8: 256].

Существует традиция делить обособленные члены на полупредикативные и пояснительные в широком смысле. Полупредикативные члены «обладают большой информативной нагруженностью», «содержат дополнительное сообщение, сопутствующее общению, содержащемуся в распространяемой части предложения, и характеризуются относительной информативной самостоятельностью», пояснительные же («поясняющие») «формально зависят от

распространяющих членов предложения (исключение – поясняющий оборот с обстоятельственным значением при глаголе-сказуемом) и имеют уточняющий, конкретизирующий характер» [9: 181]. Нередко лингвисты понятиями «добавочное сообщение», «дополнительная характеристика» определяют и ту, и другую группу обособленных членов [1: 158; 2: 229; 10: 272 и др.]. Ср. с высказыванием Е.С. Скобликовой: «обособление обуславливается либо выражением полупредикативности, либо функцией дополнительной характеристики» [10: 275].

По наблюдению В.И. Фурашова, «указанное разбиение осуществлено на разных основаниях: полупредикативность понимается как явление конструктивно-синтаксического уровня предложения, а пояснение (уточнение) – как явление логико-синтаксического уровня» [13: 302].

А.А. Камынина высказывает мысль о том, что термин «полупредикативный» в лингвистической литературе конкретно не определен; указывая на его широкое толкование, она замечает, что «выделение полупредикативных единиц как особых синтаксических структур возможно при более узком толковании полупредикативных отношений, а именно как отношений сказуемостных» [4: 188]. При этом сказуемостное значение обычно приписывается деепричастным и причастным оборотам, приложениям, адъективным оборотам.

Существенно, что под *обособлением* чаще всего понимают обособление от предикативного центра и, таким образом, в качестве обособленных рассматривают исключительно второстепенные члены [2: 229; 3: 94; 5: 198; 6: 416; 10: 255 и др.].

Тем не менее в лингвистических работах было обращено внимание на то, что если включать в число обособленных членов кон-

струкции с пояснением (уточнением), то обособленными могут оказаться и второстепенные члены, и сказуемое [см. 13: 176]. При этом, как уже указывалось, «поясняющие (уточняющие) члены чаще всего выводятся из сферы полупредикативности и составляют особый разряд обособленных членов» [13: 177].

Логическую основу пояснительных отношений составляет мысль о тождестве, в пояснительных конструкциях второй член «синтаксически дублирует» первый [7: 69], пояснение – это «своего рода толкование одного слова другим, вследствие чего они представляют один усложненный член предложения» [5: 202], пояснение «не двигает изложение дальше, так как передает синтаксические отношения между компонентами, которые называют один и тот же кусочек действительности» [12: 338].

Между поясняемым и поясняющим членом возникает особая связь (это вопрос уже рассматривался в научной литературе – «имеющая признаки сочинения и подчинения» [9: 168], *аппликативная* связь [8: 262-264]).

Противопоставление «полупредикативные – пояснительные члены», отраженное и в вузовских учебниках по синтаксису русского языка, предполагает факультативность вносимого пояснительными членами смысла и отсутствие у них доли предикативности. Вместе с тем Е.С. Скобликова замечает, что «противопоставление уточняющего обособления другим его типам неодинаково целесообразно» [10: 272], например, у постпозитивных определений и приложений уточняющая функция может совмещаться с полупредикативной [10: 272-275]. В.И. Чуглов подчеркивает близость пояснительных и полупредикативных членов, но не приравнивает их друг другу: «Обособление поясняющего члена и соотнесенность ряда с параллельными

членами с простыми предложениями тождества некоторым образом сближает пояснительные конструкции с полупредикативными, но не стирает различий между ними: различий в структуре, виде неполной предикативности, функциях и др.» [14: 33], ученый называет их «неполнополипредикативными» [там же].

По мнению А.А. Камыниной, «полупредикативные отношения никогда не выражаются *verbum finitum*» [4: 191]. Но уже в Русской грамматике-1980 в разделе «Поясняющие обороты» содержится § 2123, посвященный оборотам с главным словом-спрягаемой формой – «обособленным сказуемым» [9]. В.И. Фурашов в статье «Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения» называет такие члены «разжалованными» сказуемыми, замечая, что «при обособлении сказуемого <...> имеет место понижение предикативного ранга» сказуемого [13: 315].

Анализ членов, поясняющих сказуемое, показывает, что они далеко не всегда вторичны (факультативны) в семантической структуре предложения и обладают долей предикативности [11]. Ср.: *Они хоть не сеяли и не жали, но урожай собирали – то есть попросту попрошайничали* (Ю.О. Домбровский) – истинный смысл эвфемизма обнаруживается лишь при обращении к пояснительному члену.

Известно, что полупредикативные члены должны характеризоваться модальным и временным значением [4: 194; 13: 315 и др.], эти категории легко обнаруживаются при анализе «обособленных сказуемых». Последние, хотя и занимают «вторые» места, обладают категориями модальности, времени и лица, ориентированными на формы основного сказуемого, что подтверждает наличие в них доли предикативности. Временной план пояснительного члена ориентирован на время основного глагола-сказуемого, а модальный

план /.../ часто персонализирован [13: 315]. В предложениях с реальной модальностью наблюдается совпадение временных планов: *И вдруг Зыбину что-то расхотелось говорить, то есть начисто расхотелось* (Ю.О. Домбровский).

Сопутствующая персональность (пояснение всегда «субъективно окрашено» [7: 69]) может быть передана модально-вводными словами, «устанавливающими соотношение автора модальных оценок полупредикативного признака с отправителем речи, говорящим лицом» [13: 304], что также эксплицирует полупредикативное значение членов: *Она читала книгу – вернее, делала вид, что читает, точнее, притворялась, что пытается читать* (Ф.А. Искандер).

Предложенные наблюдения имеют целью уточнить существо пояснительных членов и поставить вопрос об обоснованности противопоставления полупредикативных членов пояснительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов. Ч. 3. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Логос, 2002. 528 с.
3. Виноградов В.В. Введение // Грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1954. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. С. 5-111.
4. Камынина А.А. О формально-синтаксических признаках полупредикативных конструкций в русском языке // Славянская филология. Вып. 9. М.: МГУ, 1973. С. 188-199.
5. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения. М.: Высшая школа, 2004. 560 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
7. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высш. школа, 1990. 176 с.
8. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. 351 с.
9. Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1982. 709 с.
10. Скобликова Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М.: Флинта; Наука, 2006. 320 с.
11. Соколова О.И. Пояснительные члены при глаголе-сказуемом // Семантика языковых единиц в разных типах речи: сборник статей международной

научной конференции / под науч. ред. Е. Н. Лагузовой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 176-181.

12. Уханов Г.П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследования по славянской филологии. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 336-346.

13. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 301-318.

14. Чуглов В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке: структурно-семантический аспект: автореферат. ... дисс. доктора филологических наук: 10.02.01. Ярославль, 2012. 45 с.

СТАРОСТИНА Татьяна Владимировна (*Коломна, Россия*)

магистрант
Государственный социально-гуманитарный университет
Meinbrief@bk.ru

КОЗЛОВА Анна Юрьевна (*Коломна, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
anna_ko65@mail.ru

АНТРОПОНИМИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ГРИГОРЬЕВСКОЙ ВОЛОСТИ ПЕРЕВИЦКОГО СТАНА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ XVII-XVIII ВВ. В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Процесс развития антропонимической системы – непрерывный поиск эффективных форм, четко идентифицирующих личность, закрепленных юридически и соответствующих обычаям и времени. В данной статье представлена попытка диахронного анализа антропонимии официальных письменных источников Григорьевской волости Перевицкого стана Рязанской губернии XVII-XVIII вв. Рассматриваются тенденции изменения антропонимикона и эволюция антропонимической формулы.

Ключевые слова: Перевицкий стан Рязанского княжества, антропонимическая формула, историческая антропонимия.

Abstract. The process of development of an anthroponymic system is a continuous search for effective forms that clearly identify the personality and are legally fixed and correspond to customs and time. This article presents an attempt to analyze diachronically the anthroponymy of the official written sources of the Grigoriev volost, of Perevitsky stan, of Ryazan region in the XVII-XVIII centuries. The tendency of the anthroponymicon change and the evolution of the anthroponymic formula are considered.

Keywords: Perevitsky stan of the principality of Ryazan', anthroponymic formula, historic anthroponymy.

Необходимость изучения антропонимии в диахронном аспекте подчеркивается тесной связью истории русского народа и его языка. Низкая степень вариации условий существования в крестьянской среде обусловили общие черты в славянской ономастике [6: 97-128]. Однако даже в рамках одного языка антропонимическая система не обладает единообразием. Именно поэтому рассмотрение региональной топонимии в диахронии позволяет выявить особенности антропонимикона локальной территории и одновременно обнаружить особенности общерусской системы именования данного периода в динамике, что также содействует изучению процесса формирования современной антропонимической формулы.

Исследуемая нами территория находится на границе Рязанской и Московской областей, в древности земли Луховицкого городского округа Московской области числились в составе Рязанского княжества, на данный момент они входят в состав Московской области. Задача данной работы – выявить особенности состава и функционирования исторических антропонимов в диахронном аспекте на антропонимическом материале села Григорьевское Луховицкого городского округа. Село впервые упоминается в 1496 г. в «Выписи из жалованной данной грамоты удельного рязанского князя Федора Васильевича Солотчинскому монастырю на бортное угодье к монастырскому с. Григорьевскому» [7: 75]. В древности Григорьевское относилось к Перевицкому стану Рязанской губернии.

Исследуемый нами антропонимический материал почерпнут из «Выписи с Рязанских книг письма и меры Кирилла Воронцова-Вельяминова да подьячих Тимофея Молчанова да Михаила Семенова о вотчинах Солотчинского монастыря 1628-1629 гг.» [7: 127-128], из «Описания вотчин Солотчинского монастыря – 1646-1647

годов» [7: 163-172], из переписных, платежных и писцовых книг издания «Зарайск. Материалы для истории города XVI-XVIII столетий»[2].

Данные документы представляют собой перепись крестьян Григорьевской волости и содержат богатый антропонимический материал: корпус имён, прозвищ, патронимов и фамилий, а также позволяют проследить изменения в антропонимической формуле официального именованя.

Так, в документах 1628-1677 гг. используется двусловная формула: личное имя и патронимическое именованя, где второй компонент формулы чаще всего употребляется в форме притяжательного прилагательного от личного имени отца (*Осипко Антонов* [7: 125]) или от прозвищного имени отца (*Демка Белой, Клека Харин* [7: 126-127]).

Но в «Переписной книге г. Зарайска, Перевицкого и Ростиславского станов Зарайского уезда, 1715-1716 годов» произошло усложнение формулы: к уже имеющимся личному имени и патронимическому именованию присоединяется третий антропоним и слово-связка «сын»: *Емельян Максимов сын Масленников* [2: 58].

Как отмечает Ю.Ю. Гордова, подобные конструкции отражают общие тенденции официальных записей людей Центра и Северо-Востока Руси, а также являются типичными для средневековых актов документов, относящихся к Рязанской губернии [1: 3].

Изменению подвергается и антропонимикон, в т. ч. доля некалендарных личных имен стремительно сокращается. Если в документах 1628-1629 гг. в Перевицком стане было зарегистрировано значительное количество некалендарных личных имен, таких как *Первуша (4), Милован, Истома, Ждан, Безсон, Ломако, Гневаш,*

Лунь, Малыш, Сазан, Покид [7: 125-127] и т. д., то уже в 1646-1647 гг. в с. Григорьевское отмечено только одно некалендарное имя в качестве личного (*с Первушкою* [7: 163]), остальные приведенные некалендарные имена начинают фигурировать в качестве прозвищ: *Сидорка, прозвище Неустройка, Михайлов; Тимошка, прозвище Богдашка, Алексеев; с Ефтифейком, прозвище Дружичека* [7: 164-165]. Также в этом документе употреблена единичная формула *Бориска Яковлев сын Лисица* [7: 164], в котором не обозначена принадлежность последнего компонента к прозвищам. В более поздних документах прозвища перестают фигурировать.

Изменения коснулись и формы личных имен. В документах 1715-1716 гг. не используется широко распространенная деминутивная форма личных имен, подчеркивающая разрыв в социальных отношениях в результате присоединения деминутивных суффиксов к полной или усеченной основе личного имени: *Фирсик Григорьев с братом с Анурком* [7: 125]. Вместо нее употребляется полная форма имени.

Фонетико-орфографическое варьирование форм антропонимов: противопоставление аканья и оканья (в Перевицком стане – *Ондрейко, Олешка*, в Рязани – *Андрейко, Алешка*), смягчение в усеченной основе согласного (*Федка и Федька, Сенка и Сенька*), замены *Н на М* (*Микита* вместо *Никита*) постепенно сходит на нет. Антропонимы в источнике 1715-1716 гг. имеют относительно устойчивое и единообразное для всего документа написание.

Происходит качественный сдвиг по отношению к женским антропонимам. Так, в «Выписи» 1628-1629 гг. женские имена встречаются редко: *просвирница Федосьица с зятем Ондрюшкою и двор пуст вдовы Катерины Пятункиной жены Корулина* [7: 125]. Отме-

тим, что в первом случае употреблена деминутивная форма имени, как и во всем документе (кроме имен священнослужителей: *поп Ларион и поп Тимофей* [7: 125]). Но личное имя вдовы приведено в полной форме. Ю.Ю. Гордова связывает данный факт с наделением вдов имущественными правами из-за утраты главы семьи [1: 4].

Документы 1628-1629 гг. содержат антропонимические данные только взрослых мужчин, в 1647 и 1677 гг. в перепись включены дети мужского пола (*Гришка Микитин с сыном с Мишкою* [7: 164]).

Женская антропонимическая формула, кроме трех постоянных компонентов (имя, патроним, именные данные мужа), обязательно содержит и указание на семейное положение: *вдова Марья Леонтьевская дочь Марковская жена Победова* [2: 54].

Отметим, что для документа 1715-1716 гг. характерно использование семейно-родового именованья, объединяющего группу людей в своеобразное гнездо.

Только у главы семьи соблюдена полная формула именованья, включающая личное имя, патроним и семейно-родовое именованье, второстепенные члены семьи (жены, дети, снохи) именуется в краткой форме: личное имя и идентификатор степени родства.

Семейно-родовые именованья оформлены суффиксами -ов/-ев-, -ин-: *Бокланов, Яковлев, Кузьмин* [7: 125]. Образований на -ский(-цкий), отмеченных Ю.Ю. Гордовой в Пехлецком стане, а также других формантных типов (-ий (-ый), -ой, -ук) не обнаружено.

Изменения, происходившие в региональном именованье в XVII-XVIII вв., хорошо заметны при сравнении официальных документов Григорьевской волости Перевицкого стана Рязанской губернии XVII-XVIII вв. разных периодов. В XVII в. жители Перевицкого стана обладали календарными и некалендарными личными имена-

ми. Постепенно некалендарные имена были полностью вытеснены календарными. В форме записи личных имен традиционно используемые деминутивные формы с финалями *-ка, -ко* (*Афонка, Марчко*) заменяются полными формами (*Афонасей, Марка*).

Семейно-родовое именование – обязательный атрибут при записи князей, бояр и помещиков в XVI в. – только в начале XVIII века становится достоянием крестьянских семей. В этот же период в официальных документах начинают регистрироваться женские имена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 20. Гордова Ю.Ю. Рязанская антропонимия: собственные имена жителей Пехлецкого стана (XVI век) / Отв. ред. Б.В. Горбунов / ГОУ ДПО «Рязанский областной институт развития образования». Рязань: Узорочье, 2009. 50 с.
2. Никонов И.Н., Найденов Н.А. Зарайск. Материалы для истории города XVI-XVIII столетий. М: Типо-Литография И.Н. Кушнерева и К, 1886.
3. Переписная книга г. Зарайска, Перевицкого и Ростиславского станов Зарайского уезда, 1715-1716 годов // РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 124.
4. Переписная книга Зарайска и вотчин Перевицкого стана Романа Матова да поддьяка Федора Патрикеева 186 года РГАДА ф. 1209 оп. 1 д.13344.
5. Роспись дворов монастырских служителей и крестьян сел Григорьевское и Билдино с деревнями, 1652 год. РГАДА ф. 1202, оп 4, д. 1.
6. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды А.М. Селищева. М.: Просвещение, 1968. С.97-128. (Перепечатка работы 1948 года).
7. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края, Т. 4, Рязань, 2005.

СУНЬ Сяоли (*Санкт-Петербург, Россия/ Цзинань, Китай*)

аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
Sunxiaoli_smile@163.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ХЕЗИТАТИВНОГО МАРКЕРА ЭТО САМОЕ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье описывается хезитативный маркер ЭТО САМОЕ (ЭС) в русских художественных текстах и его переводы на китайский язык. Ма-

териал исследования составили 39 употреблений ЭС в двух его функциональных разновидностях: «чистый» хезитатив и маркер хезитативного поиска. В китайских переводах были обнаружены три приема передачи этого маркера: (1) ЭС → значимые единицы; (2) опущение ЭС; (3) ЭС → соответствующий китайский маркер. Учет прагматического фактора и применение метода дискурсивного анализа являются важными условиями для достижения адекватности в переводе.

Ключевые слова: хезитативный маркер, художественный перевод, прием перевода, прагматический фактор, дискурсивный анализ

Abstract. The article describes the hesitant marker *ETO SAMOE* (ES) in Russian literary texts and its translations to Chinese. The research material consists of 39 uses of ES in two of its functional varieties: “pure” hesitation and hesitant-search marker. Three ways of translating this marker to Chinese were found: (1) ES → significant units; (2) the omission of the ES; (3) ES → corresponding Chinese marker. Consideration of the pragmatic factor and the use of discourse analysis are important conditions for achieving adequacy in translation.

Keywords: hesitant marker, literary translation, ways of translating, pragmatic factor, discourse analysis

Слово *самый* попадает под действие одного из активных процессов русской устной речи – *прагматикализации*, в результате которой единица практически утрачивает свое исходное лексическое и / или грамматическое значение, приобретает прагматическое (функцию) и превращается в прагматический маркер (ПМ) *это самое* (далее – ЭС) [5] (о прагматикализации см., например: [7; 8]. ЭС может выступать в современной русской речи в роли хезитативного маркера, маркера самокоррекции, а также разграничительного маркера всех трех типов (стартового, навигационного и финального) (см. подробнее: [2; 3]). Функция хезитации для ЭС при этом легко поддается дальнейшей систематизации, что и будет рассмотрено в настоящей статье.

Художественная речь характеризуется использованием разговорных элементов как средств «имитации» настоящей устной речи [4: 30]. Весьма частотен среди таких средств и прагматический маркер *это самое*, хотя с данной точки зрения он в лингвистической литературе пока не рассматривался. Поэтому в качестве материала

для настоящего исследования были использованы тексты русских художественных произведений, содержащие ЭС, и их китайские переводы. Всего было рассмотрено 20 произведений, в пользовательский подкорпус материала вошли 39 употреблений ЭС в контекстах, извлеченных из этих произведений.

Основная задача работы заключается в анализе функционирования ЭС как хезитативного маркера в русских художественных произведениях и в обобщении приемов его перевода. Функции хезитативного маркера ЭС можно разделить на два типа в рамках материала: только хезитатив и хезитация + поиск. Рассмотрим примеры.

1) *Ведь он – мамин, это самое... Это гадкие слова, не хочу повторять...* [Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955)];

- *他是妈妈的.....这种肮脏的字眼儿, 我真说不出口.....*[帕斯捷尔纳克著; 力冈·冀刚译. 日瓦戈医生]. (ЭС не переведен)

В примере (1) поиска слова фактически нет, герой нарочно его не произносит, чтобы избежать употребления слишком вульгарного выражения (объяснение автора об этом подчеркнуто). Хезитация, однако, присутствует: говорящий употребил маркер ЭС, демонстрируя свое колебание, а затем уже объяснил, почему не хочет продолжать. Переводчик, видимо, признал бессмысленность маркера в этом контексте (отсутствие поиска) и никак не перевел его.

2) *а он его же норовит... в это самое направить... да-а-а...* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвёртая (1928-1940)];

- *而是有意.....叫老子去死.....噢噢.....*[肖洛霍夫著; 力冈译. 静静的顿河]; (ЭС – 死 *si* 'смерть')

3) *Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание...* [А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)];

- *最重要的是这个.....不要什么童犯教养院, 你该明白, 要的是社会教育.....*[马卡连柯著; 磊然译. 教育诗]; (ЭС – 这个 чжэ гэ 'это')

4) *Ко мне... это самое... пришел, значит, мой крестник, как его...* [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934-1939)];

- *我那个.....上.....我家来, 就是说, 我那个教子, 他叫.....*
[希什科夫著; 戴骢·任重译. 普加乔夫 第一卷下]. (ЭС – 那个 на гэ 'то')

ЭС в примерах (2)-(4) относятся к хезитативно-поисковым маркерам. Но результат поиска в этих контекстах не одинаков. Известно, что хезитация может «возникнуть у говорящего в случае поиска различных лексических средств для продолжения монолога» [3]. В примере (2) в рамках грамматической конструкции *направить во что* в поисках необходимого дополнения говорящий использует ЭС, после этого употребляется многоточие, обозначающее обрыв, незаконченную мысль или паузу (см., например, о такой функции многоточия в художественном тексте: [1]), и метакоммуникативный маркер *да-а-а*, которым говорящий словно бы ответил себе на эту невысказанную мысль. Здесь переводчик хезитацию полностью проигнорировал и перевел ЭС как имя существительное *死* *си* 'смерть'.

Вполне удачный поиск в примерах (3)-(4) оформлен писателем по-разному.

Объектом поиска в контексте (3) является именная группа *социальное воспитание* (подчеркнута). В поисках этого выражения говорящий (конечно, волею автора) хезитирует с использованием ЭС, затем дает протяженное пояснение «от противного» (*не какая-нибудь там колония малолетних преступников*) и лишь затем употребляет искомое словосочетание. Поиск завершен, таким образом, удачно, хотя и дистантно (в режиме офлайн).

В контексте (4) демонстрируется поиск говорящим целой предикативной единицы *пришел мой крестник*. Этот поиск оформлен автором с использованием не только ЭС, но и других хезитативных маркеров. Сразу после ЭС (в режиме онлайн) найден сначала глагол (*пришел*), после второго поискового «раунда», с использованием хезитатива *значит*, найден и объект (*мой крестник*), имя которого так и не нашлось, в результате после третьего поискового маркера *как его* следует обрыв и многоточие (подробнее о единицах *значит* и *как его* (её, их) в роли хезитативов см.: [3]).

В последних двух контекстах ЭС были удачно переведены китайскими хезитативно-поисковыми маркерами *这个 ちжэ гэ* ‘это’ и *那个 на гэ* ‘то’, которые часто употребляются, когда говорящий не может найти подходящее слово или выражение [9: 25]. Денотативное значение этих местоимений уже исчезло. Они не играют синтаксической роли в предложениях, относительно независимы и не вступают в синтаксические связи с компонентами предыдущих и последующих предложений [10: 70].

Во всех отобранных контекстах в целом были употреблены три разных приема перевода хезитативного прагматического маркера *это самое*, как это показано выше: (1) ЭС → значимые единицы (20 случаев – 51,3 %); (2) опущение ЭС (11 – 28,2 %); (3) ЭС → ки-

тайский ПМ (8 – 20,5 %). Видно, что значительные трудности могут возникнуть при переводе прагматических маркеров с русского языка на китайский из-за несовпадения систем и норм этих двух языков. Кроме того, большое влияние на выбор приемов перевода оказывает мастерство переводчика, т. е. его способность уловить мысль оригинала и адекватно передать её на другом языке.

«Прагматический фактор является одним из наиболее важных “фильтров”, определяющих не только способ реализации процессов перевода, но и сам объект передаваемой информации» [6: 178]. Поэтому достижение адекватности перевода фрагментов разговорной речи требует от переводчика учета прагматического фактора и применения метода дискурсивного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяткина С.В. Метаграфемика в создании эмотивного кода русского рассказа XXI века // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018 / Ред. Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018. С. 1075-1084.

2. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.

3. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. М.: Языки славянской культуры, 2021. 405 с. В печати.

4. Рыжова Н.В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 1, 2003. С. 29-34.

5. Сунь Сяоли. Слово *самый* как компонент устойчивых сочетаний в русском языке и речи // Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. Материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. Нижегородский гос. линг ун-т им. Н.А. Добролюбова. 2-4 июня 2021 года (Н. Новгород, Россия). Н. Новгород: НГЛУ, 2021. В печати.

6. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. Учебник. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

7. Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.

8. Günthner S., Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang,

N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. Pp. 77-107.

9. Ли Хэн. Анализ прагматических функций дискурсивных маркеров «чжэ гэ» и «на гэ» // Культурно-просветительские материалы. 2011. № 32. С. 25-26.

李恒. 话语标记语“这个”和“那个”的语用功能分析[J].文教资料, 2011, 第32期: 25-26.

10. Лю Лиянь. Дискурсивные маркеры в устном общении. Чжэцзян: Чжэцзянский университет. 2005.

刘丽艳. 口语交际中的话语标记[D]. 浙江: 浙江大学, 2005.

УСМАНОВА Лилия Аббаровна (Казань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
usmanova77@rambler.ru

ОЦЕНОЧНЫЙ ДИАПАЗОН НАИМЕНОВАНИЙ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

Аннотация. В статье рассматривается система языковых средств выражения авторской оценки природных явлений в мемуарной прозе И.А. Бунина. Выявляется, что в аксиологический ореол могут вовлекаться единицы, принадлежащие разным уровням языковой системы, оценка явлений природы входит как часть в общее построение описания и органически связана с дескриптивной стороной авторского текста.

Ключевые слова: аксиология, природные явления, авторская оценка, синтагматика.

Abstract. The article examines the system of linguistic means of expressing the author's estimation of natural phenomena in the memoirs prose of I.A. Bunin. It is revealed that units belonging to different levels of the language system can be involved in the axiological halo, the estimation of natural phenomena is included as part of the general construction of the description and is organically linked with the descriptive side of the author's text.

Keywords: axiology, natural phenomena, author's estimation, syntagmatics.

Антропологический «поворот» современной лингвистики, стимулировавший изучение и каталогизацию реалий, возводимых в ранг ценностных ориентаций этноса, позволил обратиться к проблеме ценностного отношения человека к природе как источнику его биологического выживания. Идея о том, что мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением ре-

альности и окружающий мир оказывается вовлеченным в личностную сферу человека, получила развитие на новом витке лингвистической мысли, направленной на изучение этнического мировидения через взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов. «Объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т. п., и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [1: 5].

Природные феномены как объективно существующие явления характеризуются определенными особенностями восприятия, связанными с представлениями человека об окружающем его мире, о ценностном отношении к природе и чувственном способе познания мира. Аксиологическая маркированность явлений природы проявляется чаще всего через аффективные (сенсорные) оценки, отражающие чувственное восприятие мира, и рационалистические (когнитивные), формируемые отношением ментальной и социальной природы окружающей человека действительности [1-3].

Материалом для исследования аксиологии природы послужили письма, дневники, публицистика И.А. Бунина, где Природа «никогда не пейзаж, а скорее главное действующее лицо», частица души писателя, отражение его мировосприятия [4: 122].

Дождь как наиболее частотная лексема в мемуарной прозе писателя была подвергнута анализу с точки зрения оценочных предпочтений автора и определения места данного природного явления на оценочной шкале.

Наблюдения показали, что оценочная модальность наименований атмосферных явлений в аксиологической «картине мира» писателя актуализируется на всех уровнях языка – фонетическом,

лексическом, словообразовательном, синтаксическом, представляя тем самым авторское отношение к природному явлению. Авторская оценка может быть ограничена элементами, меньшими, чем слово, а может характеризовать и группу слов, и целое высказывание. На уровне текста оценка выражается, как правило, комбинированно, разными средствами, как собственно языковыми, так и вводящими фрагменты ценностной «картины мира».

Атмосферное явление дается сквозь призму личностного восприятия: оно оценивается, принимается либо отвергается. В тексте аксиологические средства являются органической частью общего авторского текста и тесно связаны с дескриптивной стороной авторского повествования в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984.
4. Мальцев Ю.В. Иван Бунин 1870-1953. Посев, 1994. 432 с.

ФЕДОРЧЕНКО Евгения Алексеевна (Москва, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Российская таможенная академия
fedorchenko-ea@mail.ru

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕННОГО СЛОВА В МИНИАТЮРАХ В.В. РОЗАНОВА (на материале цикла «Уединённое»)

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвориторических аспектов функционирования местоимений в лирико-философской прозе В. Розанова. Использование лингвистических методов контекстуального и стилистического анализа дает возможность раскрыть экспрессивный потенциал местоимений как элементов идиостиля писателя. Уникальная синтагматика местоимений в тексте является источником когнитивных трансформаций значения данных слов. Предопределяемые творческими интенциями автора когнитивные транс-

формации значения местоимений формируют сложные ассоциации, выражая в тексте все многоголосие смыслов и переживаний.

Ключевые слова: местоимение, лексическое значение, синтагматика, текст, идиостиль В.В. Розанова.

Abstract. The article discusses the linguistic and rhetorical aspects of the functioning of pronouns in V. Rozanov's lyric and philosophical prose. The use of linguistic methods of contextual and stylistic analysis makes it possible to show the expressive potential of pronouns as elements of the writer's idiosyncrasy. The unique syntagmatics of pronouns in the text is the source of cognitive transformations of the meaning of these words. Predetermined by the author's creative intentions, the cognitive transformations of the meaning of pronouns form complex associations, expressing in the text all the polyphony of meanings and emotional experiences.

Keywords: pronoun, lexical meaning, syntagmatics, text, V. V. Rozanov's idiosyncrasy.

Для чувственной импрессионистической манеры В.В. Розанова характерен широкий спектр используемых языковых средств, среди которых местоимения, номинирующие предельно общие понятия и соединяющие в себе интегральные семантические и грамматические категории русского языка, казалось бы, не могут быть особенно значимы как средство выражения экспрессии. В русской научной школе местоимения называли и словами служебными [1: 91, 116], и полуформальными [2: 63], и лишёнными собственного лексического значения [4: 163-164]. Однако в текстах В.В. Розанова местоимения удивительным образом расширяют свой семантический и риторический потенциал и становятся элементами идиостиля художника.

В лирико-философской прозе В.В. Розанова живое и непосредственное ощущение духовного начала русского человека реализуется в единении естественного, свободного движения мысли и слова. Точнее, движения мысли в слове. И это обычное, общеупотребительное слово рождает феноменальное явление русской культуры – эго-текст В. Розанова, воспринимаемый читателем «как поток сознания, ощущений, впечатлений, образов, воспоминаний, как внутренний монолог» [3: 77].

Глубина философского осмысления писателем всего окружающего, окончательно сформировавшееся в «Уединённом» религиозное восприятие мира получают естественное воплощение в авторском осмыслении свободы творческого процесса. Художник в своем творчестве декларирует свободу не только от читателя (*я уже давно пишу без „читателя“*), но и собственных волевых импульсов. Выражение мысли и чувства абсолютно свободно, без какого-либо принуждения.

«Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? почему? Кто знает? – меньше всего автор (за нумизматикой)».

Миниатюра поражает совершенством «архитектурной формы», создаваемой отбором слов и супрасегментными средствами организации речи – расчленением и объединением речевых сегментов различных уровней (слово, синтагма, фраза) посредством паузации, темпоральных изменений, повышением и понижением тона. Ритмический рисунок данного текста определённым образом стимулирует течение мысли автора (и читателя): шесть речевых отрезков, приблизительно равных по времени звучания (три фонетических слова – одно – одно – два – два – три). Субъективный уровень восприятия характеристик речевых синтагм в конечном счете связан с пониманием и интерпретацией текста.

В абсолютном начале цитируемого произведения (риторически сильная позиция) местоимение *Что-то*. Элементы просодии подчёркивают семантически значимые парцеллированные части первого предложения: *Вечно. Постоянно. Движение речи здесь максимально замедляется. Словно мысль сгущается перед основными вопросами духовной жизни: Что? почему? Кто знает?* В позиции «золотого сечения» три вопросительных местоимения.

Как известно, вопрос является эффективным средством диалогизации речи, средством активизации мышления адресата, вовлекаемого в совместную мыслительную деятельность. И в данном случае перед нами не «классические риторические» вопросы – в тексте использована гипофора (грамматический троп речи, в котором в переносном смысле используется грамматическая форма вопросительного предложения: автор задает вопрос и сам на этот вопрос отвечает). Но гипофора в данном случае достаточно условна, формальна: автор отвечает и при этом не даёт ответы, стимулируя таким образом духовные искания читателя. И это формальное использование в тексте гипофоры оказывает ещё более сильное речевое воздействие.

Интерпретация пунктуационного и графического оформления текста, а также парцелляция, фигуры убавления, гипофора предопределяют вариантность ответа на, казалось бы, простой вопрос: сколько предложений в данном тексте? Перед нами «поток сознания». И одновременно «поток переживаний».

Экспрессию нагнетают не только использованные стилистические приемы и определённые графические средства. Текст насыщен местоимениями (более трети лексических единиц – это местоименная лексика). Для писателя-философа концептуально значимыми оказываются данные слова: «Местоимение совмещает функцию указания с функцией обозначения глобальных понятий физического и духовного мира, причём оно способно не только обозначить эти понятия, но и представить их как определенные, познанные, относимые к кругу известных реалий, как соотносимые с неопределённым, неясным их кругом либо как относящиеся в область отсутствующего, несуществующего, непознанного. Местоименное слово су-

ществует как полифункциональная единица, обращенная одновременно как в область высших абстракций, так и в мир бесчисленных единичных сущностей» [5: 34].

И именно эта полифункциональность обретает индивидуально-авторское, уникальное звучание. В синтагме *Что-то течет в душе*, дающей импульс философской саморефлексии, метафоризация предиката особым образом преломляется в семантике местоименного слова. Сравните: основное (инвариантное) значение неопределённого местоимения *что-то* – какой-то неопределённый предмет (явление): *Что-то мелькнуло в темноте. Чемодан с чем-то тяжелым. Пахнет чем-то горелым. Что-то из старых вещей пригодилось...* [5: 103]. В приведенных примерах местоимение *что-то* одновременно соотносится с абстрактным понятием, описанным в Словаре местоимений [5] и контекстуально не определённой конкретной сущностью (даётся указание на некую конкретную сущность, которая контекстуально не представлена). Местоимение *что-то* в миниатюре В.В. Розанова не соотносимо в принципе с каким-либо конкретным денотатом; синтагматическая связь со словоформами *течет в душе* «переводит» местоимение *что-то* в область духовного, чувственного, неопределяемого.

Местоимения в тексте В.В. Розанова могут фиксировать этапы движения мысли и одновременно быть языковой формой для реализации самооценки:

«Вот чего я совершенно и окончательно не знаю: «что-нибудь я» или ничто? Какой-то пар надувает меня, и тогда кажется, что – «что-то». Но «развивается длинный свиток» (Пушкин) и тогда выходит – «ничто» (СПб. – Киев, вагон).

Оценочное значение неопределённых местоимений *что-нибудь*, *что-то* и отрицательного местоимения *ничто* реализуется в определённых синтагмах – при употреблении местоимений в функции предикатов. Контекстуально представлена оппозиция отрицательной самооценки «я ничто» и самооценки нейтральной (на градуальной шкале оценки это низкая степень проявления положительной оценки), которая выражается предикатами *что-нибудь*, *что-то*. Усиливающий речевое воздействие синтаксический параллелизм оценочных синтагм с местоимениями *что-нибудь*, *что-то*, *ничто* способствует возникновению новых парадигматических отношений между отдельными единицами различных лексико-семантических разрядов местоимений.

Эстетически и экспрессивно нагруженными в тексте В.В. Розанова оказываются и графические изыски:

«Из безвестности приходят наши мысли и уходят в безвестность.

*Первое: как ни сядешь, чтобы **написать то-то**, – сядешь и напишешь **совсем другое**...»*

Синтаксический параллелизм выделенных автором синтагм приводит к ментальной трансформации значений субстантивированных указательных местоимений (словоформы *то-то* – *другое* включаются в антонимические отношения).

Текст В.В. Розанова – это парадоксальное сочетание незавершённости, фрагментарности и целостности; субъективности, интимности и глубины философского обобщения. И все это связано с непосредственностью, безыскусностью и в то же время афористичностью выражения. Когнитивные трансформации значения слова (в том числе и местоименного) в потоке речи достигаются за счет из-

менений его синтагматики. Уникальная синтагматика лексических единиц в художественном тексте обуславливает изменения их парадигматики, включая таким образом когнитивные механизмы реализации языковой системы. Предопределяемые эстетическими задачами автора когнитивные трансформации значения местоимений в тексте направлены на формирование сложного ассоциативного поля, что дает возможность выразить все многоголосие смыслов и переживаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
2. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание: избранные труды. Л.: Наука, 1976. 695 с.
3. Кулагина Г.Н. Стиль, жанры, язык русской философской прозы начала XX века // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 74-78.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Либроком, 2019. 434 с.
5. Шведова Н.Ю. и Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 120 с.

ЧЕКИНА Анастасия Артемовна (*Санкт-Петербург, Россия*)

магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
fillinfofolk@gmail.com

САДОВА Татьяна Семеновна (*Санкт-Петербург, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
tatsad_90@mail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПАРА НЕМКА – НЕМОЧКА
В ФУНКЦИИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СТЕРЕОТИПА
(на материале текстов русской литературы
и публицистики XIX века)**

Аннотация. На материале русской литературы и публицистики XIX века в статье рассматриваются особенности функционирования лексической пары *немка – немочка*, выступающей в качестве презентатора «женского немецкого

стереотипа» с позиции русского человека. Демонстрируется содержательный оценочный компонент вербальной формы диминутивного этнонима *немочка*. Делается вывод о неоднозначной оценочности рассматриваемого этнокультурного стереотипа, имеющего конкретное языковое воплощение.

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, этноним *немка*, этноним *немочка*, «женский немецкий стереотип», лингвистика стереотипа.

Abstract. Based on the material of Russian literature and publicism of the 19th century, the article discusses the features of the functioning of the lexical pair “Nemka – Nemochka”, acting as a presenter of the “female German stereotype” from the standpoint of a Russian person. The substantive evaluative component of the verbal form of the diminutive ethnonym “Nemochka” is demonstrated. The conclusion is made about the ambiguous estimation of the considered ethnocultural stereotype, which has a specific linguistic embodiment.

Keywords: ethnocultural stereotype, ethnonym “Nemka”, ethnonym “Nemocka”, “female German stereotype”, linguistics of the stereotype.

В русской традиционной культуре этнический стереотип немца, имеющий свое выражение в фольклоре, повседневном общении, русской литературе и т. д., довольно хорошо описан современными исследователями в разных аспектах [6; 1]. Такой устойчивый интерес к восприятию всего немецкого в русском обществе в разные исторические периоды отчасти обусловлен весьма неоднозначными отношениями России с Германией, имеющими многовековую историю.

Как известно, в истории России женщины-немки играли немаловажную роль, особенно со времени правления Петра I. Начиная с XVIII века российские императоры вступали в династические браки преимущественно с немецкими принцессами. После Петра и другие правители России способствовали тому, что немецкое население страны, особенно в столицах, увеличивалось и глубоко прорастало в русское общество. Так, императрица Екатерина II (урожд. принцесса Ангальт-Цербстская) активно приглашала немецких колонистов, среди которых, конечно, были и женщины. Некоторые из них нередко нанимались на службу в качестве экономок и гувернанток в

аристократические дома. «Немецкие слободы» и поселения со временем появлялись по всей России. Иными словами, созданию образа *немецкого* способствовало не только историческое и политическое общение двух государств на протяжении множества веков, но и внутренние этнокультурные процессы, протекавшие почти незаметно, но отразившиеся в тех устойчивых представлениях одного народа о другом, которые принято называть стереотипными.

В указанном аспекте на материале русской литературы и публицистики XIX века интересно проследить за судьбой формирования женского речевого стереотипа, связанного с этнонимом *немка*, часто выступающим в паре с его диминутивным производным – *немочка*.

«Языковой / речевой стереотип» вслед за Е. Бартминым в работе понимается как «представление, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта», которое «воплощается человеком в языке, доступно через язык и принадлежит коллективному знанию о мире» [3: 68].

Немки каждую дырочку заштопают, англичанка не обратит на нее внимания, но не наденет ни белья, ни платья с пятнышком (А.С. Суворин. Дневник).

Характерно, что с точки зрения синтаксической позиции, в большинстве рассматриваемых текстах этноним *немка* выступает в качестве именной части сказуемого, и в этой функции заключает в себе предикацию, т. е. основное содержание высказывания. В нашем случае, когда в качестве предиката выступает этноним, всё высказывание приобретает яркое оценочное звучание: *Мне-то и не выговорить сразу. Славная бабочка, хоть немка...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Братья Гордеевы). По мнению Е. Бартминского, стерео-

тип «содержит в себе упрощённую “теорию предмета”, является элементом всей развёрнутой культурно-языковой картины мира, создаёт эту картину вместе с другими элементами» [2: 12]. В приведённом примере номинация *немка* имплицитно содержит в себе комплекс устойчивых представлений, причём – негативно окрашенных. На отрицательную оценочность в этом случае указывает семантическая структура предложения, выраженная противительной конструкцией – это ***славная бабочка, хоть она и немка.***

Не менее интересен и другой случай – когда номинация *немка*, имеющая в себе черты «свёрнутого» культурного стереотипа, всё же уточняется в отдельной предикативной части с помощью показательной метафоры, указывающей на известную характеристику женщины-немки (*сдержанность*): *Эта — деревенская девочка, та — светская дама, одна восторженна, другая холоднее льда, первая русская, вторая немка, третья дикарка, башкирка что ль?..* (Е.А. Ган. Суд света).

Примечательно, что зачастую предикат дополняется эпитетом-характеристикой, выражающим оценку, которая остаётся по преимуществу негативной: *Чтоб поплясать там с каким-нибудь колбасником или сорванцом, гвардейским офицериком, для которого что ты благородная и честная девица, что какая-нибудь **разбитная немка** – всё едино.*

В следующем примере интересно, что отрицательная коннотация достигается с помощью амплифицированного ряда контекстных синонимов, а именно – происходит градационное расширение и усиление негативно-окрашенной смысловой нагрузки «женского немецкого этностереотипа»: *Женщина-флегматик – это слезливая,*

пучеглазая, толстая, крупичатая, сдобная немка (А.П. Чехов. Темпераменты).

Нередко в контекстах в качестве презентативных вербальных способов выражения этнокультурного стереотипа используются сравнительные обороты, которые с участием образных эпитетов усиливают оценочную характеристику: *Вообще, как нет ничего глупее глупого француза, так нет ничего злее и хуже сердитой немки* (В.А. Соллогуб. История двух калаш). В примере видно, что с помощью сочетания эмоционально-окрашенных прилагательных (*злее, хуже; сердитой*) гиперболизируется отрицательная оценочность этностереотипа.

Сравнительно-оценочная характеристика *немки* может рассматриваться в контексте общекультурной оппозиции «свой – чужой»: *Да, была когда-то баба путная – русская барыня; а теперь хуже всякой немки стала* (М.Н. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия). В нашем случае это репрезентируется в форме противительной конструкции предложения, где *русская барыня* получает положительную характеристику – она *баба путная* – в противопоставление *всякой немки, хуже* (а значит – злее, хитрее, грубее) которой она *теперь стала*.

Стоит отметить, что оппозиция «свой – чужой» часто актуализируется с помощью притяжательного местоимения «наш»: *Знаете, немки не наша нация, не боятся ничего.* (И.Т. Кокорев. Саввушка). Характерно и то, что культурный стереотип, «свернутый» до уровня единичного «немки», разворачивается в последующей предикации (в утверждении – *не боятся ничего*), где отрицание, выраженное глаголом с частицей, семантически раскрывает характеристику этнокультурного стереотипа.

«Женский немецкий стереотип» может быть выражен и посредством отэтнонимного деривата с суффиксом субъективной оценки *-очк*: *немочка*. По мнению З.И. Резановой, «направленность на выражение оценочно-прагматических смыслов» у диминутивов «является ядерной», а его «дескрипция “обслуживает” и конкретизирует оценку» [7: 197]. Следовательно, основной функцией диминутива является выражение (с помощью уменьшительно-ласкательного форманта) различных рациональных (размер, количество, интенсивность, значимость, степень проявления) и эмоциональных (качество, отношение) оценок.

Уменьшительно-ласкательное, т. е. в целом положительное, значение является доминирующим у суффикса *-очк(а)*. По мнению А. Вежбицкой, в содержательном плане это связано с тем, что «уменьшительно-ласкательный» характер суффикса *-очк(а)*, *-ечк(а)* «указывает на маленький размер, а также на хорошие чувства» [4: 67]. Кроме того, зачастую с помощью этого суффикса образуются существительные, обозначающие лиц женского пола и заключающие в себе разговорный оттенок (*мамочка, дурочка, куклочка*). В нашем случае «женский» диминутив *немочка* выражает, как правило, положительный образ «женщины-немки». *Жена у него немочка прехорошенькая, хотя бы в столицу: и там скажут, что недурна* (В.А. Соллогуб. Аптекарьша); *Написав несколько писем и отпустив горничную – прехорошенькую и пресвеженькую немочку, я разделся, лег в постель и заснул крепким сном* (В.А. Вонлярский. Воспоминание о Захаре Иваныче).

Из рассматриваемых контекстов видно, что зачастую оценочность этнокультурного стереотипа актуализируется с помощью диминутивной лексики, в частности эмоционально-окрашенных эпитете-

тов – в нашем случае «пресвеженькая». В.В. Виноградов (вслед за Н.И. Гречем и А.А. Потемной) отмечает, что, «относясь к существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький, -онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним» [5: 240]. Кроме того, в приведённых примерах экспрессивность усиливается при помощи префикса (*пре-*).

Однако не всегда диминутивный формант *-очк(а)* выражает положительное / хорошее отношение к объекту высказывания. В некоторых контекстах отмечается ироничная, уничижительная окраска, заключённая в экспрессивном согласовании с характерными диминутивными прилагательными: *Вы хотите сказать, – продолжал запальчиво Шубин, – что я не стою другого общества, что я ей под пару, что я так же пуст, и вздорен, и мелок, как эта сладковатая немочка?* (И.С. Тургенев. Накануне); *А вы смазливенькая немочка, вот вы кто!* (С.В. Ковалевская. Воспоминания детства).

Следует заметить, что чаще всего такие эмоционально-окрашенные эпитеты описывают внешние характеристики *немочки*. Это почти всегда «хорошенькая» или даже «прехорошенькая» внешность: *Эта Зое, или, говоря точнее, Зоя Никитишна Мюллер, была миленькая, немного косенькая русская немочка с раздвоенным на конце носиком и красными крошечными губками, белокурая, пухленькая* (И.С. Тургенев. Накануне). В то время как этноним *немка* в большей степени наполняется характеристиками поведенческого свойства, которые актуализируют целостный устойчивый общекультурный стереотип: – *Вообще говорят, что немки слишком манерны, застенчивы, неловки, принуждены в обращении (steif), неразговорчивы* (Ф.В. Булгарин. Воспоминания).

Как видно, лексическая пара *немка* – *немочка*, выступающая в качестве презентатора «женского немецкого стереотипа», демонстрирует различное оценочное звучание в русском культурном пространстве XIX века. С одной стороны, стереотип *немка* наполняется преимущественно отрицательными характеристиками (связанными в основном с оценкой поведения и личностных черт женщины-немки) и выражает негативную оценочность. С другой стороны, присутствуют и вполне положительные характеристики – особенно те, которые в содержательном плане связаны с внешним описанием женщины-немки и выражены в характерном диминутивном производном *немочка*. Однако и здесь возникают неоднозначные оценки, что указывает на бинарность рассматриваемого стереотипа в культурных представлениях русских людей XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абильдинова Ж.Б. Этнические стереотипы сквозь призму языка: монография. М.: ФЛИНТА. 2017.
2. Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Л.Л.Федорова. М.: РГГУ. 2009. С. 11-21.
3. Бартминьский Е. Языковой образ мира – очерки по этнолингвистике. М.: Индрик. 2005.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари. 1996.
5. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
6. Папилова Е.В. Имагология: стереотипный образ немца в русском фольклоре // Вопросы филологии. 2012. № 3 (42). С 84-89.
7. Резанова З.И. Именная деминутивная деривация в моделях выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / под ред. З.И. Резановой, И.В. Тубаловой, Ю.А. Эмер. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2005. С. 196-234.

ЧЕРНИКОВА Наталия Владимировна (*Мичуринск, Россия*)

доктор филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет
chernikovanat@mail.ru

ИВАНОВА Екатерина Сергеевна (*Мичуринск, Россия*)

студент
Мичуринский государственный аграрный университет
katya.ivnv15@gmail.com

СЛОВА ЯБЛОКО, ЯБЛОНЯ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В русском языке есть немало фразеологизмов, пословиц и поговорок, смысловым центром которых являются слова *яблоко*, *яблоня* и их производные. Данные единицы, относящиеся к фразеологическому фонду русского языка, обладают разными стилистическими свойствами, распространены не только в литературном языке, но и в диалектной, а также жаргонной речи. Это на языковом уровне доказывает значимость понятий «яблоко» и «яблоня» в русской культуре.

Ключевые слова: яблоко, яблоня, фразеологизмы, поговорки, пословицы, русская культура.

Abstract. There are many Russian phraseological units, proverbs and sayings, the semantic center of which is the words *apple*, *apple tree* and their derivatives. These units, related to the phraseological fund of the Russian language, have different stylistic properties. They are common not only in the literary language, but also in dialectal and jargon speech. This proves the importance of the concept *apple* and *apple tree* in Russian culture at the linguistic level.

Keywords: apple, apple tree, phraseological units, sayings, proverbs, Russian culture.

Начиная с XI в., когда в Киевской Руси стали выращивать культурную яблоню, в русском языке стали употребляться слова *яблоко*, *яблоня*, а позднее – и их производные. Данные лексические единицы вошли в состав многих устойчивых выражений (в том числе терминологического характера), фразеологизмов, пословиц и поговорок и т. п. Рассмотрим их.

В толковых и фразеологических словарях зарегистрирован ряд устойчивых выражений и фразеологизмов, в составе которых слово *яблоко* имеет переносное значение, основанное на внешнем сход-

стве самых разных предметов с яблоком. Например: *глазное яблоко* – ‘шарообразное тело глаза’ [4: 793]; *в яблоках* – ‘с темными круглыми пятнами на шерсти (о масти лошадей)’ [4: 793]; *адамово яблоко* – (устар.) ‘кадык’ [6: 766]; *содомское яблоко* (устар.) – ‘в речи раскольников – картофель’ [6: 766]; *земляное яблоко* – (устар.) ‘картофель’ [8: 334]; *яблоку негде [некуда] упасть* – 1) ‘очень много, в огромном количестве. О большом скоплении людей’; 2) ‘очень тесно’ [7: 274]; *попасть в самое яблочко* – (перен., разг.) ‘точно, правильно угадать, сказать’ [4: 793]; *яблоко раздора* – (книжн., экспрес.) ‘то, что является причиной серьёзных разногласий, спора, ссоры’ [6: 766]. Отдельные из перечисленных выражений в настоящее время принадлежат пассивному запасу словаря, о чем свидетельствует соответствующая помета (устар.).

В «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, отражающих народную речь XIX–XXI вв., зарегистрировано 23 образных выражения, смысловым центром которых являются лексемы *яблоко* (18) и *яблочко* (5) [3: 765]. Данные поговорки в словаре сопровождаются пометами, указывающими на сферу их употребления (книжн., разг., прост. и т. п.) и / или их эмоционально-экспрессивную окраску (шутл., одобр., неодобр. и т. п.). Ряд поговорок имеет темпоральную помету (устар.). Отдельные поговорки являются эвфемизмами (эвфем.). Они заменяют грубые, бранные выражения. Учитывая характер помет, мы классифицировали устойчивые выражения по следующим группам.

Поговорки, употребляемые в книжной речи: *адамово яблоко* – (книжн.) ‘кадык’ (калька с немецкого *Adamsapfel*); *съесть яблоко* – (книжн.-поэт., эвфем.) ‘согрешить, стать физически близкими’; *яблоко раздора (Эриды)* – (книжн.) ‘повод, причина ссоры, спора, серьёз-

ных разногласий' (восходит к древнегреческому мифу о яблоке с надписью «прекраснейшей», которое бросила богиня раздора Эрида. Парис преподнес его богине Афродите как приз за красоту. Это послужило причиной раздора между Афродитой и богинями Герой и Афиной); *яблоки Гесперид* – (книжн.) 'о запретном плоде, о чём-л. трудно достижимом' (также восходит к древнегреческому мифу о золотых яблоках вечной молодости, которые богиня земли Гея вырастила на золотом дереве в подарок богине Гере в день ее свадьбы с Зевсом. Геракл, совершая один из своих 12-ти подвигов, привез золотые яблоки из сада нимф Гесперид, но достались они ему с большим трудом).

Устойчивое выражение, употребляемое в речи медиков: *глазное яблоко* – (спец., мед.) 'шарообразное тело глаза'.

Поговорки, употребляемые в разговорной речи: *в яблоках* – (разг.) 'с круглыми тёмными пятнами на шерсти (о лошади)'; *яблоку негде упасть* – (разг.) 'о большом скоплении народа, тесноте'; *попадать / попасть в [самое] яблочко* (ЛСВ-1) – (разг., одобр.) 'точно, правильно говорить, угадывать что-л.; делать, говорить то, что нужно, в нужный момент'.

Образное выражение, употребляемое в просторечии: *братъ / взять (хватать / схватить) за яблочко* (кого) – (прост., шутл.) – 1) 'ставя кого-л. в трудные условия, заставляя что-л. сделать'; 2) 'взыскивать с кого-л. со всей строгостью, привлекать к ответственности'.

Поговорки, употребляемые в жаргонной речи молодёжи: *адамовы яблоки* – (жарг. мол., шутл.) 'мошонка'; *помыть яблоки* – (жарг. мол., шутл.) 'помочиться (о мужчине)'; *яблоки падают (сыплются)* – (жарг. мол., шутл.-ирон.) 'о крупном скандале'; *попа-*

дать / попасть в [самое] яблочко (ЛСВ-2) – (жарг. мол., шутл.) ‘совершать половой акт с кем-л.’.

Географические пометы указывают на территорию распространения поговорок диалектного характера:

– Алтайский край (алт.), Вологодская область (волог.), Ярославская область (яросл.): *земляное яблоко* – (алт.; волог.; яросл.) ‘картофель’;

– Брянская область (брян.): *волчиное яблоко* – (брян.) ‘нарост на коре дуба в виде круглой шишки’;

– Донское (дон.; по реке Дон): *боговы (божьи) яблочки* – (дон.) – 1) (устар.) ‘плоды китайской яблони’; 2) ‘яблоки, освященные в церкви в Третий Спас; 3) (устар.) ‘помидоры’; *огородные яблочки* – (дон.) ‘помидоры’;

– Горьковская (ныне Нижегородская область) (горьк.): *вкусить яблоко зла и добра* – (горьк.) ‘познать плохое и хорошее’;

– Новгородская область (новг.): *яблоко с червотинкой* – (новг., неодобр.) ‘о человеке, небезупречном в нравственном отношении (чаще – о девушке)’; *кислому яблоку не прокатиться* – (новг.) ‘о большом скоплении народа, тесноте’;

– Одесская область (одесск.): *делить яблоки* – (одесск.) ‘ссориться’;

– Псковская область (пск.): *смесить в горькое яблоко* (кого, что) – (пск.) ‘разрушить что-л., разбомбить кого-л., что-л.’; *яблоку некуда упасть* – (пск.) ‘о большом скоплении народа, тесноте’;

– Сибирское (сиб.): *в яблочках* – (сиб.) ‘с круглыми тёмными пятнами на шерсти (о лошади)’.

Яблоко, яблоня и однокоренные с ними слова входят в состав не только поговорок, но и пословиц, например: *яблоко [яблочко] от*

*яблони [яблоньки] недалеко падает [4: 793]; Каково деревце, тако-
вы и яблочки; Мимо яблоньки яблочко не падает; Не растут на
ели яблочки, а шишки; В чужом саду яблоки всегда слаще; До-
ждёшься, как от вербы яблочков; Не трясси яблоко, покуда зелено:
созреет, само упадет [1: 259]; с дуба яблочка не снимешь; от яб-
лони яблоко родится, а от елки – шишка [5: 96]. Данные слова
встречаются и в составе русских считалок: Яблочко катилось вокруг
огорода, кто его поднял, тот воевода, тот воевод, воеводский
сын: шишел, вышел и пошёл [1: 102].*

Итак, наше исследование показало, что в русском языке есть немало устойчивых выражений, смысловым центром которых являются слова *яблоко*, *яблоня*. «Языковые единицы, относящиеся к фразеологическому фонду русского языка, обладают разными стилистическими свойствами, распространены не только в литературном языке, но и в диалектных разновидностях национального языка, в жаргонной ... речи» [2: 329]. Это на языковом уровне доказывает значимость понятий «яблоко» и «яблоня» в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо: ННН, 2005. 616 с.
2. Короткова А.И., Черникова Н.В. Лексико-фразеологические свойства слова *мать* // Интеграционные взаимодействия молодых ученых в развитии аграрной науки: мат-лы Нац. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Ижевск, 4 декабря 2019 г.): в 3 т. Т. 3. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2020. С. 324-330.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
5. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. М.: АН, 1961. 230 с.
6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: Русский язык – Медиа, 2007. 334 с.

ШЕТЭЛЯ Виктор Мечиславович
(Москва, Россия – Варшава, Польша)

кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет
szetela@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ДВУХ ЕДИНИЦ ПОЛЬСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ**

Аннотация. Статья посвящена двум суффиксальным образованиям – прилагательным *завзятый* и *заядлый*, заимствованным русским языком из польского языка в XVIII в. Синонимичность этих единиц видна в семантике и формулировках толкования каждой из них в словарях русского и польского языков. Со ссылкой на авторитетные научные мнения доказывается их польский источник при возможном посредничестве в их заимствовании украинского и белорусского языков. Показана богатая сочетаемость и многофункциональность этих единиц в польской фразеологии. В статье отмечается значительная роль русской реалистической прозы 40-х годов XIX века в приобщении этих периферийных прилагательных к корпусу русского литературного языка.

Ключевые слова: заимствование, имя прилагательное, межъязыковое взаимодействие и взаимовлияние, синонимичность, суффиксальное образование

Abstract. The article is devoted to two suffix formations – the adjectives *zavzyaty* (inveterate) and *zayadly* (avid), borrowed by the Russian language from the Polish language in the XVIII century. Synonymy of these units is seen in the semantics and wording of the interpretation of each of them in the dictionaries of the Russian and Polish languages. With reference to authoritative scientific opinions, their Polish source is proved, with possible mediation in their borrowing of Ukrainian and Belarusian languages. The rich compatibility and multifunctionality of these units in Polish phraseology is shown. Russian realistic prose of the 40s of the XIX century played a significant role in introducing these peripheral adjectives to the corpus of the Russian literary language.

Keywords: borrowing, adjective, interlanguage interaction and mutual influence, synonymy, suffix formation

История так близких по своему значению прилагательных *завзятый* (польск. *zawzięty* от *zawziąć się* – ‘заупрямиться’) и *заядлый* (польск. *zajadły* от *zajadać* – ‘закусывать’) в русском языке может являться примером сосуществования в языке синонимичных единиц, образованных суффиксальным способом и в таком же виде заимствованных в XVIII веке из польского языка. Прилагательные *завзятый* и *заядлый* являются убедительными примерами межъязыково-

го взаимодействия и взаимовлияния в прошлом и в настоящее время славянских – русского и польского языков, а также украинского и белорусского языков.

В общедоступном словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово *завзятый* отмечено как разговорное в значениях: ‘с увлечением и постоянством предающийся какому-н. занятию’ [10: 199]; ‘постоянно и с увлечением занятый чем-н., предающийся чем-н.’ [12: 900]. Данное толкование прекрасно иллюстрируется следующим фрагментом текста журнала: *В начале нынешнего столетия рассмотрение библиотек, принадлежащих к упраздненным монастырям, представлено было Самуилу-Богумилу Линде, завзятому поляку* [4: 85]. Нам данный фрагмент дорог тем, что в нем указана фамилия выдающегося польского лексикографа Самуила Богумила Линде, словарь польского языка которого равный по важности словарю великорусского языка В.И. Даля. Слово *завзятый* как раз отмечено в словаре В.И. Даля с пометами областное, южное, западное в знач.: ‘бойкий, предприимчивый, который постоит за себя’ [6: 576].

Интересно, что такое же разговорное слово *заядлый* толкуется в разных словарях при помощи слова *завзятый*, ср.: *заядлый* – ‘завзятый, целиком отдающийся какому-н. занятию, увлечению’ [19: 226]; *заядлый* – ‘завзятый, страстно отдававшийся какому-н. занятию, рьяный’ [12: 1080]. Эти формулировки толкования слова в каждом из указанных словарей почти что дословно повторяют объяснение первого из них, что лишний раз доказывает их синонимичность и структурную близость.

В тенденциозных текстах некоторых изданий, вроде журналов «Вестник западной России», «Вестник юго-западной России» и ро-

мана В.В. Крестовского, отмечается употребление слова *завзятый* с отрицательно-оценочной коннотацией в значениях – ‘упрямый, упорный, фанатичный’: *Своим фанатическим прозелитизмом удивляли даже родовитых, самых завзятых поляков* [2: 3]; *люди завзятые; повели бы дело бойко* [8: 96].

Отметим употребление существительного *завзятость* (польск. *zawziętość*) с общим значением – ‘упрямство’: *Только «пан бог» чудесным способом успокоит завзятость представителей взволнованного войска* [5: 19].

Достаточно любопытны примеры употребления прилагательного *заядлый* (польск. *zajadły*) в общем знач. – ‘увлеченный’: *Разъяренные австрийцы, давно уже, очевидно, точившие зубы на заядлого волынца* [7: 93]. Обращает на себя внимание перевод слов самого *zajadłego* в полемике автора российской газеты с польской повстанческой газетой: *Польская партия так много, так дерзко рассчитывает на свою ловкость и силу в деле пропаганды, что осмеливается не только думать, но даже говорить: «Хоть бы вы прислали к нам из самой Москвы самого „заядлого” русского: мы в три месяца сделаем его другом Польши...»* [3: 24].

На польское происхождение этих слов указывают этимологические словари М. Фасмера: *завзятый* [13: 72] и *заядлый* [13: 84]; словарь Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой: *завзятый* [14: 90]; *заядлый* [14: 96]; В. Витковского [14: 54; 14: 59] и других. Происхождение этих заимствований раскрывается в статье В.В. Виноградова, который делает попытку объяснить происхождение данных слов из украинского и белорусского языков [1: 172-173]. Впрочем, Н.М. Шанский, В.В. Иванов и Т.В. Шанская допускают возможность украинского посредничества в заимствовании польского слова *zawzięty* – *завзятый*

русским языком [15: 113], а белорусского посредничества в заимствовании польского слова *zajadły* – *заядлый* [15: 117]. На польский источник указывает и развитая многозначность, функциональность и богатая сочетаемость этих прилагательных в польском языке. Так, в современном польском языке прилагательное *zajadły* (*заядлый*) обладает, по словарю польской фразеологии Ст. Скорупки, следующей основной сочетаемостью: «1) *z. myśliwy* (заядлый охотник), 2) *z-e psy* (заядлые собаки), 3) *z. przeciwnik* (заядлый противник), 4) *z-a spór, walka* (заядлый спор, борьба), 5) *z-e szczekanie, ujadanie psów* (заядлый лай собак)» [16: 736], а *zawzięty* (завзятый): «1) *z-a kłótnia, niepawiść, praca* (завзятый спор, -ая ненависть, работа), 2) *z. rywal, wróg* (завзятый соперник, враг), 3) *z-a twarz* (завзятое лицо), 4) *z-a ujadanie psów* (завзятый лай собак)» и другие [16: 794]. В некоторых случаях, как видим, имеется совпадение в значениях словосочетаний. Прилагательные могут взаимно заменяться в речи.

В связи с адаптацией польских слов в русском языке важно отметить, что приход в русский литературный язык, к примеру, слова *заядлый* был осуществлён не без помощи популярных текстов русских произведений реалистической прозы 40-х годов XIX века. Этот факт отмечается в монографии Ю.С. Сорокина [11: 483-495], на что указывается и в монографии «Лексика русского литературного языка. XIX – начала XX века» [9: 75].

Таким образом, прилагательные префиксально-суффиксального образования польского языка *zawzięty* и *zajadły*, вошедшие в русский разговорный обиход, получили дальнейшую свою адаптацию, распространение и полноправный статус единиц русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.
2. Вестник западной России. Историко-литературный журнал, издание К. Говорского. Вильна, 1865. Т. I. № 1. Отд. IV. С. 3.
3. Вестник западной России. Историко-литературный журнал, издание К. Говорского. Вильна, 1868. Т. III. Кн. XI. Отд. III. С. 24.
4. Вестник западной России. Историко-литературный журнал, издание К. Говорского. Вильна, 1870. Т. I. Кн. III. Отд. II. С. 85.
5. Вестник юго-западной и западной России. Историко-литературный журнал, издание К. Говорского. Киев, 1863. Т. III. Кн. VII. С. 19.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М.: Издательство М.О. Вольфа, 1880. Т. 1.
7. Короленко В.Г. Слепой музыкант // Короленко В.Г. Собр. соч. в десяти томах. М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. Т. 2. 479 с.
8. Крестовский В.В. Кровавый пуф: Роман в 2-х книгах. М.: Современный писатель, 1995. Кн. 1.
9. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М.: Наука, 1981. 374 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО „А ТЕМП“, 2006. 944 с.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX века. М., Л.: Наука, 1968. 565 с.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия», 1935. Т. 1.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
14. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: «Прозерпина», ТОО «Школа», 1994. 400 с.
15. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя / Под ред. член.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. М., 1961. 403 с.
16. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. Т. II.
17. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: Universitas, 2006. 253 s.

ЮДКИН-РИПУН Игорь Николаевич (Киев, Украина)

доктор искусствоведения, член – корреспондент
Национальной Академии Художеств Украины
Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАНУ
dr.iyudkin@gmail.com

«АНТИЭМФАЗА» КАК ВЫРАЖЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОСТРОЕНИИ ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Многозначность реплики выражает неопределенность намерений персонажа и обеспечивает соотнесение с отдаленными участками текста. Нерасчлененность полисемии реплики несет признаки синкретемы (при отличии от свободного словосочетания). Ведущую роль играет метонимия с поляризацией значений в альтернативные истолкования.

Ключевые слова: идиома, рема, диегезис, метонимия, инференция, интерпретация.

Abstract. The polysemy of a cue represents the indefiniteness of the intentions of a dramatis persona and promotes its reference towards the distant places of a text. The integrity of the polysemy displays the features of a syncretic unit (as distinct from free collocation). Metonymy plays the principal role, with the meanings being polarized into alternative interpretations.

Keywords: idiom, rheme, diegesis, metonymy, inference, interpretation.

Предложенное М.Л. Гаспаровым понятие антиэмфазы как обобщения некоторых явлений т. наз. именного или безглагольного стиля лирики описывалось как «расширение значения, размывание его: когда Блок пишет “*Лишь телеграфные звенели на чёрном небе провода*”, то можно лишь сказать, что эти провода означают приблизительно тоску, бесконечность, загадочность, враждебность, страшный мир и пр., но всё – лишь приблизительно» [4: 190]. Очевидны такие особенности данного явления: 1) это – полисемия, но не нормативный троп, поскольку отсутствует противопоставление прямого и переносного значений, и в то же время не «общее место» (топос), поскольку выражается свободным, а не устойчивым словосочетанием; 2) в противоположность «рематической доминанте» (С.Г. Ильенко) здесь ослабляется «степень предикативности» [14: 305] и появляется «сопутствующая предикативность» [16: 318]

(в приведенном примере это подчеркивает гипербатон, где глагол сопоставлен с прилагательным и функционирует как причастие); 3) модус высказывания определяется ракурсом наблюдения, определяющим неопределенность контекста и предполагающим скрытые альтернативы: в примере – *небо черное (а не синее), провода звенят (а не молчат)*. Между тем такие свойства демонстрирует и категория неопределенности: в частности, было показано истолкование идиомы *вещь* именно как антиэмфазы в некоторых поэтических идиолектах [8: 13].

Указанные свойства антиэмфазы позволяют рассматривать ее многозначность неразложимой на компоненты (несводимой к ряду омонимов) и отсылающей к выводному знанию (инференции). Тогда с ней сопоставима «содержательная (сигнификативная) синкретсемия», которая, по определению М.Вас. Пименовой, проявляется в «семантической нерасчлененности», сравнимой, в частности, с «множественной этимологией» (М.М. Маковский) [11: 444]. Введённое М.Вас. Пименовой понятие синкретемы, которой свойственно «синкретичное значение, основанное на метонимии» а также «выражение оценочного значения», т. е. аспект интенции [12: 46-47], по видимому, обладает общими признаками с антиэмфазой при различии свободного словосочетания последней. Именно нерасчленённая синкретичная многозначность проявляется в тексте, где, по Э. Бенвенисту, «смысл (речевое намерение) реализуется как целое и разделяется на отдельные знаки» [1: 88]. «Последовательность развёртывания коннотаций», по В.В. Колесову [7: 27], как основа роста текста из символа предполагает дифференциацию многозначности, выявление, по А.А. Потебне, «ближайших» и «дальнейших» значений [14: 19], которые соотносятся с различными по отдаленно-

сти участками текста, охватывая его сетью взаимных ссылок (референций). В контексте цитированной строки А. Блока, в частности, *небо* отсылает к упомянутой ранее *луне*, а *провод* контрастирует с мотивом *меча*. В таком развертывании многозначности особую роль занимает отмеченное М.Вас. Пименовой «построение метонимией синтагмы (а не парадигмы)» [13: 407], где можно утверждать об инференции, построении выводов об отсутствующем знании, поскольку «метонимия – знак, замещающий упущенное» [7: 33].

Заметим, что метонимические ряды как основа текста являются общим местом в драматургии (*платок* в «Отелло», *браслет* в «Маскараде», роковое слово *вещь* в «Бесприданнице»). Именно в развертывании метонимических рядов в драме происходит поляризация значений, их расслоение на альтернативы. Например, 3-й акт «Мещан» М. Горького с кульминацией – попыткой самоубийства Татьяны открывается репликой хозяйки Акулины: «*Говядина-то сегодня не жирна ...*». Ближайшая ее цель – действия кухарки Степаниды, однако в конце акта с ней соотносится реплика отравленной Татьяны: «*Больно ... пить!*». Возникает ряд *мясо* → *еда* → *яд*. В еще большем масштабе мотив *(не)жирной говядины* очерчивает круг интересов дома рядом *еда* → *кухня* как символа ограниченности существования. В ближайшем круге ремой является *жир (мяса)*: его расходование Степанидой как предмет обсуждения очерчивает мотив *мелочные придирки*. Однако в более широком круге текста рема уже – не *жир*, а *мясо, плоть* с метонимией *часть еды* → *обстановка дома*.

Последнее обстоятельство подсказывает мысль об особой роли театра для явлений семантической неопределенности и нерасчлененной многозначности, чему способствуют следующие особен-

ности драматического текста: 1) диегезис (вместо повествовательного мимесиса), т. е. представление различных точек зрения, опосредующих намерения и внутренние миры действующих лиц, в противоположность эпической отстраненности и сосредоточенности («сгущение слова» А.А. Потебни); 2) автореференция (в частности, самоотрицание) речи, соотнесение её с авторизацией как испытание истинности (в чем кардинальное отличие драмы от мифа, рассчитанного на внушение), основанное на парадоксе лжеца («я лжец – сказал лжец») и приводящее к эффектам «обратного перевода» (или «испорченного телефона»: хрестоматийный пример – сплетня о Чацком в «Горе от ума»); 3) анагнозис, момент узнавания истины как центр драмы (развязка действия), определяющий композиционный «принцип постепенного прояснения обстоятельств», в силу которого все реплики несут неопределенность до наступления данного момента.

В субъектно-предикатных отношениях драмы обнаруживается приоритет субъекта («сюжет послушно следует за характером» [2: 349], как в «Онегине» – за Татьяной, которая «удрала шутку» с автором) – носителя скрытых возможностей, открываемых в ситуациях (через предикацию). В драме возникает особая субъектная перспектива, где размываются границы между коммуникативными ролями (персонажами на сцене) и денотативными (упоминаемыми в репликах) [3: 123], между модусными и диктумными субъектами [6: 231]: в «Ревизоре» исходный субъект действия – крысы, привидевшиеся во сне Городничему. Соответственно, в интерпретации ведущее место занимает актуализация, выбор темы и ремы, так что, по А.Ф. Лосеву, «одни Гамлеты считали подлежащим или сказуемым одно, а другие – другое» [9: 113].

О том, как раскрывается и устраняется неопределенность в такой интерпретации, может свидетельствовать исполнение М.Н. Ермоловой роли Негиной в «Талантах и поклонниках» А.Н. Островского. В беседе с Мелузовым первым разочарованием оказывается именно выбор ремы в его ответе на ее вопрос «*Что буду, милый мой?*». Здесь «она почти уверена, что он ... ответит ей "*будешь хорошей актрисой*". Но он отвечает ей по-иному: "*Будешь совсем хорошей женщиной*"» [5: 185]. Происходит подмена ремы. Еще показательнее сцена чтения письма Мелузова: произнесся «*искусство не вздор*», «Ермолова делала тут чуть-чуть приметную остановку, по ее лицу пробежала легкая тень» [5: 191]. Так исходная многозначность отношений влюбленных поляризуется на смыслы, неприемлемые для героини. Поэтому неопределенность возвращается, засвидетельствованная прощальными репликами: «М.: *Что же ты?* Н.: *Не понимаешь*».

Очень благоприятные условия для проявления неопределенности как текстообразующего фактора предоставляет «чеховский парадокс: фатическое общение, единственной целью которого является поддержание контакта, принимая вынужденную ритуальную форму, на самом деле отчуждает людей» [15: 303]. В «Лешем» А.П. Чехова многозначность и неопределенность демонстрируют реплики Сони и Хрущова («Лешего»), обращенные к ее дяде Войницкому: «С.: *Дядя Жорж, у тебя язык покрыт ржавчиной! Замолчи!* Х.: <...> *не будем говорить об этом*» (1.7). Согласие обоих в нападках на дядю многозначительно как первый шаг к их женитьбе в финале. Но идиома *ржавый язык* обнаруживает еще более глубокие конфликты, раскрываемые далее монологом и самоубийством Вой-

ницкого. Это именно антиэмфаза, непроизвольно высветившая враждебность родственников.

Показательно раскрытие неопределенности в «Варварах» М. Горького, где финальное самоубийство Надежды предвосхищается уже в полисемии первых реплик о ее мужском окружении: *«Кто любит рыбу удить – он <...> сидит над водой, как будто смерти ждет ...»*. Здесь сплетены архетипы смерти (уженье как ловля душ, вода как граница того света), перекликающиеся с последними репликами к мужу: *«Молчи, покойник!»*. На решение о самоубийстве указывает содержание еще одной из начальных реплик: *«Любовь всегда одинакова, когда она настоящая <...> Которая на всю жизнь»*. В ней заложена возможность катастрофы, и когда произносится последняя реплика (*«Никто не может любить меня ...»*), то исход ясен. Такая связь реплик подтверждается и творческой историей, засвидетельствовавшей «внимание созданию “подводного течения”» и «многозначимость» ситуаций [10: 172].

Таким образом, нерасчлененная, синкретичная полисемия, представленная как неопределенность намерений субъектов драмы, становится фактором «дальнодействия» реплик, определяющим цельность драматического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Бочаров С.Г. Характеры и обстоятельства / Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 312-451.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд. Московского университета, 2000. 504 с.
4. Гаспаров М.Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение. (Проблема сравнительной метрики) / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 188-200.
5. Дурылин С.Н. Мария Николаевна Ермолова. 1853-1928. Очерк жизни и творчества. М.: Изд. АН СССР, 1953. 652 с.

6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Московский университет им. М.В. Ломоносова, 1998. 528 с.

7. Колесов В.В. Общие понятия исторической стилистики / Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990. (Петрозаводский гос. университет им. О.В. Куусинена). С. 16-36.

8. Лещева А.Н. Природа текстовой категории «неопределенность» (на материале лирики И. Бродского). Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.

9. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд. Московского университета, 1982. 482 с.

10. Новиков В.В. Творческая лаборатория Горького-драматурга. 2-е доп. изд. М.: Сов. писатель, 1976. 544 с.

11. Пименова М.Вас. Древнерусская языковая картина мира и древнейшая концептуальная форма русской ментальности // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы X международной конференции. Владимир, 2013. С. 443-446.

12. Пименова М.Вас. Устойчивые единицы древнерусского текста: семантика и структура // Науковий вісник Херсонського державного університету. 2013. Вип. 18. С. 45-50.

13. Пименова М.Вас. Синкретемы с устойчивым книжным атрибутом в памятниках деловой письменности Владимирского края XVII в. // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XI международной конференции. Владимир, 2015. С. 406-410.

14. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том 1-2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

15. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

16. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис Владимир: ВГГУ, 2010. 370 с.

ЮЖАКОВА Юлия Александровна (Рязань, Россия)

доктор филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
yu.yuzhakova@mail.ru

СОМОВА Марина Викторовна (Рязань, Россия)

кандидат филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
m.somova@365.rsu.edu.ru

АНИМАЛИЗМЫ В ЛИРИКЕ С.А. ЕСЕНИНА

Аннотация. В статье рассматриваются анимализмы как лексико-тематическая группа в поэтическом языке С.А. Есенина (дикие и домашние животные и птицы). Выявлены функции анимализмов в поэзии С.А. Есенина: опи-

сание родной природы и крестьянского быта, их поэтизация, животные-символы, религиозные мотивы и переживания лирического героя. Особенностью есенинской лирики является «очеловечение» – не олицетворение – животных; неожиданность образов, созданных с помощью анимализмов; нарушение законов лексической сочетаемости, рождающее неповторимый идиостиль «рязанского Леля».

Ключевые слова: идиостиль, лексико-тематическая группа, анимализмы, С.А. Есенин.

Abstract. The article deals with animalisms as a lexical-thematic group in the poetic language of S. A. Yesenin (wild and domestic animals and birds). The functions of animalisms in S. A. Yesenin's poetry are revealed: the description of native nature and peasant life, their poetization, animal symbols, religious motifs and emotional experiences of the lyric character. The peculiarity of Yesenin's lyrics is the "humanization" - not the personification-of animals; the surprise of images created with the help of animalisms; the violation of the laws of lexical compatibility, which gives rise to the unique idiostyle of "Ryazan Lel".

Keywords: idiostyle, lexico-thematic group, animalisms, S.A. Yesenin.

В русле исследования идиостиля художников русского слова изучение языка поэтических произведений С.А. Есенина представляется нам актуальным и перспективным. На кафедре русского языка университета, носящего имя великого русского поэта, студентами и преподавателями предпринята попытка выявления, описания и анализа лексико-тематических групп лирики С.А. Есенина и составления материалов для тематического словаря. Любовь С.А. Есенина к родной природе, его деревенское происхождение не могли не отразиться на его творчестве. В лирических стихотворениях довольно часто встречаются названия животных, что не было предметом внимания филологов. Нами были выбраны и классифицированы анимализмы из лирических стихотворений, собранных в 1 и 2 томах полного собрания сочинений поэта [1]. Наиболее частотны имена существительные – 139 лексем из 144. Было выявлено также 5 прилагательных: *лошадиный, собачьи, журавлиный, голубиный, вороньи* (встречаются по одному разу). Лексемы данной тематической группы разделены на следующие подгруппы: **домашние жи-**

вотные (конь, кобыла, лошадь, корова, собака, кот, баран), **дикие животные** (зверь, волк, лисица, мышь), **дикие птицы** (журавль, журавлиный, лебедь, соловей, голубь, голубиный, ворон, вороньи, орел, сова, кукушка, воробьи), **домашние птицы** (петух, куры, гуси, утки).

Проанализировав лексемы с названиями животного мира, мы сделали вывод, что по количеству представленных лексем наиболее распространенной является группа **дикие птицы**, по количеству употреблений – **домашние животные**.

С. Есенин чаще всего использует в лирике образы *коня, коровы*, несколько реже – *собаки, кота*. Данные образы нашли отражение в повествованиях о быте крестьян. Образ *коня*, пожалуй, самый богатый по семантическому наполнению. В ранних стихах образ коня связывается с беспечной юностью: *Эх вы, сани! А кони, кони! Видно, черт их на землю принес* [1, I: 205].

Затем образ коня теряет свое первоначальное значение, которым наделил его поэт, и уже связан с революцией, огнем, кровью: *Сойди, явись нам, красный конь! Впрягись в земли оглобли* [1, II: 68].

Образ коня олицетворяет новую власть, которая должна с позиции поэта привести страну к счастью: *Скачи к стране счастливой* [1, II: 68].

Мотив ностальгии по родному дому также связан с образом лошади:

*Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд* [1, I: 138].

Интересна лексическая сочетаемость со словом *конь*: *проскакать на розовом коне* – каждая задрипанная лошадь, а также авторские метафоры: *На коне – черной тучице в санках*; *Конь мой – мощь моя и крепь*; *колосья-кони*.

Уникален есенинский образ *конь, телёнок* – *солнце*, метафора основана на сходстве по цвету: *Отелившееся небо Лижет красного телка* [1, l: 85];

*На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом* [1, l: 115].

Этот образ развивается и с другими анимализмами: *заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот* [1, l: 72];

*Небо словно вымя,
Звезды как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы* [1, l: 106].

В одном из лучших «анималистических» стихотворений «Собаке Качалова» пёс – друг, собеседник, почти равный лирическому герою:

*Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду* [1, l: 160].

Кот выступает символом теплоты и уюта: *Старый кот к махотке крадется На парное молоко* [1, l: 42].

В есенинской лирике особенно ощущается «очеловечение» – не олицетворение – животных: *Хочешь, пес, я тебя поцелую* [1, l:

207]; *Говорят со мной коровы На кивливом языке* [1, I: 52]; *Даже пес в хозяйский двор Издыхать всегда приходит* [1, I: 228].

Представители дикой природы также являются носителями авторской идеи и часто воплощают человеческие качества: волк – это сила и жестокость:

*Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов* [1, II: 69];

а раненая лиса – беспомощность: *На раздробленной ноге приковыляла, У норы свернулася в кольцо* [1, I: 83].

Фольклорные мотивы сохраняются в образах птиц: в *Ороны* – предвестники беды: *Понакаркали черные вороны: Грозным бедам широкий простор* [11, II: 16], а *ворОны* – *птицы никчёмные и бесполезные*:

*Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу.
Только серые вороны
Расшумелись на лугу* [1, IV: 16].

Соловей – символ влюбленных, поэтического вдохновения: *Соловей поет – ему не больно, У него одна и та же песня* [1, I: 198].

Воробей для Есенина – это «пташка нежная», к которой он испытывает чувство сострадания:

*В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, –
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове* [1, I: 137].

Иволга олицетворяет печаль, грусть:

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется – на душе светло [1, l: 28].

Сова предвещает темное, мистическое. У поэта эта птица – предвестник смерти:

По-осеннему кычет сова

Над раздольем дорожной рани.

Облетает моя голова,

Куст волос золотистый вянет [1, l: 150].

Следует отметить основные функции анимализмов в художественном тексте С.А. Есенина. В первую очередь, это описание родной природы, близкой сердцу деревни: *Воспою я тебя и гостя, Нашу печь, петуха и кров...* [1, l: 115]. У С. Есенина оно с нотами грусти и сочувствия, констатация бедности, скудности деревенской жизни:

Полюбил я седых журавлей

С их курлыканьем в тощие дали,

Потому что в просторах полей

Они сытных хлебов не видали [1, l: 205];

Как живет теперь наша корова,

Грусть соломенную теребя? [1, l: 242].

Примечателен религиозный мотив в создании природных картин: *У лесного аналая Воробей псалтырь читает [1, l: 55]; На дворе обедню стройную Запевают петухи [1, l: 46].*

Вторая функция – описание переживаний лирического героя: *Полюбил я тоской журавлиною На высокой горе монастырь [1, l: 22]; Бредет мой конь, как тихая судьба [1, l: 79].*

Неповторимой особенностью поэтической манеры С.А. Есенина является нарушение всех возможных законов лексической сочетаемости, создание неожиданных образов. Особенно это явление показательно на примере анализа сочетаемости анимализмов: *Облак, как мышь, подбежал и взмахнул В небо огромным хвостом* [1, I: 93]; *Душегубкою-змеею развилась ее коса* [1, I: 21]; *Покатились глаза собачьи Золотыми звездами в снег* [1, I: 145].

Таким образом, анализ лексико-тематических групп позволяет увидеть отношение поэта к конкретной теме, определить место данной темы в поэтической картине мира, отметить особенности языка, собрать материал для дальнейших более глубоких исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в семи томах [Электронный ресурс]. М.: «Наука», «Голос», 1995. URL: <https://rvb.ru/20vek/esenin/pss7/toc.html> (03.03.2021).
2. Зуев И. Народные истоки поэзии С. Есенина // Литература в школе. Научно-методический журнал. М., 1995. N 5. С. 38-42.
3. Охлопкова Е.А. Лексика природы в лирике С.А. Есенина. // Молодой ученый. 2016. N 6. С. 30-32.

ЮРКИНА Татьяна Николаевна (*Чебоксары, Россия*)

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический
университет имени Ивана Яковлевича Яковлева
tanya-yurkina@yandex.ru

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ МОТИВАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются высказывания с семантикой мотивационного типа, представляющие разновидность высказываний с отношениями обусловленности. Описываются два основных типа высказываний с семантикой мотивации, анализируются их лингвистические, философские и прагматические составляющие.

Ключевые слова: антецедент, импликация, консеквент, мотивация, пре-суппозиция, русский язык, экспликация.

Abstract. The article analyses the statements with semantics of the motivational type, which represent a variety of statements with conditionality relations. Two main types of statements with motivation semantics are described, and their linguistic, philosophical, and pragmatic components are analyzed.

Keywords: antecedent, implication, consequent, motivation, presupposition, Russian language, explication.

Язык всегда передает отношения, существующие в объективной действительности. Одним из таких типов отношений являются отношения обусловленности, включающие в себя наряду с временной обусловленностью, целеполаганием, условием, уступкой, следствием также мотивацию [5], [9].

В конструкциях с семантикой мотивационного типа, имеющих связанный характер, выражается сложное языковое содержание. В основе таких высказываний всегда лежат коммуникативные установки говорящего, прагматические условия и когнитивные характеристики [1]. В высказываниях с мотивационной семантикой выражается обусловленность причинного типа, благодаря которой две ситуации объединяются в единую структуру [6: 13].

В лингвистической литературе такие высказывания рассматривались как конструкции с причинной обусловленностью [3: 135], предложения с альтернативной мотивацией [7], [10: 68], конструкции с субъектной мотивированностью обусловленной связи [6: 10], высказывания с модифицированными причинными отношениями [2: 418-420].

Основным показателем мотивационной семантики является сочинительный противительный разговорный союз *а то*, который, являясь многозначным, одновременно способен обслуживать как высказывания с семантикой прямой мотивации, так и высказывания с семантикой мотивации «от противного»: *Иди спать, а то поздно уже. Иди спать, а то проспичь завтрашний экзамен.* В высказы-

ваниях с семантикой прямой мотивации синонимом союза *а то* выступает коннектор *ведь*, ср.: *Иди спать, ведь поздно уже*. В высказываниях с мотивацией «от противного» функцию союза *а то* могут выполнять скрепы *иначе, в противном случае*, ср.: *Иди спать, иначе (в противном случае) проспичь завтрашний экзамен*.

В высказываниях с прямой мотивацией, построенных по модели «А, а то В» мотивирующая часть В (антецедент) служит непосредственным фактором для выполнения условий первой части. Эта конструкция представляет собой семантический гипотаксис и соответствует двухкомпонентной языковой структуре, базируется на логической структуре строгой импликации, содержащей антецедент (основание) и консеквент (следствие): *Пойду отдохнуть, а то устала*.

Антецедентная часть (мотивирующая) обычно несет в себе пресуппозицию, являющуюся мотивом для обоснования секвентной части [9]. Говорящий обычно основывается на известных знаниях, предпосылках, «правилах прагматического характера, определяющих некоторый общий фонд знаний, общую для автора и воспринимающего «картину мира» [8: 267]. Например: *Людям было тяжело в военное время, ведь ничего не хватало*. Антецедентная часть при этом характеризуется реальной модальностью и глагольные формы выражают значение индикатива: *...но, может, отец еще в Москве, вдруг и Виктор там, **ведь все дороги ведут через Москву!*** (Глушко М. Мадонна с пайковым хлебом); *И никакого здесь нет обмана! – заявила она. – **Ведь Олег сидел рядом и многое отгадывал сам!*** (Алексин А. Говорит седьмой этаж); *Впрочем, Крымов не такой уж близкий ему человек: **ведь Женя развелась с ним*** (Гроссман В. Жизнь и судьба); *Ваш Урюпин – это же, собственно, тоже*

перекупщик. Он ведь не нырял за жемчугом! (Дудинцев В. Не хлебом единым); *Да и выдашь нас... Заметит ведь сверху!* (Алексеев М. Мой Сталинград).

В высказываниях с семантикой мотивации «от противного» мотивация основана на допущении предполагаемого явления, которое противопоставлено первой части и несовместимо со второй частью: *Здесь не положено расхаживать, уходите, а не то задержу!* (Симонов К. Живые и мертвые). Альтернативно-мотивирующее значение в таких высказываниях образуется в результате объединения двух семантических компонентов: взаимоисключения и гипотетичности. Конструкции с семантикой мотивации «от противного» также представляют семантический гипотаксис и построены по модели «А, а то В», но на логико-семантическом уровне такие двухкомпонентные конструкции можно развернуть в четырехкомпонентные «Если А, то не В, если не А, то В» или «А, потому что если не А, то В»: *Закрой окно, а то продует* (Закроешь окно – не продует. Не закроешь окно – продует). При этом, в отличие от высказываний с семантикой прямой мотивации, где в мотивирующей части всегда наблюдается реальная модальность и глаголы выступают в форме синтаксического индикатива, в высказываниях с семантикой мотивации «от противного» в мотивирующей части модальность чаще ирреальная и глаголы выступают в форме синтаксического оптатива либо в форме будущего времени синтаксического индикатива.

Отношения альтернативной мотивации «от противного» часто формируются при участии прагматического фактора. Антецедентная часть оценивается обычно негативно, как нежелательное следствие, которое нужно предотвратить в интересах говорящего и / или адресата: *Иди из последних сил, а не то убьют* (Шолохов М. Судь-

ба человека). Намного реже в мотивирующей части содержится желательное с точки зрения говорящего лица событие. Тогда частица **бы** поддерживает условно-гипотетический компонент значения: *Муж ее рано умер, а то бы она вышла в люди* (Тургенев И. Где тонко, там и рвется); *Эх, жалко, что у тебя еще экзамены, а то бы вместе домой поехали* (Абрамов Ф. Две зимы и три лета); *Жаль, что вы не остались, а то вместе бы воевали!* (Симонов К. Живые и мертвые).

С учетом функционирования языковых средств в прагматическом плане среди высказываний с семантикой мотивации «от противного» можно выделить такие разновидности, как ‘опасение / предостережение’, ‘предположение’, ‘подтверждение предположения’, ‘обоснование оценки’: *Придется денек пересидеть дома... а то совсем расклеюсь* (Лавренев Б. Гравюра на дереве); *Ну да, я редко бываю в городе, а то бы я тебя встретил* (Каверин В. Два капитана); *Несмотря на собственное самоотверженное решение, Леонидову хотелось жить, а то он не задал бы такого вопроса* (Симонов К. Живые и мертвые); *Сергей не знал тюремного разговора перестукиванием. А то можно было б утешить смертника, отвечая ему стуком по канализационной трубе* (Воробьев К. Это мы, господи!..); *Он успел подхватить Искру, а то бы она грохнулась* (Васильев Б. Завтра была война).

Мы рассмотрели два вида отношений мотивации – это отношения прямой мотивации и отношения мотивации «от противного». Эти высказывания имеют разные логические основы, формируются при участии разных прагматических факторов, что находит отражение в языковой форме построения таких высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Беличева-Кржижкова Х. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985. С. 407-432.
3. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). М.: Просвещение, 1967. 160 с.
4. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 260 с.
5. Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике / под общ. ред. В.В. Павлова. М.: Прогресс, 1986. С. 264-276.
6. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке: Автореф. дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.01. – СПб., 1995. 34 с.
7. Колосова Т.А. Русские сложные предложения ассиметричной структуры. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 164 с.
8. Николаева Т.М. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 267-268.
9. Оркина Л.Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке. СПб.: САГА, 2010. 332 с.
10. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197с.

ЯКУШЕВИЧ Ирина Викторовна (*Москва, Россия*)

доктор филологических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
sa1107@yandex.ru

СНЕГИРЬ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренней формы и реконструкции обусловленного ею символического значения диалектных номинаций *снегиря*. В результате исследования были выявлены следующие символические значения: 'приход и уход зимы', 'Рождество', 'жених', 'удаль или озорство'.

Ключевые слова: снегирь, внутренняя форма, символическое значение, этимон.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the inner form and the reconstruction of the symbolic meaning of the dialect nominations of the bullfinch caused by it. As a result of the study, the following symbolic meanings were identified: 'the coming and going away of winter', 'Christmas', 'groom', 'prowess or mischief'.

Keywords: bullfinch, internal form, symbolic meaning, etymon.

Диалектное слово кодирует мифологическое мироощущение народа – самобытное отношение к природе, к людям, крайне важное для сохранения национальной идентичности [7: 95; 14: 85]. Мифология славян не зафиксирована в письменных текстах и, следовательно, нуждается в реконструкции [13: 5]. Символическое значение слова семантизирует миф как когницию. В классическом учении А.А. Потебни источником символического значения слова является внутренняя форма – этимон, в основу которого лег только один из признаков денотата [10: 90]. В.В. Колесов назвал эту сему «первосмыслом», а соединение семы с денотатом, образом слова, – концептумом [6: 441]. Так, за словом *снегирь* стоит образ птицы чуть крупнее воробья с опереньем преимущественно красно-розовых оттенков. Но только сема 'снег' стала «первосмыслом» и определила «концептум» снегиря как зимующей (зимней) птицы. Символическое значение – результат дальнейшего метонимического обобщения концептума (по В.В. Колесову, металепсиса [6: 445]), но уже в мифологическом переосмыслении. «Следы» символического значения слова можно найти в фольклорных текстах – приметах, пословицах, загадках и пр.

1. Снегирь – 'приход и уход зимы'. Сема снега мотивирует несколько диалектных орнитонимов: сибирские *снѣгур*, *снегурка* и *снегурок*, *снегурочка* (Ленинградская область): ***Снегурок летал зимой, возле дома сидел*** [11, т. 39: 96]; ***Снигурки серинькии, пають, зимой прыгають, ни баяцца марозу*** [2: 495].

Сема 'снег' во внутренней форме этих диалектизмов обобщена до символического значения времени года вообще, поскольку в славянской мифологии любая птица – атрибут небесного мира, прежде всего солнечного света, четырехликого (4 времени года) славянского бога солнца – Хорса и райской теплой страны Ирия, находящейся за

небесным морем [9: 308]. Но снегирь не летает в Ирий, а остается зимовать, поэтому его временной «кусочек» ограничен снежным периодом: конец осени – начало весны. Вот почему в русских пословицах снегирь – вестник как снегопадов и вьюги, так и весенней оттепели: *Запел снегирь – быть вьюге; Снегирь зимой поет (скрипит) на снег; Свистит снегирь – скоро зима будет* [3: 90, 332]. *Зимой снегирь поет на снег, вьюгу и слякоть // Снегирь под окном зимой зачирикает – к оттепели* [4: 438]. Интересно, что призывая в первых числах марта весну, в Брянской области пекли из теста не только традиционных жаворонков, ласточек, но и снегирьков с раскрытыми крыльями [5: 741].

2. Снегирь – ‘Рождество’. Это символическое значение мотивировано семой ‘красный’ в названиях вятских и среднеуральских орнитонимов *красногрудик (красногрудка) и краснозобик (краснозобка)*: *К нам на рябину прилетели красногрудики; Кинь красногрудикам конопляных семечек; Красногрудики прилетели к зиме; Краснозобиков много сидит на рябине* [8: 117].

В славянской мифологии красный в диапазоне всего оттеночного ряда от желтого до коричневого – главный цвет, т. к. обозначал солнце [1: 640–651], и закрепился в солярной символике, например Рождества, когда солнце поворачивается на лето. В диалектной лексике это значение отражено в многозначном смоленском слове *снегуруша* с двумя связанными метонимией значениями: 1) снегирь и 2) святочная песня [11, т. 39: 96]. Слово *желун* [11, т. 9: 120] не выбивается из «сценария» символизации солнца, но мотивирован уже семой ‘желтый’ (прасл. корень *žьlъ). Среди однокоренных диалектизмов – в основном названия желтухи: уральские *желуха, желунá, желуника, желуниха*, ярославское *желунца*. *Желун* – это, вероятно, желтоспинный

снегирь, у которого и спинка и брюшко желтого цвета. Сегодня его ареал узок – зона западных Гималаев. Остается лишь гадать, как в 1892 г. он был замечен на Вологодчине.

Неоднозначна мотивация слова *жула́н* (Урал, Сибирь, Вятская обл.): *Я зимой жуланов ловлю решетом...У которого жулана зоб не так красен, а желтоват, – дак это мужичок, а с красным зобом, то женка* [11, т. 9: 225]. В.И. Даль считает это слово заимствованным из калмыцкого *dzulan* – ‘лиственной зеленой чай’, который в Сибири ввозили из Китая [14, т. 2: 65]. *Жуланами* или *жуланчиками* называли не только снегирей, но и других небольших птиц с желто-красными перьями: синичек и сорокопутов. Однако мотивация может быть обусловлена и глаголом *жула́ть* (‘желать’), зафиксированным в Ярославской обл. *Жуланый* – значит желанный [11, т. 2: 225]. Следовательно, *жулан* – тот, кого желают: «солнечные» птицы приносят в дом удачу.

3. Снегирь – ‘жених’. В славянской символике красный – цвет крови и неотъемлемый элемент свадебного обряда. В свадебном костюме невесты поверх платка надевали красную фату или накидку [1: 648], а у жениха была красная рубаха, вышитая золотыми нитками. На белой рубахе вышивка обязательно была красная. Свадебная символика актуализирована в смоленских словах *снеги́рюшка*, *снегурю́ша*, включенных в контекст поэтического олицетворения: *Что же ты, снеги́рюшка, не женишься?* [11, т. 39: 95]. В смоленской свадебной песне: *Те не полно, белый снежок, На сырой земле лежать? Не пора ль тебе, снегурю́ша, Жениться выходить? Ты бери себе, снегурю́ша, Цыганскую дочь* [11, т. 39: 97].

Косвенно значение жениха, молодого парня в цвете лет, подтверждается фактом существования в XVI в. мужского имени Снѣгирь Левинь.

Неоднозначно трактуется внутренняя форма уральского слова *краснозёл*: *краснозел* – *пташка*, а по ей *красные перышки* [11, т. 15: 182]. Источниками мотивации, по-видимому, являются сразу два корня: *красный* и др.-рус. *зълъ* ‘сильный’ [14, т. 2: 92]. Так сема ‘красный’ получает новое семантическое расширение – ‘сила, удаль’ – и новое символическое значение. В.В. Колесов писал, что единство двух корней «порождало национальные формы ментальности» [6: 444].

4. Снегирь – ‘сила, озорство, игра’. Фольклорная персонификация снегиря как удалого парня говорит о новых символических значениях, не противоречащих мифологеме огня как жизненной силы, – семах физического здоровья и озорства, свойственных молодым. Так калужское слово *снаги’рь*, вероятно, мотивировано древнерусским словом *сна́га*, имеющим разные оттенки значения ‘удальство’. На Украине и южных областях России это ‘физическая сила’ [14, т. 3: 696]. Интересно, что та же «огненная» коннотация и у сербохорв. *сна́га* (‘сила, тело’). В центральной и северо-западной России больше акцентирована сема озорства: ярославское слово *снаголо́вец* – ‘озорник’, ‘задира’, ‘непоседа’: *Снаголовец парнишко, хоть за все на его кричи; Любила я этого снаголовца, забавный он был*. В Пск. и Твер. глагол *снаголо́виться* значил ‘безобразничать’ [11, т. 39: 81].

Костромское слово *гиль* (*гильмо́*) тоже называет снегиря. Этимология слова не прояснена. Во-первых, у славян (польское *gil*, *giel*, чешское. *hýl*, словацкое *hýl*) оно может быть заимствовано из средневерненемецкого *gel* («желтый»). Тогда этот диалектизм мы смело можем поставить рядом с *краснозобиком* и *жуланом* с символическим значением ‘солнце’ [14, т. 1: 406]. Во-вторых, мотивировать *гиля* мог глагол *гилить* – ‘смешить, острить, балагурить’ [11, т. 6: 171] или, как фонетический вариант, *га́лить* с тем же значением во многих северных или

центральных областях России. Интересно, что слово *гильщик* в южных говорах обозначало человека, подающего мяч в игре (в пермских – *залильщик*), а *гилка* – палка, которой били мяч [11, т. 6: 111-112, 171].

Итак, семы 'снег' и 'красный' мотивируют большинство диалектных названий снегиря. Их переосмысление в контексте мифологического мышления определяет несколько символических значений, так или иначе связанных с солярной либо гендерной свадебной семантикой. Снегирь – символ 1) зимнего (точнее, снежного) времени; 2) Рождества; 3) жениха, 4) удали, игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова О. Красный цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. 704 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари. Астрель АСТ, 2003. 608 с.
3. Бондаренко Э.О. Праздники христианской Руси. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1993. 416 с.
4. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: Русский купец и Братья славяне, 1995. 560 с.
5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик. 912 с.
6. Колесов В.В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 438-452.
7. Маркина Л.В. О семантике бранных обозначений человека в современной диалектной коммуникации // Филологический сборник в честь юбилей профессора Л.И. Осиповой. М.: МГПУ. С. 95-102.
8. Областной словарь вятских говоров / под ред. В.А. Бердинских. Т. 5. Киров: Коннектика, 2012.
9. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке. Коллективная монография. М.: Книгодел. С. 306-320.
10. Потеня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
11. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина. Л. Вып. 1-46. Вып. 16. СПб.: Наука. Лен. отделение, 1980. 376 с.
12. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 25. М.: Наука, 2000. С. 247.
13. Толстой Н.И. Славянские мифология // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллитс Лак, 1995. С. 5-26.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
15. Якушевич И.В. Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2012. № 1 (230). С. 85-91.

Содержание

<i>От редакционной коллегии</i>	3
Фурашов В.И. Николай Николаевич Прокопович (1901–1972):.....	7
Пименова М.В. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в работах Н.Н. Прокоповича.....	21
Абрамова Е.А. Особенности семантической композиции рассказов С. Никитина.....	27
Алексеев А.В. Древнерусский термин как синкрета.....	33
Алиев Т.А. О классификация латинизмов в современном русском языке.....	37
Арискина О.Л. Концептуальная метафора «жизнь-дорога» в письмах игумена Никона Воробьева.....	44
Баранова Т.А. Расширение значения слова <i>вещь</i>	50
Богданова-Бегларян Н.В. Ошибка и оговорка: размышления об аномалиях / речевых сбоях в спонтанных монологах на родном и неродном языках.....	52
Ваджибов М.Д. Дистрибутивные особенности звуков в табасаранской фонетической синтагме.....	58
Величко А.В. Коммуникативная вариативность фразеологизированных предложений.....	64
Владимирова Т.Е. Русская ментальность в эволюции индоевропейских языков (на материале грамматической категории безличности).....	68
Геймбух Е. Ю. Название повести С. Довлатова «Заповедник»: символическое и реальное.....	74
Герасименко И.А. Обиходно-разговорная и книжно-литературная речь в современном мультипликационном дискурсе.....	76
Гик А.В. Паронимическая аттракция как способ создания поэтического текста.....	85
Девятова Н.М. Точка зрения и способы ее оформления в тексте..	87
Дубова М.А. Мыслительная деятельность персонажа как компонент характеристики его языковой личности (на материале рассказа И.А. Бунина «На хуторе»).....	94
Загуменнов А.В. Союз <i>яко</i> в придаточной части сложноподчиненного предложения со значением сравнения в двух текстах Федора Иванова (на материале «Письма...» и «Челобитной...» 1666-го года).....	100
Иванчук И.А. Синтез книжности и разговорности публицистического стиля Ивана Грозного как отражение русской ментальности государственного управления (экспрессия дипломатических документов, ораторская речь, свидетельства иностранцев).....	105

Ивашина Н.С. Явление энантиосемии в диалектных номинациях мифологических персонажей.....	113
Карташкова Ф.И. Пресуппозитивная семантика английских фразеологизмов.....	119
Качан О.Г. К вопросу о синкретизме целевого значения: цель с оттенком назначения (на материале современного белорусского литературного языка).....	122
Килина Л.Ф. О грамматическом статусе слова <i>любимый</i> в древнерусском языке.....	128
Козлова А.Ю. К вопросу об источниках реконструкции зарайских говоров XIX в.....	134
Колесникова С.М., Ли Дунсюэ. Текст русского романса как отражение русской ментальности: средства репрезентации смысла.....	140
Королёва И.А. Формы личных имен в речевой коммуникации.....	154
Королькова А.В. Ключевые слова русской афористики XVIII века. Парадигматический аспект.....	162
Красина Е.А., Рыбинок Е.С. Вербальный компонент поликодового кинотекста сериала Ю. Грымова «Казус Кукоцкого»...170	
Кузина М.А. Отрицательная коннотация у экзотической лексики как результат функциональной ассимиляции в языке-реципиенте (на материале англоязычных СМИ).....	174
Кузнецова Е.А. К вопросу о специфике названий сёл во Владимирской области.....	178
Лаздина М.Ю., Григорьева Т.В. О возможности отнесения лексемы <i>рейтинг</i> к ключевым словам современности.....	183
Лазуткина Е.М. Синтагматика и парадигматика как метод семантического анализа.....	187
Ланская О.В. Дом в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»...196	
Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. Когнитивно-перцептивные оппозиции и их языковая репрезентация как маркеры английской ментальной реальности.....	201
Маковский А.О. Деривационные особенности номинаций английской этимологии в русском и белорусском языках.....	207
Маркина Л.В. Репрезентация агрессивных проявлений в отношении детей в русском диалектном дискурсе.....	214
Меркулова И.А. Количественная сочетаемость связанных корней в русском языке.....	220
Миргородская А.Ю., Серебряк М.В. О принципах организации взаимосвязи между единицами лексикографического описания.....	227
Муратова Е. Ю. Роль фонетических и грамматических средств в создании образности поэтического текста.....	233
Одинцова И.В. «Соборность» как доминанта русской языковой ментальности (в аспекте лингводидактики).....	240

Панкратова М.В. Цветовые лексемы в метафорах С. Есенина.....	245
Панкратьева Е.С. Книжная эмблема как источник изучения исторической фразеологии.....	250
Пастернак П.Д. Прецедентные имена со сферой-источником «античная литература и мифология» в подростковом детективе на английском языке.....	255
Петров А.В., Петрова Л.А. Составные слова со значением эллиптической плюральности в русском языке.....	260
Приходько С.А. Конклюзивность экономизма как сторона полемиического дискурса В.И. Ленина: коммуникативно-прагматический ракурс (на примере книги «Материализм и эмпириокритицизм»).....	266
Романова Т.В., Чистякова В.В. Оценочное употребление лексем <i>янтарь, янтарный</i> в русской поэзии начала XX века.....	271
Русанова О.С. Устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентом <i>делать</i> в современных и старорусских деловых текстах.....	277
Рыкин Е.Ю. Выражение мелиоративных и пейоративных оценок в древнерусском тексте с помощью сочетаний с творительным падежом ограничения.....	280
Рылов С.А. Синтаксические инновации в русском простом предложении (на материале медиатекстов последнего десятилетия XXI века).....	286
Саркисян О.Б. Топоним «Суходол» как средство объективации концепта «пространство» в языковой картине мира автора (на материале I главы повести И.А. Бунина «Суходол»).....	294
Сирота Е.В., Парахонько Л.В. Специфика репрезентации концепта «страх» в русской языковой картине мира.....	300
Склярченко Р.В., Гаврилова Д.М. Лингвостилистические особенности несобственно-прямой речи (на материале романа Джейн Остен «Разум и чувство»).....	311
Склярченко Р.В., Соколова А.С. Семантико-стилистические особенности синтаксического перечисления (на материале рассказов Ф.С. Фицджеральда).....	316
Смирнова Л.Г. Парадигматические и синтагматические отношения языковых единиц, выражающих оценочное отношение говорящего.....	320
Соколова О.И. Вопрос о месте пояснения в системе обособленных членов предложения.....	326
Старостина Т.В., Козлова А.Ю. Антропонимия памятников деловой письменности Григорьевской волости Перевицкого стана Рязанской губернии XVII-XVIII вв. в диахроническом аспекте.....	331

Сунь Сяоли. Функционирование хезитативного маркера <i>это самое</i> в русских художественных произведениях и способы его перевода на китайский язык.....	336
Усманова Л.А. Оценочный диапазон наименований природных явлений в мемуарной прозе И.А. Бунина.....	342
Федорченко Е.А. Лингвориторический потенциал местоименного слова в миниатюрах В.В. Розанова (на материале цикла «Уединённое»).....	344
Чекина А.А., Садова Т.С. Лексическая пара <i>немка – немочка</i> в функции выражения этнокультурного стереотипа (на материале текстов русской литературы и публицистики XIX века).....	350
Черникова Н.В., Иванова Е.С. Слова <i>яблоко, яблоня</i> и их производные в русской фразеологии.....	358
Шетэля В.М. К вопросу об истории двух единиц польского происхождения в русской речи.....	363
Юдкин-Рипун И.Н. «Антиэмфаза» как выражение неопределенности в построении драматического текста.....	368
Южакова Ю.А., Сомова М.В. Анимализмы в лирике С.А. Есенина.....	374
Юркина Т.Н. Лингвофилософские и логические основы высказываний с семантикой мотивации в русском языке.....	380
Якушевич И.В. <i>Снегирь</i> : символическое значение диалектных слов.....	385
Содержание	391